

МЭТТЮ СТОКОУ КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ

HOLLYWOOD

BAR "EXTREME HORROR" 18+

Его зовут Джек. Парень он, безусловно, везучий: жена — проститутка, лучший друг — конченный героинщик. Да и у самого Джека по венам курсирует больше веществ, нежели крови, да и из месяца в месяц за ним тянутся долги за съемную квартиру. Впрочем, чего еще ожидать от работника в пончиковой забегаловке, «альфонса», который ежедневно задротит телешоу про жизнь звезд. Он знает все о детях Голливуда: кто сколько заработал, кто на ком женился, кто с кем подрался во время церемонии. Зависть прожигает нутро Джека похлеще хлорной извести, он всегда мечтал стать частью звездного мира. И вскоре ему удастся прикоснуться к его вратам, к их блестящим ручкам. Но не тут-то было. Жену-потаскуху убили, кто-то выпустил ей внутренности, накончал в брюшную полость и выбросил труп в канаву. На хвост сел коп по имени Райан, тот еще садист, шантажист и вообще мутный тип. Ну не капец ли? Одиссея, полная секса, наркотиков, кровавых убийств и шокирующих открытий только начинается. Идеальное начало романа классика современной контркультуры, не так ли?

Мэттью Стокоу

" Красивая жизнь "

Глава первая

Ветер с океана принес с собой теплый дождь. Он бомбардировал Оушн-авеню¹, отражая в каждой капле свет неоновых вывесок отелей и магазинов, а затем стекал в придорожные канавы вместе с мусором. В Пэлисайд парке стоял толстый бродяга и что-то разглядывал у себя под ногами. Он держал голову под таким углом, что напоминал повешенного. Бродяга слегка покачивался, я даже мысленно представил веревку, тянущуюся от его шеи к небу. Я припарковался у тротуара, у меня мелькнула мысль, вдруг он нашел то, что ищу я.

Было трудно что-либо разглядеть, свет натриевых ламп уличных фонарей не слишком хорошо освещал проезд на парковку, а очертания бродяги сливались с тенью от кустов гибискуса. Я прищурился, протер глаза от дождевой влаги, и увидел, как бомж топнул ногой. Сотни желтых брызг, казалось, вылетели прямо из-под земли. Я расслабился – дебил просто стоял в луже и топтал собственное отражение. Каждый раз, когда поверхность воды переставала колыхаться, бродяга топал ногой, словно ему очень не нравилось увиденное. Возможно, это был символический акт саморазрушения. А может, он просто забавлялся. Мне же стало грустно. Не потому, что его поведение выглядело ненормальным, а потому, что я легко представил себя, делающего этот последний шаг. Который отделяет нормальную жизнь от мира, где лужи хранят такие важные секреты, что ты ради них готов часами стоять под дождем.

Я взгляделся в крошечную тьму за спиной бродяги и увидел там человеческие тела. Но

они все были живы, если такое слово вообще применимо к обитателям ночной улицы Калифорнии. Бомжи искали любую возможность отдохнуть, они валялись под деревьями, под скамейками, завернувшись в картонные коробки и мешки для мусора. Чем дальше я смотрел туда, тем больше бродяг мне удавалось разглядеть — куски мрака постепенно распадались на силуэты жалких человеческих тел. Они испытывали на прочность собственные кости, пытаясь найти неестественные позы, в которых смогут расслабиться. Иногда на фоне стеклянной бутылки вина загорался оранжевый свет сигареты.

Бездомные люди: пьяницы, торчки, опустившиеся проститутки, убежавшие из дома подростки, бывшие и настоящие воры, — их всех поглотило мрачное жестокое отчаяние. Всю жизнь они проводили на этом засранном собаками газоне. Здесь они пили, торчали, трахались и рассуждали, чего бы добились, сложись все по-другому.

Да, блядь.

Маленький последний шаг.

Совсем не трудный.

Я отъехал от тротуара и не торопясь направился на юг. Размеренно работали дворники, дождь стекал по окнам сплошным занавесом, издавая чавкающий звук. В машине было уютно, стальная клетка с кожаным салоном защищала меня от этого города.

Справа, на тридцать футов ниже парка, располагался пирс Санта-Моника. Он пронзал океан, словно огромная игла. Палатки с гамбургерами уже закрыли, карусель опустела, но все огни пирса продолжали гореть впустую. Из-за высокой влажности, вокруг Санта-Моники образовалось неприятное светящееся облачко.

И никаких признаков ее.

Я развернулся, затем срезал прямо на бульвар Санта-Моники. Глупо искать ее здесь в такую ночь.

Было уже поздно, около трех часов ночи, на дороге стало гораздо просторнее. Я курил и вел машину одной рукой, петляя между задними габаритными огнями других автомобилей. С обеих сторон меня окружали здания с рекламными вывесками — пирожные дома, мотели, офисные кварталы. От низких домиков в стиле тридцатых до современных гигантов с зеркальными стеклами. Все они стояли плотным рядом возле пляжа. Где-то после Линкольна², ряд становился значительно реже. Постепенно, с падением цен на недвижимость, уменьшалась и высота домов.

Санта-Моника. Для своих Сэй-Мо. Дружелюбный район Лос-Анджелеса. Сверкающие магазины, модные кафе, Третья Набережная³ с ее заросшими плющом динозаврами и вычурными ресторанами. Все спланировано так, чтобы людям при деньгах было где разгуляться.

Глаза болели. Прошлая ночь прошла точно также — в скитаниях по улицам. Меня это уже заедало, но уснуть тоже не получалось. Я проклинал Карен, себя и вообще всю нашу гребаную совместную жизнь. Она и раньше часто пропадала, но на этот раз у меня было нехорошее предчувствие.

По моим подсчетам, прошло уже восемь дней. Я не знал, как это понимать.

И мое предчувствие...

Санта-Моника плавно перешла в Западный Лос-Анджелес — ни указателей, ни границ. Слишком поздно для поиска клиентов, здесь вся активность заканчивалась уже к двум часам ночи. Но, возможно, она попыталась подцепить пьяного возле одного из клубов на центральной улице.

И вот я в Голливуде.

Подсветка приборной доски излучала уютную оранжевую ауру. Она словно говорила мне, что все пройдет без сучка без задоринки. Хотелось бы мне в это верить. Карен не было уже слишком долго.

Я постарался сосредоточиться на дороге и отбросить все мысли.

Дождь прекратился.

Ночью Сенчери-сити⁴ выглядел таким же безлюдным, как и днем — офисные небоскребы, большие торговые центры и никого вокруг. Там, на двадцатых этажах, за безупречно чистыми окнами, крутились огромные деньги. Они ждали сотрудников «Уорнер Бразерс», «Фокс» или «Сони», ждали, когда они придут и вложат их в пленку, формирующую жизнь остальных человечешек. Именно здесь оживали мечты всех людей на земле — не в воображении сценаристов, не в студиях Бербанка,⁵ не в офисах Амблин⁶ в «Юниверсал сити Плаза», а в самой этой гигантской машине, приносящей миллионы «зеленых».

Мечта. Фабрика грез. Большинство обывателей думали, что это просто индустрия развлечений, законодатель мод и стиля жизни. Большинство приходили домой из кино и говорили: «Вау, круто. Этот парень такой клевый. А эта чикса такая секси. А какой дом большой. А ты видел ту гребаную тачку? Но это все фигня, всего лишь кино... В жизни так не бывает».

Но я-то знал. Знал, как оно на самом деле. Фильмы — это окна в реальную жизнь, а не ее искажение — они показывают, как надо жить. Остальное просто огромная река дерьма.

Звезды кино смотрели с рекламных щитов, они были в десять раз больше всех, и во столько же раз реальнее — единственные, у кого есть все. Если и был на свете бог, это были его любимые дети.

Я пересек границу Беверли-Хиллз. Тихие широкие улицы блестели после дождя. Ряды высоких пальм, тянувшиеся вдоль идеально ровных бордюров, отражались на мокрой глади идеально ровных дорог. А в садах особняков листья деревьев в мягком свете фонарей создавали уютную и дружелюбную атмосферу. Эти люди действительно жили как в кино.

Мимо меня пронесся длинный блестящий лимузин с открытыми тонированными окнами. Внутри темноволосый красавец говорил по мобильнику, две блондинки с силиконовыми сиськами прижимались друг к другу. Люди с рекламных щитов — их одежда, тела выглядели гораздо ярче моих, их фигуры были гораздо лучше подчеркнуты в свете настенных фонарей. Совсем не похожи на «белый мусор», спиков, ниггеров и бродяг, что составляли большую часть Лос-Анджелеса, они многое значили для других людей.

Деньги — часть архитектуры этого города, и с этим приходится смириться, закрыть глаза, чтобы спрятаться от его великолепия. Но иногда осознание невозможно игнорировать, оно встает на дыбы и бросается тебе прямо в лицо. Словно желая убедиться, что ты не забыл, что все по-прежнему при тебе — паспорт, награда, и возможность, которой некоторые, особенные люди, могут добиться.

Я не мог оторвать глаз от лимузина, смотрел, как его габаритные огни уходят в ночной мрак, полный тайн и возможностей. Все, чего я хотел в этом мире — быть вместе с этими людьми, тихо ехать в мраморный дворец у морского берега. Стать равным им, обладать такими же или даже большими возможностями.

Жить достойной жизнью.

Но мне до этого было еще тысячи световых лет.

Теперь...

Я резко срезал на север, в сторону Фэрфакса,⁷ и поехал прямо по Бульвару Закатов.⁸

Говорят, в семидесятые здесь было лучше, но мне тогда было всего пять, и жил я в другом месте. Яркие фасады, электрические вывески с известными названиями — «Рокси», «Вайпер Рум»⁹, «Виски-гоу-гоу». Здесь Джонни Депп, Дэн Экройд и многие другие любили собирать самых близких друзей. Именно здесь умер Ривер Феникс, а делегаты из других штатов, надев клетчатые рубашки, любили напиваться и цеплять шлях. Карен часто тут отиралась. Клиенты в туристических местах приносили неплохие деньги, люди тут богатые. И еще хорошая отговорка, чтобы не приходиться домой.

Возле клубов толпились кучки гостей штата Калифорния, одни уговаривали швейцаров пропустить их, желая выпить последнюю рюмку, другие стояли и ждали такси, мысленно находясь уже дома. Прошедший дождь уничтожил весь бизнес, что мог появиться здесь этой ночью, улица почти обезлюдела. Если сегодня и оказывали секс-услуги, то это делали соответствующие организации — один телефонный звонок и такси подъедет к отелю или частному дому.

Я поехал дальше, на север в Фэрфакс по самой известной улице на Западе — Голливудскому бульвару.

Когда-то звезды были черно-белого цвета, наверняка они выглядели чистыми и вселяли надежду. Они сверкали, привлекая всеобщее внимание. Коулман, Флинн, Кроуфорд и многие другие, кто сделал Америку хитом всего мира. Толпы приезжих, шумевшие возле Китайского театра,¹⁰ тоже чувствовали себя частью этого успеха. Тогда в этой стране все неамериканское считалось некачественным, а индивидуальные достижения одного отражались на всех остальных.

В конце девяностых бульвар превратился в сверкающий кошмар, охваченный суетой. Рестораны, что когда-то захватили воображение всей нации, куда ходили на свидания селебрити, давно уступили место магазинам футболок и солнцезащитных очков. Их витрины испачкали отпечатками рук, а яркие звезды заляпали жвачкой. Успех легко мог полететь под откос, а вот индустрия всегда оставалась незыблемой и продолжала распространять свое влияние.

Но это по-прежнему был Голливудский Бульвар. Визитная карточка, вершина айсберга калифорнийской легенды, которая освещала все мелкие города мира. Она обращала в прах все их прошлые достижения, одним своим существованием показывая, что есть на свете место, где живут лучше всех.

Иногда Карен приходила сюда подзаработать или потусоваться. Или подыскать богатенького гостя Лос-Анджелеса, и поработать на нового «папочку» пару дней. Но теперь было уже поздно. Да и опасно. Мне следовало начать поиски много часов назад, но я задержался у океана — меня не покидало предчувствие, что Карен блюет в одной из хижин для пикников на пляже Венеции,¹¹ курит косяк и напивается с кем-нибудь, кто решил составить ей компанию. Я чувствовал себя глупо, лишь впустую потратил время.

Ехать от Голливудского Бульвара до пляжа Венеции недалеко, мне следовало сразу на всякий случай проверить пляж, но я уже слишком устал. Куда бы Карен не запропастилась, рано или поздно она притащит свою задницу домой.

Шоссе, ведущее в Санта-Монику, уже опустело. У меня болели глаза, от сигареты пересохло в горле. Я купил охлажденную кока-колу в аппарате рядом с мотелем и принялся

глотать прохладную жидкость, пока глаза не заслезились. Кола, влажный ночной воздух, засыпающий город. В этот момент, в этот миг, в этот временной разрез микронной толщины, я чувствовал себя свободным и от прошлого, и от настоящего — только едкий привкус во рту и ощущение свободы и покоя. Я был один, а большинство людей спали.

Через пять минут я снова ехал по дороге, сахар с кофеином немного взбудрили меня и придали сил. Но смотреть было не на что, так что я принялся мысленно напевать мелодию из рекламы парфюма «Кельвин Кляйна».

Подъезжая к Франклин-авеню¹² я снова начал внимательно разглядывать окружающее пространство. Поворот с бульвара Санта-Моники на океан опустел, меня очень обрадовало, что не придется делить дорогу с другими водителями.

Спина болела, я откинулся на спинку сидения. Обивка мягко ласкала мои уставшие плечи. Руль хорошо ложился в руки. «Хонда Прелюд», пять лет, совсем небольшой пробег, и ни единой царапины. Не «Порше», конечно, но жаловаться не приходится. Повезло, что вообще машина есть.

Месяц назад мой незастрахованный «Форд» угнали, единственный шанс вернуть себе персональный транспорт — это мыть грязную посуду, работать в две смены, и надеяться, что соберу достаточно денег до начала рабочего дня, и какой-нибудь сидящий сзади псих меня не убьет. Возможно, Карен тоже могла бы вложиться, но я ее не просил. К тому времени она вообще перестала вносить деньги в семейный бюджет — все, что она зарабатывала проституцией, уходило на наркоту и вечеринки. К тому же машины ее не интересовали, у Карен не было водительских прав.

Но оказалось, я рано списал ее со счетов. Ей была не чужда особая необъяснимая щедрость.

Оушн-авеню. Оставался час до рассвета. Слабый свет уже просачивался сквозь темное небо. Облака, что принесли ночной дождь, теперь стали видны отчетливее. Слишком поздно, чтобы ложиться спать. Я решил еще раз проверить парк и, наверное, пляж под ним. А затем вернуться в Венецию, принять душ, и глотнуть какую-нибудь химию, прежде чем заступить в свою смену в «Донат Хейвен».

Но все пошло не так.

Проезжая мимо камеры-обскуры¹³, я услышал вой сирены. Через две секунды из-за поворота выскочила «скорая», заглушив все вокруг своей светомузыкой. Какое-то время она держалась наравне со мной на расстоянии нескольких ярдов. Затем обогнала, перестроилась на мою полосу и рванула вперед.

Для меня эта «скорая» ничего не значила, я видел сотни таких, еще когда только приехал в Лос-Анджелес. Скорая проехала еще четверть мили, я проследил ее направление. У меня возникло плохое предчувствие, теперь я не мог просто проигнорировать ее, как часть чужого несчастья.

Я заметил движение на краю парка, расположенного напротив бульвара Сан-Винсент, он отделял от города прибрежную территорию. Там уже стояли две полицейские машины, они превратили улицу в съемочную площадку своими мигалками. Вокруг двигались темные силуэты людей, их фигуры подчеркивал яркий красно-синий свет. Листья деревьев колыхались на свету, словно дул сильный ветер.

Парамедики притормозили, объехали тихие уютные аллеи, и припарковались рядом с полицейскими, добавив еще света мигалок.

Мне хотелось развернуться и поехать домой, я не горел желанием узнать, что заставило

эти спасательные группы приехать на парковку, расположенную у обрыва на западном побережье страны с трехсот пятидесяти миллионным населением. Но я поступил иначе. Мне нужно было узнать, не нашли ли они то, что я искал всю ночь.

Я оставил «Прелюд» чуть севернее сборища и спустился вниз пешком.

Окраину парка полностью засрали, бродяги приходили сюда ширяться — грязный участок земли безо всяких дорожек, испрепеченный оврагами и низинами. Он плавно поднимался вверх, к скалам. Деревьев здесь было мало, но росло много густых кустов. Повсюду валялись объедки из закусовых и засохшее дерьмо.

У обочины собралась небольшая толпа отбросов общества из парка и любителей бегать по утрам, они стояли, согнув шеи и пытались разглядеть что-то в канаве глубиной не более пяти футов, которая тянулась от дороги в парк. Но им не повезло. Полиция оцепила место преступления. Стражи порядка растянули вокруг канавы желтую ленту и развесили громадные полиэтиленовые мешки между двумя кустами, чтобы никто ничего не увидел с улицы. Идти вверх, вниз или под углом к Оушн-авеню было одинаково бесполезно. Глубина канавы и кусты, что росли с обеих сторон, почти полностью загоразивали вид.

За полиэтиленовыми мешками мелькал свет фонариков, отбрасывая на них тени полицейских — сутулые плечи, поднимающиеся и опускающиеся руки, сжимавшие сигареты между пальцами. Чтобы не привело их сюда в такой час, оно лежало у их ног и, поскольку парамедики сидели на ступеньке позади «скорой» и пили чай из термоса, оно наверняка погибло.

Я немного постоял рядом с людьми, подслушал разговоры, надеясь получить хоть какую-нибудь информацию. Никто не знал, что произошло, но все понимали, что значит желтая полоса. А еще они знали, что если подождут подольше, то что-нибудь вынесут в мешке. Но меня это не устраивало, я не смогу разглядеть лица.

Но оставался один простой вариант. Парочка копов следила, чтобы никто из зевак не смог подобраться близко, но они охраняли место преступления только со стороны улицы. Поэтому... я прошел двадцать ярдов южнее, свернул в кусты, и сделал крюк поглубже в парк, чтобы подобраться к канаве со стороны, не закрытой мешками. Это заняло много времени, мне часто приходилось ползти, чтобы голова скрывалась за кустами, и избегать при этом оставленных кучек говна. Но, в конце концов, я подобрался прямо к ленте, последние десять ярдов прополз на брюхе. Из прогалины между кустами открывался хороший вид.

Стены канавы укрепили бетоном, чтобы провести желоб к устью дрена. Из пасти большой трубы вытекал маленький ручеек. Струйка обтекала ботинки четырех полицейских, они стояли и шутили между собой. Все они были в форме, лежащее в ногах тело их не слишком беспокоило. Я решил, что они просто убивали время, ждали приезда детективов.

На земле лежало... все оказалось хуже, чем я думал.

Некоторое время я просто лежал и смотрел, как вода омывала это, а затем медленно отполз той же дорогой.

Отполз с места, где лежала моя мертвая жена.

Я вернулся на улицу. Листья парка приобрели красный медный оттенок в свете восходящего солнца, небо переливалось во всех спектрах пастельных красок, пока не приобрело характерный синий цвет. Полицейские продолжали шутить, их смех хорошо слышался в теплом воздухе. Он напоминал животное фырканье.

Я ехал обратно в Венецию, вокруг меня пробуждался мир.

В моей голове сформировалась картина, детально прорисованное порно.

Глава вторая

Шоссе идет параллельно Оушн-Фронт-Уок, нужно проехать всего один квартал. Здания, стоящие вдоль пляжа, высотой в несколько этажей, поэтому океан можно увидеть, только переходя поперечную улицу. Дома и жилые застройки, что расположены подальше от торговых зданий у пляжа, давно выцвели на солнце и покрылись солью, они сильно воняют и завалены мусором. Не гетто, но здешние фото не часто попадают в журнале «Архитектурал дайджест».

Венеция известна как забавное и эксцентричное место, где обитает много фриков контркультурщиков. Но, как и в случае с бульварами Закатов и Голливудским, это лишь пиар, с целью привлечь побольше туристов. На самом деле Венеция очень разная. «Богемия» для артистов, кишит людьми, помешанными на модернизме, обычно их зовут «яппи». «Песчаные корни» для ребят старой закалки, которые жили здесь всегда. Аккуратное чистое место, стоит взять его на заметку, если собираешься стать селебрити. Так здорово смотреть на женщин, катающихся на роликах по выходным.

Что касается меня, когда я приехал сюда, здесь царила атмосфера возможностей. А какие цвета — синий океан, белые стены, крыши из красной черепицы, теплый воздух, пышная растительность, и все это начинается прямо у твоего порога, и тянется по океану до самого Китая. Все это казалось мне олицетворением моей жизни — оптимизм, яркость, движение, успех.

Я прожил здесь два года, и не могу назвать их счастливыми.

Я припарковал машину между двумя мусорными контейнерами — и просто сел, закрыл окна, и заглушил мотор. Я полностью абстрагировался от бормотания и деятельности других людей. Даже если бы вокруг меня начался бунт, я бы этого не заметил. Все мои мысли занимало увиденное в парке.

Я сразу узнал Карен, хотя она, конечно, сильно изменилась.

Она лежала лицом вверх, мерзкая и раздувшаяся, как все трупы, что я видел по телевизору. Я всегда представлял, что мертвое тело вызовет у меня более ужасные чувства, чем забрызганные кровью актеры в шоу про полицейских. Но тело Карен потеряло свой цвет, ее кожа напоминала бледную субстанцию, она стала похожа на имитацию трупа, что показывали по телевизору.

Карен была голой. Совсем. Она словно застыла во время танца. Ноги раздвинуты, одна рука на животе под грудями, другая отброшена в сторону под прямым углом. Глаза закрыты, но открыт живот. Разрез начинался от грудины, проходил через пупок, и заканчивался в двух дюймах от лобковой кости. Там прошили горизонтальным швом, словно из ее брюшной стенки хотели сделать крылья. Похоже, еще вырезали часть левого «крыла».

Я долго сидел в машине, приводя в порядок чувства. Наконец сдался, я не мог справиться со своими душевными метаниями. Вместо этого я представил, как легко было бы вытолкнуть Карен — просто остановиться, открыть дверь и вытолкнуть. Она бы сразу исчезла. Я представлял, как бы она упала, как ее ноги небрежно раздвинулись бы в стороны.

Я решил, что никогда не смогу забыть ее лица, люди по телевизору всегда говорили такое, когда теряли тех, кто дорог. Но стоило мне подумать о Карен, я видел воду в сточной канаве, которая текла у нее между ног по мокрому бетону.

Квартира осталась прежней. Такой же, как всегда. Второй этаж дома с облупившейся штукатуркой, построенного в пятидесятые. Одна комната с кроватью и диваном, кухня и ванная отдельно.

Здесь пахло затхлостью. Я бы открыл окно, но тогда бы мне пришлось впустить сюда весь остальной мир. А именно этим утром в Венеции, мне нужно было отключиться ото всего.

Я включил видеомэгнитофон и запустил запись последнего ночного выпуска «двадцать восемь кадров в секунду». Это еженедельное ночное шоу, посвященное киносплетням, шло по непопулярному кабельному каналу. Вела его блондинка-панк по имени Лорн. Ей было наплевать на киноновинки, она говорила о людях — актерах, режиссерах, продюсерах. Обо всех, кто богат и связан с киноиндустрией. Отношения, деньги, дома, машины, привычки и предпочтения, зависимости и детоксикации — она была в курсе всего. Я никогда не пропускал это шоу.

У Роберта Дауни младшего были проблемы с наркотиками и оружием, а Дон Джонсон сломал лодыжку. Мимоходом сообщили, что Рэй Лиотта и Мишель Грейс помолвлены, Микки Рурка и Кэрри Отис узнали в Нью-Йорке, выглядели они клево. Голди Хоун¹⁴ поехала в Лондон на премьеру «Клуба первых жен»¹⁵. В аэропорту Хитроу на ней был черный просвечивающий топик, через который виднелись кончики сосков. Ну а в Л.А. в «Доме Блюза», Ноа Уайли и Энтони Эдвардс отрывались на одном из шоу «MTV». Анна Николи Смит¹⁶ писала автобиографию, а Джорджа Клуни разозлили назойливые журналисты.

Запись закончилась. Я хотел запустить следующую, но не мог сосредоточиться — мысли рвались наружу.

Жена, с которой мы жили уже год, погибла, а я даже не рассказал полиции, кем она мне приходится. Другой бы на моем месте уже прорывался через ленту и бессвязно орал о жене, о прекрасных отношениях или просто «О боже мой!»

Но не я.

В голове все время мелькала мысль: копы никогда не нагрянут ко мне в квартиру. Они не придут.

Карен никогда не представлялась моей фамилией, ей это надоело через несколько недель после свадьбы. Она не меняла в своем удостоверении фамилию и адрес. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал ее и где она живет. В Санта-Монике ее никто не знал — она почти всегда зависала в Западном Лос-Анджелесе или Голливуде. Даже если копы найдут того, кто ее опознает, вероятность того, что они выйдут на меня — стремилась к нулю. Мы жили разными жизнями, она никогда не приводила в квартиру своих клиентов. Даже если весь мир встанет на уши, между нами была слишком маленькая связь. И, в конце концов, какое дело Лос-Анджелесу до еще одной мертвой шлюхи?

Мы познакомились в баре. Я жил в Лос-Анджелесе уже год и не слишком преуспел. Дальше вечерних курсов телеведущего, что проводились в маленьких частных киносъёмочных павильонах, я не зашел. Вообще, курсы оказались единственным бизнесом такого рода студий. Я знал, как держать голову так, чтобы не затенялись глазные впадины, я мог быстро читать бегущую по экрану строку и хорошо держал улыбку. Я мог выступать с сильным харизматичным напором, важное качество, без которого не захватить внимание аудитории. Но город не принял меня, мой единственный контакт со зрителями не поднялся дальше сидения на стуле в баре с пивом перед глазами.

Я приехал на запад, находясь в плену обычной мечты: заработать много денег и

наслаждаться жизнью, купаясь в лучах солнца. Но не вышло. Поскольку прыгнуть «из грязи в князи» и стать частью крупной медиа-индустрии мне не удалось, а ничего больше я не умел, тридцатилетнему парню пришлось идти мыть посуду. И никто меня даже не заметил.

Так я получил работу в «Донат Хейвен». Чтобы выжить денег хватало. Я встретил Карен, когда работал в пекарне пончиков уже год. У меня даже горшка куда пописать не было. Я смог закрепиться в Восточном Лос-Анджелесе, вот и все финансовое достижение.

Той ночью Карен работала. Я ни разу не был со шлюхой, но сказал «да», когда она натолкнулась на меня и невнятно пробормотала, что я смогу получить ее, если у меня есть деньги. Почему нет? Когда страдаешь городской депрессией, однажды наступает момент, когда любой физический контакт становится привлекательным. Мы поехали ко мне. Сделав дело, она решила остаться на ночь. Своего дома у нее не было.

Карен, невысокая худощавая блондинка, жила на улице. В свои двадцать два она уже приобрела множество зависимостей. Когда ее не трахали, она спала в круглосуточном кинотеатре или под скамейкой в парке. В первую нашу встречу от нее ужасно воняло, я заставил ее принять душ. Жизнь Карен катилась под откос.

Мне нужна была компания. А Карен место, где она могла перекантоваться и привести себя в порядок, если собиралась дожить до своего следующего дня рождения. Я решил, что мне выпал шанс и воспользовался им. Но и она тоже. Я заплатил ей еще несколько раз, а затем пригласил жить у меня. Она сразу согласилась.

Первые полтора месяца прошли превосходно. Карен перестала выходить на панель, мы гуляли по разным местам, я стал общительнее. Теперь я мог назвать Лос-Анджелес своим домом, а не бесплодной землей наполненной завистью. Карен стала меньше потреблять наркотики и восстановила здоровье. Мы многое получили друг от друга, но обманывали самих себя, назвав сложившуюся ситуацию любовью. И привязались друг к другу еще больше. Мы поженились в выходные. Весь следующий день Карен ходила как громом пораженная, она редко вспоминала об этом.

Карен избегала разговоров о настоящем, но прошлое скрывала еще тщательнее. За год совместной жизни мне удалось узнать только то, что ее папа был полицейским. Она убежала из дома, когда ей исполнилось пятнадцать, и никогда не возвращалась.

Наверное, в ее дерьмовом прошлом скрывалось нечто такое, чему следовало уделить внимание. Возможно, именно оно заставило ее снова выйти на панель. Но причина, скорее всего, в моей бедности, я не мог удовлетворить всех ее запросов.

Настали плохие времена, начало конца. Все началось еще во время свадьбы и не закончилось до сих пор. Если бы Карен была настоящей блядью: циничной и похотливой, что соответствовало ее образу жизни, то я бы просто положил этому конец и бросил ее. Но помимо постоянных исчезновений и траханья с другими мужчинами, она постоянно говорила о любви, твердила, что хочет остаться со мной. Большая часть меня понимала, она просто не хочет терять халявный кусок пироженого и жрать его в три горла. Раздвигать ноги за деньги, обдалбываться, тусить, а под конец возвращаться домой к идиоту, который создаст ей домашнюю атмосферу, где она сможет подзарядить аккумуляторы. Но другая моя часть очень сильно хотела сохранить эту двойственность, я не мог вынести самой мысли о том, что все закончится.

Это оказалось нелегко. Сначала я ждал ее. Первые несколько раз, когда Карен возвращалась с вечеринок, я еле сдерживался, чтобы не ударить ее. Глупец, я наделся, что она бросится ко мне в объятия и скажет, как рада вернуться домой. Но она всегда шла

прямоком в душ и мылась. Я шел за ней и смотрел, как она раздевалась, видел засохшую сперму на ее животе, она напоминала блестящий отслаивающийся шрам. Я еле сдерживался, чтобы не сблевать.

В конце концов, я перестал обращать на это внимание. Словно гигантское насекомое я вырастил хитиновый панцирь вокруг клокочущей внутри меня грусти и перестал ее ждать Карен по ночам. Боль никуда не делась, просто у меня уже не осталось сил активно бороться с нею. На какое-то время я смог разделить эти две сущности: Карен, которая отправлялась на улицу сосать члены, и Карен «жену на пол ставки», которая продолжала твердить, что я ей не безразличен.

Но я все равно чувствовал себя полным дураком. Возможно, мы смогли бы сохранить отношения, оставаясь все без изменений. Но Карен усиливала давление на меня — все чаще выходила на панель не только в «дневную смену», но и каждую ночь в выходные. Она рассказывала о докторе, о полицейском... Под конец Карен стала исчезать на неделю или две безо всяких предупреждений. Ярость разрушала меня изнутри, обычная ревность превратила мою жизнь в царство злобы и ненависти к самому себе. А Карен не переставала говорить, что будет заботиться обо мне, что обязана мне жизнью, что я вытащил ее со дна общества. Но к тому времени я окончательно в этом разуверился.

Когда Карен пропала восемь дней назад, меня охватило плохое предчувствие, мне казалось там не просто вызов на дом, а нечто незаконное, нечто опасное. Но я не стал звонить в полицию. Я сам отправился на ее поиски, скорее из чувства вины, нежели любви.

И я нашел Карен. Смерть, что должна очищать людей перед уходом в мир иной, не изменила моих чувств. Труп жены словно изготовили из резины.

Смерть Карен открыла мне глаза, вся наша совместная жизнь была бесцельной, поэтому я старался не афишировать наши отношения. Теперь никаких неприятностей и поводов для беспокойства.

Восемь дней назад.

Карен пришла после двухнедельного отсутствия и выглядела очень плохо. Ее кожа стала бледнее чем у девочек-готовок, она исхудала, ее волосы потускнели. И еще от нее исходила злобная энергия, она напоминала девочку на вечеринке, который дарит лучший подарок тому, кто ей совсем не нравится. И ведь так оно и оказалось. Она вытащила меня наружу и вручила подарок — «Хонду Прелюд».

Я хорошо знал этот ее взгляд, она хотела обрадовать меня и, черт возьми, смогла. Я даже не задумывался о том, чтобы купить новую машину, подарок смутил меня. Я сказал правильные вещи, которые она хотела услышать, и мы устроили тест-драйв, прокатились до Санта-Моники. По дороге я не мог перестать думать о том, каким сексом нужно торговать, чтобы получить такие деньги за две недели.

Когда мы вернулись в квартиру, Карен растянулась на диване, раздвинув ноги. Ее кожаная мини-юбка задралась. Я начал задавать вопросы, но она потянула меня вниз. Я хотел оттолкнуть ее, хотел ругаться, хотел схватить ее и закричать что-нибудь вроде: «Я не стану пихать свой хуй в твои обкончанные потроха». Но у меня не было секса уже две недели, запах Карен и возбуждение пересилили. Я принялся целовать ее груди сквозь хлопковую майку, моя рука залезла ей между ног. Карен всегда стонала от удовольствия, когда я ласкал ее так, но теперь она молчала, словно чего-то выжидая. И чего же? Я продолжил, стянул с нее трусы, задрал юбку, и ворвался в нее. Я старался не обращать внимания на ее отстраненность. После всего, что между нами было, я не ждал нормального

обмена эмоциями. Просто хотел разрядиться. Я уже привык к безнадежной пустоте в наших отношениях.

Но потом я потянулся дальше ей под юбку, чтобы удобнее обхватить тело, моя рука задела что-то, чего там раньше не было. Распухший остроконечный бугорок. Я замер. Я выдернул руку и заглянул туда. Карен пристально смотрела на меня.

– Что случилось?

– Вот от этого и появляются машины.

От левой стороны животика до спины тянулся двенадцатидюймовый горизонтальный шрам, он пролегал между бедром и ребрами. Шрам уже сморщился и приобрел лиловый цвет, его наполовину зашили черными хирургическими нитками. Мне на ум сразу пришел римейк «Мухи», с Джеффом Голдблюмом, когда у него на спине начали расти мерзкие волоски.

Но это произошло не в кино, и даже не в Беверли-Хиллз. Это уродство точно сделали не для красоты. Оно выглядело как жестокое надругательство. И Карен явно хотела, чтобы я увидел его.

– Что ты имеешь ввиду?

– Я продала почку.

– А?

– Я продала одну из своих почек. Не смотри на меня так, в Индии вообще все так делают.

– Не понимаю. Как ты могла продать почку?

– Ну их же две.

– Я имею ввиду...кто их вообще покупает?

– Доктор.

– Доктор?

– Да, доктор.

Ночной клиент, он лечил шлюх на дому. Она часто его навещала в последние несколько месяцев.

– Ты продала почку понарошку? Это что, какое-то экстремальное садо-мазо, да?

– Так и знала, что ты прикалываться будешь.

– Господи, у тебя есть хоть крупица самоуважения?

– Просто заткнись, блядь, ладно? Это мое тело и моя почка. И пизда тоже моя. Я не могла сказать «нет» тридцати тысячам баксов.

Я на мгновение застыл, не мог ничего сказать. С одной стороны, продавать свои органы было настоящим безумием, но с другой стороны нет. Только не в Лос-Анджелесе. И не для такой как Карен. Тридцать тысяч долларов, в конце концов, немалые деньги.

– И зачем ему почка? Я имею ввиду, что он с ней делать будет?

– Не знаю, отдаст в больницу, наверное. Какая разница? Курить хочешь?

Она полезла в карман куртки, я заметил у нее на руке золотой браслет, которого раньше не видел. На нем было много филигранной работы, он выглядел как антиквариат.

– Боже, какой красивый.

– Это поздравительная открытка¹⁷ от Дока.

– Очень мило.

Карен устало вздохнула.

– Так курить хочешь или нет?

У Карен не было своей стеклянной трубки с набитой в середину металлической мочалкой для посуды. Такую легко везде таскать в кармане, как документы. Но когда снимаешься, с ней легко попасться. Карен делала собственное устройство.

Заполненный на три четверти стакан воды, обтягивался фольгой, которая крепилась с помощью канцелярской резинки. Затем с одной стороны круга делали иглой несколько отверстий, а с другой небольшой разрез в пол дюйма. На фольгу сыпали сигаретный пепел и кусочек крэка-кокаина. Поджигали этот маленький сексуальный вулкан зажигалкой и чистый белый дым бил прямо в голову.

Когда Карен больше не могла задерживать дыхание, она протянула его мне. Я снова наполнил его пеплом и поджог. Прохладный дымок проникал внутрь, мой рот онемел, легкие готовы были взорваться. Выдыхаешь совсем чуть-чуть, и опять засасываешь в себя крэк. Слегка текут слюни. Держишь, держишь... А затем медленно и спокойно выдыхаешь. В этот момент ты морщишься, зажмуриваешь глаза. А потом все вокруг исчезает. И только ты паришь в совершенно умиротворяющей пустоте. Лучше, чем вкусная еда, лучше, чем любовь. Наступает легкая тошнота. Из всех ощущений в мире, крэк для тебя лучше всех.

Удовольствие длится максимум десять минут. Вот и все. Ты падаешь на землю и видишь, что ничего не изменилось. Кишки крутит, челюсти сжимаются, страх нарастает со скоростью несущегося галопом коня. Не самое лучшее состояние, особенно когда тебе недавно удалили почку.

Мы какое-то время не разговаривали, нам слишком сильно дало в голову. Вместо этого мы принялись скакать по комнате. Вставали, садились, снова вставали. Включали-выключали телевизор. Пили алкоголь, что стоял в холодильнике. Несли всякую чушь.

Потом был бурный секс, и несколько минут отходняка от воздействия кокаина. Я повалил Карен животом на стол и вошел в нее сзади, мы оба рычали как звери. От ее задницы пахло дерьмом. Когда мы закончили, то не стали друг к другу ближе.

Карен без юбки и трусов легла на кровать. Сама ее поза демонстрировала равнодушие, она еще раз напомнила мне, как мало я для нее значил. Весь ее вид кричал, что ей теперь наплевать, как я к ней отношусь. В моем присутствии не стоит даже пытаться хорошо выглядеть.

Когда я заговорил, у меня руки тряслись от злости, но через тридцать секунд я разозлился еще сильнее.

– Эта машина первое, что ты мне дала.

– Знаю.

– Компенсация за потраченное время?

Она скатилась с кровати и натянула трусы.

– Это благодарность тебе, Джек. И прощальный жест. Я ухожу.

– Что?

– Мы расстаемся. Сейчас у меня есть деньги, и я могу уехать. Такая жизнь не нужна нам обоим.

– Не верю.

– Я люблю тусить, накуриваться. Мне нравится трахаться за деньги. Это и правда так. А ты живешь в этом дебильном мире телезвезд. Мы не подходим друг другу.

Мир вокруг меня перевернулся. Я вдруг увидел всю комнату плоской и размытой, она стала похожа на фото в высоком разрешении, которое слишком сильно увеличено, чтобы разглядеть в нем что-нибудь. Я застыл на месте, я сразу вспомнил всю глупость, что

совершил в последний год.

Я спас Карен от передоза, предоставил жилище, кормил и одевал. Она гуляла весь год, я каждую ночь просыпался, когда она приходила и шла в душ. Я держался, думал, что в один прекрасный день все закончится, и мы будем жить вместе до конца своих дней.

В глубине души, я, конечно, понимал, насколько абсурдны были мои надежды. Любой сторонний наблюдатель сказал бы мне, что все шло к разладу задолго до того, как у меня появился шанс откупиться. Но когда все идет из рук вон плохо, очень удобно нацепить «розовые очки» надежды на будущее.

Я потерял контроль и ударил ее. Может из-за того, что Карен предала меня, как только у нее появились деньги, может из-за кокаина в крови. Не знаю. А может я просто боялся остаться один.

Карен заорала на меня, я заорал в ответ, мы сцепились и начали по комнате. Меня переполняли отчаяние и злость, я ударил ее еще несколько раз. Это выглядело очень-очень мерзко. Закончилось все тем, что Карен выбежала из квартиры. Из разбитой губы у нее текла кровь. Я не пытался ее остановить.

– Оставь себе гребаную тачку.

Это были ее последние слова.

Я стоял посреди внезапно затихшей и пустой комнаты, лампочка без абажура светила слишком ярко. Через открытую дверь веяло ночной прохладой, ветер принес что-то к моим ногам. Я поднял — мятый кусок бумаги с моим именем — извещение о покупке машины. Мне стало дурно.

Глава третья

Я посмотрел на часы. Было уже поздно идти на работу. Круто. Я и не собирался, у меня имелась уважительная причина — смерть члена семьи.

Смерть. Ее смерть.

Как далеко она зашла? Сколько времени прошло между нашей дракой и ее смертью? Когда ей вспороли живот? Может совсем немного, может ее выпотрошили той же ночью через час или полчаса после того, как она рассерженная убежала из дома. Но тело в парке лежало явно не восемь дней.

Если бы ее убили прошлой ночью, и полиция обнаружила меня, все бы сильно усложнилось — у меня не было бы алиби, я бы не смог доказать, чем занимался после работы.

В морозилке стояли банки из-под бисквита, в них лежали блестящие упаковки и коричневые флаконы с таблетками. Карен получила их один или два месяца назад, убирала мусор в комнате, где доктора из Сан-Диего проводили холостяцкую вечеринку. Куча различных антидепрессантов, но все просроченные. Однако они все еще хорошо действовали. Я проглотил двадцать миллиграмм Валиума. Я думал, не позвонить ли в «Донат Хейвен». Но мне не хотелось объяснять им, почему не пришел — лучше посидеть с пивом и посмотреть утренние передачи по телевизору. Подождать, пока не накроет Бензодиазепин. А потом просто улететь...

Я вспоминал увиденное в парке. И то, как Карен ушла из дома. Совпадение это, или

знак? Меня раздирали противоречивые чувства. Погибла бы она, если бы я тогда не вышел из себя?

Наверное, придется признать, что частично виноват — но я был лишь звеном цепи. Я выгнал Карен из квартиры, а погибла она уже потом. Но я выставил ее за плохие поступки, а она, в свою очередь, совершила их из-за тяжелой жизни, которую вела с детства. Если брать в расчет все события, нельзя сказать, что это целиком моя вина. Но мы оба сыграли свои роли, и каждая несла частичку вины.

Но за всеми этими пространными рассуждениями о вине скрывались обычные переживания. День раскочегаривался все больше, а мне хотелось лишь валяться на диване в заставленной мебелью квартире. Суетливые, целеустремленные калифорнийцы болтали и смеялись, я слышал их смешки и бормотания там, внизу. Не могу сказать, меня целиком охватило горе. Это был скорее шок, вызванный ужасной смертью близкого человека, и, конечно, мой собственный страх. Я боялся снова остаться один в этом городе. Но чувство невосполнимой потери? Нет.

Однако я испытывал и чувство облегчения. Звучит мерзко, но это было так — отвратительный голос правды кричал о том, что наконец я могу снова почувствовать себя мужчиной. Пришлось пойти на отвратительный компромисс: подождать, пока не придет равнодушное состояние и я пойму, что эти неполноценные отношения закончились. Становилось немного легче.

Но чем больше мне хотелось купаться в этом предательском чувстве, тем больше я вспоминал последний жест Карен. Именно из-за него не пропадало чувство вины. Будь она просто циничной сукой, было бы проще. Но мое имя, вписанное в документы на машину, посеяло сомнения в ее циничности, и рушило любые оправдания моей жестокости.

Я пытался выдавить из себя хотя бы немного подходящих эмоций, хотя бы слезы или всхлипы. Но я только сидел и жалел себя. Я ждал, когда начнут действовать таблетки и выключат все эмоции.

На следующее утро я проснулся вялым, Валиум давал о себе знать. Мое состояние изменилось. Следующую таблетку мне следовало принять примерно в десять часов, но мне хватило и одной. Весь я провел в «самоволке», я не знал, чем себя занять эти двадцать четыре часа. За это время моя голова освободилась ото всех мыслей, скопившихся за все время, проведенное мной в Лос-Анджелесе. Я ничего не чувствовал и не хотел делать.

Я не занавешивал окна, лучи света освещали всю комнату. Солнце Калифорнии, настоящий бренд — ему завидовал весь мир. Океан, новые крутые тачки, деньги. И, конечно, особая энергетика, созданная миллионами обитателей прибрежных районов, которые были уверены, что способны на все. Я чувствовал себя псом, который пытался втереть эту энергию в себя, катаясь по земле. Впрочем, пахло от меня не лучше, чем от собаки.

Я закурил и пошел к холодильнику. На другой стороне улицы, на балконе сидела девушка. Она легко могла увидеть меня голого через окно на кухне, но мне было наплевать. Я взглянул на нее. Девушка сидела в купальном костюме и солнцезащитных очках. У нее были красивые руки, ноги и лицо, а киска наверняка, уже намокла от возбуждения. Но надевать этот кусок мяса чем-то личным или значимым казалось мне пустой тратой времени. Спустя мгновение, я уже едва видел ее среди кирпичных стен и облупившихся лестничных перил.

Я вернулся в кровать с парой банок пива в руках. Снаружи люди бродили по пляжу, сидели в кафе, попивая сок и свежий кофе, любовались восходом и тусовались. На хуй их

всех. Даже если этим утром Калифорния со всем ее энтузиазмом провалилась бы в океан, мне было наплевать.

Однажды я тоже заразился этим солнечным оптимизмом. Думал, пока у тебя есть работа, ты усердно трудишься и не переходишь дорогу полиции, у тебя есть возможность жить полноценной жизнью. Шанс на достойные отношения, дом в хорошем месте, машину, случайный выходной... Не как шишка кинобизнеса, конечно, но такая жизнь способна защитить от холодных ветров этого мира — своего рода приз начального уровня, возможность играть по правилам элиты.

Идиотские рассуждения. Но за что еще было цепляться? Уж точно не за свободу от богатства или славы. Поэтому я крепко, обеими руками ухватился за эту мысль, словно она являлась волшебным плащом, который мог защитить меня от неудач. Я воображал, как он окутывает меня, даже когда время, проведенное с Карен, утекало сквозь пальцы.

Но теперь чувство защищенности ушло навсегда. Прошлой ночью, когда моя накачанная наркотиком кровь бесконечно циркулировала по кругу, последняя самая реакционная часть меня, наконец-то приняла жестокую правду. Она до хрипоты кричала всю мою взрослую жизнь: никаких шансов нет, их все забрали люди, которые сейчас снимаются в кино или выступают по телевизору.

Я врубил видеоманитофон и запустил одну из записей с рекламными роликами. Реклама высококачественной косметики одна из самых прекрасных иллюстраций богатой жизни. Люди в ней совершенны — достаточно одного взгляда, чтобы понять это. Их тела желанны, они носят самую дорогую одежду, они никогда даже не думают о деньгах. Они живут в мире, где проблемы происходят с другими, в мире, где невозможно усомниться в себе, в мире, где все тебя любят и хотят стать таким, как ты.

Ролики «Обсещена»¹⁸ были очень качественными, но больше всего мне нравился «Солнце, звезды и луна» с Дэрил Ханной.¹⁹ Сказочный образ, снятый мягко рисующей оптикой. Полет сквозь вселенную, над которыми не властен этот мир, только спокойствие и безмятежность. И говорить нечего, звезда Голливуда играла ту, кем и являлась — богиню.

Я целый день не вылезал из постели. Я думал еще немного подремать, но уже выспался. Поэтому просто читал кинослетни и снова смотрел «двадцать кадров в секунду». Лорн, одетая в белую теннисную юбку и безрукавку, выглядела отлично. Сквозь ткань можно было мельком разглядеть ее груди. Один раз она случайно наклонилась, и я увидел ее сосок. Я не мог перестать об этом думать.

Где-то в десять часов зашел Рекс. Он нюхнул кокса и чувствовал прилив сил. Все время щелкал пальцами разминая кисти. Он был одет в длинное кашемировое пальто и полушелковый костюм, который источал запах дорогих вещей. Когда Рекс обнял меня, ткань на ощупь показалась комфортной и чистой.

Рекс зарабатывал деньги сексом. Белые волосы, белые зубы, смазливые и сексуальные повадки. На первый взгляд, типичный калифорнийский мальчик. Но его бледная кожа и голубые глаза явно показывали, что у него отнюдь не «прекрасный день». Если приглядеться к нему внимательно, узнать его поближе, легко удостоверится, что он много раз пытался покончить с собой. Рекс постоянно рассказывал о своих суицидных попытках, едва предоставлялась возможность.

Однажды ночью Карен привела его к нам домой, они снюхались после съемок в порнофильме. Для них это была просто работа, они никогда не дружили. Но мы с Рексом хорошо поладили, у нас сформировались специфические искусственные отношения. Всегда

соблюдалось главное условие — встречаться у меня дома, когда нет Карен. Мы не шатались вместе по улицам, не играли в мяч и не глушили пиво по пятницам в ночном баре. Но все равно мы, в некотором роде, подружились.

Рекс плюхнулся на диван.

— У-ух, мэн, полный улет. Звонил сегодня, тебя не было. Захотелось немного пончиков. Сахарок²⁰ бы не помешал. Ну, может, он и не нужен, но я хочу его, мэн. Хочу.

Рекс вздохнул и провел рукой по лицу. Я вытащил из кармана несколько таблеток. Рекс покачал головой.

— Что с работой? Это на тебя не похоже.

Я проглотил таблетку Валиума и рассказал ему, что Карен убили, что ее труп нашли в парке.

Рекс великолепно изобразил замешательство. Он открыл рот, обнажив блестящие белые зубы. Он быстро подошел к кровати, сел рядом со мной и положил руку мне на плечо. Рекс прижал меня к себе, я даже попытался поверить, что он искренне сочувствует моей утрате. В чем-то так и было. Рекс и правда загрустил — он видел мои переживания, его опечалила смерть человека, которого он знал. Но в то же время, я подозревал, что на самом деле моя утрата, вернее, как он себе это представлял, просто попала в резонанс с его собственным горем и пустотой.

— Вау, мэн... Не знаю, что и сказать. Я хочу сказать, господи...

— Все давно к этому все шло.

— Точно, точно. Но это неизбежно, дружище, неизбежно.

— Смерть?

— Как же все заебалось. Мы все просрали в этой жизни.

Рекс на мгновение замолчал, затем сказал: — Что случилось? Я имею ввиду, ты можешь об этом поговорить? Это ведь совсем недавно было?

— Ты знаешь, как все было. Не могу сказать, что сильно мучаюсь.

— Это нужно пережить. С этим надо свыкнуться.

Я окончательно убедился в собственной правоте, Рекс пытался воспользоваться сложившейся ситуацией. Он был немного под кайфом. Ему хотелось спроецировать собственную боль на смерть Карен и посмотреть, что получится в результате. Но со мной это не работало. Слишком сложно. Он думал, я буду убит горем и начну душу изливать, но я не собирался объяснять ему, что иногда смерть близкого человека может казаться... чем-то далеким.

— Знаешь, наверное, это произошло слишком быстро.

— О... да. Конечно.

Теперь Рекс выглядел так, словно его обокрали. На мгновение я заглянул ему в душу, и увидел там ужасного извращенного зверя, с которым он боролся каждый день. Звучит абсурдно, но я почувствовал себя мошенником.

— Они нашли ее в парке пару дней назад. Незадолго до этого она продала свою почку. Возможно, это как-то связано.

— Продала почку? Как... продала почку?

Рекс не смог сдержать смешок.

Но в следующую секунду он уже подавил смех, и вернул себе серьезный шокированный вид.

— Извини, мэн, слишком много занюхал. Боже, это ужасно. Но я понимаю. Иногда

чувствуешь себя таким мерзким, что хочется отрезать себе что-нибудь. Я хочу сказать, ты понимаешь, о чем я, да?

— Ей просто нужны были деньги.

— Не. Возможно она поступила не осознанно, но призналась сама. Сказала, что превратилась в пустышку, а это плата за плохие дела.

Судя по всему, встреча затянулась. Я встал и молча прошелся по комнате.

— Но теперь ей легче, да?

— О, пожалуйста...

— Давай, ты думаешь теперь все закончилось?

— Большая часть.

— Думаешь, этому не будет продолжения?

— Если только ты попадешь на телевидение.

— Эй это твоя ночь, но...

Рекс уставился вниз, на флакон с коксом в руках. Мы занюхали, и я заговорил чуть быстрее.

— Я серьезно. Только полдюжины людей помнят моего отца, так? Он словно вообще не существовал. Но какой-нибудь Дин Мартин до сих пор с нами. Плевать, что он умер, он по-прежнему живет в видеозаписях и фильмах. Жизнь после смерти. Она близко, достаточно просто протянуть руку.

— Не удивлюсь, если и Джерри думает также.

— Конечно думает. С ним также будет.

Рекс кивнул, словно принял сказанное мной к сведению, но я знал, он считал это полной ерундой. Рекс прочистил горло и встал.

— Ты уже получил втык от жизни, дружище. Еще хочешь?

Я услышал тихое шипение в его голосе, я знал, он хотел поспорить, но сдерживался, несмотря на кокс.

Рекс еще раз нюхнул, и отправился обслуживать жену режиссера, который проводил съемки в студии «Уорнер Бразерс». Мы обнялись на прощание возле двери. Я услышал, как на улице завелась его «Порше», в соленом ночном воздухе раздался хриплый стук мотора.

Звук быстро прекратился, когда Рекс свернул за угол и уехал дальше в город. Вместе с ним уехала и иллюзия компании. Рекс сидел здесь, он слушал про Карен, но не испытывал глубоких чувств. Где вопросы о долгой ночи, когда я мучился от жары, обивая пороги похоронных контор, почему он подробно не расспросил про похороны, и вообще обо всем, что случилось?

На самом деле Рекс не умел сочувствовать. Он всегда думал только о себе.

Позже я сходил в круглосуточный корейский магазин за едой и пивом. На Мейн-стрит в ресторанах с отраженным освещением,²¹ на фоне умиротворяющих интерьеров сидели счастливые люди. Они тратили деньги, пили хорошее вино, строили планы на будущее. Припаркованные с обеих сторон улицы машины блестели, словно только что выехали из гаражей, окруженных экзотическими садами, в которых поместится еще три таких. Я почувствовал себя изгоем и неудачником.

Я вернулся в кровать. Какое-то время я просто лежал, уставившись в потолок. Затем набрал круглосуточную службу определения местоположения — автоответчик, сообщающий о том, где в Лос-Анджелесе будут проходить съемки фильмов на следующей неделе. Торговцы сообщали о новых фильмах, что вылезли из сиськи Голливуда, которые снимали в

таких местах как Сиэтл, Канада, или даже Фокс Австралия. Но можно было легко найти съемочные площадки, расположенные в нескольких минутах езды отсюда. По большей части там снимали шоу про полицейских, боевики, или киномусор, который обычно снимали в долине. Но и высокобюджетные съемки здесь тоже проводили, режиссеры пытались снять достопримечательности города с нового ракурса.

Вот поэтому я туда и звонил. Не потому, что интересовался механизмами киномонтажа, а потому, что меня тешила простая мысль: Уиллис и Траволта иногда ходят по таким же непримечательным улицам, как и я.

Поздно ночью я выпил пива и наглотался таблеток. Я витал в мире грез и думал, что этот звонок станет точкой соприкосновения между мной и кинозвездами.

Я уснул с телефоном у уха, слушая бесконечные подбадривания.

Глава четвертая

Следующим утром, чувствуя себя ужасно, я сидел на унитазе, выдавливая из себя дерьмо. Вдруг дверь резко распахнулась, и я впервые увидел Райана. Он на мгновение застыл и смотрел на меня взглядом серийного убийцы, решающего спустить курок или нет. Затем раскрыл ксиву полицейского.

– Жопу подотри.

Похоже, я недооценил дедуктивные способности Лос-Анджелеса. Я подтерся несколькими листами туалетной бумаги, мне было очень неудобно делать это на глазах у постороннего человека. Я уже начал натягивать штаны, но коп вдруг остановил меня.

– Последняя бумажка была еще грязной. Ты же не хочешь, постоянно жопу чесать. Подотришь еще.

Теперь я понял, что одной полицией проблема не ограничивается. На меня вышел не простой силовик. Мне попался страж порядка, который обожает смотреть на то, что люди делают в сортире. Я внимательно осмотрел его, пока подтирал зад. Он выглядел как разжиревший Бела Лугоши — бледная кожа, черный костюм, рыхлое тело, темные редящие волосы, зачесанные назад. По его нездоровому виду, я решил, что ему около пятидесяти.

– А все оказалось лучше, чем я думал. Знаешь, хорошо, что ты не затынул волынку вроде «Что происходит, офицер?». Я бы разозлился. А у тебя член какой? Среднего размера? Или чуть меньше?

Позже мы спустились по лестнице, там уже стоял серый «Плимут». Мы поехали в Санта-Монику.

Весь бульвар заполнили машины, выходной день. Солнечные блики отражались от ветровых стекол и крыльев, от них болели глаза. Мне хотелось закрыться в каком-нибудь темном и тихом месте, чтобы оклематься после ночной пьянки и таблеток. Стояла жара, на улице сильно воняло.

Почти всю дорогу я сидел молча. Я подумал, раз полиция нашла связь между мной и Карен, то любое неосторожное слово может все испортить. Я, конечно, не мог рассказать им, что уже видел ее мертвой. Это показалось бы подозрительным. Но когда мы подъехали к Пэлисайд парку, я больше не мог сдерживаться и выпалил:

– Это касается Карен? Моей жены? Я хочу сказать, она уже две недели как пропала. С

ней что-то случилось?

Райан повернулся ко мне с улыбкой на лице.

– Отлично, Джеки. Мне уже нравится.

Морг находился на улице Евклида — она сильно отличалась от своих параллельных сестер. Ее больше узнавали по имени, чем по номеру, она была тринадцатой по счету от Бульвара Уилшира. Низкий и серый морг присел на корточки между оптовым магазином одежды и супермаркетом автозапчастей. Морг напоминал животное, склонившееся над едой. Прямо у парадного входа, на газоне кучка подростков издевалась над собакой.

Райан не пошел через главный вход. Вместо этого мы обошли здание сбоку и спустились вниз по бетонному пандусу, возле которого останавливались машины скорой помощи. В подвал.

Место хранения мертвых тел напоминало общественный сортир: белая плитка и люминесцентные лампы. По обе стороны от нас в стенах располагались три ряда квадратных панелей из нержавеющей металла с дверными ручками, как у старых холодильников. В помещении было холодно и неудобно, но, думаю, мясу в железных коробах уже было наплевать.

В помещении никого не было, Райан принялся искать сотрудников. Я закрыл глаза и слушал, как по трубам, что тянулись через весь подвал, текла жидкость. Из мертвецов, спрятанных за панелями, уже высосали весь трупный яд, и оставили отдыхать чистыми? Но здесь раздавались и другие звуки — тиканье какой-то гигантской системы охлаждения, которая останавливала процессы разложения, воздух, что выходил через систему вентиляции, и телевизор, по которому крутили телеигру. Он шипел через открытую дверь, расположенную в другом конце комнаты.

К нам неторопливо вышел толстый японец, в одной руке он держал блокнот, а в другой диетическую «Пепси». Он то и дело оглядывался через плечо, словно боялся пропустить прямую трансляцию приземления на Марс. Японец носил очки, на его грязном белом халате засох кусок лапши. Его черные волосы были зачесаны назад, на манер Джека Лорда,²² он покрыл их чем-то блестящим.

– БМВ третьей серии и тур до Флориды на всю семью. Везет же кому-то. А вот мне никогда. Как дела, Райан?

Японец мельком взглянул на меня.

– Это касается сегодняшнего?

Райан ответил жестким голосом, словно пытался придать себе решимости:

– Девчонка, которую нашли в парке. В среду.

Лицо японца сразу смягчилось, приобретя слащаво-сентиментальный оттенок. Он слегка кивнул мне головой.

– О, мне так жаль. Вы на опознание? Не ждали, уже произвели вскрытие.

– Джеки крутой парень, он справится. Принеси ее.

Мы подошли к стене, японец провернул рукоятку и открыл одну из стальных панелей и выкатил длинный короб. По телевизору все показывали не так. Я ожидал, что буду осматривать Карен сквозь белую простыню, и, наверное, только мельком взгляну на лицо. Но я увидел ее целиком, голую и неприкрытую. Она лежала на чем-то, напоминавшем тонкий матрас, загнутый у краев, наверное, чтобы жидкости, которые накапливаются в трупe, не просочились в короб.

Я посмотрел на Райана. Его лицо полностью побелело, он напряженно дышал.

Карен выглядела не так, как в парке. Гораздо хуже. Как я и видел ранее, часть левой стороны ее тела удалили — изогнутая полоса несколько дюймов шириной начиналась у пореза на животе и охватывала половину спины. Патологоанатомы расширили большую рану на ее животе до груди во время вскрытия. Еще они разрезали ей затылок. Я сразу определил это по тому, что голова Карен слишком глубоко утопала в матрасе. Отчего кожа на ее лице размякла, а черты сгладились. Она утратила красоту, но это точно была Карен. Сохранились все ее отличительные признаки: короткие белые волосы, бледная кожа, так не похожая на загорелую калифорнийскую, пирсинг в кончиках сосков и пупке. Только теперь кольца выглядели так, словно их воткнули в кусок говядины, как какую-то странную бессмысленную декорацию.

Мы с Райаном подошли к коробу. Я сам себе удивлялся, если близость к телу любимой и высвобождает эмоции, то они, похоже, полностью сторели той ночью в парке. Все же год нашей совместной жизни оставил мне воспоминания, которые стоило сохранить. Но я смотрел на эту ужасную куклу человеческого роста, и все время, которое мы провели вместе, трахались и дрались, стало ощущаться как кино, снятое о другом человеке.

Карен обработали каким-то антисептиком, запах больницы полностью заглушил ее собственный. Мне хотелось живого запаха, пусть осталось бы хоть такое напоминание о тех близких сердцу временах — застоявшееся дерьмо, высохшая моча, пот, что угодно. Muskusный запах ее пизды подошел бы идеально. Но все исчезло.

Я нажал пальцем на ее сосок. Когда я убрал его, плоть медленно вернулась в прежнюю форму. Райан смотрел на меня. Сначала я не понимал, почему он с таким энтузиазмом взялся за дело. Но когда наши взгляды встретились, я понял, что оказался в полной жопе. В его глазах стояли слезы.

Санитар переминался с ноги на ногу всей своей огромной тушей, он хорошо уловил всю напряженность ситуации.

— Милая девушка. Раньше, наверное, классно выглядела.

Райан отвел от меня свой убийственный взгляд, и вернулся к реальности. Он начал осматривать тело.

— Да, хорошенькая была, верно.

Райан принялся нежно гладить ее пизду, я подумал, что санитар набросится на него, или наорет. Но, судя по всему, японец не собирался ему мешать. Райан гладил ее еще какое-то время, на его лице читалась грусть. Санитар молча наблюдал. Я почувствовал легкий укол ревности, мне тоже захотелось коснуться ее мертвой пизды.

Райан убрал руку.

— Что-то ты притих, Джеки. У меня с собой «Клинекс»²³ есть.

— Что с ней случилось?

— В отчете из полицейского участка сообщили, что кто-то вырезал из нее все органы.

Японец перевернул бумагу на блокноте и начал читать:

— Разрез в двадцать четыре сантиметра, нанесен явно хирургическим предметом. Его пересекает боковой разрез над лонным холмом длиной семнадцать сантиметров. Удалили левую брюшную стенку между бедром и плавающими ребрами. С правой лопатки срезали кусок кожи примерно восемнадцать квадратных сантиметров. Никаких больше разрезов или ссадин. Все органы, кроме сердца и легких, удалены.

— Очень подробно, скажи Джеки? Давай посмотрим.

Райан кивнул, санитар сунул руки Карен между ног и раскрыл обе створки раны. Края

порезов были гладкими, на месте стыка швов виднелись полоски белого жира и красных мышц, прямо как на мясе в магазине.

– Видишь?

Райан посмотрел на меня таким взглядом, словно я никак не могу его понять.

– Видишь? Пусто.

И правда. Под нижним ребром осталось очень мало – ни серо-синей массы кишек, ни липкого комка потрохов, ни даже лужи скопившегося застоявшейся крови. Тело освещали крупные лампы, тазовая кость, по форме похожая на бабочку, буквально сияла белым светом под тонким слоем мышечной ткани. И никакой крови, все чисто.

Карен словно рыбу выпотрошили и полили из шланга.

Райан оттолкнул санитаря плечом, взял Карен за руку и потянул ее на себя. Ее тело приподнялось, и я увидел лопатку. Казалось, что кто-то использовал сырорезку. Оттуда вырезали довольно крупный кусок кожи, как раз на месте татуировки.

Японец оглянулся и посмотрел в сторону комнаты, телевизор уже заждался его.

– Слушайте, парни. У меня еще работа есть. Еще кого-нибудь посмотреть хотите?

Райан покачал головой.

– Ладно. Закройте ее, когда уходите будете. И убедитесь, что замок защелкнулся, а то вонять будет.

Японец вяло пожал руку Райану и вышел из комнаты с напитком и блокнотом в руках, он вернулся к шипящему телевизору. Я слышал, как он переключал каналы. Теперь из телевизора отчетливо слышался голос Памелы Андерсон. Банка «Пепси» оставила мокрое пятно на бедре Карен.

Я понимал, мне следовало изобразить хотя бы подобие горя. Я опустил голову, стараясь выглядеть так, словно мужественно справляюсь со своими эмоциями. Наконец Райан велел мне не вешать нос, и мы ушли.

Я и Райан молча сидели в машине, он хрипел и потел, затем положил под язык таблетку. Она сработала очень быстро, должно быть это был нитроглицерин. Он пристегнулся, затем его рука проскользнула по моим плечам и сжала шею сбоку.

– И в чем заключался сегодняшний урок? Давай, я знаю, ты слушал внимательно. Нет? Я ведь тебе кое-что сказал.

– То, что ты нашел Карен, и она мертва.

– О, мне уже не нужно было сообщать тебе детали смерти. Ты ведь и сам уже знал.

Я попытался возразить, но он резко осек меня.

– Я сейчас не в лучшей форме, так что не парь мне мозги, целее будешь. Сегодняшний урок состоял в том, что я рассказал тебе, что все знаю.

– Знаете что?

Райан глубоко вздохнул, задержал воздух, и выдохнул так медленно, словно не хотел расставаться с поглощенным воздухом.

– За мной, Джеки, посмотрим, насколько далеко ты можешь зайти в том, чего не хочешь делать.

Он убрал руку и вставил ключ в замок зажигания. Я уже боялся Райана, угораздило же оказаться рядом с таким страшным человеком.

Райан высадил меня на углу Санта-Моники и Ликнольн. Мы всю дорогу молчали, но когда я стал вылезать из машины, Райан остановил меня.

– Джеки, кожа с ее плеча, ну которую срезали нахуй, там была какая-нибудь отметина?

Что-нибудь особенное, что можно отрезать по какой-то причине?

Это был простой вопрос. И ответ был «да», именно там у нее на коже находилась татуировка в виде жука-скарабея. Но я не собирался рассказывать об этом Райану. Уж слишком он был странным. То, как он гладил пизденку Карен, отнюдь не походило на судебную процедуру, по крайней мере, как я об этом слышал.

– Не могу об этом даже думать.

– Уверен?

– Думаю, я бы знал.

– Да, Джеки, ты бы знал.

Райан уехал. Я задумался, может мне следовало сказать что-нибудь другое.

Желая поглядеть на море, я пошел вниз по холму. Возле рифов бушевали волны, водная гладь выглядела беспокойной. И все равно мне казалось, что мир под этими волнами гораздо спокойнее того, что на суше. Я долго смотрел волны, затем поймал такси и вернулся в Венецию.

Когда я вошел, зазвонил телефон – в «Донат Хейвен» хотели знать, когда я вернусь к работе. Они вежливо сообщили мне, что если я завтра не выйду, то буду уволен. Я не ответил и бросил трубку. Я вообще не собирался туда возвращаться. За квартиру я заплатил, через месяц займусь этой проблемой.

Я поставил фильм, что взял на прокат на обратном пути – «Кайф» с Дженифер Джейсон. Я чувствовал себя увереннее, все же хитрые копы соснули хуйца.

Глава пятая

Прошло много дней. Не могу точно сказать сколько, все они почти не отличались друг от друга. Пиво, нездоровая пища, таблетки. Я валялся на кровати. Окна я занавесил, но при этом открыл, чтобы комната проветривалась. Я потел и не мылся. Мне хотелось быть грязным. Хотелось зарости грязью.

Продукты на кухне гнили.

Из-за мятых пачек сигарет и пустых банок пива ходить по комнате стало опасно. Но мне они не мешали, я много не ходил. Мне было лень даже тащиться в ванную, чаще всего я садился на край кровати и ссал в бутылку. А один раз даже насрал в полиэтиленовый пакет.

Телевизор работал восемнадцать часов в сутки, с утра, когда я еще мог осмысленно нажать большим пальцем на кнопку, и до тех пор, пока транки и выпивка окончательно не затуманивали мне глаза.

Пару раз, когда снаружи становилось темно и тихо, я выходил проверить машину. Один раз я пил в ней пиво и слушал радио.

Такое поведение казалось мне реакцией неизвестно на что. Может мозгоправ смог бы пояснить подробнее. Я решил, что это протест против современного общества. И еще кое-что вполне объяснимое — страх. Страх, что смерть Карен будет терзать меня и дальше, пока полностью не разрушит изнутри.

Я уже привлек внимание Райана. Я понятия не имел, к чему могло привести безумное представление в морге, но был уверен, что и самый лучший вариант не сулил мне ничего хорошего. И я постоянно думал о татуировке Карен. Когда она ее набила, я не придавал этому большого значения. Несколько месяцев назад Карен пришла домой с татуировкой, я

посмотрел, сделал банальные комплименты, и ничего больше. Она сказала, что сделала ее с подругой. И что я об этом подумал? Решил, просто еще один элемент украшения тела.

Может лучше было рассказать Райану о татухе на вырезанном участке кожи. Сказать, наплевав на все. Так, словно я мог поведать ему и о том, что у нее недавно удалили почку.

Но я не сказал. И, несмотря на страхи, терзавшие меня в три часа ночи, не собирался этого делать. Я вообще исчез из этого мира. Меня не было там, где нытик Джо²⁴ всячески старался выглядеть хорошим мальчиком.

К тому же, теперь, если я, зная о смерти Карен, сообщу новые детали, то только навлеку на себя еще большее подозрение.

Вечер. Магазин на Линкольн-авеню. Я вышел из квартиры в первый раз за четыре дня и совершенно ничего не почувствовал. Переживания, которые я испытал на Мейн-стрит в корейском магазине, сменились безразличием и замкнутостью. Я шел, но не чувствовал кожей ветра. Я слышал людей и машины, но они словно проходили через невидимый фильтр, который лишал их всякого смысла. Цвета, углы, плоскости окружающих зданий расплывались. Меня ничто не беспокоило. Мне были нужны только выпивка и еда, больше я ни о чем не думал.

Я подошел к автоматическим дверям, мне преградил дорогу местный алкаш. Обычно они ходили вчетвером, все покрытые грязной коркой, словно статуи начала века, в коричневых полуглянцевых шмотках. Крупные города всегда так скрывают бездомных. Алкаши слишком много на себя напяливали для летней жары — обычно гладкую одежду из непромокаемой ткани. Волосы этих бродяг выглядели так, словно их вытащили со дна реки и размазали по головам мастерком. От них разило дерьмом, помоями и немытыми гениталиями.

Стоявшему передо мной мужику было около пятидесяти, и жить ему оставалось недолго. Трещины вокруг рта, глубоко посаженные глаза, тупое лицо попрошайки, который уже много лет унижался и кланчил деньги у других. Бродягу трясло. Похоже, ему позарез нужно было выпить. Судя по виду, только надежда получить бутылку удерживала его на ногах.

Я оттолкнул его и вошел в прохладное помещение. Секция овощей и фруктов. Я почувствовал себя виноватым, когда проходил мимо свежих, бодрящих, со вкусом обставленных лакомств. Все известные люди на планете питались по супердиетам из хорошо сбалансированных фруктов и овощей, неочищенных углеводов, и протеинов без гормональных добавок. Это было важно. Так ты сможешь выглядеть лучше всех остальных. Я знал, что и мне следовало так питаться. На моих курсах телеведущего уделяли большое внимание здоровому цвету кожи и чистым глазам. Но я так не мог. И никогда не смогу. Все эти слова о здоровом образе жизни из книжек и теле-шоу, заметки о красоте телезвезд в журналах постоянно крутились в моей голове. Есть вредную пищу было единственным способом заткнуть их. Тогда пропадал смысл даже пытаться держать диету.

Вдоль стены стояли холодильники, я подошел к одному из них и прислонился лицом к стеклу, стало немного прохладнее. Упаковки с мясом, соус с низким содержанием холестерина, печенье вообще без холестерина, натуральные соки... Почти перед каждым блюдом стояло фото. Я на некоторое время замер, мысленно представляя дома, в которые попадет эта еда. Слабое освещение, со вкусом оформленный интерьер, роскошная мебель. Дома удачливых людей, где жизнь насыщенная и комфортабельная. Вскоре на меня начали

плялиться охранники, и я пошел прочь.

Огромный супермаркет, размером с ангар, внутри него чувство отчужденности, поглотившее меня, только усилилось. Разжиревшие тетки, усталые мужики, скулящие дети — все разновидности людишек со средним заработком. Они вели свои тележки от одного ряда к другому. Они выглядели настолько никчемными и мерзкими, что я даже испугался, осознавая то, что и сам принадлежу к их расе. Эти людишки, наводняющие сети магазинов и мелкие лавки, были всего лишь декорациями на ярмарочной площади, манекенами из папье-моше. Твари, их нужно стрелять и избивать бейсбольными битами.

Я набросился на дешевые закуски и полуфабрикаты, затем направился к вино-водочному отделу. «Будвайзер» стал дешевле, так что я взял две упаковки по шесть банок в каждой. На пути к кассе мне пришлось пройти через отдел крепких напитков. Бренди, джинн, водка, и все прочее в таком духе. Повинуясь внезапному порыву, я взял к пиву еще пол галлона обычного виски.

Девушка на кассе провела мою карту «Виза», нам пришлось подождать несколько секунд, пока проходила авторизация. Я как раз успел подумать о кредитном балансе и о том, как выглядит пизда кассирши под дешевыми трусиками, после того, как она сидит на ней весь день. Я уже складывал покупки в бумажный пакет, когда она протянула мне карточку. Девушка улыбалась. Я улыбнулся в ответ. И представил, как моя сперма стекает по ее щеке.

— Подкинешь мелочь, друган?

Это оказался тот же алкаш, мудака даже не вспомнил, что уже кланчил у меня деньги десять минут назад.

— Подкинешь мелочь, друган?

Пьяный голос. Глотка и носовые пазухи забиты слизью.

— Друган. Друган. Ну хоть немного, мне есть нечего.

Я посмотрел ему за спину, трое его корешей стояли, прислонившись к стене в двадцати футах от нас. Они выжидающе смотрели, готовились заграбастать добычу. Я сказал тихо, так что они не слышали.

— Ты наверняка не хочешь есть. Но готов поспорить, тебе хочется выпить.

— Ну, сказать по правде...

— Понимаю. Это трудная жизнь.

— Чертовски трудная. Все высасывает из человека, каждый глоток воздуха. У тебя ведь есть бутылка в пакете, да?

Алкаш не мог оторвать глаз от пакетов в моих руках. Казалось, что он говорил не со мной, а с ними. Он все время облизывал свои потрескавшиеся губы.

— Такой добрый молодой человек, как вы, мистер, наверняка покупает бутылку вина домой на обед. Такой хороший цивилизованный человек, как вы.

— Там твои дружки?

— Да, сэр. Мы уже несколько месяцев следим друг за другом. Многие приходят и уходят, но мы держимся вместе.

— А...Вижу. Думаю, нечего ходить вокруг да около. Так чего ты хочешь? Несколько глотков для всех или чего-нибудь получше.

Бродяга оглянулся через плечо и еще раз облизал губы.

— Хорошо, мистер, хотелось бы чего-нибудь существенного. Что у вас там?

— Думаю, нам лучше отойти в укромное место.

— Могу я сначала взглянуть, мистер? Просто удовлетворить любопытство.

Я украдкой показал ему виски.

– Святой Иисусе! Идем, есть одно место, там за магазином.

Он побежал рысцой, пальто развевалось у него за спиной, тощие руки неритмично дергались. Бродяга выглядел так, словно, ему в карманы джинсов натолкали битого стекла. Он пробежал двадцать футов и остановился, когда увидел, что я не бегу рядом с ним. Алкаш резко махнул рукой, подзывая меня.

Магазин установил контейнеры для мусора в кирпичном строении без крыши с тремя стенами, около шести футов высотой. Там достаточно было слегка пригнуться, чтобы скрыться из виду. С открытой стороны было видно машины на парковке, но небо уже начинало темнеть по краям. Я решил, что вечерний полумрак надежно нас спрячет. Кроме того, я не собирался делать ничего противозаконного.

Когда я вытащил виски из бумажного пакета, бродяга полностью потерял контроль. Он потянулся за бутылкой, но я не позволил ему схватить ее.

– Ты много пьешь?

– Мистер, да я самый пьющий из всех, кого вы только встречали. Сколько этого пошла вы возьмете домой?

– Попробуй.

– Святой Иисусе.

Я не выпускал из рук бутылку, но позволил алкашу поднести ее ко рту и сделать небольшой глоток. Затем убрал.

– О, господи, мистер, не надо так со стариком. Вы же знаете, как говорят, лучше вообще не пить, чем только попробовать.

В его шутке звучала такая просительность, что мне стало неловко.

– Может мне позвать твоих друзей? Кажется, это несправедливо оставлять их без выпивки.

– Вы ведь не хотите этого, правда. Нет, сэр, нет, вы ведь и себе хотите еще оставить. Они все подчистую выпьют. Я видел, как эти придурки пьют. Лучше только вы и я. Поверьте.

Глаза бродяги переключались с моего лица на бутылку. У него текла слюна, он словно ждал удара.

– Еще хочешь?

– Блядь. А. Я хочу сказать, черт, я хочу еще. Вы ведь поделитесь, да мистер? Ради старого ублюдка?

– Два условия.

– Все, что хотите. Я рад служить вам.

– Даю тебе бутылку только на пять минут. Только на пять.

– Хорошо. Конечно-конечно.

– И ты не станешь пить дольше двадцати секунд, или я заберу бутылку и отдам ее твоим друзьям.

– Хорошо, мистер, сделаю, как скажете. Дайте мне! Дайте!

Я отдал ему бутылку. Он схватил ее обеими руками, запрокинул голову, и начал глотать. Он выпил уже четверть пинты, и остановился, чтобы сделать вдох.

– У-ух, друган, то что надо. Это мне по вкусу.

У него немного заслезилась глаза, но выглядел он хорошо. Даже стал немного бодрее.

– Десять секунд.

– Сейчас, дай воздуха наберу.

– Пятнадцать секунд.

Он уткнулся лицом в бутылку. Теперь бродяга глотал медленно, но непрерывно.

– Гребаный Иисус, давно я столько такого поила не пил. Я сниму пальто. На несколько секунд.

– Снимай.

Бродяга вспотел. Когда он снял пальто, окружающее нас пространство наполнил запах его тела. В основном пахло мочой, но и другие гнилые миазмы тоже витали в воздухе.

– Лучше заново начни.

– Еще немного секунд.

Я потянулся за бутылкой.

– Хорошо! Святой Иисусе, что за спешка?

Он прижал бутылку к груди, как своего ребенка.

– Я говорил тебе условия. Если ты больше не хочешь...

– Черт, кто чего говорил? Я постараюсь побыстрее и все.

– Давай назад.

Алкаш так быстро затолкал бутылку себе рот, что поранил губу. Кровь потекла по щеке тонкой красной струйкой. Не думаю, что он это заметил. Теперь он попытался использовать оставшиеся мозги, сжал губы и пил мелкими глотками. Бродяга дрожащими руками пытался держать бутылку прямо.

Когда он снова вдохнул, из его рта вышел какой-то гудящий звук. Мне показалось, это смех.

– У-ух, друган, похоже, я подсел на это. Курить есть?

– У тебя нет времени.

Даже под слоем грязи было видно, как покраснело его лицо. Бродяга глупо ухмыльнулся и пожал плечами, с видом человека, у которого еще осталось незаконченное дело. Он снова поднял бутылку.

На сей раз пошло не в то горло, алкаш разбрызгал всю выпивку, пытаясь прокашляться. У него что-то потекло из носа, бродяга сунул голову между колен и на время зашелся в приступе кашля. Он выпрямился, кожа вокруг глаз вспухла, по щеке размазалась пленка слюны. Бомж выпил уже пятую часть бутылки. Он вытер лицо рукавом и начал бубнить обрывки какой-то мелодии.

– Сколько ты хочешь выпить?

– Все.

– Все пол галлона?

– Смотри.

И он продолжил пить.

Вскоре его вырвало. Я услышал трение его зубов о стекло, голова бомжа дернулась вперед, горлышко бутылки забрызгало фонтаном рвоты. Бродяга попытался убрать ее от лица, но его кишки не желали останавливаться. Капли виски вместе с другим содержимым желудка выплеснулись на бетон между коленей бомжа и образовали букву “V” на его промежности. Жидкость пенилась по краям.

– Многовато, целую бутылку.

– Думаешь от этого тебе станет лучше, ты жалкий придурок?

– У тебя еще есть. Думаешь, я не смогу?

Петли вязкой рвоты свисали с его щеки. Бродяга замотал головой, они раскачивались вместе с нею. Теперь он выглядел совсем не здорово.

— Я подожду, хочу посмотреть.

Алкаш продолжил пить, он старался воинственно смотреть на меня. Но это продлилось не долго. Его снова вырвало. Он глотал и блевал, глотал и блевал, до тех пор, пока не вымотался окончательно, и залитая рвотой бутылка не выскользнула из его рук.

Бомж рухнул на бок, его голова с хрустом ударилась о бетон. Я стоял и смотрел, как дергалось его тело. Он напоминал собаку, которой снился кошмар. Сквозь рвоту я слышал, как он проклинал меня — причудливыми стариковскими ругательствами из прошедшей эпохи. Он говорил, как Элмер Фадд.

Бутылка виски стояла там, где он ее уронил, неразбитая и полупустая. Немного оклемавшись, бродяга посмотрел на нее, как на реликвию всей своей жизни. Алкаш попытался дотянуться до бутылки. Я думал, у него получится, но ему не хватило несколько дюймов. Силы покинули его, он закрыл глаза, его рука упала. Не поднимая головы, он проблевался кровью, она расплылась черным пятном площадью с небольшой ящик, и достала до бутылки.

Бродяга не умирал — я проверил его дыхание — но выглядел так, словно раскурочил свой и без того раздолбанный желудок. Я бросил его с остатками выпивки и пошел на парковку. Последний звук, что я услышал, было протяжное пердение, а затем прорвало и его кишечник.

Когда я шел к машине, то почувствовал легкую эрекцию.

Я уже схватился за дверь «Прелюда», как вдруг боковым зрением заметил бледную пухлую руку и остановился. Я увидел Райана, его спину освещал медный свет с улицы.

— Джеки. Снова ты! Не заводи машину.

Райан обошел «Прелюд» и сел в мой автомобиль. Его жирная туша удобно устроилась на пассажирском сидении.

— А тут уютно.

— Есть новости о Карен?

Я постарался говорить усталым, огорченным, но в тоже время полным надежды голосом.

— Интересную вещь ты с бродягой сделал.

— А?

— Я позволил тебе устроить этот балаган, но не злоупотребляй моей добротой. Я наблюдаю за тобой уже пару деньков. И ты ничем себя не выдал.

— Он просил выпить. Я дал ему бутылку.

— Да, я видел.

— Он мог остановиться в любой момент.

— Но ты знал, что он не остановится.

Я включил внутреннее освещение, глаза Райана затемнились, под ними набухли толстые мешки. Теперь он выглядел еще более нездорово.

— Вы здесь из-за Карен?

— О, хочешь поговорить о ней?

— Конечно. Почему я не могу о ней спросить?

— Парень, дай подумать... Может потому, что ты несколько не удивился, когда увидел ее в морге? Может потому, что ты ее туда и отправил?

– Вы с ума сошли.

– Если бы я сошел с ума, ты бы уже лежал мордой вниз, и с обеих сторон твоей башки текла кровь. Я знаю, что ты наврал мне... Она когда-нибудь говорила тебе о нас? Говорила, кто я такой?

– О чем вы?

– Я знал ее, ты придурок. Она была шлюхой, я ее снимал. Она мне очень нравилась, всегда выкладывалась на все сто, никогда не парилась насчет побрякушек, от которых тащатся эти блядины. Она даже называла меня папочкой, когда мы трахались.

– Ну вы уже в возрасте.

– Ты, Джеки, сучонок! Тебе следует быть любезнее, наверняка я был постоянным источником доходов для вас двоих.

Я задумался. Что если этот коп-псих, решил испугать меня и вынудить признаться в чем-то? Карен никогда не называла его имени, но это ничего не значит. Она наверняка ненавидела полицейских, но трахалась с ними, если они платили.

Но то, что Райан сказал, определенно пролило свет на многие вещи.

– Ты с виду умный парень. Я часто видел ее на четвереньках, поэтому догадаться, что ты соврал насчет ее плеча, труда не составило. Один из этих египетских жучков, если не ошибаюсь.

– О, черт, точно, скарабей! Черт, извините, я, наверное, был в шоке или еще чего-то.

– О-о-о, как жалко.

– Что вы хотите? Мне жаль. Когда увидел ее тело, то и двинуться не мог.

– Или татуировка была связана с тем, что ты не хотел мне сообщать.

– Вроде чего? Почему я должен что-то скрывать?

– Пока не знаю, Джеки. Но могу попробовать догадаться. Ты ее убил.

Нужно было срочно придумать ответ. Удивление? Возмущение? Все отрицать? Такой ответ, чтобы Райан усомнился в своей версии. Я не мог. Я зажег сигарету и уставился в окно на стоявшие под фонарями машины. За витринами супермаркета повсюду ходили люди, целеустремленные и чистые, они не боялись за свою жизнь. И на один короткий миг я им позавидовал, позавидовал тому, как легко они принимают правила этого мира, как находят себя в нем. А ведь когда-то и я был таким. Но теперь нет, я зашел слишком далеко и не могу вернуться. Теперь я стал чужим. Я сидел рядом с копом, который хочет закрыть за убийство.

Женщина в шортах, которые глубоко впивались в полоску между ее ягодицами, шла к своей машине. Райан наблюдал за ней словно сытый хищник. Когда она нагнулась, чтобы сложить покупки в багажник, полицейский почесал яйца.

– Ты только посмотри. Как думаешь, какие волосы у нее на лобке? Густые или тонкая прослойка зарослей вокруг дыры? Что скажешь, Джек? Ты же жил вместе с такой как Карен, я знаю, тебе нравятся женские пезды.

– У меня жену недавно убили.

Райан рассмеялся.

– И ты совсем не горюешь.

– Может, я просто этого не показываю.

– Может это еще один шок, и ты снова в ступоре? Что ты делал в прошлый понедельник? С вечера на ночь.

Резкая смена темы на мгновение сбила меня с мысли, затем я осознал сказанное Райаном. Ночь понедельника. За два дня до того, как ее нашли в парке. Здорово, у меня есть

алиби.

– Ее убили в тот день?

– Отвечай, блядь, на вопрос. И молись, что сможешь предъявить доказательства.

– Я работал. В «Донат Хейвен» в Уилшире, Западный Голливуд. До четырех утра.

Можете спросить у парня, что там заправляет.

– Спрошу, но сначала проверю кое-что у тебя.

– Что?

– Они нашли сперму у нее в потрохах.

– Она же была шлюхой, чего вы ожидали.

– Я не про пизду ее говорю. А про большую дырень в животике. Похоже, после того, как ее выпотрошили, кто-то спустил в нее. Понимаешь, о чем я говорю?

– Думаю да.

– Надеюсь. Но вот что я тебе скажу, Джеки, я всегда пытаюсь изучить проблему с разных сторон. Понимаешь? Рассматриваю все варианты. Я даю тебе шанс, сделаю экспертизу спермы.

– Э...как?

У меня было плохое предчувствие, и оно не обмануло.

– Мы достали сперму из ее потрохов. Обычный этап расследования, для меня обычный. В любом случае, нужен образец твоей.

– Конечно, я всегда готов помочь расследованию. Что мне нужно сделать, сдать кровь?

– Я очень щепетилен в этом вопросе. Мы нашли сперму, значит и сравнивать нужно со спермой. Можешь считать меня старомодным.

– Да вы шутите.

– Я даю тебе шанс.

– Господи...ладно. Куда мне идти?

– Черт, Джеки, я не хочу доставлять тебе проблем. Можешь сделать это прямо здесь.

– Вы серьезно?

– На твое усмотрение. Конечно, если откажешься, мне тяжело будет сделать обычное заключение.

– Хотите, чтобы я дрович в машине?

– Почему нет?

– Не. Это слишком...

– Скажи, я показывал тебе свою пушку?

Райан наклонился к своей заднице и вытащил короткий револьвер из кобуры на ремне. Металл был тусклым. Выглядел револьвер так, будто его часто использовали. Райан повернул его к свету.

– Тридцать восьмой. Не такой мощный, как «Глоки», что носят молодые ребята, но отлично справляется. Знаешь, сколько людей я им убил? Чтобы сосчитать придется задействовать и пальцы на ногах.

– Это скрытая угроза, ведь так?

– Когда я трахал ее, я часто думал, каким был ее мужик, с которым я, так сказать, конкурировал. Оказалось, что он бесполезный чмошник, который даже не хочет помочь расследовать ее убийство. У меня две причины пристрелить тебя Джек. Первое, это закроет дело. Ты пытался бежать — и значит, скорее всего, виновен. Второе, мне доставит удовольствие это сделать. Теперь, если бы я был человеком, сидящим напротив такого как я,

я бы не спорил из-за пары ложек «сока любви». Понимаешь к чему я?

– Хорошо, хорошо... Но может тогда выйдете, пока я это сделаю.

– Не могу. Извини. Ты можешь как-нибудь испортить образец, – сигаретным пеплом, например. И я не хочу устраивать это еще раз. Вот, можешь сюда.

Райан достал из кармана пластиковую бутылку и протянул мне. Готов поспорить ни один настоящий коп не стал бы собирать такие улики. Но я не мог ничего поделывать. Его пушка смотрела в моем направлении. Я уже представил себя зажатым в угол из-за вранья по поводу татуировки. Так что...я просто вытащил член.

Стояк от того, что произошло с бродягой, уже давно прошел, снова возбудиться казалось непосильной задачей. Я немного потерял член и постарался подумать о чем-нибудь грязном, но смотревший на меня Райан мешал сосредоточиться.

– Не могу, когда вы смотрите.

– Сможешь, тебе нужно завестись.

Райан вытащил из кармана фотографию и протянул ее мне. Там была обнаженная молодая женщина, она лежала лицом вниз на бетонном полу, колени подтянуты к груди, а руки расставлены в стороны. Угол съемки сделал возможным увидеть кровь, что текла у нее изо рта, она образовала лужу вокруг ее головы. Из задницы у женщины торчал лом.

– Групповое убийство. Южно-центральные банды любят устраивать такое. Эротично, правда?

Это звучало нездорово, но Райан был прав. Само помещение, безжалостный качественно поставленный свет, толстая плоть ее пизды, развороченный анус — все вместе вскружило мне голову. Ужас на время вырвал меня из этого мира, и нивелировал присутствие Райана, я возбудился.

Мне хватило минуты, чтобы кончить в бутылку. Вышло много, немного брызнуло на приборную доску. Меня даже удивила сила оргазма. Но после него я почувствовал себя мерзко. Делать такое у кого-то на глазах было все равно, что перед кем-то срать.

– Так держать, Джеки!

Райан убрал револьвер, закрутил горлышко бутылки и поднес ее к свету.

– Мило и густо. Наверное, много сперматозоидов.

– Могу я идти?

– Скоро.

– Господи, а теперь-то чего? Анализ кала?

– Со мной лучше не наглеть, Джеки. Карен знала каких-нибудь докторов?

– Список ее клиентов не состоял в моем топе прочитанных книг.

– Я очень стараюсь, Джеки. А сейчас это единственная нить, что уводит от тебя.

– Каким образом?

– Ты видел, как ее выпотрошили. Это мог сделать тот, у кого есть образование хирурга. Доктор, разве нет?

В поведении Райана было что-то лживое. Пришлось рассказать ему все. Я скрыл только то, что Карен нелегально продала почку. Я решил, лучше подкинуть ему немного информации, чтобы выглядеть в лучшем свете.

– Вроде она упоминала одного. Из Малибу, по-моему.

– О, правда? Имя? Адрес?

– Нет. Она не рассказывала о нем. Просто как-то раз обмолвилась. Я даже не знаю, жил он возле пляжа или дальше, среди холмов.

– Ты его видел? Он когда-нибудь забирал ее?

– Нет.

– У нее была адресная книга или записи людей, с которыми трахалась?

– Только не Карен. Организованность никогда не была ее качеством.

– Плохо. Для тебя уж точно. Мне не за что зацепиться, не могу продолжить расследование. Думаю, придется остановиться на тебе. Расскажи, каково это, быть женатым на шлюхе?

– Ничего хорошего.

– Может ты зашел слишком далеко? Может как-то ночью она трахалась с парнем с большим членом, пришла домой и рассказала тебе об этом? А поскольку у тебя давно не было секса, ты вышел из себя схватился за что-нибудь острое?

– Я не убивал ее, Райан.

Он на мгновение улыбнулся, затем кивнул на фото мертвой девушки.

– Дарю.

Райан вышел из машины и скрылся в ночи, которая казалась теперь не столь далекой и безобидной. Все вокруг сразу стало угрожающим и опасным. И эта окружающая среда идеально подходила Райану.

Глава шестая

Еще один день, я снова на кровати. Я вглядывался в окружающее меня пространство, но все вокруг размывалось, пелена перед глазами, вызванная таблетками стала уже раздражать. В телевизоре, вернее на видеозаписи, вещала Лорн. Такая же красавица, как юные девушки на эротических фото в приставке «Нинтендо». Она как раз рассказывала о самых важных для меня вещах. Я валялся на кровати, напоминая неповоротливую рыбу, которая быстро, не смакуя, глотает планктон, но при этом выделяет в нем плотную пищу.

Вскоре за арендной платой приперся Ройстон. Этот мелкий проныра владел парочкой домов на побережье, и внимательно следил за своим личным имуществом. У него была привычка вытягивать голову вперед и вверх, отчего шея сгибалась таким образом, что напоминала «член вид снизу». Черные очки с толстыми линзами, волосы, похожие на парик, бледное худощавое тело, сильно скрюченное, словно пыталось вылезти из одежды. Ройстону уже перевалило за тридцать, но я воспринимал его как ребенка — имбецильного ребенка, который защищен от реальной жизни своей неспособностью оценить трудности, которые испытывал весь окружающий мир.

Я в принципе не мог общаться с ним вежливо.

– Хийя, Джек, время месячной оплаты.

Ройстон хохотнул, словно это была шутка, по звуку скорее походило на ослиный крик.

– Да? Я еще не собрал. Я, наверное, сорвал сроки.

– О Джек, ты прямо как пещерный человек. Давай, ты же понимаешь, о чем я.

Ройстон помахал в воздухе кулаком и зарычал. Он словно ожидал, что я стану поддакивать ему.

– Сейчас не лучшее время.

– О, вау. Да уж, я вижу. Тебе следует хотя бы иногда убираться, знаешь. У тебя на груди

шоколадный пудинг?

– Ты меня слышал?

– А почему занавески не открываешь? На улице такой прекрасный день. Солнышко светит, птички поют, господь сегодня в ударе. Так моя мама обычно говорила. Солнышко све...

Я вышел из комнаты и направился к холодильнику взять пива. Я посмотрел на бутылку с пилюлями и задумался, успею ли я ими наглотаться, прежде чем Ройстон скажет «задерживаешь». Вряд ли, так что я достал упаковку «ДФ-118»²⁵, вернулся и рухнул на кровать. На мне были грязные, растянутые трусы, мой член свободно болтался в них. Ройстон старался не смотреть мне между ног.

– Выглядишь ты неважно Джек.

– У меня проблемы.

– О...проблемы... А у кого их нет? Проблемы даны затем, чтобы их решать. Даже самые трудные из них отступают, если уделить им побольше времени. Похоже, на моей территории случился потоп? А ковер вообще завален мусором. Мне следовало бы взять это на заметку — я имею ввиду, это правда был превосходный ковер. Я должен был переживать из-за него и задаваться вопросом, почему такое случилось именно со мной. Но я решил забить. Я сам так решил. Вместо того, чтобы раздувать конфликт, я сделал прямо противоположное, забил на ковер. Положил проблеме конец. Скажи-ка, а где Карен?

– Она мертва. Кто-то выпотрошил ее, выпустил кишки, и накончал в образовавшуюся дырень.

На мгновение Ройстон замолк и только шевелил губами, словно пережевывал в голове мои слова, тщетно пытаясь их понять. Потом он снова заговорил, шумно дыша от удивления.

– Тебя мама не учила, что нельзя говорить такие вещи? Они могут сбыться.

Ройстон сидел на диване, слегка подпрыгивая на подушке.

– Пружины проваливаются, – сказал он.

– Так замени.

– О все еще не так плохо. Я имею ввиду, они же не торчат наружу.

– Что ты имеешь ввиду?

– Ну, ты живешь на определенном уровне.

– Все мы живем на определенном уровне.

– Ты не можешь позволить себе новый модный диван.

– Я не прошу тебя дарить его мне. В квартире есть мебель. Я плачу аренду. И мебель должна быть сносной.

– Я про то и говорю. Пружины вполне приличные...Для твоего уровня. Не подумай, что я мразь какая-нибудь. Просто жизнь такая. Ладно, дружище, это не важно. Давай лучше дунем. Я тут надыбал травки из Южной Африки. Вообще башню срыгает. Чтоб мне на небс улететь, если вру.

Ройстон считал курение травы пределом счастья. Он обожал использовать сленг торчков, когда заходил серьезный разговор. Ройстон вытащил бумагу и сумку с травкой. У нас уже стало обычаем курить траву в день оплаты квартиры. С ним легче было договориться о деньгах, когда он под кайфом. Мы становились как бы друзьями, и арендная плата отходила на второй план.

Я не любил траву — слишком уж много любви и цветочков было в ее истории. Дайте мне лучше таблетку из семейства успокоительных — что-нибудь, сделанное в медицинском

учреждении, а не какое-то травяное недоразумение. Что-нибудь, что паранойю на ноль делит. Но я решил, что накуренный Ройстон станет податливее в вопросе денег. К тому же я знал, придурок будет ныть до тех пор, пока я не соглашусь с ним дунуть.

– Давай быстрее тогда.

Ройстон два раза уронил сумку с травой, пытаюсь сделать самокрутку.

Мы затягивались, кашляли, снова затягивались. Он не додумался убрать семена, так что косяк периодически распускался, осыпая ковер горящим пеплом. Всякий раз, когда это случалось, Ройстон опускался на колени и принимался яростно оттирать обожженное место на ковре, кудахтая словно курица.

Когда косяк закончился, мы уже были в дрова. Ройстон пару раз заходил в приступе сухого кашля. Он снимал очки, чтобы протереть слезящиеся глаза. Я встал и пошел на кухню за еще одной банкой пива. У меня все лицо горело, боковым зрением я видел, как вокруг меня летали какие-то существа. Но поймать их оказалось тяжело, они исчезали, стоило мне повернуться.

За окном на балконе сидела девушка, которую я видел ранее. На этот раз на ней было больше одежды, она красила ногти, склонив голову. По моим венам бежал ТГК,²⁶ я спроецировал на девушку всю грусть этого города. В сиянии заходящего солнца, отбрасывающего оранжевый свет на стены вокруг нее, раскрашивание ногтей, казалось бесполезным делом. Мои мысли проходили через призму наркотического дурмана. Я был уверен, если бы я пошел туда, к ней, и приобнял ее рукой, она бы не выдержала и разрыдалась. А потом все в ее жизни стало бы хорошо. Я почувствовал к ней сильное влечение.

Но все закончилось, когда она подняла голову, увидела, что я за ней наблюдаю, и показала средний палец.

Я сразу почувствовал себя уставшим ото всего — от людей, от шума, от мира снаружи, от вечернего света. Чертов Ройстон и чертова арендная плата... Мне хотелось отключиться ото всего. Посмотреть еще телевизор, может взглянуть на фото мертвой девушки с ломом в заднице.

Я вернулся в гостиную с пивом.

– Долго тебя не было, Джек.

– У меня нет денег на оплату квартиры.

Ройстон выглядел так, словно я ему пощечину дал, словно я ляпнул такое, чего нельзя было говорить ни в коем случае.

– О...так...э...вот это да, Джек, с этим тянуть нельзя. Знаешь? Я хочу сказать, это же не трудно, так ведь?

– Карен действительно мертва.

– О, Джек...

– Так и есть. Ее убили.

– О, боже.

Ройстон начал тереть ладони о бедра. Он выглядел так, словно ему стало неудобно. Он словно ждал, что сейчас за ним придет неизвестный спаситель.

– Это...О боже...

– Да. Скверно.

Ройстон встал и почесал голову, держа другую руку на бедре.

– Джек, у меня ощущение, что мной манипулируют.

– Что?

– Вот, сначала у тебя нет денег на аренду, потом ты говоришь мне, что Карен мертва.

– Но это же правда. У меня нет денег и Карен мертва.

– Но ты сложил это вместе. Тут есть особый умысел.

– Эй, я только хотел спросить, могу ли я взять отсрочку на месяц. Ты ничего не потеряешь. Просто сейчас трудное время.

– Джек, так дела не делаются. Так в этом мире вообще ничего не делается. У нас контракт, мы должны соблюдать написанные там правила. Что будет, если все перестанут выполнять правила? Хаос. Никто вообще аренду оплачивать не будет.

– Я не верю в это.

– И я не верю, Джек. Я разочарован.

– Господи, Ройстон. Всего несколько недель. Немного же?

– Это дело принципа. Если ты не платишь вовремя, как я могу поверить, что ты и правда оплатишь?

– Обещаю, хорошо? Это же в первый раз за два года, господи!

Ройстон покачал головой, у него был такой вид, словно я посягнул на самое для него дорогое.

– Я не могу дать тебе месяц. Это невозможно. Я дам тебе две недели и это еще по-доброму, Джек. Хорошо?

Он пошел к двери, качая головой.

– Боже, я так разочарован.

Когда он ушел, во мне вскипела ярость. Я чувствовал себя оплеванным, униженным. Простая просьба, всего лишь отсрочка оплаты... Я ходил по комнате кругами, стиснув зубы, но мерзкое чувство не проходило. Желая расслабиться, я достал фото, что дал мне Райан. И больше не мог оторвать от нее глаз. Я принялся дрочить одной рукой, держа в другой фотографию. Прямо посреди комнаты. Моя сперма упала на ковер с хлюпающим звуком.

Затем я постарался отвлечься на наполненные сплетнями журналы — нырнул в бассейн лучшей жизни.

Том Круз во время медового месяца заказал люкс для новобрачных в Париже и завалил его цветами для Николь. В Городе Любви они потратили миллион баксов на новые шмотки. Ходили слухи, что Хизер Локли беременна, но сама звезда ничего не сообщала. Фэрра Фосетт танцевала всю ночь в гей-баре, сексуальная женщина, она держала себя в отличной форме. Тим Аллен подарил жене на день рождения новый «Ягуар», а Антонио Бандерас и Мелани Гриффит потратили двадцать пять тысяч долларов на мебель для няни малышки Стеллы. Тэд Дэнсон и Мэри Стинберген устроили супружескую тяжбу из-за работы в одном телешоу, теперь они спали в разных комнатах во время уикенда и не разговаривали друг с другом по субботам.

Через несколько дней после прихода Ройстона, меня одолела скука. У выпивки испортился вкус, тело размякло, а пелена дурмана от таблеток окончательно надоела. Бегство от реальности, длившееся полторы недели выжгло само себя изнутри. Я устал валяться на диване. Меня вдруг прорвало, как задницу после слабительного, меня озарило желание снова выйти в свет. Мне хотелось поразвлечься, не только пялясь в телевизор. Мне захотелось принять участие в том, что я там видел.

Я побрился, принял душ и оделся. Глубокая ночь. Черное небо, припудренное оранжевым светом. Наверняка по улице сейчас мчится много машин, и едут они по куда

более интересным делам, чем днем. Перевозка наркотиков, темные делишки на заднем сидении. Полиция выслеживает придурков, которые нажираются в клубах и барах, а потом арестовывает их на мокрой плитке возле бассейна, расположенного среди холмов. Встречи, которые состоялись или намеренно сорвались, кто-то идет к успеху или наоборот, катится под откос. Эх, ночь Лос-Анджелеса!

Я стоял на лестнице перед домом и вдыхал ее запахи. Она пахла по-разному. Теперь Лос-Анджелес отличался от того города, что я знал до смерти Карен. В нем больше не было обычной рабочей рутины и постоянного беспокойства о правильности своего поведения. Из непроницаемого монолита город снова стал местом, где может произойти все, что угодно — сверкающая арена, освещенная уличными фонарями, автомобильными фарами, светящимися окнами и неоновыми вывесками.

«Прелюд» завелся с пол-оборота — отличная японская техника. Я оставил двигатель на холостых оборотах и подумал о Карен.

Смерть в парке после нелегальной операции на почку, шрам на животе и все пропавшие органы. Составить подробный сценарий было нетрудно — Карен продала почку, пришла домой и рассказала об этом мне, мы подрались, она убежала и вернулась к доку, что-то пошло не так, и теневой врач пустил ее в расход. Звучит логично. Между операцией и убийством прошло совсем мало времени. Раны оставил хирург. У кого еще был мотив выпотрошить труп, чтобы скрыть все следы нелегальной операции?

Меня охватило чувство, что я неспроста связал все эти события в единую цепь, но тогда я не был уверен, куда она меня вела. Так что я опустил окна и тронулся в путь, надеясь, что ночной воздух выдует из моей головы тяжелые мысли.

На какое-то время, я ощутил чувство свободы. Ничто не могло меня остановить, я мог мчаться сколько угодно — ни будильника, ни босса из забегаловки с пончиками. Мои действия совершенно не касались окружающего мира, я словно находился вне времени. Какая разница, где я остановлюсь, куда я пойду, что сделаю? Без связей со средствами массовой информации, я не был нужен этому городу.

На север Линкольна, на восток Санта-Моники, потом к Голливуду и вот она, небольшая пробка на дороге.

Около двенадцати ночи, час пик. На дороге, параллельной Голливудскому бульвару и расположенной на пять улиц южнее, бурлила жизнь. Пол мили было заполнено помпезными магазинчиками с облезлыми стенами, по улице ползли огромные массы торгашей и покупателей, она напоминала кусок мяса, изъеденный личинками. Порно-кинотеатры, забегаловки с фаст-фудом, парочка баров, мужчины с тяжелым взглядом, грубой кожей и с большим количеством колец на пальцах. И шлюхи, шлюхи, шлюхи.

Машины плелись медленно, близко к тротуару, покупатели осматривали товар. Бляди, шлюхи, вульвы... За ними охотились все, кого город мог из себя выbleвывать. Студенты из колледжа, обычно сидевшие по шесть человек в машине. Они высовывались из окон, свистели, кричали и хлопали ладонями по дверям. Такие юнцы приносили с собой самую чистую невинность, которую видела эта улица. Они приезжали сюда найти подружку или какую-нибудь отстойную шлюху, что обслужит прямо в машине по заниженной цене.

Профи, регулярные клиенты, всегда спокойные и расслабленные, приходили сюда поодиночке или с друзьями. Они называли девушек по именам, хорошо торговались, и четко формулировали свои требования. Такие уж точно не упустят, за что заплатили. А еще были ребята, которые относились ко всему очень серьезно. Одинокие, они сидели в машинах за

закрытыми окнами, пока похоть не распалась настолько, что они шли к первой попавшейся женщине, даже если она проходила мимо них уже десятый раз. Разгоряченные, вспотевшие, такие люди вели машину со вставшими членами. Они рисковали работой, женой, домом полным детей, но не могли остановиться. Секс ведь как наркотик, грязный и опасный, и построен он на таком же безумном психическом фундаменте — все это дерьмо шло прямиком из детства. Безумцы и подлецы, да, но именно они были настоящим лицом уличной клиентуры. В отличие от молодняка и гуляк, чьи действия не заходят дальше удовлетворения животных потребностей, эти отчаянные люди являлись ее костями и мышцами. Истина состояла в том, что они и сами были ничем не лучше шлюх. Боль всегда тянется к боли.

Сутенеры наблюдали за всем из своих машин. Наркоманы сидели в облезлых закусных, склонившись над нетронутыми чашками черного кофе. В таких заведениях туалеты мазали углем, что соскоблили со дна ложек и смешали с красным содержимым выброшенных шприцов. Еще рядом с наркотиками и шлюхами часто зависали причудливые пожилые ребята, они буквально питались необузданной заносчивостью, которую ошибочно принимали за молодость и энергичность. Владельцы ликеро-водочных магазинов вооружались винтовками — это были настоящие рыбы-лоцманы среди стаи акул — каждую ночь они молились о том, чтобы остаться в живых. Мексиканцы здесь выносили мусор и подметали полы в порностудиях и комнатах для съема шлюх. Во время пятиминутных перерывов они курили самокрутки или маленькие темные сигары на лестницах у боковых дверей. Они стояли, прислонившись к метле, несчастные выглядели такими уставшими, что, казалось, никогда больше не смогут и пальцем пошевелить. Полицейские здесь попадались редко. Они даже ночью не снимали солнцезащитные очки, у них были бледные толстые предплечья от долго ночного дежурства. Стражи порядка все время жевали жвачку. Ну и ездили по улицам, как и все остальные.

Я оставил машину на западном конце улицы, на парковке, принадлежавшей заброшенной фабрике по производству одежды. Здесь улица брала фальстарт в виде торговцев фаст-фудом и магазинов с порножурналами. Она тянулась из темной пустоты к кварталам с невысокими зданиями и разорившимися офисами, словно гигантский зверь из болота. Здесь ее изгиб выступал на четверть мили восточнее, а затем снова сворачивал в неосвещенные кошмарные районы города. Там стояло немного людей, чуть выше, на перекрестке неторопливо тащились автомобили, свернувшие с поперечных улочек. Через пять минут я уже пришел туда, где начиналось основное действие.

Улица была мне не в диковинку. Ужасными одинокими ночами, когда мое воображение уносилось прочь, а часы пожирали сами себя, я иногда мысленно приезжал сюда и искал Карен, в полной уверенности, что привезу ее домой. И вот впервые, сам, по своей воле, я погрузился в перетягивание каната между скупостью и похотью. Мне хотелось убедиться в том, что город не ограничивался пуританскими шаблонами, созданными средним классом. И эта улица была тому подтверждением. Под воздействием бешеных, голодных импульсов, люди вели себя гораздо приземленнее. Эти импульсы посылали на хуй весь мейнстрим.

Шлюхи одевались в яркую одежду, подчеркивающую доступность. Они стояли у тротуара или бродили возле секс-шопов и магазинов, напоминая скучающих автостопщиков. Какофония звука и света вокруг них походила на грозу: последовательные волны от мигающих вывесок баров и кинотеатров и вопли посетителей стрип-баров, напоминавших на бедных стипендиатов. Они стояли пьяные в засаленных пиджаках и обсуждали задницы и

пезды стритизерш. Одни девушки были страшными, другие красивыми, но, судя по лицам, все они с радостью оказались бы в другом месте.

На этой улице секс имел строгую классификацию — на свету только гетеро. А дальше, на маленьких улочках, что уходили в темноту, был товар пожестче. Специальные кинотеатры в подвалах, где показывали фильмы про садо-мазо, секс с животными, или дерьмо с мочой. Возле таких мест во мраке отирались люди, которые претворяли эти образы в реальность. Дальше на востоке, пешеходов почти не было. Пустая дорога без заведений, где иногда попадались бары. Но и здесь бурлила жизнь. Только поддерживали ее мужчины.

Джинсы, футболки, иногда блеск кожаной одежды. Большинство из них были молодыми. Одни ютились по углам, другие стояли у проволочной ограды. У всех одно согнутое колено, ступня, прижатая к стене. Они держали большие пальцы заправленными в ремень, стоило проезжавшей машине сбавить ход, они начинали потирать промежности остальными четырьмя, выглядело очень стереотипно. Здесь не было ни кинотеатров, ни шоу, ни сутенеров, ни зазывал, ни секс-шопов с резиновыми товарами. Только мужчины, которые молча курили и ждали клиентов.

Я никогда не заходил так далеко — вряд ли Карен имела бы здесь успех. Ощущение того, что мужчины за рулем автомобилей смотрят на меня и думают о сексе, показалось мне странным.

Примерно в десять ярдах впереди водитель «Мерседеса СЕК 560» остановился возле блондина с короткой стрижкой, и опустил окно. Я замер на месте, хотелось посмотреть. Казалось, все происходило также, как и у шлюх женского пола, только быстрее и приставаний поменьше. Я не мог слышать, о чем они говорили, но, судя по всему, это нравилось им обоим. Парень в машине открыл дверь и короткостриженный блондин залез внутрь. Мерседес двинулся дальше, в зеркале заднего вида я разглядел только силуэт руки водителя, лежавшей на спинке сидения.

Я смотрел, как машина исчезла из виду, и думал о том, что они собрались делать, и сколько денег перетекут из одних рук в другие. Я никогда не трахался с мужиком. Однако мне уже далеко за двадцать, и меня, возможно, выселят. Казалось, все просто. Стоишь здесь, бизнес сам идет. Но что после того, как ты окажешься в машине? Сосать и надрачивать? Думаю, такие действия тут воспринимаются как рукопожатие. Легкие деньги.

Я обнаружил, что уже стою напротив стены и откинулся на нее. Никакого замысла у меня не было, я просто наблюдал за происходящим. Несколько парней, стоявших неподалеку, посмотрели на меня искоса, но это ничего не значило. Если бы взглядом можно было убить, весь мир давно бы умер.

Машины проезжали мимо, напоминая причудливый счетчик в компьютерной игре. Парням с обеих сторон от меня повезло. Я выглядел лучше, но они моложе. Мне было наплевать, такой теплой ночью лучше стоять здесь, с этими фриками, чем глотать пиво в жаркой квартире, впрочем, я и этого уже не мог себе позволить.

Какое-то время ничего не происходило. Но вдруг.

— Эй.

К тротуару подъехал черный «Лексус» в нем сидел крупный мужчина за сорок, он откинулся в пассажирском сидении и пялился прямо на меня.

— Да ты. Снимаешься или как?

Теперь, когда все было по-настоящему, это уже не казалось таким простым. Я думал уйти, но это означало послать прощальный поцелуй деньгам, и да и как-то неловко

поступать так на глазах у всех.

– Подойди, блядь, ближе. Я не собираюсь кричать на всю гребаную улицу, всю гребаную ночь. Тебе деньги не нужны что ли?

Я подошел и наклонился к окну. Мужчина был крупнее меня, достаточно сильный, чтобы выбить из меня все дерьмо, если что-то пойдет не так. А все вполне могло пойти не так, я быстро это понял. Мне не хотелось заниматься этим с таким парнем, как он. Такой вряд ли поймет слово «нет», когда у него встанет.

– Сколько у тебя?

– А?

– Какого, бля, размера твой член?

– Думаю среднего.

– В дюймах.

– Семь.

На его лице появилось сомнение.

– Не слишком большой. Но может я и воспользуюсь твоими услугами. Ты уже кончал сегодня? Я плачу и хочу получить крепкий пистон. В жопу ссышь?

Я наклонился достаточно близко и почувствовал его запах, а пах он нехорошо. По правде сказать, мужик пах дерьмом. Хватило секунды, чтобы у меня поубавилось энтузиазма от этой затеи.

– И что вы хотите?

– Залазь в машину блядь. Ты только время у нас отнимаешь. Сколько тебе, кстати?

– Я хочу знать до того, как сяду в машину.

– Иисус, ебать его, Христос. Я ведь могу и другого найти.

Я просто стоял и смотрел на него, надеясь, что именно так он и сделает. Спустя мгновение клиент пожал плечами.

– Сперму из жопы высасывать будешь? Я плачу хорошие бабки, и мне нужно именно это.

Я решил уйти. Мне вовсе не хотелось начинать работу проституткой с засовывания голову между его потных воняющих дерьмом ягодиц, и высасывать оттуда свою сперму.

Похоже, он все понял по моему лицу.

– В чем дело? Думаешь, что-то не так? Это нормально! Какого хуя ты вообще сюда вылез? Думаешь это смешно, обманывать людей?

Мужчина почти полностью высунул голову из пассажирского окна. Брызги его слюны попадали мне на щеку. Я отпрянул и пошел вверх по улице против потока машин, чтобы он не смог преследовать меня. Я услышал, как взревел мотор его машины. Мужчина продолжал что-то кричать даже когда «Лексус» поехал. Жопотрахи посмотрели одобрительно.

Я обошел квартал, и вернулся на ту же улицу только на сотню ярдов восточнее. Здесь я нашел бар. Он выглядел не слишком уютным, но я уже устал ходить, а ничего ближе не нашел. Я купил выпивку и сел на стул возле окна.

Ситуация с «Лексусом» меня выбесила. Если бы тот парень хотел простого минета, я бы уже сидел здесь с долларами в кармане, а может и начал бы новую карьеру, приобретя опыт. А вместо этого сижу здесь и ругаю сам себя за то, что у меня не хватает денег даже оттянуться где-нибудь.

Оконная рамка мигала светом неоновой вывески бара. Я тупо уставился на улицу, потягивая пиво. Мне хотелось получить деньги хотя бы на выпивку. Вдруг кто-то

неожиданно хлопнул по стеклу снаружи.

Рекс.

Он вошел в бар. На нем был костюм Родео, Рекс выглядел опрятно и вполне мог сойти за богатого. Такой же, как всегда. Удивляюсь, почему он до сих пор не попал на телевидение.

– О дружище. Развлекаешься?

– Вроде того.

– Странное ты выбрал место.

– Что ж, да...

Рекс понимающе посмотрел на меня, затем облокотился на стойку бара и заказал нам две рюмки крепкого алкоголя и две на заливон. Он протянул мне рюмку с обеспокоенным выражением лица.

– Мы говорили о Карен?

– Не могли не говорить, если ты об этом.

– Круто. Я не был уверен...я все еще думаю о ней.

– Эй, опять начинаешь? Мы оба знаем, что вы не были друзьями.

– Черт, мэн, знаю я. Но тебе-то от этого не легче.

– Знаю. Просто сказал.

– Все в порядке. Чувство собственности быстро появляется.

– Чувство собственности?

– Желание в одиночку обладать мертвецом. Не позволять никому чувствовать, что она им важна также, как тебе.

– Я не хочу ею обладать. Бля...я рад, что она исчезла.

– Ладно, ладно....

Он выставил перед собой руки и отступил.

– Когда я сказал, что думаю о ней, я не имел ввиду именно Карен, понимаешь, я думаю о смерти. О ее реальности. Знаешь, что я вижу, когда думаю о ней? Я вижу не ее. Я вижу край скалы. Понимаешь? Обрыв. И невидимое гравитационное воздействие толкает меня к краю, к прыжку.

– Это нормально, расширение сознания.

– Что ж, я не пытаюсь не делать этого, мэн. Но я не знаю...Каждый день одно и то же. Понимаешь, о чем я? Одно и то же каждый день. Даже если что-нибудь действительно изменится, даже если произойдет нечто реально хорошее, все остается по-прежнему.

– Я видел ее тело. Я ходил в морг.

– Бля...Это, наверное, нелегко.

– Да...выглядела она очень плохо.

– Вау...

Какое-то время Рекс только пил, затем сказал:

– Я говорил там с одним парнем.

– У тебя нет проблем? Я хочу сказать, они не подозревают тебя, да?

– Не знаю...Это было как-то отстраненно, неофициально. Я хочу сказать, этот парень был чертовски странным.

– Может оно и к лучшему. Меньше проблем. Это ведь не ее отец был?

– Бля, кто знает? Карен как-то говорила о папаше полицейском, но ты помнишь, какая она была.

– Что ж, плохо помню, мэн. Мы же не дружили, во конце концов.

Рекс ухмыльнулся и легко ударил меня рукой в плечо. Я засмеялся, меня обрадовало, что рядом оказался кто-то, способный шутить. Рекс хлопнул пустым стаканом по стойке.

– Твоя очередь, дружище.

– Я не могу, извини. Меня уволили.

– А...

Рекс заказал напитки, и снова повернулся ко мне. Он выглядел довольным.

– Настало время признаться, дружище. Что ты тут делаешь?

– Зависаю.

– Здесь никто не зависает. Я смотрю, у тебя нет денег даже на выпивку. Так что думаю, ты ищешь альтернативный источник доходов.

– Думал об этом.

– Ха, – хлопнул в ладоши Рекс. — Пора, я никогда не понимал, почему ты все время бедствуешь. Ты отлично выглядишь, у тебя прекрасное тело.

– Это последний шаг, я думаю.

– Какой шаг? Я ничего такого не имею ввиду, Джек. Ты же не умрешь от этого. И у тебя появятся деньги, хватит и на наркоту, и на неплохую одежду. Ты только теряешь время на улице.

– Почему?

– Это место для торчков и лузеров. Здесь продаются только если некуда податься или ты ничего другого не умеешь. Эти ребята рады заработать пять баксов на завтрашнее утро. Я знаю, мэн, сам здесь начинал. Ты сможешь выжить, но нормальных денег не сделаешь. Хлебное место — это работа в агенстве.

Рекс пристально посмотрел на меня, затем выпил.

– У тебя ведь машина есть, да?

– Э... да.

– Отлично. У меня вечеринка на Малхолленде. Порше пока в ремонте, я хотел было заказать такси, но лучше окажу честь тебе. Идем.

– Куда мы идем?

Я уже немного опьянел, и все казалось мне слишком быстрым.

– Заработать немного денег у того, кто может нам их дать.

– Хочешь, чтобы я кого-нибудь выебал вместе с тобой?

– Если захочешь, но это твой шанс. Не волнуйся, я знаю этих людей, им не доставит неудобств незнакомый парень, поверь мне...

– Они?

– Семейная пара.

– Черт. Не знаю...

– А что ты собираешься делать? Сломленный пойдешь домой дрончить? Идем со мной, ты трахнешь бабу, примешь наркоты и подзаработаешь денег. Разделю пятьдесят на пятьдесят. Так что выбираешь? Давай, дружище. Время подсесть рыбу или уйти ни с чем.

В таком ключе отказываться было глупо.

– Кокс есть?

– Без проблем.

Мы вышли на улицу, нас встретила яркая, но безвкусная ночь.

Глава седьмая

На запад по Голливудскому бульвару, затем на север по Каньону Лорел²⁷ и вверх, на холмы. Отличное шоссе с лучшими видами Лос-Анджелеса.

Дорога змеей ползла наверх. От нее ветвились узкие однополосные улочки, они стекали в овраги или стремились ввысь. Туда, где, прислонившись к склонам холмов, на еле живых сваях, стояли дома с архитектурой шестидесятых-семидесятых. Равнина Беверли-Хиллз выглядела слишком помпезной, да и деньги в Бел-Эйр начали водиться гораздо раньше, но ничто не могло сравниться с атмосферой Голливудских холмов.

С улицы дома были почти не видны. Их построили спиной ко всему миру, заросли эвкалипта и шинуса хорошо скрывали. Если они и показывали окна, то только узкие, свет, что просачивался сквозь них, излучал атмосферу тайны и уюта. Ехать по этому району само по себе оказалось испытанием для воображения. Кем бы эти люди ни были, чтобы ни делали, несомненно, их жизни заслуживали киноленты, у них наверняка были толпы любовниц и неограниченные финансовые возможности.

Выпивка из бара, ночной воздух, дувший в открытые окна, все это вернуло мне чувство молодости. Я был жив и полон восторга, теперь мне казалось абсурдным, что я провел последние две недели, валяясь в постели, когда мог заниматься этим — отираться на задворках идеальной жизни.

– Я немного превысил скорость.

Рекс мечтательно улыбнулся.

– Какая разница? Ехать бухим даже как-то оптимизм внушает. Увеличивает шансы выиграть в лотерею.

– Ты можешь сбить того, кто не хочет умирать.

– Верно, но, если выпить много, тебе на это насрать.

Рекс достал кокаин. Я закрыл окна, он зацепил немного порошка уголком кредитной карты и поднес к моему носу. Дорога некоторое время была прямой, так что я просто зажал руль между коленями. Можете назвать меня психом.

Несколько минут спустя, мы подъехали к Голливуд-Боулу²⁸. Город распростерся под нами словно ковер из драгоценных камней, бесконечные сверкающие постройки и гигантские небоскребы в центре города. Я припарковал машину. Ворота Голливуд-Боула были заперты, но у края дороги осталось пустое пространство. Мы вышли из автомобиля, просунули пальцы через решетку ограды и уставились на город.

Лос-Анджелес всегда был великолепен. Но ночью, когда тьма устраняла контраст с горизонтом, он превращался в световую конструкцию, которая ошеломляла одним своим видом — сверкающий приз всем живущим на холмах.

– Потрясающе.

Рекс заворчал.

– А меня пугает. Все эти люди вертятся, как могут. Я хочу сказать, вот ты считаешь себя важным человеком. Но когда видишь такое, видишь сколько там людей...Мы ничего не стоим. Мы как муравьи, мэн.

– Только если ты не Брюс или Арнольд.

– Я считаю, все это ад на земле, и не важно кто ты.

Мы еще немного занюхали у ограды, затем вернулись в машину.

Дом находился в конце слабо освещенной аллеи, идущей вниз по склону холма Малхолланда. Это была большая и белая копия Испанца, окруженная субтропическими растениями. От центрального здания отходили два крыла, они смотрели спиной к дороге, лицом к городу.

Мы вышли из машины и направились к большой дубовой двери, прямо в ее древесине были железные прутья.

– Мы не поздно?

– Когда поздно, здесь все только начинается.

– Похоже место денежное.

– Они профессионалы.

– Круто. Откуда ты их знаешь?

– Они позвонили в агенство и заказали, что хотели. Если ты им понравишься, ты вернешься домой. Бля, во имя господи, не спрашивай их, чем они занимаются. Как себя чувствуешь?

– В порядке.

– Просто продолжай в том же духе. Им понравится, любят новеньких.

Дверь открыл жилистый мужчина среднего роста, он выглядел очень напряженным. На нем была выцветшая хлопковая рубашка, он расстегнул ее до груди, обнажив тонкие рыжеватые волосы. Я его не узнал. Если он и работал в кино, то наверняка находился с другой стороны камеры. Он жестом пригласил нас войти, потом закрыл дверь. Он двигался резко и размашисто, словно ему было тяжело контролировать собственные конечности.

– Ну наконец-то. А кто этот молодой человек?

Незнакомец улыбнулся мне и резко протянул руку. Он сжал мою кисть слишком сильно.

– Рон, это Джек. У меня проблемы с машиной, и он меня подвез. Его ты тоже получишь, никакой дополнительной платы.

– Привет, Джек. Выглядишь отлично. Ты любишь учить людей, как себя вести? Конечно любишь, конечно. Иначе тебя бы здесь не было, так ведь? Да, я уверен ты знаешь, как обращаться с людьми, которые вели себя плохо, не так как надо.

Я посмотрел на Рекса, его левый глаз дернулся.

– Спрашиваешь!

Мы замолчали. Рон переминался с ноги на ногу, словно забыл дальнейшую программу действий.

Рекс прочистил горло.

– Э, Рон...

– О господи, да. Господи, прости. Конечно, сначала деньги. Никакой платы за Джейка, ты ведь так сказал? Ой, я хотел сказать Джека. Извини, Джек. Больше ничего?

– Если только сам захочешь, Рон. Тебе решать. На тебя никто не давит.

– Что ж, может немного и накину, потом.

Рекс взял свернутые банкноты, что дал ему Рон и быстро, не считая, сунул их в карман. Каждый пытался изобразить, что деньги для него ничего не значат. Я попытался разглядеть банкноты, но все произошло слишком быстро.

– Итак, начнем.

Мы прошли коридор прихожей, сводчатый дверной проем, и оказались в комнате с высокими потолками. Она занимала почти весь этаж, вплоть до стеклянной задней стены

здания. В гигантском окне мы увидели Лос-Анджелес, парящий над темным каньоном.

Слишком яркое освещение, белые каменные стены, лакированный пол светлого оттенка. Мебели было мало: бар в алькове, белый кожаный диван у стены, и низкий журнальный столик, на котором лежала огромная спринцовка, наполненная водой. Комната напоминала картинную галерею без картин.

На полу, среди пустого пространства стояло нечто похожее на заказной гинекологический стол — строение три фута в высоту, четыре в длину. Его окружала решетка из хромированной стали, к которой были прикреплены два железных фиксатора.

А на столе лежала голая женщина.

Судя по телу, ей было далеко за тридцать, и она неплохо сохранилась. Ничего не могу сказать о ее лице, его скрывал обтягивающий колпак из черной кожи. Разрез для глаз в нем не наблюдалось, но была парочка для носа, рот закрывался на застежку-молнию. Ее ноги были прикованы фиксаторами и запрокинуты так далеко, что колени почти соприкасались с плечами. Анус женщины был весь на виду. Ее руки приковали наручниками к другой стороне решетки у нее за головой.

Рекс снял куртку и сел на диван.

— Ей нужно тоже, что и в прошлый раз?

Рон был уже возле бара, он собирал стаканы и прочую посуду.

— Думаю, она заслужила это, так ведь?

— Конечно да.

Когда Рон отвернулся, Рекс улыбнулся мне.

Пока я стоял и смотрел на женщину на столе, Рон уже принес выпивку. В свете галогеновых ламп она казалась нереальной, я почти не воспринимал ее как человека.

Напитки оказались крепкие — водка, лаймовый сок, лед. Рекс наблюдал, как я выпиваю, держа перед лицом стакан.

— Ты слышала нас, любовь моя? Ребята здесь, на сей раз их двое. Они дадут тебе урок, не так ли? Мы все на тебя смотрим.

Рон говорил все громче, он с трудом сдерживался, чтобы не закричать. Он на время замолчал, пытаюсь успокоиться.

— Скоро я отдам тебя им, но сначала нужно выпить. Не волнуйся, мы тебя не оставим.

Женщина часто дышала, ее сиськи быстро поднимались и опускались.

— Отлично, ну давайте ребятки, шевелитесь.

Рон открыл ящик журнального столика и достал оттуда упаковку инсулиновых шприцов, несколько флаконов со стерильной водой, и пару маленьких пакетиков с коксом.

В комнате было жарко — ночи в Калифорнии всегда балансируют на грани жары. Тишина глубокой ночи поглотила всю связь со внешним миром.

Рон смотрел, как женщина вздрагивала от малейших звуков, которые он издавал, открывая флаконы. Ему нравилась ее нервозность. Когда стакан уже на четверть дюйма наполнился водой, он открыл один из пакетиков и вывалил туда все содержимое. Затем Рон мешал все шприцовым поршнем, все полностью не растворилось. Резиновый конец поршня скрипел по стеклу.

Я занялся бутылкой, сделал пару глотков. Водка обожгла мне горло, глаза заслезились глаза, но все только начиналось, и я хотел расслабиться. Рон протянул мне готовую смесь.

— Не волнуйтесь, все фильтрованное, это из аптеки. Давайте сами.

Затем он заорал на всю комнату:

– Парни собираются поразвлечься, кисуля. Надеюсь, что смогу сдержать их.

Женщина немного сместилась. Фиксаторы и наручники звякнули.

Рон хотел наложить нам на руки веревки, но мы с Рексом нащупали вены просто сжав кулаки.

Игла проскользнула внутрь, я почувствовал легкий укол в изгиб локтя. Я слегка оттянул поршень, чтобы проверить, попала ли игла в вену — в прозрачном растворе появился густой след крови. До того, как ширнуться, я посмотрел на Рекса. Он ждал меня. Мы начали одновременно, улыбка Рекса словно сказала мне: «Давай приятель, не тяни».

Бац. Голова и грудь увеличились в размерах. На мгновение я почувствовал тошноту, но это быстро прошло. И вот я супермен. Реальность стала ясной и мутной одновременно. Я хотел этого. Хотел выебать эту бабу прямо сейчас, до того, как начнется веселье, до того, как мои органы очистятся от наркотика и лишат меня этой вспышки.

У Рона светился лоб. Глаза были наполнены страхом и удивлением, радужные оболочки куда-то исчезли, мышцы в углах челюсти дрожали от напряжения. Как и у всех нас.

– Готовься, дорогая, они идут.

Женщина то раздвигала, то сжимала ноги, насколько это ей позволяли фиксаторы. Рекс толкнул меня локтем, встал и разделся до гола. У него уже наполовину встал. Я тоже скинул одежду на пол. Рон все еще сидел на диване, мой член болтался перед его лицом.

– Сначала это.

Он протянул Рексу спринцовку.

– Сначала вычисти ее.

Мы окружили женщину. Она знала, что мы близко. На ее бедрах и руках появились впадины, она отчаянно пыталась освободиться от наручников и фиксаторов, что сковывали ее тело. У нее работали разные группы мышц. Рон не раздевался, но его член проглядывался сквозь брюки.

Рекс действовал уверенно, хорошо знал свое дело. Я задумался, как часто он зарабатывал, участвуя в таких представлениях. В квартире Рона почти физически ощущалась злоба женщины, но само представление казалось хорошо продуманным, организованным. Свободную и сопротивляющуюся женщину было бы тяжело скрутить. Наверняка она сама позволила сделать с собой такое.

Выпивка и кокс обострили все чувства, с ними все воспринималось легче. Руководил всем Рекс, он засунул ей спринцовку.

– Раскрой ее, дружище.

Пизда женщины была мокрой, мои пальцы два раза соскользнули, прежде чем я смог раскрыл ее. Белая пластиковая насадка проскользнула в нее промеж моих пальцев. Рекс сжал спринцовку.

Внутри затекло где-то пол пинты, затем вода полилась обратно. Она заливала все вокруг насадки, стекала со стола, и разбрызгивалась на лакированном полу со звуком похожим на стук ливня.

– Да, Рекс, промой сучку хорошенько. Нравится быть чистой, да блядина? Она хочет стать чистой. Так ведь, любимая? Хочешь быть чистой?

Женщина издала звук похожий на «да».

Когда половина воды ушла, Рекс проделал тоже самое с ее задницей. На этот раз ни капли воды не вылилось наружу.

Рон держал в руке сигарету и курил так, словно понятия не имел, как этим заниматься.

Он делал короткие затяжки с печальным выражением лица. Пуфф, пуфф, пуфф. Рон протянул мне сигарету и кивнул головой женщине. Я посмотрел на Рекса.

– Прижги ей ногу.

– Этим?

– Они этого и хотят.

Я замер, кончик сигареты светился ярким красным светом на фоне серого пепла. Я осмотрел комнату в поиске знака, который подсказал бы мне, стоит ли мне пройти через это. Но никаких подсказок я не увидел. В этот момент на меня снизошла мысль: нет никакого смысла рассуждать, что правильно, а что нет. Зачем? Какая мне разница, что случится с этой женщиной?

– Давай, дружище.

Я чувствовал себя куклой, у которой нет выбора.

Я прижал сигарету к нежной коже ее ступни. Женщина дернулась, ее тело немного приподнялось, из задницы прерывистым потоком полилась вода вперемешку с дерьмом, мерзкая масса дугой разлилась вокруг стола.

– Да! Черт возьми, она хочет этого.

Рон прыгал с ноги на ногу и хлопал в ладоши. Под колпаком слышались крики женщины. Рекс посмотрел на меня, приподняв бровь.

– Интересно, да?

Рон достал парочку новых презервативов, один с головой слона, другой с головой курицы.

– Эти парни накачаны наркотой, киска. Тебя жестко бурить будут. Хочешь, чтобы новенький тебя выебал первым?

Она неуклюже кивнула головой.

– Да, я так и думал. Твоя очередь, Джейк. Дай я тебе помогу.

Я стоял у края стола. Рон схватил мой член и засунул его в презерватив. Потом сжал его и несколько раз дернул.

– Вот так-то, дружище. Засади ей. Жестко, как только сможешь. Она любит так. Жестче. Отжарь ее хорошенько.

Я трахал ее энергично, но Рону было мало. Он кричал и махал руками, словно болел за футбольную команду. Мои бедра хлопались о задницу жертвы, я так жестко врывался в нее, что стол качался. Женщина стонала от каждого толчка. Когда я закончил ее «трещина» была мокрой и развороченной.

– Чувствуешь себя чище, любимая? Он тебе там весь гной соскреб? А теперь номер два.

Все повторилось. Рон приплясывал, женщина издавала животные звуки, только Рекс засунул ей в задницу. Спустя некоторое время, она начала пердеть с каждым движением его бедер.

Мы сделали перерыв, выпили и на еще раз ширнулись коксом. Затем трахнули ее еще раз, только на этот раз поменялись дырками.

Под конец мы с Рексом стояли как уставшие матадоры над выдохшимся быком. Рон зажег еще одну сигарету. Он вытащил наружу член, и принялся драть и курить одновременно, выглядело немного смешно.

– Не заставляй меня ждать, мэн.

Он протянул сигарету мне. Я уже отходил от кокаина и начал нервничать, а выпивка измотала меня окончательно. Я уже хотел уйти. Я потянулся за сигаретой, но Рекс оттолкнул

меня в сторону.

– Я сам сделаю, Рон.

– Без разницы. Просто сделайте, во имя господ.

Рон встал рядом с головой женщины, выставив перед собой член, он был готов ко всему. Рекс подул на кончик сигареты, затем, стараясь не смотреть мне в глаза, раздвинул ее губы и прижег сигаретой клитор. Я услышал тихое шипение, уголек коснулся соков ее пизды.

Женщина задергалась и пизды полилась моча, ее словно ее били током. Звуки, которые она издавала из-под маски, действительно напугали. Рон зарычал и кончил прямо на ее кожаную маску.

Снова ночная дорога.

– Я поведу.

– Конечно.

Я не собирался спорить. Мое тело болело, после кокса гудело в голове. Везти машину было проблематично.

– Валиум есть?

– В кармане куртки.

Рекс вырулил на Малхолланд и поехал в противоположную сторону.

– Не туда.

– Нужно развеяться. Только немного, хорошо?

Я вытряхнул из пластиковой трубки две желтых таблетки и проглотил их, запив водкой. Когда мы уходили, Рон разрешил нам ее забрать. Двух не хватило, так что я принял еще две. Рекс тоже проглотил две таблетки и допил водку. Я выбросил бутылку из окна. Я видел, как она раскололась, ударившись о край дороги, с таким звуком, словно нечто тяжелое бросили в озеро. До рассвета оставался долгий час, небо приобрело болезненно серый, стальной оттенок. Склоны холмов постепенно проявлялись перед нами словно фотография на заторможенном Полароиде. Пару миль мы ехали молча, ждали, пока подействуют таблетки.

– О чем думаешь?

– Она правда хотела этого?

– Конечно. Легкие деньги, а?

– Они все такие?

– Какие-то да, какие-то нет. Ты хорошо справился.

– Как она выглядит без маски?

– Никогда ее не видел.

– У них наверняка интересные отношения.

– Думаю, для них это единственный способ сохранить брак.

– Да уж, когда получаешь деньги, гораздо легче идти на такое.

– Почему легче? Они же не убивают друг друга.

– Да, но, чтобы согласиться на это, нужно выйти за пределы обычной морали. А это не каждому по силам.

– Ты хочешь сказать, они как бы покупают за деньги право решать, что хорошо, а что плохо?

– Так себе это представляют другие.

– Мэн, ты слишком все романтизируешь. Закончив свои делишки, они снова становятся самыми обычными людьми. Такими, как все.

– Херня. Ты можешь найти парня, только психически здорового, который бы приходил

домой, а его жена весь день драила полы, а потом позволила бы ему себя связать и прижечь пизду сигаретой? Бля, да тут дохуя кому бы платить пришлось. Полиция, домашнее насилие, сексуальное насилие... Вся жизнь бы в один миг поменялась. Но на богатых это не распространяется. Они могут уединиться. Могут всю жизнь потакать своим прихотям и не париться. Завтра Рон и его жена проснутся, у нее все будет адски болеть. Но готов поспорить, они спокойно позавтракают в каком-нибудь красивом уютном месте за пределами Мелроуса, словно ничего и не случилось.

— Что ж, я за ними следить не стану. Господи, вот я нажрался.

Рекс развернул машину, и мы поехали искать дорогу домой. Таблетки еще воздействовали на нас, кто бы ни сел за руль, скорость была ниже двадцати пяти миль в час. Через пять минут Рекс опустил голову на руль и уже не смог ее поднять. Я разбудил его, толкнув локтем.

— Остановись.

Он резко поднял голову и изо всех сил постарался сосредоточиться на дороге. Когда он заговорил, послышалось вялое неразборчивое бормотание.

— Проголодался, дружище?

— Не могу сказать.

— И я не могу.

— Мы слишком наглопались Валиума.

— Не, это от кокса.

— Лучше остановимся.

— Да.

Мы проехали еще пол мили, пока Рекс собирал волю в кулак, чтобы из состояния движения вернуть нас в состояние покоя. Когда он, наконец, решился, мы уже вернулись к Голливуд Боулу. Мы припарковались близко к ограде.

Прекрасный вид, рассвет над городом в изометрической проекции.

Мотор выключен. Все системы тоже.

— Блин.

— Сидения можно наклонить.

— Слава богу.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко, воздух в машине был спертый. Через ветровое стекло я увидел центр Лос-Анджелеса, его покрывала завеса смога, отчего он стал похож на черного призрака.

Рекс ушел, но оставил на приборной доске визитку и деньги. Я пересчитал их — триста долларов. Затем прочитал, что было написано на визитке: «Звони по номеру. Цепляй туристов». Я перевернул визитку. Там черным по белому, шикарными буквами написали номер телефона и слова «Эскорт Бел-Эйр». Вот только телефонный код был не Бел Эйра. Я сунул визитку и деньги в карман.

Врата обзорной площадки были открыты. Я вышел из машины, прошел сквозь группу холеных японцев на парковке и взобрался по ступеням на вершину обнаженной горной породы песчаника. В мелких кустах вокруг меня стрекотали цикады, внизу, в грязно-коричневом чане города, десять миллионов проживали еще один день.

Несмотря на нагрузки, каким я подверг организм вчера, я чувствовал себя хорошо. Я прокручивал в голове сцены вчерашнего дня и удивлялся — мой член, ее пизда, мои пальцы, держащие сигарету, и прижигающие ее ступню. Я сделал это, я перешел черту между

общепринятым поведением, и поведением, которое большинство людей сочли бы неприемлемым, преступным. В то утро я почувствовал настоящим человеком, таким, как и те, кто брызгается парфюмом «Искейп». Это было грязно и мерзко, но мне хотелось идти дальше.

Я обернулся через плечо проверить машину, через ворота протискивался еще один автобус с туристами. Я забеспокоился, вдруг обдерет на машине краску. Солнце образовывало на окнах машин сверкающие овалы, они всколыхнули воспоминания о Карен. Скорее всего, она уже в земле, ее вспоротую грудь и худые конечности погрузили в могилу на местном кладбище. Я никогда туда не приду. Но она подарила мне машину, купила ее на деньги, полученные от продажи почки. Я не мог забыть ее. Также как не мог забыть, что это я выгнал ее на улицу той ночью — поступок, ставший звеном в цепи событий, которые привели к ее гибели.

Я понял, почему вчера вечером собрал воедино все, что знал о ее смерти. Жизнь Карен была кошмаром, а смерть стала избавлением. Я не думал, что смогу найти убийцу, но стоило хотя бы попытаться сделать это, попытаться самому. Это могло дать мне возможность, подобную той, что я обрел в доме Рона — жить вне мейнстрима. Я даже не знал, что стану делать, если найду людей, причастных к смерти Карен, но это было не важно. Мне хотелось только, чтобы ее смерть стала предлогом погрузиться в мир, где не действуют неписанные законы общества. Предлог появляться в разных местах, задавать вопросы, делать что-нибудь, а не валяться весь день на кровати.

К тому же, зарабатывать на всем деньги — это же чисто по-американски? У меня триста баксов в кармане и телефон «Бел Эйр Эскортс». Рекс сказал, у меня получится. Мэн, да я идеально подхожу для такой работы.

Я спустился с площадки обозрения. Одно скопление японских туристов сменило другое. Я прошел сквозь него. Я был на пол фута выше их всех, мою голову наполняли недобрые мысли о бессмысленности этого общества.

Внутри «Прелюд» я почувствовал себя хорошо защищенным.

Теплые сидения заключили меня в свои объятия.

Глава восьмая

Телефонная будка в западном Лос-Анджелесе. Я остановился рядом с ней, уверенность, которую я испытал на обзорной площадке, сопровождалась мыслями о Райане. Возможно, это была лишь порожденная химией паранойя, но я не мог избавиться от чувства, что должен разобраться со всеми вопросами моей старой жизни прежде чем начинать новую. Но теперь Райан мог подтвердить мое алиби, моя сперма отличалась от той, что нашли в теле Карен. Я думал, что в конце концов все прояснилось бы и так, но мне хотелось услышать это лично от него. Мне нужно было убедиться, что он больше не станет гонять меня по всем инстанциям.

У него был жетон полиции Санта-Моники. Я набрал номер участка и спросил отдел по расследованию убийств. И тут начались странности. Райан там не работал. Парень, с которым я говорил, сказал только то, что Райан работал в отделе нравов.

— Они не расследуют дело девушки, которую убили в Пэлисайд парке пару недель назад? Та, которую вскрыли?

– Исключено. Только мы отслеживаем все убийства. Если у вас есть информация, лучше поговорите с детективом Салливаном, он ведет дело. Как вас зовут?

Теперь было гораздо проще повесить трубку, чем отвечать. Так я и сделал. Затем запустил автонабор и снова спросил Райана, но уже в отделе нравов. Трубку долго не поднимали, долгие гудки тянулись бесконечно.

– Да?

– Райан?

– Сейчас его нет. Позвоните завтра.

– Райан, такой толстый темноволосый парень, да? Принимает таблетки от сердца.

– Да, это он. А кто спрашивает?

– У меня есть информация по делу, с которым он работает. Убийство в Пэлисайд парке.

– Убийство? — собеседник рассмеялся. — Вы не тому звоните.

– Я уверен, что это Райан.

– Если только убили не в магазине с порнухой. Позвоните в отдел по расследованию убийств.

На этот раз не пришлось бросать трубку, собеседник меня опередил.

Я немного постоял в будке, размышлял, испугаться мне или успокоиться. Вокруг меня никто не называл имени Салливана, а прошло уже достаточно времени, чтобы он заявил о себе. Я решил, что полицейские из участка на меня не вышли. Это хорошо, но что в итоге? Психопат Райан преследует меня, как объект одержимости? Что если я стал его независимым любимым проектом?

Я сел в машину и поехал домой. Мне нужно было принять душ и поспать.

Этим утром Бульвар Линкольна со стороны побережья опустел, вся Венеция напоминала вымирающий город-призрак. Может быть, когда я впервые приехал сюда, это место казалось мне таинственным и романтическим. Но все изменилось. Я осознал: то, что постепенно не разрушилось во время жизни с Карен, сгорело в пламени ночного секса и утреннего божественного откровения. Теперь Венеция стала пустым и непригодным для жизни местом, временным местом, откуда нужно уезжать.

Я поймал радиосводку последних новостей, когда возвращался с холмов. Мэл Гибсон получил двадцать пять миллионов за фильм «Выкуп», Макалей Калкин устроил вечеринку на восемнадцатилетие, у него и в шестьдесят все схвачено будет, а имущество Майкла Джексона оценили на двести пятьдесят миллионов долларов.

Суммы денег фиксировались у меня в голове. Когда я был моложе, то любил играть в игру «что бы я сделал, будь у меня десять миллионов долларов», и конечно, был уверен, что однажды хотя бы их получу. Я планировал до мельчайших деталей, каждый шаг, список покупок. С такими деньгами передо мной бы открылись безграничные возможности. Но теперь, в провальные тридцать, такие фантазии приносили с собой невыносимую депрессию, которая сильно изматывала. Новые сведения о Райане и репортажи о богатстве других людей, окончательно заговнили мне настроение.

Я принял две таблетки Секонала²⁹ и залез в кровать. Душ подождет.

Когда я проснулся, уже стемнело. Некоторое время я лежал и смотрел на цветные пятна света, что отбрасывали на мой потолок проезжавшие внизу машины. Они напоминали японские веера. Голова была ясной. Я провел руками по телу. Казалось, оно готово действовать.

Настало время привести себя в порядок.

Посрал, принял душ, почистил зубы, побрился. Банка холодного «Пепси» и две сигареты, теплый ночной воздух из окна, тихий включенный телевизор в углу. По улице сновали люди. Я детально представил себе их ощущения — загорелая кожа, сухая и гладкая после пляжа, облаченная в свежевывстиранные джинсы и мягкий хлопок, они с радостью шли в бары и кино.

Я ел стоя прямо у холодильника и думал о Бреде Питте, Джонни Деппе, Томе Крузе. Насколько тоньше они чувствовали этот ночной ветерок, что ласкал мою кожу. Наверняка их ощущения гораздо острее моих, их не притупляет усталость, которая преследует всех бедняков — еда, арендная плата, счета, новые покрышки для автомобиля...А если что-нибудь из этого и появится в их мире, то для таких дел у них есть горничные и личные секретари.

Я глубоко погрузился в свои мысли. Когда я вышел из квартиры, было уже совсем поздно. Я начал играть в игру «найди убийцу Карен».

Я не слишком хорошо знал ее дружков, их телефонов у меня не было. Но в те дни, когда мы с ней еще пытались жить вместе, но по-разному, я догадывался, где можно пересечься с одним-двумя из них. Карен общалась с не слишком дружной компанией, которая всегда зависала в одних и тех же местах, слушала одну и ту же музыку, и имела схожие интересы — деньги, наркотики, кожаная одежда...Если только у Карен не поменялись интересы, с тех пор, как мы разрушили нашу семью. Я решил, что стоит прогуляться по барам, найти того, кто знал ее. И если я найду того, кто ее знал, то, возможно, смогу выйти на торговца почками.

Первая парочка заведений ничего мне не дала — кафе "Эспрессо" на Харпер-авеню, где я взбодрился кофеином и бар с живой музыкой рядом с Парамантом, где я немного подкрепился водкой. Однако в третий раз повезло. Я нашел заведение на Детройт-стрит, неподалеку от центральной улицы.

Вход в клуб не блистал оригинальностью, между двумя офисами стояла обычная распахнутая дверь, подпертая стулом. За ней был лестничный пролет, ведущий в подвал. Клуб не состоял в списке элитных развлекательных заведений и не красовался на музыкальных лейблах, но это не мешало ему привлекать особый тип людей. Потому как здесь, помимо отсутствия ограничений на употребление алкоголя и наркотиков, имелась еще одна чертовски крутая фишка, чувак, — здесь можно было подрочить. Подрочить кому-нибудь. Или попросить, чтобы тебе подрочили. И не нужно даже прятаться в туалете.

В конце лестницы меня обыскали на наличие оружия. Я заплатил двадцать долларов за вход, затем прошел через двери-близнецы с мягкой обивкой. Мерзкое сочетание громкой музыки и тусклого освещения — настолько тусклого, что моим глазам понадобилась пара секунд, чтобы привыкнуть. Играл в основном индастриал, он создавал довольно нервную атмосферу. Я предположил, что так задумано специально, люди захотят подрочить, чтобы расслабиться.

Маленький грязный и абсолютно черный танцпол высотой футов семь, стойку бара словно вырезали из кузова русского грузовика. Пахло рыбой. Я взял водки, и теперь смотрел,

как девушка в латексе надрачивала парню и сливала сперму в стакан. Он наполнился уже на четверть. Я заценил толпу. Было трудно разглядеть лица, так что я сосредоточился на прическах. Я разглядел две знакомых головы в одной из будок, что стояли в ряд у стены.

Джимми и Стив, они мечтали стать рок-звездами. Ребята приехали из Англии несколько лет назад только затем, чтобы пополнить ряды миллионов безработных музыкантов Калифорнии. Но они хорошо приспособились, сразу занялись тем, что получалось лучше всего — сидели на наркоте. Оба за двадцать, с головы до ног в кожаной одежде, волосы, окрашенные в черное.

Когда я подошел, их лица сразу же приобрели озадаченный и настороженный вид. Но после того, как я назвал имя Карен, они вспомнили кто я такой и сами предложили сесть к ним. Первый вопрос, который они мне задали, нет ли у меня марихуаны. Я решил, что они еще не знали о ее смерти, хотя мог и ошибиться. Но с наркотой я их не разочаровал. Я достал двадцать пять грамм кокса еще вечером, как раз для того, чтобы в общении не было никаких преград. Но даже для такого места кокс — это слишком. Поэтому мы сунули головы под стол и занюхали все через сложенную в трубочку банкноту. А потом мы стали друзьями, напарниками, приятелями — в общем давними знакомыми и могли болтать, о чем угодно.

Полчаса спустя, когда телка в соседней будке перестала совать себе в пизду бутылку «Роллинг Рок», я приступил к основному действию.

— Ребята, вы давно видели Карен?

Наркота уже подействовала, они расслабились и спокойно отвечали на вопросы. Стиву явно хватило и такого количества, он уже не мог продолжать разговор, но Джимми сохранил все функции и отвечал адекватно.

— Не знаю. Когда мы ее в последний раз видели, Стив?

Стив только пожал плечами.

— Не знаю. Давно уже.

— Да, давно. Как она?

— Я сам ее уже месяц не видел, — сказал я.

— Месяц? Вы развелись или что-то вроде того?

— Так-то нет. Я думал, она работает.

— Больно долго работает.

— Да, я уже беспокоюсь. Значит, вы ее не видели?

— Неа. Эй, Стив, знаешь, где Карен?

— А?

— Карен. Знаешь где она?

— Понятия не имею.

Джимми поднял руки, затем опустил их.

— Извини, приятель.

— Она следовала только своим планам. Не знаю, что выгорело ли у нее хоть что-нибудь.

— Ничего противозаконного, парень, но она постоянно трахалась то с одним мошенником, то с другим. Они все были дерьмом. Ни одного стоящего.

— А было что-то связанное с почками или чем-то подобным.

Джимми рассмеялся и хлопнул ладонью по столу.

— О, бля, не с почками! Парень, она только трахалась. Ничего противозаконного, но иногда у нее реально срывало башню.

Реакция Джимми вывела Стива из ступора. Он открыл глаза и почесал предплечья.

- Я знаю чела, что почками занимался.
- Ты о чем вообще, тупиздень? Спи дальше.
- Нее, ты его тоже знаешь. Тот старикашка, что постоянно с нами спорил. Как его зовут? Придурок с кольцами в ушах.
- Джой.
- Да, Джой. Он сказал так на бар и заработал.
- Фигня.
- Он показал мне шрам.
- И значит это святая правда.
- Я передаю только то, что он мне сказал.
- Господи, да он над тобой угорал.

Джимми покачал головой, затем встал и пошел посмотреть на парней, что собрались вокруг девушки.

Я спросил Стива сколько Джой запросил за свою почку. Когда он сказал тридцать тысяч, мне сразу захотелось узнать адрес этого парня.

– Я не знаю, где он живет, но его бар находится на бульваре Пико. Там еще на вывеске всякая египетская хрень. Ищи мелкого парня с козлиной бородкой. И с кучей сережек в ушах.

Глава десятая

Устал как собака. Поздняя ночь, я снова в своей квартире. В голове наркотический дурман. Комната выглядела хуже некуда, тусклая лампочка без плафона почти не давала света. Даже мебель выглядела отвратительно. Но самым мерзким был диван, потому что там сидел Райан. Его обрюзгшее тело пристроилось, между диванными подушками. Тот же черный костюм, та же чистая белая рубашка, те же гладкие блестящие волосы, облегающие голову.

– Какого хуя?

– Здорово, Джеки. Ты где был? Я сидел в машине, но тебя так долго не было, что я решил подняться и подождать тебя дома.

– Чего тебе надо?

– О, есть контакт, посмотри вокруг... Где ты был?

– Гулял.

– Попробуй еще раз, только постарайся.

– Виделся с друзьями.

– Надо же. И это после недавней смерти Карен? Выпить есть?

– Что?

– Выпить. Ликер, пойло, огненная вода.

– Уже три часа ночи.

– Значит, выпьем в три часа ночи.

Преπειраться в данной ситуации было не слишком разумно, так что я сходил на кухню, принес «Южный комфорт»³⁰, немного льда и посуду. Я разлил алкоголь в стаканы и сел на кровать напротив Райана.

– Ты надолго? Я уже устал.

Райан не обратил на это внимания и окинул взглядом комнату.

– На вид не очень, не так ли?

– Не очень.

– Тебе следует постараться Джеки, хоть немного порядок наведи. Я бы постарался.

Райан на пару секунд замолчал, казалось, полицейский погрузился в воспоминания. Когда он вернулся к беседе, ему стало хуже. Райан залпом выпил ликер и скорчил такую рожу, словно ему было больно глотать.

– Слышал, они делают эту фигню из апельсиновой корки.

Он налил себе еще ликера и с любопытством посмотрел на меня.

– Знаешь, о чем я думал, когда трахал ее? Я думал, каково это, обладать ею всегда, как ты.

– Удовольствие куда меньшее, чем ты себе представляешь.

– Да, она говорила, что отношения у вас были без огонька. Но это ничего не значит, когда тебе за пятьдесят. Находишь кого-нибудь ее возраста, не слишком коварную, и сам ведешь игру. Чувствуешь себя моложе. Даже по улицам гуляется легче, уж ты поверь.

– Как интересно.

Райан рванулся вперед, схватил меня и поднял на ноги, для толстяка он двигался неожиданно быстро. Его ногти впились мне в грудь. Я ударился затылком о стену.

– Ты не думай, что я шелупонь какая-нибудь. Я тридцать лет разгребаю дерьмо в этом городе и в конце следующего года выйду на пенсию. Буду снимать двухкомнатную помойку и покупать второсортную шлюху раз в месяц. Прими это к сведению, Джеки, я не задумываясь грохну недоделанное чмо вроде тебя.

Сойдись мы с ним в драке, я бы одолел его без труда. Но Райан был копом, да еще со стволом. Так что я просто стоял, а Райан дышал мне прямо в лицо. Через несколько секунд он отошел и плюхнулся на диван, потирая грудь.

– Принеси воды.

Я принес ему стакан воды. Он сделал несколько глотков, затем положил под язык таблетку. Его лицо скривилось от боли.

– Ты в порядке?

– Да, налей выпить.

– Думаешь, это разумно.

– Да, разумно. Налей мне, блядь, выпить.

Я плеснул ему «Южного» и попытался представить, что если Райан сдохнет прямо у меня в квартире, хорошо или плохо это отразится на мне. Райан поднес стакан к свету.

– Я собираюсь завязать с этим.

– Уже получил результаты моего образца?

– Может быть...

– Или может ты вообще ничего не сверял.

– Ооо...это как понимать?

– Я звонил в твой участок. Ты не ведешь дело. Ты не работаешь в отделе убийств.

– Джеки...Так делать не хорошо. Совсем нехорошо.

– Я ничего им не сказал, но, блин, хочу сказать, ты же работаешь с порнухой или что-то вроде того.

– Еще раз такое выкинешь, и я тебя убью.

– Я не знаю, какого хрена тут происходит.

Райан втянул в себя воздух и ненадолго задержал дыхание. Затем медленно выдохнул.

– Значит, ты поймешь, значит, сможешь оценить, чем для тебя это может обернуться. Обрисую тебе ситуацию. Я знал Карен, как уже говорил тебе. Я увидел фото с места преступления на столе детектива и выяснил, что она мертва, и никто ее не опознал. А я не только знал, кто она, я знал многое о ее жизни. Может даже больше тебя, Джеки. Я знал, что она замужем, сама сказала, я знал, где она живет, как-то раз я проводил ее до дома, после того, как трахнул. Можешь назвать это любопытством холостяка. Я о многом знал, но я не из отдела убийств, я из полиции нравов. Передо мной стоял выбор. Сообщить ребятам из отдела убийств все, что знаю в надежде, что они не провалят дело. Или выйти и заняться всем самому.

– Но зачем? Ну знал ты ее. Так ли это важно. Я не вижу мотива.

– Что ж, об этом тебе следовало догадаться, не так ли? И пока ты размышляешь, тебе лучше вспомнить, что я не связан с полицейским департаментом, но тебе это преимуществ не даст. Мне не нужны все эти сраные документы и инструкции, улавливаешь?

– Я задумался об этом, когда ты заставил меня дронить в машине.

– Мне нужен был образец. Не волнуйся, он даром не пропал. Мне пришлось действовать неофициально, но есть люди, которые у меня в неоплатном долгу.

– Тогда ты знаешь, что в теле Карен была не моя сперма. Ты ведь проверил мое алиби?

– Да. Я поговорил со знакомым парнем. Тебе и тут повезло.

– Так чего ты теперь меня достаем?

– Потому что все не так просто, как кажется. Есть много способов скрыть время смерти, может ты несколько дней держал ее труп в холодильнике, прежде чем выбросить. Откуда ты сейчас пришел? У тебя мог быть сообщник, и ты пришел от него. Нельзя точно сказать, что ты не замешан. Ты что-то знаешь, Джеки, и я буду рыть и рыть, пока не выясню, что именно.

– Это безумие. Я могу прямо сейчас позвонить в участок, и у тебя появятся большие проблемы.

– Но ты этого не сделаешь. Во-первых, тебе придется многое объяснить — почему ты не сообщил об ее исчезновении, почему солгал насчет ее татуировки, и почему тебя совершенно не беспокоит происшедшее. А во-вторых, я тебя убью. Думаешь, все это безумие? Подожди, когда я разозлюсь по-настоящему.

Райан рывком встал на ноги, но, похоже, он сделал это слишком резко, полицейский согнулся пополам, и сделал несколько глубоких вдохов. Райан напрягся и пару раз быстро моргнул.

– Бля, похоже я старею. Есть кокс?

– Я тебе и дерьма своего занюхать не дам.

Райан рассмеялся, затем провел рукой по волосам и пошел к двери.

Берегись весь мир, у мрази отходняк.

Я заснул, ночь как проклятая снова превратилась в день. Еще одно полуденное пробуждение — солнце освещало пустые бутылки и кучу одежды. Накатила слабость, у меня поднялась температура.

Звонил Ройстон, скулил, спрашивал про деньги. Я сказал ему, что они у меня есть, и он сможет забрать их завтра утром. Ройстон был доволен, старался вести себя так, будто мы снова друзья. Я повесил трубку и набрал номер компании по распродаже имущества.

Катод высасывал электричество. Удачливые люди на экране, обласканные со всех

сторон, шли к своим киноафишам. Они собирали толпы друзей и партнеров на вечеринку кинозвезд. Или беседовали по сотовым телефонам, один их звонок перемещал огромные деньги и кучу оборудования по всему миру, их беседы отражались на жизни всех людей.

У меня целый час все кипело внутри. Я мечтал стать одним из них. Но спустя некоторое время, мне стало слишком больно.

Чтобы отвлечься, я собрал вещи Карен в мешки и отнес их к стоявшей за домом помойке. Я перекинул мешки через железную стенку контейнера и посмотрел внутрь. Один из них раскрылся, и вещи вывалились на трупы мертвых кошек. Разорванные животные разлагались. Я стоял и смотрел, как личинки ползали по трусикам, дешевой косметике, гигиеническим пакетикам «Котекс»... Я сел в машину и посмотрел фильм в кинокомплексе на Третей Авеню.

Бригада из компании по распродаже прибыла в конце дня. Парень в форме, похожей на костюм ковбоя, несколько часов подсчитывал прибыль, не задавая вопросов. Я сложил в шкаф все, что хотел сохранить, остальное сказал им забирать. Они предложили мне четыреста семьдесят пять баксов. Не слишком большая сумма за вещи в квартире, но мне хватило, особенно если учесть, что ничего моего не осталось.

Я согласился на их условия и провел остаток дня в баре на побережье. В семь часов вечера я взял визитку Рекса и позвонил по указанному номеру.

Глава одиннадцатая

«Эскорт Бел Эйр» оказался телефонной службой, которая находилась в одном из домов Уилшира. Славный район — широкая дорога без слоняющихся бездельников, широкие балконы, много стеклянных стен. До настоящего «Бел Эйра» далеко, но место тихое и уединенное — отлично подходит для сферы секс-услуг на выезде.

Я нажал кнопку звонка, ответили сразу — они явно ждали меня. Я поднялся на пятнадцатый этаж в зеркальном лифте, там пахло дезинфицирующим средством с ароматом сосны. Коридор был устлан темно-синим ковром. Ни людей, ни звуков. Безликий и вычищенный до блеска, он напоминал коридор отеля. Я нажал белую кнопку на ближайшей двери и стал ждать.

Дверь открыл худощавый лысый парень в кожаных штанах и черной жилетке. Он напоминал привилегированного раба, гордого и посвященного, но все равно абсолютно безвольного. Мы проследовали по коридору со множеством закрытых дверей и оказались в просторной комнате. Наверное, раньше она была спальней, но теперь ее перестроили в информационный офис. Минимум декораций: серый плиточный пол, белые стены, в углу большой стол из углеродного волокна. Свет уличных фонарей придавал непрозрачным окнам желтый оттенок.

В комнате находились двое: холеный латиноамериканец на вид около сорока лет сидел за столом и стучал по клавишам ноутбука, и девушка с безупречно белыми волосами. Она сидела на черном кожаном диване, расположенном между двумя оконными рамами. Девушка была одета в красное лайкроевое мини-платье и вела себя уверенно. Наверняка берет не меньше штуки баксов за ночь.

Латиноамериканец оторвался от экрана ноутбука, и посмотрел на меня.

– Вы знаете Рекса?

У него был грубый голос, словно ему с юности повредили связки в перестрелке где-нибудь в Центральной Америке³¹. И его взгляд мне тоже не понравился — слишком пристально и долго он меня изучал. Сесть мне никто не предложил, поэтому я так и стоял напротив стола, что было чертовски неудобно.

– Э... да. Рекс сказал, мне отлично подойдет эта работа.

– И о какой именно работе шла речь?

– Такой, какую Рекс выполняет сам.

– Точнее.

– Ну проституция, я так полагаю. Ездить по разным местам и оказывать людям секс-услуги.

– О, нет.

Латинос печально покачал головой.

– Нет. Рекс совсем не этим занимается. Проституция...

– Рекс трахает людей за бабло. Он подсказал мне связаться с вами.

– Не перебивайте. Я вам рассказываю. У нас работа высокого класса, здесь и духу проститутского быть не должно. Мои клиенты платят огромные бабки и ожидают чего-то большего, чем десять минут на заднем сидении. Я не торгую тем, что можно найти за углом на каждой улице.

– Хорошо.

– Также поймите, что секс иногда всего лишь часть того, за что вам платят. Некоторые клиенты в первую очередь хотят себе сопровождающего на вечеринку или званый обед. Вы должны быть с ними тактичны и любезны, даже если клиент стар или непривлекателен.

– Сделаю все, что захотите.

Латиноамериканец кивнул головой девушке на диване.

– Хорошо. Тогда порадуйте меня.

– Что вы имеете в виду?

– Грейс.

Женщина схватилась за ободок платья и сняла его через голову. Она была полностью голой, загорелая с головы до пят, волосы на лобке выбриты в форме узкого клина.

– Вы меня немного удивили. Я...э...не уверен...

– Если вы не можете сделать это здесь, как я могу доверить вам представление в спальне богатой женщины, которая даже близко...не так прекрасна, как Грейс?

Это было совсем не похоже на ту ночь с Рексом. Просто холодный приказ, и никакого времени настроиться. В крови ни вышивки, ни наркотиков. Шансы опозориться возросли многократно, но выбора не осталось. Я нуждался в деньгах. И к тому же тогда, на смотровой площадке Голливуд Боула, я принял решение жить особой жизнью, и сейчас мне предлагали один путей, ведущих к ней. Если я отступлю сейчас, то разуверюсь в своих силах, а потом и вовсе перестану себя уважать.

Грейс подошла ближе, от нее пахло чем-то пряным и дорогим. Она украдкой улыбнулась, но мне это не слишком помогло.

Грейс стянула с меня джинсы, мои яйца сразу почувствовали холодный воздух, царивший в помещении. Я прижался к ней, стараясь согреться. Мои руки гладили напряженную спину, крепкую задницу, груди женщины прижались к моей грудной клетке. Если уж я смог дрочить в присутствии Райана, то и с этим должен справиться.

Я абстрагировался от латиноса и лысого человека и зарылся лицом в волосы Грейс. Я потрогал ее там, внизу, она была уже мокрой. Женщина тихо застонала от удовольствия. Это звучало так искренне, так желанно, волна первобытной похоти захлестнула мой обеспокоенный мозг и наполнила член кровью.

Грейс надела мне ртом презерватив, и мы начали трахаться стоя: она нагнулась, уперлась руками в край стола, а я пристроился сзади. Латинос внимательно наблюдал за мной из-за ее плеч, но было не похоже, что его впечатлило такое зрелище.

Когда все закончилось, лысый дал нам маленькое полотенце. Грейс вытерлась, надела платье и вернулась на диван. Она не зажигала сигарету и не поправляла макияж. Блондинка просто сидела и смотрела по сторонам.

— Как быстро вы восстанавливаетесь?

— Хотите, чтобы я повторил.

Латинос улыбнулся.

— У меня есть для вас работа. Сегодня ночью. Славная работа. Большой дом, хорошие деньги, клиентка на вид ничего. Для начала легко.

Парни из компании по распродаже мебели потрудились на славу, вычистили квартиру полностью. Они оставили только телефон и лампочки, но я испытал сильный душевный дискомфорт, когда вспомнил, что забыл сказать им, чтобы не трогали телевизор. Мой друг, вечно стоявший в углу, здорово бы мне помог, пока я готовился.

Организованное латиносом мероприятие начиналось глубокой ночью — мальчик по вызову должен помочь расслабиться какой-нибудь женщине, когда она придет домой с кинопремьеры, церемонии посвященной благотворительности, или с вечеринки в Беверли-Хиллз. Или еще откуда-нибудь. Это означало, что мне нужно было убить несколько часов — настало время поискать Джоя. Я принял душ и переоделся, затем решил закинуть немного веществ себе в кровь.

У меня еще оставались три сотни долларов, которые я заработал с Рексом, плюс наличка от продажи мебели. И, судя по всему, у меня появился шанс подзаработать сегодня ночью, я решил прикупить кое-чего на побережье.

Я мог бы достать кокс, но вместо этого я решил принять кое-что из сульфатов — амфетамин. Стоил он в четыре раза дешевле, удовольствия доставлял меньше, но имел и свои преимущества. Пол грамма этого вещества могла зарядить тебя на всю ночь, от него становишься охрененно похотливым. Амфетамин усиливал стрессовое состояние, особенно в общении с людьми, им становилось трудно предугадать вашу реакцию. Как раз подходило для разговора с фрицем Джоом, если только мне удастся его найти.

Я вернулся в квартиру. Парочка дорог амфетамина, два стакана «Южного комфорта», банка «Будвайзера». Теперь я дошел до нужной кондиции, чтобы выйти в город и заняться всем, что запланировал. Около минуты я разминался, махая кулаками по воздуху, на случай, если с Джоом будут проблемы. Почти все, почти все...Что-то я упустил. Ах да, сигарета! Я сунул одну промеж зубов и зажег. Я посмотрел в зеркало — зрачки расширились до максимума, кожа гладкая, челюсти сжаты...Готов к действию.

Я снова в машине. Мне хотелось немного поразвлечься в дороге, но другие тачки ехали чертовски медленно. Я пристроился к Ликольну. Все вокруг стало ясным, словно из пространства между предметами полностью выкачали воздух, таким же как жуткие, но красивые съемки, сделанные с космического шаттла.

Мысли в моей голове превратились в монотонную молитву: «расслабься, расслабься,

смотри — впереди машина, вон тот парень поворачивает, чуть подлетел на подъеме, обозначай поворот. Плавно поворачивая, уходи вниз, теперь прямо, расслабься, еще один впереди, просто обгоняй придурка, никаких гонок. Японская технология справится, перестройся, еще раз перестройся, вот отличная позиция на дороге». Полная идиллия с автомобилем — в машине царил дух Дзена, порожденный грязной расой, придумавшей Дзен-буддизм.

Бульвар Пико, дорога третьего класса, узкая, но прямолинейная и не слишком загруженная. По ней можно медленно плестись и попутно искать место, в котором я ни разу не был. Я проехал уже четыре квартала после широкого здания Колледжа Санта-Моники. На углу Бульвара Кловер Филд, я нашел бар «Рамзес». Как и сказал Джимми, его украсили разной египетской эстетикой — гипсовые фараоны по обе стороны парадной двери, все окна от первого этажа до последнего в виде анкхов, повсюду иероглифы.

Я припарковался на заднем дворе — мало света, много мусора — я занюхал еще одну «дорогу». Выбираясь из машины, я скрипел зубами, выпивка привлекала меня не меньше, чем возможность найти Джоя.

И вот я в баре. Он оказался не таким ярким как снаружи, просто местечковый бар. Столики, альковы в стенах, парочка бильярдных столов, открытое пространство с потертым полом, наверное, здесь иногда танцевали клиенты. Много табачного дыма и мало минеральной воды.

Первый осмотр ничего не дал, так что я сел за стойку бара и заказал водки. Я решил установить контакт с барменом, расспросить его о Джое.

Все оказалось гораздо проще, чем я ожидал — бармен не стал строить киношные хитрые глазки, не сжал сурово губы, и не полез за ружьем под стойкой. Просто сказал:

– Джой? Да, он где-то здесь. Посмотри там, где в бильярд играют. Столик в середине.

Я даже немного разочаровался. Уже собирался поболтать с ним о старых друзьях или попросить выпивку в долг.

Джой сидел один. На столе перед ним были бутылка пива и журнал «Контакт». Стив описал его весьма точно, краешек левого уха Джоя покрывали серебряные кольца, размером с пятицентовые монеты, а нижняя челюсть заканчивалась темной треугольной бородкой. Джой был невысокого роста, костлявый, одет в «гавайку», телосложением гораздо меньше меня. Пока все складывалось неплохо.

Джой резко дернулся, когда я резко сел напротив него.

– Отвали, это зарезервированный столик.

– Привет Джой. Как дела?

Улыбка во весь рот.

– Мы знакомы?

– Нет, но у нас есть общие знакомые.

– Я тебя не знаю, но у нас есть общие знакомые? Какого хуя, это что какая-то телеигра?

– Я хочу тебя кое о чем спросить.

– Я подачек не даю, отвали.

– Стив рассказал о тебе.

– Кто?

– Стив, англичанин с длинными черными волосами. С Джимми зависает.

– Никогда о нем не слышал.

– Джой, не хочу показаться грубым, но ты у него товар покупал. Мне нужна важная для

меня информация.

— А мне плевать.

Заходить слишком далеко было неразумно. Но настало время обострить игру, я надеялся, что у меня достаточно крепкие яйца.

— И тебе плевать, что ВНС³² узнают о том, где ты берешь деньги на свое заведение? А если полиция?

— Я позвоню знакомым друзьям.

Джой дернул щекой в сторону группы мужчин, игравших в бильярд.

— Помнишь, что ты рассказал Стиву?

— Я уже сказал, что не знаю никакого Стива.

— Не прикидывайся идиотом. Я одним словом могу погубить все твое дело.

— Да?

— Почки.

Джой сразу же перестал препираться.

— Что насчет почек?

— Операции. Продажа. Не тупи, раньше мне такого делать не приходилось. Я могу выйти из себя в любой момент, и сделать все жестко и по-простому. Расскажи, как связаться с нужными людьми, и я уйду. И больше ты об этом ничего не услышишь.

— Я не могу рассказать то, чего не знаю.

Мое терпение лопнуло. Я потянулся к нему с другого края стола, схватил за ворот гавайки, и рванул на себя. Раздался забавный треск, со столика на пол посыпались пуговицы. Я провел рукой по его груди, затем по левой стороне живота, и нащупал шрам, что выделялся на фоне его бледной кожи.

— Э, а ну отвали!

Он попытался выпрямиться и устроить сцену. У меня не оставалось выбора. Я ударил его, достаточно сильно, чтобы из разбитой губы потекла кровь.

Бить человека было для меня в новинку, но это отлично подходило всей сложившейся ситуации после смерти Карен. Я миллион раз видел похожие сцены по телевизору, и такое воспринималось в порядке вещей — никаких угрызений совести я не испытывал. Я счел это частью личностного роста.

Я украдкой взглянул в сторону барной стойки, но, похоже, никто не обратил на нас внимания. Однако Джой уже был готов разорваться, поэтому я заговорил очень быстро.

— Эта почка связана с убийством, и если я не получу что мне надо, ты мигом попадешь в соучастники. У меня на хвосте от замороженный коп, думаю, ты ему понравишься. Хочешь потерять лицензию на продажу спиртного? Боже, и дня не пройдет, как он завалится проведать тебя. А теперь сядь, и мы поговорим о шраме, который у тебя на животе.

Услышав о полицейских, Джой сразу сник. Он вытер кровь со рта и плюхнулся на стул.

— Я ничего не знаю об убийстве.

— Я спросил о торговле почками.

— Хорошо, я продал одну из них. Охуенно большая сделка. Предложили такие деньги, что отказаться было невозможно.

— Дальше.

— Что именно вас интересует?

— Интересует, Джой, куда ты пошел ее продавать, кто оперировал, и как я смогу найти этих людей. И все прочее в таком духе.

— Это будет трудно.

— У тебя есть здесь телефон? Может нужно позвать того, кто лучше меня умеет задавать вопросы?

— Бля, мужик, я тебе правду говорю. Я не знаю ни мест, ни имен.

— Тогда расскажи, как все происходило.

— Господи, ладно...

Джой демонстративно всплеснул руками, словно изображал ботаника, пытавшегося утихомирить агрессора.

— Бля... Совсем недавно я не был таким респектабельным, как сейчас. Знаете ту улицу?

— Да.

— Я работал там проституткой. Не горжусь этим, но мне было негде жить, не было семьи, куда податься, я вообще жил впроголодь...

— Мне плевать, даже если у тебя любимая собака сдохла. Продолжай.

Джой злобно смотрел на меня, он сделал большой глоток пива, содержимое бутылки потекло по его губам.

— Однажды ночью подъехал «Ягуар», за рулем сидел старик, я думал, ему нужен секс, у клиента явно были деньги. Но все оказалось совсем не так, он мне прямо сказал, что секс его не интересует. Он работал на богатого доктора, который бесплатно лечил бездомных людей, и искал того, кто примет предложение.

— Какое предложение?

— Поехать с этим парнем в клинику доктора, получить бесплатный осмотр, прививки, таблетки, если что со здоровьем не так. К тому же койку на ночь и двести баксов на утро. Я сразу же согласился. Тогда двести долларов были для меня кучей денег. Я забрался в машину, мы немного проехали, затем он протянул мне мешок и велел надеть его на голову. Я не видел, куда мы едем. Если бы я снял мешок, сделка бы отменилась, доктор соблюдал строгую конфиденциальность. Я тогда думал, что за хуйня, а вдруг водитель «Ягуара» серийный убийца? Как бы то ни было, я сделал все как сказали, и ничего не случилось, мы прибыли на место. Он не позволял мне снять мешок, пока мы не вошли внутрь, я вообще не знал, где мы.

— Сколько вы туда ехали?

— Где-то полчаса.

— На что было похоже помещение?

— Закрытое место. Не слишком большое. Окон не было, повсюду медицинские примочки. Парень запер меня в комнате, через пару минут пришла женщина, но на ней была медицинская маска, так что я не видел ее лица. Сказала, что она врач, возьмет анализ крови, мочи, потом расспросила меня обо всякой фигне — истории болезни, есть ли семья, и тому подобное. Потом она велела мне раздеться и осмотрела. Уже тогда я понял, что здесь какой-то подвох. То, как она меня осматривала — заставила нагнуться, совала пальцы в жопу, разглядывала яйца. Ей это нравилось, мужик. Под конец сказала, что медикаменты мне не нужны, но будет полезно принять успокоительное и поспать. Я спросил: «А какие у вас есть?» Она ввела мне немного морфия. Можешь поверить? Потом сказала, ей нужно изучить результаты обследования и ушла. Снова пришел старик и отвел меня в другую комнату, с кроватью. Он опять запер дверь, ни других дверей, ни окон, выхода вообще не было. Я подумал, что теперь? Просто провести ночь, и получить на утро двести долларов. Если у них нехватка охранников, это не мои проблемы. На следующее утро опять пришла чикса в

медицинском халате и маске, сказала мне, что посмотрела мои анализы и у нее есть предложение. Я могу получить двести долларов, как они и обещали, и вернуться в город, или могу отдать одну из своих почек и получить за нее тридцать тысяч. Тридцать гребаных тысяч!

— А кому отдал почку?

— Кто ж знает? Какому-то богатенькому ублюдку, я так полагаю. Она показала мне операционную и рассказала, что я могу жить с одной почкой также, как и с двумя. Все было слишком реальным для обмана, я имею ввиду, у них было оборудование и все такое прочее. Так что я согласился. Прооперировали на следующий день, я провалялся там две недели, восстанавливался — все время на морфии сидел. Потом они меня отпустили. С тридцатью тысячами на счете. И вот еще что, в ночь перед операцией, она вошла в операционную и трахнула меня. Маску не снимала, но фигурка у нее была что надо.

— Узнать ее сможешь?

— Только не лицо.

— А старик как выглядел?

— Высокий худощавый. Лет пятьдесят-шестьдесят. С отличными волосами, ни одной выпавшей пряди. Хотите найти его, ориентируйтесь по волосам.

— Ты видел его после?

— Нет. Я получил это заведение. Мне больше не нужно было сниматься на улице. Но я о нем слышал.

— От кого?

— Блядь, от проституток. Иногда парочка их приходит в бар, болтают, я внимательно слушаю, если мне интересно. Я слышал о парне с седыми волосами в «Ягуаре», это наверняка он.

Джой откинулся на спинку стула и пил пиво. Пока он рассказывал, к нему вернулась уверенность.

— Хочешь передать информацию по делу об убийстве?

— Нет.

— Так и думал. А что коп? Не хочу, чтобы он приходил сюда и портил мне жизнь.

— Пока, Джой.

Я направился к выходу. Он прокричал, что я придурок, несколько человек повернулось в мою сторону, но никто не встал из-за стола.

Я сел в машину, глубоко дыша. У меня дрожали руки, но я был доволен, что выдержал испытание. Играть в крутого парня мне раньше не доводилось, проявлять необходимую агрессию самому оказалось гораздо труднее, чем на экране телевизора.

Я подумал еще занюхать, но у меня и так нервы были на пределе. Я нервничал, полученный в баре адреналин плохо сочетался с амфетамином. Через час мне уже надо будет оттрахать какую-то тетку из Беверли-Хиллз, но если я не расслаблюсь, то кончу сразу же как засуну. А если это случится, меня оттрахает латинос и большие деньги исчезнут за горизонтом. Мозг сигнализировал, что мне необходимо поесть, но кишечник и слушать не хотел. Вместо этого я курил и размышлял о том, что узнал.

Карен продала свою почку. Джой свою. Одному и тому же покупателю? Очевидно да. Даже в Лос-Анджелесе черный рынок органов не может быть слишком распространенным. Но Карен как-то нечаянно проболталась, что доктор вызывал ее по-трахаться на Малибу. Джой пробыл в машине старика не так долго, доехать туда он бы не успел. Вопрос? У этих

людей две операционные? Или они переезжают из соображений предосторожности? Сейчас проверить невозможно. У меня информация только от Джоя. Седой человек в черном «Ягуаре». Он явно вербовал в свой «почечный клуб» всякий сброд с улицы. Единственный способ выяснить — это самому зависать там и надеяться, что повезет.

Пора было ехать на вечеринку в Беверли-Хиллз. Выезжая с парковки, я понял, что неприятности только начинаются. В свете фар моей машины мелькнул серый «Плимут», он стоял на другой стороне улицы. Габаритные огни выключены, но в кабине за рулем я разглядел темный мужской силуэт. Я пригляделся и увидел, что у силуэта блестящие волосы и тяжелый подбородок, он наблюдал за мной. Райан. Наверняка он.

Я включил зажигание. Я был на машине, Райан следил за мной, но я не мог позволить ему увидеть мою работу — и так слишком много информации для его большого воображения.

Его машина смотрела в сторону бульвара Пико. Он собирался поехать за мной, думал, что я отправлюсь тем же путем, каким приехал. Вместо этого я закричал, у меня в голове нарисовался план: я могу поехать прямо в Санта-Монику по Кlover Филд, и оторваться от него по дороге, а потом сразу рвану в Беверли-Хиллз. Райан потерял несколько секунд, пока разворачивался. Я повел «Прелюд» по улице с многочисленными бунгало, затем пересек шоссе Санта-Моники. Когда Райан закончил разворот, я уже оторвался на двести ярдов.

Через минуту я свернул с Кlover Филд и пересек шоссе. Тридцать шестая улица. Я пересек бульвар Олимпик, здесь меня выдавал свет больших фонарей — вот ведь жопа. Райан увидел, куда я свернул, его машина, следовала за мной. Ни сирены, ни мигалок, Райан ехал молча.

Оторваться от него в Санта-Монике не получилось. Я сразу похолодел и протрезвел. Моими глазами стало ветровое стекло, руками руль, а ногами педали. Я знал, если Райан поймает меня, то выместит на мне всю свою злобу, может дойти и до рукоприкладства. Но если я оторвусь от него, возможно, все обойдется тем, что мы притворимся, будто я не знал, что он сидел на хвосте, а просто тестировал шины «Прелюда». Надежда слабая, но лучше, чем ничего.

После Колорадо Авеню улицы образовывали решетку. Нужно было незаметно ускользнуть. Я повернул на девяносто градусов. Снова. И снова. Райан пытался повторить мои маневры, я видел его хищные фары в зеркале заднего вида, но с каждым разом он все больше отставал. Наконец, когда мы оказались на другом конце Уилшира, я сделал еще несколько поворотов, Райан за мной не последовал. Теперь он меня не видел, но у него еще оставалась возможность угадать направление, так что я петлял всю дорогу до бульвара Сан-Винсета. Когда я доехал до него, все было в порядке. Райан отстал. Я надеялся, что он отправился прочесывать жилые кварталы Сей-Мо.

Я успокоился. Остановил машину. Глубокие вдохи и выдохи, рука, ласкающая волосы на голове. У меня засосало под ложечкой. Я заглянул в ближайший Мак-Дональдс. В машину я вернулся с шоколадным коктейлем и коробкой жареной картошки. О том, чтобы впихнуть в себя бургер не могло быть и речи.

Некоторое время я сидел и думал, какого хрена делать дальше. Райан разрастался как снежный ком, скоро от него станет невозможно отделаться. Образец спермы на парковке у магазина, неприятное и дерзкое проникновение в мою квартиру. Последней каплей стало то, что он следил за мной по всему городу, поджидал возле баров, пытаясь что-то вынюхивать.

А теперь я только что оторвался от него в автомобильной погоне.

Нужно действовать быстрее, всегда быть на шаг впереди в этой игре. И молиться, что я сам, без последствий, узнаю имя убийцы Карен, и смогу обезопасить себя.

Я завел мотор, адреналин отступал, оставляя после себя дрожь, очень неприятное ощущение. Я ехал не слишком быстро, чтобы не привлекать внимания. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня остановила полицейская машина по дороге в Беверли-Хиллз, где меня ждало первое свидание. К тому же Райан вполне мог перехватывать переговоры по рации.

Вечеринка прошла хорошо. Я опоздал на полчаса, но, похоже, это было не так важно. Большой дом с розовой штукатуркой, закос под стиль тридцатых годов. Располагался он в конце одной из улиц северо-западнее бульвара Закатов. Клиентка сама впустила меня, для прислуги было уже поздно. Худощавое лицо с острыми чертами, худощавая угловатая фигура, она напоминала женщину, сидящую на сигаретах и таблетках. Крашеная брюнетка около сорока лет, возможно, еще и со слуховым аппаратом в ухе. Она была не в моем вкусе, но и отворачивания не вызывала.

Мы выпили и немного поговорили на первом этаже, но ни я, ни она в болтовне не нуждались. Мы поднялись в спальню. Круто. Комната была размером с парочку квартир, возле окна располагалась встроенная прямо в пол ванная, окруженная стеклянными стенами. Оттуда открывался вид на хорошо освещенный, ухоженный сад. Потолок украшали маленькие лампочки, они мигали как звезды на ночном небе.

Женщина не хотела играть в любовь. Мы разделись как рестлеры, готовые вцепиться друг другу в глотки. Только звона колокола не хватало.

Она сказала, что ей хочется увидеть, как я ссу в ванную до того, как мы туда залезем. Я встал у края и выпустил струю. Женщина села, свесив ноги в ванную, она ловила струю руками и разбрызгивала мою мочу на сиськи и промежность. Ванна была закрыта пробкой, когда я закончил, клиентка забралась туда целиком и принялась кататься по дну, измазываясь в моче.

На подставке для мыла лежало дилдо, клиентка протянула его мне и встала на четвереньки. Я воткнул его ей в пизду, потом в задницу. Я уже возбуждился, но женщина витала где-то далеко в других мирах. Она только стонала, я понятия не имел, что ей нужно. Я пошел уже проторенной дорогой и начал трахать ее сзади. Женщина кончила, я буквально заставил ее сделать это, но она платила, а значит нужно было долбить до конца.

Когда я вытащил из нее свой член, она легла и уставилась на меня, облизывая губы. Я хотел принять душ, взять деньги и идти домой, но клиентка хорошо заплатила. Теперь она хотела, чтобы я сблевал на нее.

Я несколько раз совал палец себе в плотку. Я стоял над ней в полусогнутом состоянии, обмякший член болтался в, полном спермы, презервативе. Каждый раз, когда рвота подступала к горлу, я едва не терял равновесие, поверхность ванны была очень скользкой. Наконец, у меня получилось, когда я закончил ее сиськи и грудную клетку уже покрывали густые коричневые брызги коктейля и полупереваренной картошки-фри. Некоторое время женщина размазывала мою рвоту по животу и втирала ее в волосы на пизде.

Двадцать минут спустя она уже стояла у открытой входной двери и протягивала мне деньги. Сорок процентов шло латиносу, она оплатила эту сумму напрямую с одной из кредитных карт. Я принял душ и оделся, но женщина так и стояла голая и измазанная высыхающей рвотой. Похоже, она и спать собралась в таком виде.

Глава двенадцатая

Раннее утро. Я покидал грязную и беспутную Венецию. Хорошо хоть Райан меня не подждал. Во мраке не было видно ни серого «Плимута», ни откопанного Бела Лугоши, притаившегося на лестнице в доме на другом конце улицы. Я начал упаковывать вещи.

Квартира была пустой, какой я ее и оставил. Но все это временно, здесь будут еще легионы квартиросъемщиков.

Вещей у меня набралось на два мешка для мусора. Совсем немного — одежда, ванные принадлежности, видеокассеты, журналы со сплетнями кинозвезд, флаконы с таблетками, фотография мертвой девушки. Но я все равно устал, когда закончил сборы. Предстоял долгий день, столько еще нужно было сделать. Я сидел на грязном ковре и курил. Когда от неудобного вертикального положения начало ныть все тело, я лег, закрыл глаза и попытался абстрагироваться от шума в голове. Без десяти восемь на моем запястье запищали «Касио». Ройстон обещал подойти к пол-девятому, но я хотел закончить все пораньше.

Я отнес мешки к машине, потом вернулся, чтобы еще раз все проверить. Я неподвижно встал посреди комнаты, мне хотелось в последний раз насладиться связанными с ней приятными воспоминаниями. Но я почувствовал лишь атмосферу косности и застоя, моя старая-старая жизнь рассыпалась в прах.

Я немного проехал на машине вниз по улице, отсюда я по-прежнему видел дверь квартиры. Я ждал. Прошло совсем немного времени. Ройстон приехал в пятнадцать минут девятого. Он припарковал свой блестящий черный «Кадиллак» и вприпрыжку побежал к лестнице, Ройстон напоминал собачку, ждущую косточку на обед. Его очки бликовали на солнце, а рот напрягся и вытянулся, Ройстон напряженно втягивал в себя воздух. Я смотрел, как он стучит в дверь. Естественно, никакого ответа. Он постучал еще раз, потом достал свою копию ключей и исчез внутри здания.

Через полминуты Ройстон выскочил из дома. Стоя на вершине лестницы, он дико озирался вокруг. Дурак не знал, что у меня был «Прелюд», поэтому и не заметил меня. Я сидел, склонившись над журналом, который скрывал большую часть моего лица. Ройстон вернулся в квартиру. Затем снова вышел, казалось, он вот-вот разрыдается. Ройстон спустился по лестнице, он двигался импульсивными рывками, словно вообще не видел, куда идет.

Я почувствовал, как кровь, хлещущим потоком поднимается от моей промежности к глазам. Как же хорошо, хорошо, хорошо. Я хотел наорать на него. Хотел встать на крышу машины и бить себя в грудь. Но тогда он запишет номер и сможет меня выследить. Так что я просто сжал бедра и завел машину. Прочь из Венеции. В Санта-Монику.

Он поступил подло, не отсрочив арендную плату, и я украл его мебель. Я понимал, что это мелочь, но все равно было очень приятно. Однако настоящая ценность такого поступка заключалась в другом. Это была еще одна точка на дороге, уводящей прочь от обыденности, еще один необратимый шаг в сторону от правил прошлой жизни. Раньше я бы никогда не решился на такое. Значит, я становлюсь кем-то другим.

Я ехал, опустив оба окна, мне хотелось, чтобы ветер ласкал мою кожу. В Санта-Монике я свернул на Пасифик Кост Хайвей. Я мог бы ехать по этой дороге напрямик до Сан-Франциско, а то и дальше. Меня осенило. Я могу просто ехать все дальше и дальше, а бензина будет оставаться все меньше и меньше, и с каждой милей часть меня будет испаряться и

улетать, и так до тех пор, пока машина с хрипом не остановится на какой-нибудь прибрежной обзорной площадке. А я исчезну.

Ветер унесет меня.

Если только.

Я ехал по Малибу, и, как всегда, все было не таким, каким казалось на первый взгляд. Дома с некрасивыми фасадами, стоявшие со стороны океана, и небольшая дорога, уползающая к холмам, с другой. Отсюда не было видно пляж, и сами домики ни о чем не говорили. Но при этом ты знаешь, что богатство здесь, близко, это было частью легенды.

Через полчаса я позавтракал в закусочной какого-то захудалого прибрежного городка. Картошка фри, яйца, белый тостер, и хрустящий бекон. Я пил кофе и курил, смотря на океан через окно. В свете утреннего солнца он казался ярко-синим. Местные серферы уже принялись за дело, стояли на своих изогнутых досках, расставив ноги, ждали, когда все соберутся.

Легко так жить, вставай каждое утро, спускайся к океану, и покоряй волны. И так изо дня в день, ничего больше для жизни не надо. Они жили в блаженном неведении, они не сравнивали себя со звездами кино. Хорошо, когда ты даже не знаешь, чего лишен, а если и знаешь, тебе наплевать.

Но я никогда не смогу стать таким, слишком умен.

Я нашел место на Эммет Террейс — развалина времен тридцатых, расположенная рядом с музеем восковых фигур. К северу от Голливудского бульвара и восточнее Хайленд Авеню. Красивое, хотя и выцветшее, десятиэтажное здание в стиле “ардеко”.³³ Когда-то это было благородное место, подобно Муссолини оно взирало на столицу мечты, гордо выпятив подбородок. В тридцатые годы, живший здесь человек излучал успех и достаток, глядя из золотистого окна. Он наверняка стоял на первом этаже в стильной одежде с блестящим бокалом виски в руке, вокруг него клубился ароматный дым кубинской сигары, и он чувствовал, что нет на свете места лучше, чем Голливуд.

Но это был давно ушедший мир, осталась только оболочка. В здании постоянно что-то сносили и строили, сносили и строили. Дворец превратился в набор однотипных коробок, возвышающихся над улицей, чей блеск давно померк.

Я не жаловался. Я покинул Венецию, теперь у меня есть новая крыша над головой, да еще в той части города, где секс и наркотики лежат почти на поверхности. Одна комната, кухня и спальня. Голый деревянный пол, матрас в углу, стол, стул, телефон, и, слава тебе господи, телевизор. Квартира располагалась на шестом этаже в задней части здания, добраться туда можно было на старом лифте, который открывался вручную. Из окна было видно домики, уползавшие далеко за холмы.

Было уже около полудня, я остался без гроша в кармане. После оплаты аренды и залога. денег мне хватит только на два дня, если питаться только кофе, сигаретами и пивом. Я опустил шторы, чтобы закрыться от солнца и включил телевизор. Но в ткани штор оказалась дырка, мне пришлось поставить телевизор таким образом, чтобы луч света, проникавший через нее, не падал на экран. Я поставил его рядом с матрасом и прилег. Увиденное разбудило во мне чернейшую зависть.

Рене Руссо купил особняк рядом с домом Дина Кейна за шесть миллионов долларов. Сильвестр Сталлоне и Арнольд Шварценеггер обсуждали совместный проект на двести миллионов долларов, Том Круз ждал тридцать шесть миллионов за роль Джерри Магуайера.

Алкоголь и никотин сделали свое дело. Я задремал с включенным телевизором. Глаза

бы его не видели. Если я долго буду долго в него пялиться, то сдохну от зависти.

Вчерашняя ночь была насыщенной, я заснул крепко.

В девять часов вечера меня разбудили стоны девушки в соседней комнате.

Я позвонил латиносу, дал ему свой новый номер. Заказов для меня не было, но он сказал, что будет на связи. Я позвонил Рексу, но он выключил телефон. Больше звонить было некому.

Я включил свет, вырубил телевизор, затем сел на кровать и уставился на него. Пустой темно-серый экран создавал впечатление, что выключился весь мир, словно на этой планете остановилось вообще все.

Меня охватила паника. Я чувствовал себя навеки заточенным в комнате, перед черным экраном. А в это время, за стенами дома, неистовым потоком несется жизнь. Я достал пиво из холодильника.

Пришло время действовать, подзаработать немного баксов. Жаль, у латиноса не нашлось для меня заказов. Я бы не отказался провести первую ночь в Голливуде на вечеринке с женщиной и в роскошной обстановке. Но, сказать по правде, этой ночью мне больше хотелось окунуться в уличную проституцию.

Так что...

Теплая ночь, в животе еще несколько банок пива, губы сжимают сигарету. За домом находилась парковка. Ее бетонное покрытие, освещенное розовым светом, выглядело очень чистым, ни единой пылинки, казалось, там даже лежать комфортно. Иногда по ночам весь Лос-Анджелес выглядел так — словно раскрашенный аэрографом, с оттенком пастельных красок, так и хотелось его погладить.

Я быстро проехал бульвары Закатов и Голливудский и припарковал машину неподалеку от одной из центральных улиц. Когда я слился с толпой шлюх, то почувствовал себя юнцом. Цвета, звуки, запахи, чертово освещение, сам воздух, я с детства не испытывал такой остроты ощущений. Я смотрел, как клиенты на полчаса оставляют привычную жизнь и ныряют в это сточную канаву, наполненную мясом. Вот они, истинные цвета, малыш. Вот, что из себя представляет этот мир. Вот, каким он будет двадцать четыре часа в сутки, если исчезнут все ограничения. Я чувствовал себя обдолбанным, хотя и не принимал наркотиков. И в таком состоянии мне пришла в голову мысль, что этот срез общества ничем не хуже остальных, а может и лучше, потому как гораздо честнее.

Но я понимал, это не так, только один срез общества имел ценность — тот, что выше всех. Я покинул яркое сборище шлюх и направился в злачную часть города, у меня быстро улучшилось настроение.

В прошлый раз я струсил, но это было давно. До встречи с Рексом и парочкой, живущей среди холмов, до латиноса и женщины, которая заплатила мне за то, что я на нее проблевался, до Джоя и его рассказа о человеке в черном «Ягуаре».

Все сработало, как часы. К тротуару подъехал «Форд». Хорошо, парень в машине меньше меня, его легко будет избить, если что-то пойдет не так. Я подсел к нему. Он сразу принялся скулить.

— Ты знаешь, где можно уединиться? Я не люблю заниматься этим в машине.

— Езжай дальше по дороге. Здесь всем наплевать.

— Я не хочу в машине. Я не люблю, когда смотрят.

— Никто не будет смотреть.

— Будут. Соберутся человек десять и начнут драть, пока мы занимаемся. Я знаю, такое

уже бывало. Я не собираюсь устраивать бесплатное шоу. Я хочу сказать. Знаешь, куда мы могли бы поехать?

— Да, знаю. Сверни тут налево.

— О, спасибо. Я не хочу доставлять неудобства, просто не хочется здесь.

Мы поднялись по Ла Бреа и пересекли бульвар Закатов. Через две улицы от Голливудского бульвара начались ряды старых офисных зданий — все невысокие, шесть-семь этажей окислившегося камня. В одном из них цокольный этаж заколотили досками, но в углу крыши виднелась пожарная лестница из темно-серого чугуна. Как-то раз меня сюда привели Карен и ее дружки — устроили посиделки вокруг костра, сожгли кучу ящиков из-под апельсинов, пили и принимали наркотики. Тогда мы славно повеселились и получили море удовольствия. Да, сэ-эр прямо под открытым небом.

Парень осторожно припарковал машину, тщательно проверил, все ли замки закрылись и стоит ли сигнализация. Поднимаясь по лестнице, он то и дело оглядывался, словно боялся, что в темноте его поджидает моя банда. Он сильно нервничал. Но у меня сложилось впечатление, что чувство опасности было для него неотъемлемой частью всего действия. Ему хотелось подойти к краю, сделать нечто очень плохое.

Добро пожаловать в клуб, дружище.

На крыше в самом центре стояла маленькая будка, возможно, это была лифтовая кабина, возможно еще что-нибудь. Она идеально подходила для того, чем мы собирались заняться. Есть где спрятаться, есть стена, на которую можно опереться. Царивший в будке мрак, полностью поглотил нас.

— Ты уверен, что никто сюда больше не поднимется?

— Место надежное. Не волнуйся.

— Хорошо.

Парень кивнул головой, словно в знак последней отмашки.

— Сколько?

Как ответить? Следовало посоветоваться с Рексом. Уличная проституция отличалась от услуг, где заправлял Латинос. Сильно отличалась. Карен получила тридцать тысяч за почку. Сколько может стоять мой член и ложечка спермы?

— Чего ты хочешь?

Парень неуверенно посмотрел на меня, долго решаясь попросить.

— Может минет?

Я пожал плечами.

— Как хочешь.

— А потом ты меня трахнешь.

— Семьдесят пять.

— Хорошо.

Он достал деньги и протянул их мне. По его голосу было непонятно, много я запросил или мало.

Мы подошли к стене. Он хотел поцеловать меня, но мне этого не хотелось. Я оттолкнул его лицо и потянулся к ширинке. Было очень необычно прикасаться к другому мужчине. Я думал, это все равно что подрочить, но все оказалось совсем не так. Теперь я понял, что чувствует женщина, когда держит яйца. Они оказались гораздо плотнее, как мешок с песком. Я вытащил его член, на ощупь он напоминал резиновую сосиску. Я не воспринимал его, как часть организма, вообще как часть его.

Я опустил на колени. С головки возбужденного члена уже свисала капля слизи. Я вытер ее рукой и начал сосать. Парень запустил руку в мои волосы, он говорил со мной, как с девушкой. Под конец он задрожал, его член уперся мне в горло. Я захрипел, но смог сохранить контроль. Когда он кончил, я выплюнул его сперму. Но его это нисколько не обидело.

Настало время основного представления. Он хотел почувствовать себя женщиной или быть наказанным? Да похуй. Вздрочнул, засунул и все. Какая разница? Деньги же в кармане.

У нас была смазка, но все равно парню понадобилась пара минут, чтобы расслабить задницу. Только тогда я смог ему засадить. И здесь ощущения оказались совсем другими. Минимум возбуждения, совсем не как от женской киски, больше холодности. Его прямая кишка совершенно меня не заинтересовала. Сначала я держал его чуть выше бедер, но потом наклонился к нему, упершись руками в стену. Кирпичи впились мне в руки. Парень пыхтел, как пес, копающийся в мусоре.

За моей спиной гигантским котлованом из неона и сети натриевых лампочек простирался город. Такой огромный, осматривая его, приходится вращать головой. Если бы я мог видеть сквозь будку и еще две улицы, то увидел бы Голливудский Бульвар, а за ним холмы. Это было так дико, думать об таком, занимаясь однополым сексом на открытом воздухе. Я жарил мужика в жопу за деньги. На мгновение я почувствовал, словно стою в центре большого городского колеса. Я трахаю пидора, а все вокруг вращается, как гигантский механизм. Согласен, полный абсурд.

Вскоре все закончилось, думаю, мы оба остались довольны. Парень молча застегивал штаны, и я был рад, что не приходится одеваться и болтать. Мне больше не хотелось иметь с ним дело. Я погрузился в свои мысли.

Что этот поступок значит для меня? Почти ничего. Я отнесся к этому спокойно. Это же просто механические движения — потереть чего-нибудь, пока не начнется реакция. Я не почувствовал тяги к мужчинам, но и ничего ужасного тоже. Это было как травка, как выброс адреналина. И мне еще и заплатили за это. Вот и все.

Парень не стал везти меня обратно на улицу. Ему хотелось побыстрее исчезнуть. Меня это тоже устраивало. Я добрался до своей «Хонды» на такси, но мне не хотелось сразу ехать домой. Я немного покатался по городу. Жизнь на улице все еще бурлила — много суеты, много денег, кочующих из одних рук в другие. Вдоль тротуара ползло много разных машин. Но никакого черного «Ягуара» с седовласым водителем. В конце концов, я вернулся на Эммет Террейс и завалился спать. Я проснулся за несколько часов до рассвета и подрочил на фотку девушки с ломом в заднице. Затем снова уснул.

Глава тринадцатая

Пару дней спустя я встретился с Рексом. Поздно вечером. Он сидел в одиночестве за столом у окна в баре на Мелроуз-авеню, ждал начала мероприятия. Его калифорнийский блеск потускнел. Казалось, ему вообще не хотелось разговаривать. Мы заказали еду, а потом просто смотрели, как за окном по улице сновали дорогие машины.

— Трудная ночь?

Рекс безучастно посмотрел на меня, затем проворчал:

– Протиаден.³⁴

– А?

– Хреново мне.

– Я думал, ты на Золофте сидишь.

– Доктор посоветовал мне Протиаден.

– И он работает?

– Пока рано судить. Но надежда есть.

– И как он тебе?

– Я бросил Лэнт.

– Ты уверен, что они правильно подобрали тебе дозу?

– Тебе, блядь, смешно, да?

– Эй, чувак, я же просто...

– Прикалываешься. Да. Это я и хочу сказать. Тебе все параллельно и вообще наплевать.

– Эй, у меня проблемы. Я имею ввиду, большие проблемы.

– Ничего нового.

– Вот.

– Джек, верх твоих амбиций — это попасть на обложку журнала сплетен кинозвезд.

– И?

Наверное, Рекс понял, что ляпнул не подумав. Он опустил голову и уставился в тарелку.

Он попытался загладить вину, но выглядело это совсем неискренне.

– Много заработал в агентстве? Латинос сказал, что взял тебя на работу.

– Один заказ несколько дней назад, второй сегодня ночью.

– М-м-м, деньги.

Рекс кивнул, но его глаза метались в разные стороны.

– Не так уж и много. Я на улице не меньше зарабатываю.

– Не дай бог, он узнает.

– Да, я уж понял.

– Это глупо.

– Какого хуя глупо-то? Я свалил из Венеции.

– Давно пора. Это же дыра.

– Венеция не такая уж дыра.

– Трущобы.

– Я сейчас в Голливуде живу.

– Прямо в Голливуде?

– Спрашиваешь!

Рекс скривился.

– А разве это не долгий прыжок из одних трущоб в другие? Все эти попрошайки...

– Что ж, понимаю...

– Все это так угнетает.

– Пожалуйста, хорош уже подбадривать, тошно становится.

– Подбадривать? Извини, но уже пора.

– Хорошо. Поехали. Хотел спросить тебя насчет улицы.

– А что с ней?

– Ну... так... не расскажешь ли чего еще?

Рекс фыркнул.

– Чтобы ты еще больше глупостей натворил? Нет. Ничем не могу помочь. Научиться всему ты можешь только сам. Навскидку определять в толпе психов или тех, кто может быть опасен. Тех, кто захочет того, чего тебе не захочется совсем. Уметь выпутываться из ситуаций, чтобы тебя не забили до смерти... Тебе нужно уяснить, не будешь шустрее, точно облапошат. Могу посоветовать только не таскать с собой документы.

– Это почему же?

– Если тебя заграбастают копы, это прибавит им работенки. Иногда им неохота работать по ночам, и они могут тебя отпустить.

У него зазвонил мобильник — латинос сообщил о начале мероприятия. Прежде чем Рекс ушел, я дал ему бумажку с новым номером телефона и адресом. Он сунул ее в бумажник даже не взглянув.

Той ночью я оттрахал женщину на глазах ее мужа и двадцатилетней дочери.

Шли недели, в Голливуде ничего не менялось. Дни сливались в единое целое. Я поздно вставал, смотрел по телевизору ночные выпуски новостей Голливуда, гонял видеокассеты со сплетнями из мира кинозвезд, что недавно купил. Еще смотрел мыльные оперы и кино. В общем все, что имело отношение к тому миру. Я выходил на улицу перекусить и проводил там большую часть ночи. У меня не было никакого дальнейшего плана действий, я не знал, как улучшить свое положение. Цель всей своей жизни я видел на экране телевизора и понимал, что никогда ее не достигну. А все остальное не имело смысла.

Изредка, где-то раз в десять дней, Латинос подкидывал мне работу. Я был новичком, поэтому в очереди на мероприятия стоял последним. На улице я познакомился еще с несколькими проститутками. Мы разговаривали, иногда вместе пили кофе. Они относились ко мне весьма прохладно. Считали, что мой возраст отпугивает клиентов. Здесь толерантность имела свои пределы. Насрать сто раз. Я туда ходил не друзей заводить. Меня интересовали только деньги и эта внутренняя напряженность. То чувство, которое возникает, когда ты садишься в машину к совершенно незнакомому человеку, не зная, что будет потом. Ты понимаешь, наверняка ему нужен секс, но нет никакой гарантии, что все пройдет гладко.

Поиск убийцы Карен теперь казался мне фантазией школьника. Но именно он, а также нужда в деньгах привели меня на эту улицу. И превратили в декорацию для развлечения проезжающих мимо клиентов. Я выслеживал старика на «Ягуаре», иногда спрашивал о нем. Но даже если бы он и вовсе не существовал, я бы все равно торговал там своей задницей.

Вскоре снова появился Райан. Оскалившись и скрежеща зубами, он резко свернул с бульвара Санта-Моники на Голливудский.

Вечерело. Улица только начинала оживать. Шлюхи уже вышли на панель, но большинство из них бездельничали. Они просто стояли, курили, и разговаривали, подбирая себе место на ночь.

Я был там уже час или больше. Большую часть времени провел в порно-кинотеатре. Фильмы шли не легче тех, что гоняют по приватным кабельным каналам — спринцевание, копро, фистинг, но меня они не возбуждали. Сюжет развивался медленно, слишком затянато. Я смотрел их только чтобы избавиться от чувства одиночества — в них изображали людей, покинувших привычный мир.

Я вышел на улицу и уже собирался купить гамбургер в одном заведении, где по обе стороны от входных дверей стояли прикрученные к тротуару стулья. Латинос на мероприятие не позвал, так что из развлечений оставался только «Пидорвилль».

Я ошибся.

На мое плечо легла бледная рука. Короткие толстые пальцы с плохо постриженными ногтями. Снова он. Весь мир вокруг превратился в череду резко сменявших друг друга кадров, я медленно повернулся к нему, перед глазами словно вся жизнь пронеслась.

– Не хорошо так сматываться из Венеции, Джеки. Думал, я тебя не найду?

Я с трудом подавил в себе желание убежать.

– Вот как? Мне стоило сперва позвонить в участок?

– Я все еще зол на тебя за ту гонку. Не усугубляй свое положение.

– О, черт, так это был ты? Я думал, меня кто-то ограбить хочет.

– Не пытайся увильнуть, Джеки. Где ты живешь?

– Там на Эммет.

– Боже, я бы посмотрел, что там у тебя.

Мы сели за стол, словно ковбои, играющие в покер. Между нами стояло все содержимое моего холодильника: упаковка из шести банок «Будвайзера», бутылка «Южного комфорта» и лед в чаше. Райан снял куртку, его рубашка была мокрой на спине и подмышками. Он плотнул «Южного» и закинул в рот одну из своих нитроглицериновых таблеток. Затем открыл пиво. Судя по его виду, уйти он собирался еще не скоро.

– Что ж, Джеки, как жизнь в целом?

– Хорошо.

– Хорошо? Чем оплачиваешь аренду? Я связался с парнем из забегаловки с пончиками, он сказал, на работу ты не вернулся.

– Да, так, подрабатываю, там-сям.

Райан с трудом сдержал улыбку.

– Что ты мне сказки рассказываешь? На улице снимаешься? Черт, я думал, ты там просто кайф ловишь. Ты удивляешь меня все больше.

– В каком смысле удивляю?

– У тебя погибла жена. Через несколько недель ты уже живешь в дерьмовом районе и торгуешь своей задницей. Ты что, тронулся умом? Чувствуешь свою вину и пытаешься сам стать Карен?

– Райан, чего тебе от меня надо? Ты узнал, где я живу. Ты явно ничего не нарыл по убийству Карен, иначе ты бы просто скрутил меня на прямо на улице. Хватит страдать херней и переливать из пустого в порожнее.

– О, Джеки, твои речи меня ранят.

Райан достал из кармана бутылку с Декседрином³⁵ и высыпал несколько таблеток себе на ладонь. Плоские желтые таблетки, как пятимиллиграмные Валиума. С противоположным эффектом, само собой.

– Вот.

– Я сегодня выспаться хочу.

– В гробу отоспишься.

Райн выпил две штуки.

– Хорошо вставляет, Джеки. Я тут собираюсь кое-чем заняться, и будет здорово, если ты присоединишься.

– Чем именно?

– Не волнуйся, тебе понравится, я гарантирую.

– А если я не захочу?

– О, Джеки, не говори так, – он высыпал еще таблетки и протянул их мне. — Давай, я не хочу тебя напрягать.

Я вздохнул и принял три таблетки. Райан не тот человек, которому можно было бы сказать «нет». Я решил, чем быстрее начнем, тем быстрее все закончится. Я мог потом принять успокоительные.

– Молодец, Джеки. Смотри, мы с тобой выпиваем, глотаем таблетки, прямо как старые приятели, не думал об этом?

– Как скажешь.

Час ночи. В окна дул сухой и теплый ветерок с привкусом соли. Мы с Райаном выпили и наглотались таблеток. Райан вел автомобиль одной рукой. На улице попадались два типа машин: старые развалюхи, на которых разъезжали молодые и бедные в поисках развлечений, и дорогие купе и лимузины, на которых ездили богатые в поисках того же самого. Дорогие машины захватывали воображение, хотелось ехать за ними до самого конца, встретиться с людьми, к которым они едут. А мятые, окрашенные одной грунтовкой, седаны просто уродовали дорогу.

Я смотрел на пальмы. Они росли здесь повсюду, эти деревья идеально подходили розово-лиловому небу. Мы поехали на восток, срезали с Голливудского шоссе на Бульвар Санта-Моники и попали на совершенно пустынную территорию. Восточная часть шоссе и юг по Гриффин парк Л.А., миллионы квадратных миль дерьма. Если только вы не фанат Доджера и не едите полюбоваться на Чейвез Рейвин.³⁶ Я никогда не любил спорт.

Мы подъезжали к Силверлейку,³⁷ Райан пробивался сквозь запутанный лабиринт переулков, пока не нашел какую-то промышленную зону — несколько одноэтажных складов с крышами из профнастила. Зону окружала проволочная сетка, местами изъеденная ржавчиной. Промышленная зона никак не освещалась, поэтому дороги из потрескавшегося бетона, отделяющие склады друг от друга, превращались в темные тоннели уже в нескольких ярдах от уличных фонарей.

Райан уверенно вел машину, он явно знал, куда направляется, он поехал вдоль проволочной сети к воротам, которые мало чем отличались от остальной ограды. В дальнем свете фар показался здоровенный мужик. Он пристально посмотрел на Райана, что-то проворчал себе под нос и открыл ворота.

Мы тихо ехали мимо испачканного машинным маслом эстакад и гор жутких сломанных ящиков.

«Плимут» тихо пристроился к ряду других машин. В одном из зданий во тьме проступали контуры закрытой двери. Мы с Райаном направились туда, и вдруг оказались в ярко освещенном помещении, где было полно людей. Это оказался склад подержанной мебели: вонючие и рваные диваны, кушетки, мягкие кресла, они полностью исчерпали свой ресурс. Дешевый бархат, кожаный материал, испачканная ткань — вещи, на которые больше никогда не сядут задницы других людей.

В центре помещения образовалось квадратное пустое пространство, площадью, наверное, двадцать на двадцать, напоминавшее некое подобие ринга. Большинство людей стояло вокруг него. На складе было около пятидесяти человек, и все они чего-то ждали. Толпа дрожала от непрерывного ропота. Люди курили и пили пиво в банках.

У двери стояли двое, один собирал у пришедших деньги, другой следил за ним, держа в руках помповое ружье. Увидев Райана, он напрягся, но он ничего не сказал. Только кивнул и протянул полицейскому свернутые купюры, которые держал наготове в кармане спортивной

куртки. Райан подмигнул ему и незаметно сунул деньги в карман куртки. Он явно делал это не в первый раз. Полицейский повел меня через узкий проход между диванами к основному сборищу.

В одном из углов «ринга» лежали упаковки, похожие на бесплатные прохладительные напитки. Райан взял пару банок и протянул одну мне. Охладили пиво недостаточно, но все же это был настоящий «Будвайзер». Я осушил ее одним глотком. Окружающая обстановка в сочетании с дексом, действовали мне на нервы. Я не мог прочувствовать атмосферу этого места. Вокруг было полно мачо, трясущих яйцами, но в тоже время, здесь присутствовала скрытая напряженность, что отличала эту компанию от обычных друзей, собравшихся вместе выпить.

Рядом с диваном валялся пневматический отбойный молоток. Его черный шланг подачи воздуха змеей уползал куда-то прочь, а где-то среди мебельных джунглей громыхал компрессор.

– Что это такое? Подпольные бои без правил и перчаток?

– Расслабься, Джеки. Просто смотри.

Я пригляделся к окружающим меня людям, я пытался понять, кто они и зачем сюда пришли. Но от увиденного легче не стало. У всех морды кирпичом, жизнь здорово их потрепала. Сжатые рты, пустые взгляды. Уверен, их лица не меняются, смотрят ли они на играющих детей, или на то, как вышибают дерьмо из кого-нибудь в темном переулке. Ублюдки, гордящиеся тем, что они ублюдки. А следили за ними вооруженные люди, стоявшие на самых видных местах. Несомненно, их выставили организаторы этого шоу.

– Мне здесь не нравится. Я пойду.

– Ты знаешь, сколько стоит попасть сюда? Тысяча долларов минимум. Я оказал тебе честь, парень, так что не бзди.

Две минуты спустя, один из вооруженных парней пошел на другую сторону «ринга» и скрылся среди мебели. Все затихли. Секунды тянулись медленно, крутые ребята уже нервничали, кто-то приглаживал волосы, кто-то снимал рубашку.

Вскоре вооруженный парень вернулся, он крепко держал за руку нервно хихикающую девушку, на вид около двадцати трех лет. Она была одета в короткую юбку и синюю футболку с надписью «Кока-кола». За ними шел огромный раздетый по пояс мужчина, его лицо скрывал колпак палача.

Я решил, что это какое-то секс-шоу и расслабился.

Амбал в маске по телосложению не уступал быку, и это еще мягко сказано, настоящая гора мышц. Он стоял в середине квадрата, словно огромная скала, девушка смотрела в пол и переминалась с ноги на ногу. Она явно была под кайфом, но не под героином – слишком адекватна для этого. Вооруженный охранник ушел с «ринга», человек-бык заворчал, девушка принялась за работу – сняла с него спортивные шорты и начала сосать член здоровяка, пока он не затвердел. Он был огромен, толщиной не меньше запястья девушки.

Затем началась обычная рутина: Фингеринг, минет и ебля в самых разных позах. Наконец, человек-бык вытащил свою огромную елду из нее, и указал пальцем на пол. Я понял, что это какой-то сигнал, девушка вдруг застыла на месте и приуныла. Человек-бык ударил ее в голову сбоку. Она попыталась что-то сказать, но он снова ударил ее. Несколько человек в толпе закричали. Девушка захныкала, затем согнула ноги таким образом, словно собиралась сесть на стул. Через одну-две секунды из ее пизды полилась желтая струйка мочи, она падала на бетонный пол и брызгала в разные стороны, попадая несчастной на

лодыжки. Под девушкой постепенно растекалась темная лужа. Когда она закончила, то присела еще ниже, я увидел, как ее лицо покраснело от напряжения. Девушка пару раз пернула, затем из ее дыры вывалилась тонкая блестящая колбаска говна, она тяжело плюхнулась в лужу мочи. Там, где я стоял уже чувствовался запах.

– Все это очень интересно. Но может пойдём уже?

Райан был полностью поглощен зрелищем. Он даже не посмотрел на меня, когда ответил.

– А ведь она чья-то дочь, веришь?

– А?

– Просто смотри гребаное шоу.

Девушку приковали наручниками к кольцам, вмонтированным прямо в пол. Она лежала на спине с расставленными за головой руками, и кричала, что в сделке такого не предусматривалось, что так не договаривались. Двое мужчин держали ее ноги, каждый свою, они силой тянули их на себя. Человеку-быку подали зажигалку и жестяную банку с горючей жидкостью. Это была вовсе не шутка. Он все так как задумано, побрызгал пизду девушки и поджег ее. Она орала нечеловеческим воплем. Люди вокруг кричали, словно присутствовали на футбольной игре. Но человек-бык прервал зрелище. Когда у нее на пизде сгорели все волосы, он растоптал ногой пламя.

Воздух на складе пропитался ужасной вонью – смесь мочи, дерьма, опаленных лобковых волос, и обгоревшей пизды. У одного из тех, кто держал ноги девушки, шла из носа кровь. Он на мгновение ослабил хватку, когда жертва начала брыкаться от боли.

– Больные.

– Может и так, Джеки, но подобное происходит каждый день, в каждой стране на этой земле. И такое может случиться со всеми, кого ты знаешь. Стоит несколько раз свернуть не туда и все. Подумай над этой мудрой мыслью.

Я собрался уже уходить, но тут человек-бык вытащил на ринг отбойный молоток. Я понял, что все равно придется немного задержаться, отсюда просто так уйти не получится.

Девушка рыдала и умоляла о пощаде, но человек-бык никак не реагировал. Он упер отбойный молоток в пол между ног жертвы и включил. Раздался оглушительный грохот, в воздух полетели куски бетона, из задницы девушки полился желто-коричневый понос.

Человек-бык отпустил кнопку, воцарилась тишина. Настало время того, за что люди заплатили, того, за чем они здесь собрались – они шумно дышали через рот и моргали. Я словно попал в другой мир.

Девушка отчаянно тараторила, обещала сделать кому угодно и что угодно, но ей уже ничего не могло помочь. Все присутствующие знали это. И она тоже.

Человек-бык стоял с прямо торчащим членом и ждал, когда она замолчит. Вскоре девушка только тихо сопела. Человек-бык приподнял отбойный молоток, жестом приказал мужчинам раздвинуть ей ноги, и вонзил его прямо в пизду.

Он нажал на кнопку.

Инструмент ворвался в нее, боек залило кровью. Человек-бык направил его дальше, молоток пробил девушке спину – я услышал звук трения металла о бетон. Человек-бык вытащил отбойный молоток из девушки и засунул его уже под другим углом, теперь конец бойка вышел из ее тела сбоку, рядом с бедром. Из проделанных дыр хлестала кровь. Она капала с корпуса отбойного молотка и рук убийцы. Девушку вырвало на щеку, ее глаза закатились.

Теперь Человек-бык занялся ее ртом. Он воткнул отбойный молоток ей промеж губ, хряпнули зубы.

Снова раздался рев, и голова девушки раскололась пополам.

Я ехал на Запад, дорогу заливал свет уличных фонарей. Самое спокойное время. Свободные минуты между голодной ночью и зевающим утром. Машин мало, дороги сухие. Тихий ветерок нашептывал о возможных перспективах и внушал оптимизм. Я видел, как девушку разорвали на куски, но город остался прежним. Тотем, символизирующий богатство, совсем не изменился, несмотря на то, что произошло на мебельном складе.

И как я себя чувствовал? Как город. Иногда такое случается, но жизнь идет своим чередом. Девушка погибла, но она все равно бы умерла, приди я туда, или нет. Еще одна пешка вышла из игры. Для нее все сложилось дерьмово, но какая мне разница?

Я вел автомобиль. Райан сидел на пассажирском сидении и глотал бурбон прямо из горла, он купил его в ликеро-водочном магазине, расположенном в нескольких кварталах от склада.

– Тебе понравилось, Джеки?

– Зачем ты меня туда потащил?

– Хотел показать, что с человеком всякое может случиться. Думаешь, это все шутки, но это не так. Иногда...это вершит судьбы.

Райан медленно покачал головой и уставился себе между колен. Мне показалось, что он готов разрыдаться.

– Глупая тупорылая сука. Зачем она туда пошла?

– Не похоже, чтобы ее спрашивали.

– Вырасти и просрать все... Конечно, жизнь не совершенна, но ей не следовало туда соваться.

Вскоре Райан повалился вперед и повис на ремне безопасности. Он что-то бормотал себе под нос, но я не слышал. Его затошнило. Райан потянулся в сторону обочины, но было слишком поздно. Он проблевался себе на колени и вырубился окончательно.

Если бы он лежал на спине, я бы бросил машину где-нибудь, в надежде, что он захлебнется собственной рвотой. Но он сидел вертикально и продолжал дышать. Никаких признаков того, что ублюдок собирается сдохнуть, тем самым облегчив мне жизнь, не предвиделось. Так что я оставил Райана в мотеле, заплатив за номер деньгами из его бумажника. Затем поймал такси и вернулся к себе на Эммет Террейс.

Глава четырнадцатая

Утром позвонил латинос. Этой ночью гею понадобился кавалер на вечеринку. Довольно необычно, обычно агентство работало только с гетеро-мероприятиями. Но какая на хрен разница? Главное деньги, а если заказ пришел от латинуса, то наверняка клиентура будет из высшего общества. А высшее общество в Лос-Анджелесе — это люди киноиндустрии — люди с большой буквы.

Я взял в аренду смокинг. До начала мероприятия я пожирал глазами новости — запись вечернего выпуска светских сплетен и полуденную телепередачу о текущем положении кино. Сталлоне, Шварценеггер, Дуглас, Робертс, Стоун, Уиллис, Мур...И еще много людей

рангом пониже. Эпизодические актеры, восходящие звезды, уходящие звезды, звезды-однодневки, телевидение и кино, успешные фильмы, провальные фильмы, прибыльные, сексуальные, фильмы-катастрофы, боевики... Но все эти люди находились там, в застекленном бассейне, который даже самых незаметных из них делал объектом зависти для целого мира. Неважно, насколько качественно снят фильм, главное не сходить с экранов.

Я почитал гляцевые журналы для домохозяек. Разгадывал загадки — тесты с множеством вариантов ответов, кроссворды с названиями фильмов. Угадай кинозвезду. Угадай фильм. Лиз Тейлор удаляли матку? Кто с кем встречается? Я знал их всех — набрал сто процентов, превзошел всех пустоголовых телеведущих, которые думали, что знали все. Я был лучше их, знал гораздо больше. Да и выглядел неплохо. Но они жили настоящей жизнью.

Я занюхал кокс и принял душ. После, уже высохший, я расхаживал голым по комнате. Приятный ночной воздух скользил по моей коже, небо переливалось всеми цветами радуги. Провал во времени, одна из тех пауз, когда день останавливается, и ты паришь свободный от обыденной рутины. Тик-так. Маленькое удовольствие, касаться стульев и стен, приводить в порядок свои владения. Никаких мыслей, только действия. Полное умиротворение.

Я оделся в смокинг и причесался. Обычно опрятность мне не требовалась, но если работаешь кавалером на мероприятии, следует за собой следить. Да и вообще, как знать, с чем столкнешься, на вечеринке у богатых?

Последняя мысль сильно меня взволновала. Я занюхал еще несколько «дорог» и догнал Валиумом. Забавная комбинация. Сверхновая конфиденциальная встреча тонизирующего средства с успокаивающим. Ням-ням.

Парень протрубил в рог в десять часов. Я вышел из дома, готовый попробовать вкус иного мира.

«Мерседес 50 °СЛ», кабриолет с опущенной крышей. Конечно же, последняя модель. Блестяще-красная машина, словно только что из автосалона. Парень представился Дином. Широкие грудь и плечи, он явно не вылезал из тренажерных залов, гладкая кожа, здоровые волосы. Он уделял много внимания одежде и внешности. Но выглядело все очень поверхностным. Я буквально физически ощущал, что он лишь пытается выглядеть успешным. И его машина, и поведение кричали об этом.

Я сел в машину, Дин откинулся на сидение и посмотрел на меня.

— О, а ты ничего.

Мы ветром помчались через бульвары прямо в Беверли-Хиллз. Ночь сверкала сотнями огней: хромированным блеском, габаритными огнями, отполированной металлизированной краской, пастельным светом неоновых ламп. Силуэты пальм бритвами рассекали небо.

— Я тебя где-то видел, так?

Дин улыбнулся белоснежными зубами. Ему это польстило.

— Перестань. Я же тебе плачу, не нужно притворяться. Не пытайся произвести впечатление.

— Э...да. Но я тебя правда видел.

— Не думаю, что часто, малыш.

— Хорошо живешь.

Я провел рукой по двери кабриолета.

— Эта старушка? Шесть недель поработал прошлой осенью. Помнишь Фэрру Фоссет?

— Вау.

— А ты на чем ездешь?

– «Прелюд».

– Это что?

– Японская тачка.

– Как «Лексус»?

– Не совсем. «Хонда».

– О.

– Это, наверное, здорово, быть актером.

– Это самое лучшее ощущение в мире. Конечно, я еще сам не слишком преуспел, но приятно, когда люди тебя узнают.

– А деньги?

– За деньги ты просто покупаешь себе разные вещи, Джек. Это только показатель того, чего ты достиг. Насколько ценится твоя жизнь. Важнее всего любовь.

– Любовь?

– Вернее быть любимым. В этом мы все. Все, кто обитает в Голливуде. Мы же как шлюхи. Мы излучаем любовь. Любовь, любовь, любовь. Прими к сведению! И ею же мы и питаемся.

– Могу понять.

– Думаю, отлично понимаешь.

Дин радостно крикнул и понесся на всех парах. Отражаемый свет фонарей скользил по рисунку на капоте, как масло по воде.

– Я хочу, чтобы ты любил меня этой ночью, Джек. По-настоящему любил. Так, словно я для тебя все. Каждый миг, вся вселенная. Сможешь?

– Думаю да. Я проходил курсы телеведущего. Там же тоже требуется актерское мастерство. Так ведь?

Дин пару раз шлепнул меня по ляжке.

– Молодец-молодец.

Мы свернули на Беверли-Драйв, мы ехали к свежему воздуху и несметным богатствам.

Чем ближе подъезжаешь к холмам, тем меньше становятся улицы. Ты как-будто удаляешься от огромной пульсирующей жилы гигантского зверя к его коже. Артерии, вены, капилляры извиваются и переплетаются между собой. И вот, наконец, ты поднимаешься в высшие сферы, огромные деньги возвышают тебя над людьми, чье состояние не более сотни миллионов долларов. Дома здесь стоят далеко от дороги, ничего невозможно разглядеть. Они отделяются друг от друга акрами лужаек и деревьев. А бедный парень, торгующий задницей, о таком и мечтать не может.

Наркотики, которые я принял еще у себя дома, вдруг показались просто неуместными. Я на мгновение попаду в мир, где все абсолютно все лучше меня. Начиная от людей, заканчивая мебелью в ванной.

Мы свернули с шоссе на гладкую асфальтированную дорогу, она привела нас к белой железной ограде. Мужчина в костюме-тройке радостно кивнул головой и уткнулся в планшет, чтобы проверить, есть ли Дин в списке гостей. Они с Дином коротко обсудили текущие дела. Потом человек в костюме сказал что-то в микрофон на запястье, и ворота открылись.

Мы попали в рай.

Со стороны дороги открывался прекрасный вид: вся территория спускалась вниз, к краю каньона, в форме лестницы из отдельных плоских лужаек. Посреди зеленого склона

располагались два бассейна, сад с декоративными растениями, несколько теннисных кортов, и россыпь служебных зданий. Все это подсвечивалось золотистым светом, странная причуда. Надо всем этим возвышался особняк с испанской архитектурой, построенный в форме подковы. Все три этажа были вмонтированы в склон, дом словно поднимался вместе с ним. Железную ограду балконов опутывали цветы, они росли в каждом окне.

Внутри подковы находился фонтан из глазурованной керамики цвета морской волны, вокруг него все было выложено гравием красно-кораллового цвета. Мы вышли из машины, ее забрал парень в алой ливрее.

Не могу сказать, что вообще не видел такие места. Их часто показывали по телевизору в документальных фильмах и очень часто в серии передач пор кинозвезд. Но попасть сюда самому... это сводило меня с ума. Мы с Дином вошли в дом, держась за руки.

Огромное пространство. Высокие каменные этажи. Потолок в центральной приемной был высотой со все здание, здесь располагался еще один фонтан. Огромное количество арок, и все вели в разные части дома. Сводчатые потолки, как в европейских монастырях.

Я молча стоял и рассматривал все вокруг. Я упивался этим зрелищем. Дин погладил меня рукой по затылку. Я представлял, каково это, жить здесь — вставать по утрам и бродить под тихим испанским сводом. Как теплый воздух и шелковая одежда ласкают кожу. Вечером принять душ, одеться в самую лучшую одежду, выкурить на балконе своей комнаты сигару. В ночи раздается всплеск воды, в бассейне купается красивая женщина, а в воздухе витает аромат жимолости.

– Вещи, Джек, это всего лишь вещи.

– Да, но излучать любовь гораздо легче, если владеешь таким домом.

– Да. Это несомненно. Как сильно ты любишь меня, Джек?

– Сильно?

– Нет, Джек, очень сильно.

Я прижался к нему, обнял за талию и поцеловал.

– Я люблю тебя больше всего на свете.

– Ты всегда будешь любить меня?

– Всегда.

– Мой прекрасный жеребец, скоро ты получишь вознаграждение.

Мы пошли по широкому коридору в один из рукавов «подковы». Там было несколько связанных между собой комнат, судя по всему, основная часть вечеринки планировали провести здесь. Далеко впереди показалась торцовая стена, представлявшая собой складную гармошку из окон высотой от потолка до пола. За ней открывался вид на покрытый плитам песчаник и бассейн величиной с военный крейсер. Где-то далеко неизвестный квинтет играл Джаз Западного побережья.³⁸

Повсюду было много людей, но не чувствовалось бесшабашности и веселья, характерных для вечеринки. Жизнь здесь не бурлила. Наоборот, в комнатах царил покойствие. Люди тихо переходили от одной группе к другой. Их руки и ноги двигались медленно, с изысканной плавностью. Сначала я подумал, что эта грациозность чисто показная, просто заученные манеры, принятые в высшем обществе. Позже я понял, успех и богатство, давали людям силу и способность к самоконтролю, что отражалось на их походке.

Повсюду ходили официанты, но еще была парочка барных стоек. Мы присели к той, что из белого мрамора. Она выглядела так, словно ее изъяли из итальянского ресторана, построенного в начале двадцатого века. Дин заказал минеральную воду, а я коктейль из

водки, «Южного Комфорта» и шампанского. Большой стакан. Мне хотелось уединиться и подкрепиться коксом, что прихватил с собой. Но если у меня нет одного наркотика, заменю его другим.

Я прислонился к холодной каменной стойке и начал просеивать взглядом толпу. Повсюду были селебрити, окруженные толпами навязчивых поклонников, но многих я не знал. Я предположил, что большинство приглашенных не светились на камеру – богатеи, продюсеры, сотрудники телестудий, малоизвестные режиссеры, и прочие-прочие. Но я по-прежнему чувствовал, что попал на страницы глянцевого журнала. Боже, как мне хотелось стать частью высшего общества. Меня уже не устраивало просто смотреть на этих людей как бы снаружи. Я желал стать одним из них. Я хотел их дорогие лимузины, дворцы. И также, как они, никогда больше не нуждаться в деньгах. Я хотел носить одежду, по цене не уступающую машине, и выбрасывать ее к концу сезона. Я хотел приходить в ресторан, где все меня знают. На мгновение желание денег и славы охватило меня настолько, что я чуть не упал в обморок.

Я резко встряхнулся. Глотнул коктейль. Заказал еще.

– Кто владеет этим местом?

– Один человек.

– Секрет?

– Ты много знаешь о кино?

– Все знаю.

– Неужели?

– Ну, знаю все о некоторых аспектах.

– Знаешь Питера Ларатина?

– Нет.

– Богатый кинопродюсер. Он профинансировал сотни проектов.

– О.

– Ему нужен парень гей, который сыграл бы гетеросексуала, играющего гая.

Ситуационная комедия. Он думает, так будет реалистичнее.

– И сегодня работаешь ты.

– Не я. Я играю.

– Послушай, Дин, мне надо сходить отлить. Долго не буду.

– Иди той же дорогой, которой пришли, и поднимись на второй этаж.

Я залпом выпил остатки алкоголя и пошел на разведку. Я вышел к центральной приемной, сквозь облако ароматов парфюма, стоимостью не меньше тысячи долларов. Повсюду были красивые женщины. У меня сразу же разыгралось воображение. Трахнуть эту? Или ту? Или вот ее? Несомненно. Возможно, сами они не были богатыми, но знали кого-нибудь из высшего света. Блондинки, брюнетки, рыженькие. Все богатенькие, причесанные. Любая из них могла вознести меня на несколько уровней вверх.

Туалет располагался на втором этаже, прямо рядом с лестницей. Там были писсуары, черная плитка и тонированные зеркала. Я занюхал кокс в одной из трех кабинок и теперь сидел, облизывая десна. Ждал, когда начнет действовать. За дверью входили и выходили люди. Сквозь всплески сливаемой воды я слышал их разговоры об импортных машинах, высокодоходных инвестициях, фильмах и женщинах. Иногда они рассказывали друг другу шутки, но я так и не понял смысла.

По дороге назад я наткнулся на стоящую у перил женщину. Она одиноко смотрела на

людей, толпившихся возле фонтана в прихожей. Когда я проходил мимо, она медленно повернулась. С этого все и началось. Как сказали бы в фильме «Крестный отец», «громом поразило». Тик-тик-тик. Наши взгляды соприкоснулись, это было как целая серия стоп-кадров. Соединение завершено, включились все тумблеры. В этом заключались и прелюдия, и ухаживания, и чувства ожидания, которые нам были нужны. У женщины были серые глаза, черные волосы, и белая кожа. Она носила платье из двух частей цвета стали. Женщина была старше меня. Не сказать, что слишком красива, но с прекрасной фигурой. И явно при деньгах. Я спускался по лестнице, она продолжала смотреть мне в след. Уходя, я оглянулся через плечо, женщина приоткрыла рот. Но вдруг кто-то из прохожих загородил мне обзор. Я вышел из прихожей.

Когда я вернулся в бар, Дин уже сидел и разговаривал с лысым мужчиной среднего возраста в очках без оправы. Незнакомец был одет в желтовато-коричневые брюки и рубашку из мягкой шерсти. Он вел себя очень сдержанно.

– Джек, я хотел тебе представить Питера.

– Питер Ларатин?

Мужчина пожал мне руку и улыбнулся.

– Единственный и неповторимый.

– Вау.

Питер приблизился ко мне.

– Мы говорили с Дином. Не догадываешься, о чем?

– Э...

– Мы говорили о любви. О том, как сильно ты его любишь.

Я взглянул на Дина. Он нежно смотрел на меня.

– О, я очень люблю его.

– И он тебя тоже. Расскажи, что для тебя любовь? Как ты...ее себе представляешь?

– Ну, я не знаю...

– Я расскажу, как я ее себе представляю. Для меня любовь — это голод. Она как прожаренное мясо с кровью, которое я очень хочу съесть. Суть в том, что тебе всегда ее не хватает, ты никак не можешь насытиться. И она столь коротка. Особенно китайская любовь, да?

Ларатин захихикал.

– Китайская любовь?

Но он уже меня не слушал. Питер положил одну руку на мое плечо, другую на плечо Дина. Он вел себя, как наш старый любимый дядюшка.

– Знаешь, Дин, это очень хорошо. Хорошо, что мы, втроем здесь встретились. Нам есть о чем поговорить. Не часто встретишь таких, как вы с Джеком. Уверен, у вас есть чему поучиться.

– О, про Джека я могу говорить часами.

Мы оставили резвящихся голливудских хипстеров, миллионеров и кинозвезд, и отправились в направлении туалета, где я уже успел побывать. Проходя мимо лестницы, мне показалось, что я снова увидел женщину в платье темно-серого цвета. Она стояла в углу на первом этаже. Но я не был точно уверен, что это она.

Ларатин привел нас в комнату без окон. В центре стояла кровать, накрытая резиновым полотном цвета сливок. Все стены, от пола до потолка были завешены огромными черно-белыми фотографиями анусов. Не легкие фото задниц в стиле «Плейбоя». Дыры снимались

крупным планом — волосы, ссадины, засохшее дерьмо и прочее-прочее. Перед кроватью на штативе стояла камера.

— Теперь поговорим, Джек. Думаю, ты окажешь мне небольшую честь начать?

Ларатин принялся возиться с камерой, я слышал пронзительное шипение заряжаемой вспышки.

— Просто сними штанишки и нагнись, вот здесь на краю кроватки, хорошо? Я храню у себя фото всех моих друзей.

Я стянул брюки и обхватил руками колени.

— Нет-нет-нет, не так. Раскрой.

Я вытянул руки назад и раздвинул в стороны ягодицы. Я почувствовал, как мне в анус подул теплый легкий ветерок — Ларатин близко наклонился к моей заднице, но не касался ее носом. Он увидел, что я за ним наблюдаю и резко выпрямился.

— В детстве мы часто в это играли. Мы называли это «нюхнуть попку». Задача поднести нос как можно ближе, но не касаться. Я всегда выигрывал. Ты пахнешь как настоящий самец.

Ларатин сместил камеру на два фута ближе и пару раз сфотографировал со вспышкой.

— Вот и все. Одевайся.

Потом мы сели в гладкие кожаные кресла и пили бренди с содовой.

— Выставить себя напоказ, есть ведь в этом что-то волнующее, не так ли Джек? Словно тебя покоряют.

— Если вам нравится, я не против.

Дин неодобрительно посмотрел на меня и ткнул носком туфли в ляжку. Ларатин сделал вид, что ничего не заметил.

— Нет, я думаю, ты это испытал. Любой бы испытал. Это такое...интимное чувство. То, что ты бережешь для особых людей. Тех, кого любишь. Например, то, чем вы занимаетесь с Дином — вы же скрываете, не так ли?

— Что ж, верно, таким нужно заниматься в нужном месте в нужное время.

— Точно.

— Секс — это выражение эмоций, — добавил Дин.

— Хорошо сказано, Дин. Если тебе кто-то просто нравится, ты занимаешься с ним обычным сексом. А с тем, кого любишь...Вообще, по-разному можно разделить людей, так ведь? Например, по степени любви, так сказать. Джек, а как ты определяешь, что кто-то тебя любит?

— Он сделает для меня все.

— Уже ближе, но думаю, можно сказать и лучше. Он отдается тебе целиком. Вот что значит любить — по собственной воле отдавать любимому каждую частичку себя.

— О, мы так и делаем, да Джек?

У Дина приподнялись брови, я подумал, что это какой-то непристойный намек.

— Точно, каждую частичку друг друга.

Ларатин хмыкнул и сжал ноги.

— Звучит интересно, просто восхитительно.

Дин наклонился вперед, он словно собирался прямо здесь продемонстрировать нашу восхитительность.

— Конечно, Питер, мы не заходим слишком далеко.

— Но вы так и не постигли глубин.

– Джек и так дает мне все, что нужно. Он высоко меня ценит. И мне этого достаточно.

Очевидно все это было какой-то странной игрой, но я ее не понимал. Я хотел только одного, чтобы быстрее начался секс. Я бы сделал все, что от меня требуют и вернулся на вечеринку. И снова увидел ту женщину.

– Если Дин хочет показать, чем мы с ним занимаемся, я не против.

– Правда, Джек? Это большая честь лицезреть соитие влюбленных. Вроде бы, у меня где-то была бутылка с маслом.

Мы с Дином разделись. Он намазал меня маслом из бутылки Ларатина, взял на руки, словно жених невесту, и отнес на покрытую резиновым полотном кровать. Дин принялся елозить по моему телу взад-вперед. Он целовал меня и нежно гладил, получалось у него неплохо. Ларатин просто сидел и наблюдал. Когда Дин развернул меня и наклонился к моей заднице, богатый продюсер оживился.

– О, Дин, он должно быть и вправду тебя любит, раз позволяет такое. Скажи ему, что ты любишь его, Джек. Скажи, что любишь.

Я сказал. Для меня это был просто еще один шаг к свободе. Совсем не трудный.

– Но знаешь, Дин, – Ларатин расстегнул ширинку. — Мне кажется, что кое-кого Джек любит больше.

Дин поднял голову от моей задницы и серьезно посмотрел на Ларатина.

– Это невозможно, Питер.

– О, думаю возможно. Ты ведь не отрицаешь этого, Джек?

Я почувствовал, как Дин сжал мое бедро. Сюжет спектакля прояснился.

– Я люблю Дина, Питер.

– Конечно любишь. Но и меня ты любишь тоже. Я вижу это по твоим глазам.

– Да, ты прав.

Дин отпустил мое бедро. Ларатин встал и начал раздеваться. У него было крепкое загорелое тело.

– Покажи, как сильно ты меня любишь.

Дин незаметно толкнул меня локтем. Я скатился с кровати и встал перед Ларатином на колени. Некоторое время я сосал его член. Питер издавал довольные звуки, шептал мне ласковые слова, но он был еще недостаточно возбужден. Ларатин гладил рукой мои волосы.

– Видишь, Дин, он любит меня. Ты ведь не ревнуешь, да? Ведь, в конце концов, человек может любить и двух мужчин.

– Все в порядке, я догадывался.

– Все в порядке? Это хорошо, Дин. Очень хорошо.

Ларатин еще некоторое время гладил меня по голове, затем вытащил член из моего рта.

– Но что если он любит меня больше, чем тебя?

– Я уверен, он нас обоих любит одинаково.

– Нет, Дин, нет. Он поласкал ротиком тебя, потом меня. Обоих. Но я еще не закончил. Давай лучше сразу покажем Дину, Джек. Ему станет проще это принять со временем.

Из шкафа, что стоял рядом с кроватью, Питер достал стальной расширитель и тубик со смазкой.

– На четвереньки, Джек.

Я встал в позу собаки. Ларатин согрел расширитель, перекачивая его рабочую часть в ладонях, он действовал профессионально, словно доктор.

Потом настал черед смазки.

А потом открылся и ой задний проход.

Расширитель казался мне огромным. Ларатин вводил его аккуратно, стараясь не причинять боли. Он медленно, словно штопор, вворачивал его мне в анус. Но я еще недостаточно овладел искусством расслабления сфинктера, и Ларатин потерял терпение. Когда первый дюйм оказался внутри меня, Питер навалился всем весом и одним рывком засунул его целиком. Я закричал от нестерпимой боли.

Ларатин начал поворачивать рукоять, которая раздвигала части механизма, стало еще больнее. Было очень необычно чувствовать дуновение ветра в толстой кишке, но это ощущение быстро сменилось страхом. Мне казалось, что моя прямая кишка разорвется пополам.

Я снова закричал и уже повернул голову, хотел попросить его действовать осторожнее. Но я ничего не сказал. Потому как за дверью, прислонившись к ней спиной, стояла темноволосая женщина в сером платье. Дин и Питер знали, что она там, но вели себя так, словно ее не было. Женщина наблюдала за нами, холодно и оценивающе. Мы были просто частью шоу, на которое она случайно попала.

Мне хотелось встать, повернуться к ней, сказать, что это для меня все мелочи, что я выше этого. Но Дин платил, а мне нужны были деньги. Так что я оставил связанные с ней мечты, которые лелеял весь вечер. Я опустил голову. Ну ее нахуй.

– Видишь, Дин. То, что он делал для тебя и делает для меня буквально небо земля.

Ларатин теребил свой вялый член.

– Смирись с этим. Он любит меня больше, чем тебя. А ведь он едва со мной знаком.

И, словно желая показать Дину, насколько он уверен в моей преданности, Питер начал ссать в мой растянутый анус. Моча не жгла, я почувствовал только тепло и тяжесть. Пару раз он обоссал мои ягодицы, но основная часть струи попала внутрь. Когда его мочевого пузыря опустел, а моя прямая кишка наполнилась, Питер закрыл расширитель и вытащил его из меня.

Дин лежал на резиновом покрывале лицом вверх, он надрачивал свой вставший член и посылал Ларатину воздушные поцелуи.

– Я тоже люблю тебя, Питер.

Я залез на кровать и присел над лицом Дина. Мои яйца терлись о его щеку, он принялся ласкать их языком. Я посмотрел в сторону двери. Меня пугала сама мысль взглянуть в глаза незнакомке. Но в тоже время мне хотелось увидеть, как женщина отреагирует на эту сцену. Но ее там не оказалось, что принесло мне большое облегчение.

Дин кончил, струя спермы взлетела вверх. Она залила его грудь и живот. Я выпустил из задницы струю мочи Питера ему на лицо.

Я слышал, как он издавал булькающие звуки, когда моча затекла ему в нос.

После этого мы вытерлись полотенцами, оделись и продолжили пить.

– Готов поспорить, ты восхищен моим самоконтролем, верно, Джек? Восторгаешься тем, как я веду себя.

– Если ты не хотел кончить слишком рано, то все в порядке.

– О, нет. Я просто смакую ожидание, сладенькое оставляю на конец ночи.

– О.

– Почему бы тебе не выйти и не поразвлечься самому часик-другой? Мне нужно обсудить дела с Дином. Я и так слишком долго его задержал. Но помни, Джек, не заигрывай с гостями. Я не потерплю, чтобы мне изменяли.

Дин вывел меня за дверь. Когда Ларатин уже не видел нас, он протянул мне пачку денег.

— Это за оказанные услуги.

— Надеюсь, у тебя своя доля есть.

— Спасибо. Он настолько же щедрый, насколько безумный. Что поделаться? Ты пока здесь потусуйся. Потом он тебя трахнет. Здесь ведь денег достаточно.

— Это уж точно.

— Надеюсь, тебе можно доверять. Если не вернешься, все остальное потеряет смысл, и обернется пустой тратой времени. Пойми, для меня это очень важно.

Дин поцеловал меня в щеку и вернулся в комнату с анусами.

Похоже, ничего особого делать не придется. Идея слоняться туда-сюда пока Ларатин разогревается не слишком вдохновила. Я почувствовал себя измотанным и уставшим, захотелось домой. Но Дин мне понравился, не хотелось его подводить. Так что я решил где-нибудь уединиться, занюхать пару «дорог», и прогуляться по местным уголкам.

Вдруг чья-то рука обхватила мою ладонь. Женщина. Она стояла прямо передо мной. Незнакомка повела меня за собой по коридору, она улыбалась через плечо. Мы вообще не разговаривали, просто не могли. Воздух вокруг нас двигался с огромной скоростью. Мы находились где-то в своем мире, который вышел за грань времен. Мы попали в другое измерение, где не нужны объяснения, а все самое важное превратилось в единый поток страсти.

Мы уходили все дальше вглубь дома. Отраженное освещение, шелк на стенах, произведения искусства. Все словно специально обставили таким образом, чтобы вызвать зависть. Женщина не пользовалась парфюмом, но ее запах и так сводил меня с ума. Волосы, кожа, даже небольшой вырез платья между ног. Мы шли все быстрее, нельзя было терять ни секунды, мы почти срывались на бег как псы, бегущие к еде или акулы, плывущие по следу крови. Никаких мыслей, только инстинкты.

Мы забежали в ярко освещенную комнату. Там горничная мексиканка трудилась над кучей белья возле гладильной доски. Когда мы вошли, она подняла голову. Но тут же продолжила работу. Казалось, сама аура богатства моей спутницы заставила ее замолчать.

У меня мелькнула мысль, что можно было бы найти место и получше, но женщина уже запечатала мои уста своими. Разум вовсе отошел на второй план. Мы принялись кататься по полу, горничная старалась игнорировать нас, старалась сосредоточиться на белой простыне, лежащей на доске. Но когда из брюк показался мой стоячий член, она закричала и выбежала из комнаты.

Женщина задрала платье выше талии, ее расстегнутая блузка висела на плечах, обнажив белые груди с темными сосками. Я сунул руку ей между ног, она была уже мокрой, волосы ее пизды на ощупь напоминали шелк. Мы вцепились друг в друга слово борцы. Меня поражало, сколько силы она вкладывала в секс. Мы словно были давно влюбленной парой или что-то вроде того.

Я посадил ее на невысокий шкаф, вмонтированный в стену. Она села, откинувшись назад с расставленными руками. Женщина раздвинула ноги и встала пятками на край шкафа. Я прильнул к ней, она схватила мой член и буквально вонзила в себя. Он вошел легко, не ткнулся ни в волосы, ни в половые губы — быстрое проникновение в другое тело.

Мы трахались грубо. Словно некая сущность внутри нас питалась нашей еблей. Нас все сильнее притягивало друг к другу. Впервые со времен первых дней с Карен, я занимался

сексом испытывая сильные эмоции.

Она шептала мне на ухо непристойности, мы задыхались от страсти. Нам казалось, что мы уже долгие годы трахаемся где-то в гиперпространстве. Но реальность все равно настигла нас. Женщина дернулась, застонала и кончила. Я собирался накачать спермой самые глубины ее пизды, но дело приняло скверный оборот. Чьи-то руки схватили меня за плечи и оторвали от нее. Мое семя вылилось ей на живот, и не попало в пизду.

Ларатин. Разъяренный. А с ним парочка здоровенных парней в костюме официантов, они толкались между собой, каждый старался покрепче меня схватить.

– Ты гребаная свинья. Ты...гребаная свинья. Ты сказал, что любишь меня. Я доверился тебе.

Я видел, как на его лысой голове набухла вена. За его спиной в дверной проем заглянула горничная-мексиканка, и тут же скрылась из виду. Женщина закончила подтираться шелковой тканью и принялась приводить в порядок одежду. Похоже, ее совершенно не беспокоило, что они вторглись сюда.

– Так и есть, Питер...

Ларатин обратился к ней:

– Это мой дом! Мой! ТЫ понимаешь, как это мерзко? Теперь все знают, что он не любит меня?

– Конечно не любит, ты идиот. Тебя никто не любит.

Ларатин закричал, закрыв руками уши.

– Это не правда, не правда. Не смей так говорить.

Затем он обратился к официантам:

– Вышвырните его отсюда. Я не желаю видеть его в моем доме.

Я натянул штаны, охранники вытащили меня из комнаты. Женщина молчала, она не пыталась их остановить. Перед уходом я увидел только как она застегивала пуговицу на блузке. Меня вели по коридору, Ларатин вышел из комнаты и смотрел нем вслед.

– Ты блядь! Ты кусок дерьма! Блядь!

Здоровяки утаскивали меня за угол, он махал кулаками в воздухе.

Когда мы вернулись на вечеринку, мне дали возможность дойти до двери без сопровождения. Но под присмотром, само собой. Так что все остались довольны. Увидев Дина, я почувствовал укол вины. Он сидел на диване, закрыв руками лицо.

И вот я на улице. Какое-то время я разгуливал неподалеку, надеялся, что выйдет женщина. Но она не вышла. Я посмотрел на дом, потом окинул взглядом территорию, по черной полосе дороги все прибывали машины. Кусочек мира за экраном телевизора — я попал прямиком из мечты в реальность. Я видел ее вживую. А теперь был далек от нее как никогда.

Я устал. Я пошел к фонтану и умыл лицо. Я наклонился к воде, посмотреть нет ли какого-то послания в колыхающемся отражении. Повезло — послания существуют только в воображении пьяных и психов. Я знал это той ночью, когда ехал по Оушн-авеню, почему что-то должно измениться?

Я пошел к автомагистрали. Парень у ворот выпустил меня, не сказав ни слова. Я пошел вниз по склону холма, надеясь поймать где-нибудь такси.

Глава пятнадцатая

Сгущались сумерки. У Рекса оставался еще час до начала мероприятия. Ему подкорректировали прием медикаментов, так что он вел себя спокойнее, чем в прошлый раз. Мы ехали в его желтом Порше кабриолете. Неоновые вывески на бульварах светились всеми цветами радуги. Звезды кино с безразличием смотрели с рекламных щитов, они были слишком далеки от бесконечной уличной толкотни, чтобы прочувствовать ее.

Тротуар кишел девушками, готовыми запрыгнуть в спортивную машину крутого парня. Но меня они не интересовали, не платят ведь. Калифорнийские сиськи и жопы, на вид ничего, но только один процент из них хоть на что-то годится. Рекс на них даже не глядел.

– Ты проебал заказ Латиноса.

– Знаю.

– Он тебе больше не позвонит.

– Слушай, извини, если это и на тебе отразится.

– Я тебя порекомендовал. А ты все просрал, сам виноват.

– Я не хотел, но выбора не было. Иногда все происходит само собой.

– Боже, только не говори, что постиг суть вселенной.

– Если только калифорнийской.

– С тобой больше ни одно агентство работать не станет.

– Ну еще улица осталась.

– Господи, надеюсь эта женщина того стоила.

– Она была при деньгах, чувак. Богатая. Уж ты поверь.

– Не ищи готового рецепта для жизни, чувак, таких не бывает. Вылезти из болота очень трудно. И знаешь, что? Стоит подумать, что ты уже вылез, а оглядишься вокруг, ничего ровным счетом не изменилось.

Мы ехали еще некоторое время, затем настало время мероприятия. Я велел ему высадить меня возле аптеки на Ла-Бреа Авеню. Обширное место со множеством рекламных щитов. Многочисленные фотопрезентации шампуня и парфюма. Смотреть на предметы обожания было даже приятнее, чем фильмы. Безупречные женщины-модели, всегда счастливые, одетые в дорогие одежды. Их фотографировали в самых экзотических местах планеты. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять какой жизнью они жили: дорогие путешествия, квартира за миллион долларов, ночные клубы, поцелуи в щечку и общение с такими же влиятельными людьми, рестораны, везде их обслуживали по первому разряду, пятизвездочные отели. Они выходили из блестящих машин под щелчки фотокамер, которые и приносили им деньги. А потом... о, у меня голова кружилась от одних мыслей о такой жизни...

Да, реклама парфюма самая лучшая. Невозмутимые смуглые мужчины, женщины с развевающимися волосами. Они живут в таких прекрасных местах, как Малибу, или Беверли-Хиллз, или Париж, или Лондон. Конечно, я понимал, что фотографии постановочные, но ведь изображенные на них люди действительно жили такой жизнью. Сами фотографии не обманывали, они и правда показывали, как выглядит мир удачливых людей.

Вернувшись на Эммет Террейс, я позвонил на радио-конкурс, посвященный разным мелочам на тему кино и без проблем его выиграл. В качестве приза дали подписку на журнал. Я достал свою любимую фотографию и подрочил.

Я снова оказался на улице. Скажу просто и честно, нужны деньги. Я сосал члены и трахал клиентов в задницу. Моя жизнь превратилась в рутину – я поздно вставал, шатался по

улице до тех пор, пока мне не удавалось подзаработать немного денег. На них я покупал еду, выпивку, иногда наркотики. Потом возвращался домой и сгорал от зависти, смотря телевизор. Затем вставал и опять все по-новой. Примитивные удовольствия. Но однажды ночью все пошло по-другому.

Я стоял в нескольких шагах от ночного магазина, ждал того, кто захочет попользоваться моим членом. Вдруг у тротуара припарковался черный «Ягуар». Мне показалось, что я сплю. Вдруг какой-то гребаный серфингист опередил меня. Он наклонился к окну автомобиля и начал о чем-то болтать с седовласым водителем. Я подошел ближе, мне надоело просто стоять и наблюдать за сценой. Несколько баксов перекечевали из одних рук в другие, но сумма была слишком маленькой для оказания таких услуг. Серфингист пошел в магазин, чем сильно меня удивил. Но я быстро сообразил — решил взять бутылку пивка.

Я догнал с серфингиста возле прилавка, прежде чем пневматическая петля закрыла дверь. Несколько секунд я притворялся, что ищу очень качественную выпивку, чтобы не вызвать подозрений. А затем решил поговорить с ним, как шлюха со шлюхой.

— Скажи, ты был с тем парнем на улице? Который в черном «Ягуаре»?

Серфингист сразу понял, что я тоже мальчик для секса. Поэтому не послал меня сходу.

— Да, раскрутил уебка на выпивку.

Я выжидал, какой выбор сделает серфингист — зависело от того, сколько долларов попало ему в карман.

— Этот старикашка странный, верно? Берегись, чувак.

— А?

— Ты не слыхал о нем? Бля, да его все зовут Седой Бритвой.

— Что-о-о?

Серфингисту не хотелось в это верить, парень в «Ягуаре» сулил немалые бабки. Но проституция весьма опасная профессия, много мальчиков для секса погибло от рук тех, кто обещал, что все пройдет гладко.

— Правда, парень. Как-то раз он снял меня, повезло, что я жив остался. Только я начал ему сосать, как он выхватил бритву и принялся резать мне плечи. Прямо сквозь, мать ее, рубашку.

— Не врешь?!

У серфингиста глаза расширились, а рот открылся как у персонажей мультфильмов.

— Хочешь шрам покажу?

Я начал вытаскивать рубашку из штанов. Но серфингист меня остановил.

— Нет, чувак. Не хочу я на шрам глядеть, он может в окно увидеть. Тогда узнает, что я про него пронюхал.

— И тогда тебе пиздец. Он все время будет преследовать тебя, почаще оглядывайся. Видишь, он меня преследует с тех самых пор, как я убежал от него с порезанной спиной.

— Твою ж мать.

— Да хреново все складывается, скажу я тебе. Но блин, мне повезло, я не прошел полное лечение бритвой.

— Полное лечение...

Серфингист уже потерял голову, перебирая в голове возможные сценария смерти от расчленения.

— Да, гребаное полное лечение. Слышал о парне, которого нашли за вино-водочным магазином «Де-лонгпре»?

– О каком парне?

– Молодой мексиканец, тоже на этой улице работал.

– Да, чувак, вроде слышал.

– Умер от бритвы, чувак. Гребаное полное лечение. Он ему член на ремни порезал.

Снял с него кожу, как кожуру с банана. А потом вообще со всего тела также кожу содрал.

– Твою ж мать, я в его машину не полезу.

– Бля, вообще на улицу не выходи. Просто стой на виду где посветлее и молись, чтобы он не осмелел этой ночью.

– Осмелел?

– Один раз он за мной в Мак-Дональдс зашел.

– Срань господня, Мак-Дональдс...

Серфингист даже не мог подобрать слов.

– Я выйду через черный ход. Ты со мной?

– Не могу. Со мной он впервые почувствовал вкус крови на улице. Я чувствую себя виноватым перед тобой. Я побуду здесь какое-то время, задержу его, если попробует чего сделать. А ты беги. Просто... Просто выпей за меня, если потом прочтешь обо мне в газетах.

Серфингист схватил меня за локоть и пристально посмотрел в глаза, словно мы были ожившими персонажами «Грязной дюжины».³⁹

– Спасибо, чувак.

Он убежал, аж пыль под пятками клубилась. Обо мне и вовсе думать забыл.

Я вышел из магазина и направился к «Яугару». Я старался вести себя как серьезный человек, который просто хочет помочь.

– Э...извините. Вы дали денег тому блондину?

Английский кузов, светло-коричневая кожа, приборная доска орехового цвета с жидкокристаллическим дисплеем. Сидевший в машине человек оказался именно тем, кого я искал. На вид лет шестьдесят, хорошо сохранился. Легкий загар, густые седые волосы, зачесанные назад, мужественное лицо с благородными чертами. И тусклые глаза, которые выглядели довольно странно в свете уличных фонарей — не такими добрыми и чуткими, как ожидаешь. Одет он был в черный костюм с галстуком, выполненный в традиционном британском стиле, явно сшитый на заказ.

Он посмотрел на меня, его нисколько не удивило, что через окно на него смотрело совсем другое лицо.

– Прошу прощения.

– Тот серфингист, который только что вошел в магазин. Вы дали ему денег?

– О хотел купить выпивку. Я дал ему десять долларов.

– Не хочу вас расстраивать, но понимаете, этот район и все такое... вы, наверное, хотели куда-нибудь с ним поехать, так?

– Я просто хотел поговорить с ним, не то, что вы подумали.

– Что бы вы не хотели, у вас не получится. Он сбежал с вашими деньгами. Там в магазине есть черный ход.

И никакого возмущения, в ответ только тихое «Оу».

– Да, он уже сотни раз проделывал такое.

– Вы хорошо его знаете?

– Не могу вам сказать его имени, но вы здесь часто бывали, сами уже все видели.

Седовласый улыбнулся.

– И много времени вы проводите на улице?

– Человеку нужно что-то есть.

– А вы сами откуда?

– Детройт.

– А, у вас там семья живет?

– Все родственники уже умерли.

– А вы зарабатываете на жизнь проституцией?

– Такое случается на этой улице, чувак.

– Конечно. Я спрашиваю только потому, что возможно смогу вам помочь.

– Помочь?

– Я хотел предложить помощь нашему другу, прежде чем он убежал. Вы, судя по всему, в похожей ситуации, так что предложу ее вам. Не сядете в машину поговорить?

– Конечно, чувак, – сказал я так, словно был уверен, что ему нужно просто попользоваться чьей-то задницей. Я открыл дверь.

– Сядьте лучше назад.

– А, хорошо.

Седовласый поехал вперед, он говорил и вел машину одновременно.

– Я работаю врачом, обычно я обследую состоятельных людей, но иногда занимаюсь благотворительностью. Так сказать, делюсь своей удачей. Вот и подбираю себе подходящих кандидатов. Вас не заинтересовало мое предложение?

– И что мне надо делать?

– Вам ничего. Мы предлагаем бесплатное медицинское обследование, и минимальное лечение, если понадобится. Витамины, чистая постель и двести долларов.

– И сколько я у вас пробуду?

– Обычно чтобы провести обследование и назначить лечение доктору хватает пары дней.

– Значит, секс вам не нужен.

– Абсолютно. В наши дни в это трудно поверить, но мы и правда хотим помогать людям.

– Это...э...лечение, я ведь не обязан его проходить, если не хочу?

На мгновение я увидел в зеркале его глаза. Они внушали надежду, казалось, его покорило, что я ожидаю какого-то принуждения.

– Конечно нет. Только если захотите.

Я глубоко вздохнул, думая, какого хрена я тут делаю.

– Хорошо. Я бы хотел получить двести баксов. Поехали.

Мы бесцельно кружили по городу и разговаривали. Наконец седовласый вывел «Ягуар» из Голливуда и направил его в тихий Беверли-Хиллз. Когда мы свернули с Бульвара Закатов, старик резко дернулся и выставил вперед руку, словно хотел мне что-то показать.

– Вам стоит взглянуть на это, прежде чем мы приедем.

Я наклонился вперед, стараясь рассмотреть, что это за предмет. Седовласый держал в руке нечто похожее на аэрозоль, возможно, дезодорант, стоивший целое состояние. Его распылитель смотрел прямо на меня. Я подумал, что держать голову слишком близко к нему не самая лучшая идея. Но было слишком поздно. Рука седовласого выпустила мне в лицо воронку из мелких колючих капель.

Я отпрянул. Аэрозоль не причинял боли, он пах чем-то химическим. И подействовал

мгновенно. Похоже, старина Джой из бара «Рамзес» кое-что опустил в своем рассказе. Ту часть, где тебя накачивают химией на пути к клинике. Я потянулся к дверной ручке. Уже догадались? Система запираения с центральным управлением. Я пару раз вяло дернул дверь, но к тому времени уже едва мог двигаться. Мое тело размякало против его воли, расслабляющее тепло волнами растекалось от моих бедер и спины к каждой клеточке. В любой другой ситуации мне бы даже понравилось это ощущение, но когда тебя везут туда, где людям вырезают органы, становится страшно. Я плюхнулся на сидение словно недееспособный имбецил. Мне хотелось закричать, но я вдруг понял, что забыл, что это вообще такое. Осталось лишь слабое, необходимое для жизни дыхание. Я смирился, я вообще забыл, как двигаться и издавать звуки.

– Понравилось? Многим нравится, когда паника отступает. Через минуту вы полностью отключитесь. Не волнуйтесь, с вами ничего не случится. Это просто мера предосторожности, доктор не афиширует свою деятельность. Еще раз повторяю, с вами ничего не случится. Вы проснетесь на белоснежных простынях...

Его слова меня не успокоили. Я уже перестал слушать и вскоре совсем потерял сознание.

Бац. Полное забытье сменилось роем мыслей. Слишком много ощущений. Подо мной была грубая дорожная поверхность, она впивалась мне в щеку и локти. Одежда отсырела, мышцы от головы до пальцев ног болели. И что-то тянуло меня за задницу, оттягивая ткань джинсов.

Я открыл глаза. На бетонированной площадке в каком-то закутке отражался свет восходящего солнца. Через трещины в асфальте проросли сорняки. Я лежал ничком между двумя мусорными баками. И что, мать твою, меня тянет.

Я застонал, попробовал подвигать руками. Меня тут же перестали тянуть.

– Сука, он живой, – сказал кто-то.

– Тогда, блядь, поторопись.

Надтреснутые голоса — давно уже живут на улице, да еще и «Тандерберда»⁴⁰ напились. Они снова принялись за мои задние карманы. Раздался треск разрываемой ткани. В голове у меня был туман, перед глазами все расплывалось, но тут вступил в действие инстинкт самосохранения. Мое тело само начало действовать.

Я перевернулся на спину и попытался ударить ногой не целясь. Нога не попала. Двое грязных бомжей в грязных пальто — наверняка из габардина. А теперь пропитанные потом и мочой.

Они отошли на пару шагов и замерли. Застекленевшие глаза на их красных лицах оценивающе смотрели на меня. Не виновато, словно их поймали за чем-то незаконным, а с осторожностью. Они ждали, не выпадет ли еще возможность покопаться в моих карманах.

Вороны.

Гиены.

Я чувствовал себя как после ночной тусовки с амфетамином. Но бомжи были старыми дрищами, так что поймать их труда не составило. Они думали, что их слегка попинают. У них такое каждые пару недель случалось — разбитый нос, фонарь под глазом и все в таком духе. Когда я схватил их, они принялись крыть меня матом. Но быстро перестали.

Одному я попал кулаком прямо в кадык, бомж рухнул на колени и захрипел. У него перекосило рот, он отчаянно пытался втянуть воздух, но ему мешал поток крови и застрявший в глотке хрящ. Второй попятился к стене, и получил пару раз в живот, двойку в

голову и коленом в лицо, последний удар расплющил ему нос, бомж ударился затылком об угол вентиляционной трубы кондиционера.

Я устал. Поэтому свернул с аллеи на второстепенную дорогу и отправился искать заведение, где можно попить утренний кофе. Мне было о чем подумать.

Я был в Голливуде, неподалеку от Эммет Террейс. Примерно в квартале восточнее Китайского Театра я нашел что искал. Грязную круглосуточную забегаловку. Бомжи, шлюхи, наркоманы и прочие уебки. Узкие зрачки, нездорово бледная кожа, они с трудом понимали, что уже начался новый день.

– Я хочу бургер, сейчас же! Я сказал СЕЙЧАС!

Грязный опустившийся негр пребывал в плохом настроении и был сильно недоволен сервисом. Прилавок, возле которого он стоял, доходил ему до груди. Негр потел, он качал головой и гладил руками теплое стекло и полированную сталь.

– Мать вашу, я заплатил за бурюгер. Слышали, что я сказал? Думаете, это смешно, не давать бургер? Думаете смешно? Я вижу, парень. Вон там мой бургер. Что ты сказал? Что мне нужно? ЧТО? Ах ты сука белокожая, ты сказал НИГГЕРБУРГЕР!

Негр полез на прилавок, на пороге забегаловки сразу же появилась парочка копов. Они скрутили его и потащили к своему автомобилю. Все стихло.

Я заказал чашечку кофе. Оказалось, бомжи не первые на меня наткнулись. Пропали кокс и бумажник. Неприятно, но не смертельно, в бумажнике лежали двадцать баксов и визитка латиноса. Я заплатил пятидесятидолларовой купюрой, что спрятал в носке на всякий случай. Затем я стрельнул сигарету у парочки шлюх и сел за хорошо освещенный стол. Снаружи копы заковали негра в наручники, посадили в машину на заднее сидение и теперь кормили кусками гамбургера через окно.

Я сидел в одиночестве и курил, помешивая сахар в чашке с кофе.

И так, что же произошло? Минутку. Прошлой ночью я ехал на заднем сидении «Ягуара» в Город Почек, а потом вдруг оказался лежащим на асфальте рожей вниз. И в карманах у меня бомжи копались. Я осмотрел свой живот. Ни шрамов, ни порезов. Похоже, я не оправдал надежд доктора на почку. Но что насчет лечения? Где бесплатные лекарства и похотливая медсестричка? Может все это было, но из-за химического воздействия забылось? Или что-то прервало операцию, прежде чем скальпель коснулся меня?

Я глянул дату в ближайшем меню. Все верно, утро следующего дня. Черт, я был у него не более шести часов. А может и того меньше, учитывая, сколько провалялся там на аллее. Блядь, странно это все.

Я пытался вспомнить все: образы, запахи, звуки. Что угодно. Но память воспроизводила только химический аэрозоль седовласового и его недолгую болтовню после...И нечто похожее на призрачные воспоминания, словно обрывки сна. Я попытался выкинуть это из головы, но образ не отставал. Я чувствовал губы...рот...сосущий...мой...член? Меня накачали наркотой и выбросили на аллее, потом меня ограбили бродяги, и при этом преследуют воспоминания о минете?

Мне нужно было отдохнуть.

Но оставалась еще одна проблема: где достать наркоты. Туалет как раз подойдет, там часто попадаются увальни после ночных тусовок. Я допил кофе.

В мужском туалете возле раковины стояла девушка-чикано⁴¹ и подмывалась. Мини-юбка у нее задралась выше бедер, а трусы болтались в районе колен. Кустик волос на лобке и бедра были покрыты мыльной пеной. Она двигала рукой туда-сюда, издавая чавкающие

звуки. Да ты не в себе, малышка. Ты, похоже, на другой планете, где такое в порядке вещей. Девушка что-то напевала себе под нос. Что-то похожее на «Возлюбленного».⁴² Ее глаза смотрели куда-то далеко сквозь гладкую поверхность зеркала.

В открытой кабинке стоял парень в брюках из твила и футболке серфингиста. Он тупо пялился на девушку. Я быстро купил у него сверток и занюхал прямо на диспенсере бумажных полотенец.

Ба-бах. Я снова на улице. Кокс оказался нечистым, но мне хватило этого, чтобы добраться домой. Повезло, что так быстро достал наркоту.словно самолет с реактивным двигателем я летел сквозь стену загазованного утреннего воздуха. Я шагал по розовым, покрытым латунью, бетонным звездам с именами знаменитостей. Я подумал, каково приходится селебрити, живущим в местах гораздо чище, чем Голливудский Бульвар, когда они спускаются сюда во время премьеры или еще чего-нибудь.

Глава шестнадцатая

Латинос все же позвонил. Спасаясь от полуденного солнца, я занавесил окна, так что в комнате царила атмосфера спокойствия и уединения. Я аж подпрыгнул от телефонного писка, ведь звонили очень редко.

— Есть для тебя работенка.

— О, привет.

— Только не думай, что тебя простили. Я дал ее тебе только потому, что она настояла.

— Понял.

— Так что прибери свой свинарник. Она сама к тебе придет.

— Кто?

— Как обычно, та, у кого есть деньги. Из которых ты не получишь ни цента. Можешь считать это расплатой за те убытки, что ты принес моему бизнесу.

— Как она выглядит?

— Не могу сказать — она только звонила. Хотел к ней Рекса отправить, но она описала именно тебя, и переубедить ее не удалось.

Медленно гнил еще один день. Я лежал на кровати и вспоминал, как выглядела девушка со склада. Не то, как ее убивали, а то, как лежало ее тяжелое и неподвижное тело после того, как убрали отбойный молоток. Оно было словно сделано из резины. Воспоминание возбудило меня, я бы подрочил, если бы не встреча.

Женщина приехала в районе девяти.

Я открыл дверь, на мгновение весь мир превратился в вращающуюся мерцающую массу. Я с трудом осознавал то, что видел. Затем все остановилось. Я впустил ее. Женщину с той вечеринки, разумеется.

Она вошла и встала посреди комнаты. Я немного прибрался, но на фоне ее вся квартира напоминала открытую развороченную рану. Женщина медленно повернулась, осматривая все вокруг. Белая блузка плотно облегла ее соски. Ее лицо не выражало ни удивления, ни отвращения. Она спокойно отнеслась ко всему окружающему.

Все происходило словно по сценарию превосходного фильма. То как встретились наши взгляды, то, как из открытого окна дул теплый ветер, даже то, как вечерний свет уличных

фонарей рисовал узоры на полу у нее в ногах.

Стеганая сумочка «Шанель» соскользнула с ее руки. Женщина распустила волосы, эффектно вытащив золотую заколку. Она медленно сняла туфли. Пуговицы на блузке расстегивались легко — они тоже были частью сцены из нашего фильма. Ее шелковая блузка падала на пол целую вечность.

Три шага — и я уже рядом. Она прижалась лицом к моей щеке. Наша одежда улетела прочь. Мой член стоял колом, она текла. Мы оба находились на двенадцатом небе, где прикосновения, вкус, образ, запах, все превращается в одно сверх-чувство, которое невозможно описать.

Нога женщины обвила мое бедро. Я поднял ее и насадил прямо на член. Мы трахались стоя. Мы дергались, шатались и стонали, в самом воздухе чувствовалось напряжение. Пот стекал с ее сисек мне на живот. Наши лица были мокрыми от слюны. Она покрывала мои лоб и щеки поцелуями.

Я засунул средний палец ей в задницу так глубоко насколько смог. Она задергалась, и мы чуть не упали. Я бурно кончил и положил ее на пол. Я стоял и смотрел на нее сверху вниз. Последние капли спермы попали ей на живот.

Позже. Ночь Лос-Анджелеса. Мы лежали на кровати и осматривали комнату. Желтый свет фонарей и сухой воздух, несли собой чистоту и свежесть. Хотя и сопровождалась характерными запахами: эвкалипта, выхлопных газов, пиццы, пончиков, и кофе. И даже здесь, на материке чувствовался аромат океана.

Ее звали Белла, ей было немного за тридцать. У нее была здоровая, ухоженная кожа, и дорогая, сшитая на заказ одежда. Но прежде всего деньги.

И за всем этим я чувствовал нечто неосязаемое — ее внутреннюю силу, ее непохожесть на остальных. Это напоминало темный парфюм.⁴³ Не совсем точно, но близко.

Простыни промокли. От нас разило рыбой. Я выпустил в потолок сигаретный дым.

— Как ты меня нашла?

— Твой друг дал мне номер твоего агентства.

— Друг?

— Ну человек, с которым ты был.

— Он меня снял.

— Знаю.

— Тебя, наверное, впечатлило.

— Я могу позволить себе действовать по зову чувств.

— И что они тебе подсказывают?

Белла не ответила. Только окинула взглядом комнату:

— Ты и правда такой бедный?

— Еще беднее.

— Почему?

— Потому. Что ты имеешь ввиду?

Белла повернулась, поправила подушку, и прислонилась спиной к стене. Когда она повернулась спиной ко мне, я заметил у нее в нижней части спины татуировку. В тусклом свете рисунок напоминал скарабея, который был на плече Карен. Белла махнула рукой, словно хотела обхватить комнату.

— Ты очень симпатичный и элегантный. Ты достоин лучшей жизни.

— В Калифорнии все элегантные и симпатичные. Так что ты говорила о своих желаниях?

– Что ты имеешь ввиду?

– Кабы сивому коню черную гриву ...

– ...был бы буланный?

– Да, точно. У тебя явно есть деньги.

– Да.

– Откуда?

– От семьи матери, семейный бизнес уже несколько поколений. Вода и нефть. Я в это не лезу, просто живу лучше тебя.

– Вот, кабы сивому коню черную гриву, был бы буланный.

– Ты хочешь и дальше работать проституткой?

– Это для развлечения. И еще гарантия не придется много работать на следующий день.

– Удовольствие важно для тебя?

– А разве у других не так?

– Как далеко ты готов зайти?

Этот вопрос словно заглянул мне в самую глубину души.

– О, обычные извращения.

– Не думаю, ты необычен. Я знаю, ты живешь бедно, а хочешь жить красиво. И это возможно, Джек. Если только у тебя хватит смелости идти дальше, оставив овечье стадо.

Возможно, Белла подумала, что заговорила слишком резко. Она на секунду замолчала, затем продолжила уже безразличным голосом.

– Если бы у тебя была возможность выбирать, где бы ты работал?

– Думаю, где-нибудь на телевидении.

– Кем именно?

– Хотелось бы вести шоу о телезвездах. Что-то вроде «Голливуд репорт». Я проходил курсы телеведущего.

– Я редко смотрю телевизор.

– Считаешь его слишком глупым?

– Не совсем. Просто считаю людей никчемными.

Вскоре она уехала.

Через пять минут после ее ухода приперся Райан. Он открыл дверь своим прибором из арсенала агентов ФБР и вошел в квартиру. Я даже не вылез из кровати. Он сел на край стола.

– Какого хрена тебе надо?

– Мы славно порезвились в последний раз.

– Я не в настроении смотреть порношоу.

– А я пришел по делу. Я тут поговорил со шлюхами, что работали на тех же точках, что и Карен. Выяснилось, что она дружила с парой. И хочешь узнать, что они мне рассказали? Нет? Что ж, похоже перед исчезновением у нее появилось много бабок. Понимаешь? Они не сказали, откуда у нее деньги, но она хвасталась ими направо-налево. И не говори, что ты ничего об этом не знаешь.

– Мы к тому времени уже не были близки. Ее дело, откуда у нее деньги.

– Давай-ка поговорим о сверкающем драндулете, на котором ты едешь.

– А что с ним?

– Джеки...

Райан угрожающе смотрел на меня, разминая пальцы.

– Ладно. Хорошо. Машину получил в подарок. Она мне ее купила.

– Да. В Отделе Транспортных Средств⁴⁴ тачку зарегистрировали на твое имя за восемь дней до того, как Карен нашли мертвой. Думаешь это мелочь? Думаешь, это никак не связано с тем, что с ней случилось?

– Не понимаю, как покупка машины может...

– Я про деньги, ты, уебок. Откуда она их достала?

– Не знаю. Во время последней встречи я пытался выяснить, откуда деньги, но она убежала. Мы даже подрались из-за этого.

Райан покачал головой. Затем сел на матрас рядом. Я отполз к стене.

– Джеки, каждый день открывается все больше нежелательных для тебя деталей. Лучше скажи мне про деньги.

Он схватился за край одеяла и приподнял его так, чтобы видеть все мое тело. Я ударил его по руке. Райан встал с ухмылкой на лице.

– Выпить есть чего?

– Господи, ты сам когда-нибудь выпивку покупаешь?

– Только когда рядом нет такого друга как ты.

Райан отправился на кухню. Он вернулся с бутылкой «Южного» и двумя стаканами. Райан разлил выпивку и протянул один мне. Сначала я не хотел его брать, но он держал его у меня перед носом до тех пор, пока я не сдался.

– Я у тебя в долгу. Спасибо, что оставил меня в мотеле.

Я ничего не ответил, просто смотрел за спину Райана в окно — любовался бездонной ночью. Казалось, эта черная пелена будет там вечно. Какое-то время Райан пил виски маленькими глотками, затем тактично прочистил горло.

– Я тут кое-что ночью на улице видел. Думаю, ты сможешь мне помочь.

– Правда?

– Я видел тебя с каким-то типом в черном «Ягуаре».

– Черный «Ягуар»? Не помню.

– Да-да. Вы пару минут разговаривали, потом ты сел к нему, и вы поехали в Беверли-Хиллз. Обычно тебя так не снимали.

– Ты продолжаешь следить за мной?

– Я вкладываю в работу душу. Кто это был? Куда вы поехали?

– Если следил, то сам знаешь.

– Патрулю в Беверли-Хиллз показалось подозрительным, что я преследую такую дорогую тачку, и он остановил меня. Пока мы разобрались, я уже потерял тебя из виду.

– Боже, далеко же ты забрался, если даже свои копы тебя не узнают.

– Осторожнее, Джеки.

– А тебе, блядь, самому не смешно?

Райан пожал плечами.

– Они хорошо скрываются. Отвечай на вопрос.

– Блин, парень хотел, чтобы ему отсосали. Мы припарковались на Бульваре Закатов, я отсосал, и мы разбежались. Вот и все.

– Имя? Описание?

– Я обычно не заглядываюсь на их лица, понимаешь? Почему бы тебе просто номер не пробить?

– Я пытался — никаких следов. Номера были липовые. Так что хотелось бы узнать побольше.

- Что я могу тебе рассказать? Если хуй его покажешь, может и узнаю.
 - Что ж, попробуем. А что за дырка к тебе приезжала? Где-то в девять.
 - Ты так долго там торчал?
 - Я уже сказал, что это мое личное расследование.
 - Она могла придти к любому человеку в этом доме.
 - Но она пришла к тебе. Что-то слишком много бабок крутится вокруг этого места, странно это. А раз творится что-то странное, да еще здесь, мои деньги говорят, что здесь замешан ты.
 - Я работаю на одно агентство. Они ее прислали. Я не ничего о ней не знаю.
 - Похоже, она тебя хорошенько отпользовала.
 - Это да.
 - И какие услуги ты ей оказывал?
 - Трахал.
 - Давай, Джеки, расскажи. Трахались как парочка собак? Гав-гав-гав. Так? Только не говори, что ты просто попрыгал сверху.
 - По-разному.
 - Как?
 - Господи. Да стоя, на столе, в кровати, она сверху скакала.
 - Уже лучше. А как она сосала? Глотала или ты ей на сиськи кончал? Обожаю, когда сперма у баб по щеке стекает.
 - Может хватит уже, Райан?
 - Готов поспорить, я знаю о ней больше тебя.
 - Да уж наверное.
 - Ты видел только ее пизду, а я знаю, как ее зовут и где она живет. Видел на чем она приехала? Бумер, восьмая серия. Я пробил номер через Отдел Транспортных Средств. Она малибу-бейба, живет в привилегированном районе. Как тебе такая информация, Джеки? А?
 - И что? Это просто моя работа.
- Я, конечно, был не прочь узнать ее адрес, но мне претила сама мысль расспрашивать мерзкого жиртреста.
- Что если я пробью ее номер, а ты позвонишь и спросишь, не желает ли она порезвиться нахаляву? А я бы заснял все на камеру?
 - Иди нахуй.
 - Эта сучка явно богатая.
- Я откинулся головой на стену и закрыл глаза. Я услышал, как Райан налил себе еще выпивки. Мне хотелось стать популярным, чтобы у меня были личные адвокаты и телохранители, которые выставили бы его за дверь.
- Наверное ты прав. Такие аферы нужно тщательно планировать.
- Я молча лежал с закрытыми глазами. Через некоторое время Райан ушел.

Раннее утро. Шторы плотно занавешены. Сигаретный дым и жуткая тишина снаружи. Свет выключен, я лежу на спине. Я пытался услышать хоть какое-нибудь движение — полицейскую сирену, выстрел. Хоть что-нибудь, напоминающее о том, что вокруг целый мир и я часть его. Хотелось чем-то заглушить чувство одиночества.

Мои руки, бедра, живот, все было покрыто спермой. Фотография девушки с ломом в

заднице валялась на матрасе. Я уже сбился со счета, сколько раз дрочил на нее. Мой член обмяк. Я сунул под язык пять таблеток Лоразепама, пришлось час ждать, пока он подействует. Я уже не смотрел на фотографию, но ее образ глубоко отпечатался на моей памяти — тяжелая белая плоть девушки и черный лом, вставленный ей в зад. Если бы у меня не было таблеток, я бы не смог устоять перед искушением попробовать ее тело. Я детально представил ощущения. Наверняка оно холодное, гладкое и неподвижное.

Я уснул за час до рассвета.

Глава семнадцатая

Рекс вел автомобиль, он был на взводе. Казалось, его ноги хотели бежать, но мощная энергия удерживала его на водительском сидении «Порше». Смеркалось. Мы ехали за желтым светом фар по плохо освещенным улицам в самой заднице Бербанка. Мы врубили громкую музыку и опустили крышу кабриолета. Ветер дул вокруг нас, прямо как во сне. Прямо сцена из какого-нибудь подросткового фильма — двое школьных приятелей отрываются после выпускного бала. Но в нас не было той безбашенной наивности. Я жил в сумеречном мире. А настроение Рекса каталось на американских горках, от одной крайности к другой.

Мы ехали за героином. Вернее, Рекс ехал. Я отправился за компанию, ну и попробовать тоже. Снаружи проплывали целые ряды обшитых вагонкой домиков. Они выглядели чистыми и ухоженными, но я хорошо знал, как их обитателям тяжело сводить концы с концами. Небольшие пыльные лужайки с высохшими эвкалиптами, ограды из проволочной сетки, высотой до пояса, маленькие машины, стоявшие на небольших подъездных дорожках. И повсюду дети, родители выгоняют их играть на улице, чтобы хоть часок отдохнуть перед ужином.

Машину заносило на поворотах. Рекс ехал очень быстро, но не потому, что мы спешили на встречу. Для него это был единственный способ заглушить внутренний страх.

— Это круче, чувак, гораздо круче. Я вот-вот взорвусь.

— У меня дома есть успокоительные.

— Не сегодня, простых успокоительных недостаточно.

— Протиаден не работает?

— Работает, чувак, работает. Почему по-твоему я сегодня на движухе? Оглядишься, блядь, вокруг. Вверх. Вниз. И добавить нечего.

— Перестань его принимать.

— Какая разница. Работает ведь.

Он выставил руку так, что его рукав задрало назад. На внутренней стороне предплечья было несколько синяков. Напоминали следы от уколов, я здорово удивился.

— Тебе нужны иголки по-острее.

— Да, чувак, это мне и нужно. Острые иглы, большие пачки герыча, что-нибудь такое, что высосет мне мозг подчистую. Мне нужно много, чувак, много всего, и одно главное. Я просто хочу это прекратить.

Я уже думал выразить сочувствие. Но не успел. Рекс свернул за угол и ракетой устремился по улице, усеянной пустыми парковками. Она казалась полностью заброшенной.

Рекс орудовал рычагом переключения скоростей и тряс головой как полный псих. Казалось, у него под кожей завелась личинка, которая пыталась прогрызть себе путь от одного уха к другому. На дорогу вслед за волейбольным мячом выскочил мальчик лет девяти. Если бы Рекс не гнал так быстро, то успел бы затормозить. Но у него не оставалось времени ударить по тормозам даже после столкновения.

Мальчик перелетел через капот, ударился о ветровое стекло и отлетел в сторону. Когда он перелетал через нас, у меня перед глазами запечатлелся нелепый образ, он кувыркаясь парил в воздухе на фоне черного неба. Голова опущена, белые волосы развевались веером вокруг лица. Затем сработали тормоза. Никакого скрипа, система АБС.⁴⁵ Рекс медленно остановился у тротуара. Мгновение он сидел крепко зажмурив глаза и сжав руками руль, словно надеялся таким образом заглушить свои чувства. Потом мы вышли из машины и побежали к телу.

Невероятно, но мальчик лежал лицом вверх, с прямой спиной и сведенными вместе ногами. Только неестественно перекрученная левая рука, заведенная за спину, показывала, что он не просто прилег отдохнуть.

Мальчик был мертв, не оставалось никаких сомнений.

Мою голову наполнило множество мыслей. Мне было жаль, что оборвалась такая юная жизнь. Я попытался представить, каким будет приговор суда, представил, как отреагируют его родители. Закричат ли они, когда увидят тело. Но все перечеркивалось одним простым фактом, от которого гора сваливалась с плеч — машину вел не я.

Я посмотрел на Рекса. Теперь мне было жаль его. Он посерел, словно из него вытянули всю кровь, или жизнь, или что там у него оставалось. Рекс стоял, склонив голову над телом мальчика. Мне казалось, что сейчас он проблюется и зарыдает, но он продолжал молча стоять. Рекс вздохнул, его дыхание было напряженным, как будто он вот-вот расплачется. Но он не заплакал. Вместо этого Рекс развернулся и пошел к машине. Мы уехали.

Никто не вышел на улицу. Никто нас не увидел. Почему-то мы оба были уверены, что за этим ничего не последует. Нам повезло. Рекс больше не гнал, он вел машину так, чтобы никто не подумал, что мы пытаемся скрыться. Мы спокойно выехали из этого района. Нам вслед не звучали ни обвинительные крики, ни горестные рыдания. Только урчание немецкого мотора и шелест ветра среди листьев эвкалипта.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Мы не развернулись и не поехали домой. А отправились на встречу.

Глава восемнадцатая

День начался с ужасной рвоты. Вчера мы с Рексом полночи вмазывались героином. Когда наркотик подействовал, Рекс разоткровенничался на тему автокатастрофы. Сказал, что никогда не оправится от потрясения. Я попытался его немного утешить, но что я мог поделать? Это был его крест, он сам его нес. Если человек попал в такую ситуацию, ему мало чем поможешь. Спустя некоторое время, я вырубился. А Рекс ушел. Я проснулся, начался отходняк, казалось, взбунтовались все клетки моего организма.

Я пополз в ванную. Там я сидел над унитазом, пока от моей рвоты не осталась только засохшая струйка темной желчи. Прошло полдня, прежде чем я смог встать с колен. Я нашел

пузырек с «ДФ-118», и проглотил сразу целую горсть. Обезболивающее долго не действовало. Я ждал эффекта возле унитаза. Я проснулся через два часа. На щеке и плече остались отпечатки половой плитки. Похоже мне полегчало, хотя я почти не чувствовал действия таблеток. По крайней мере, я смог, шатаясь, добраться до кухни и приготовить себе кофе.

Я стоял у окна с кружкой в руке и медленно дышал, стараясь успокоить взбунтовавшийся желудок. Позвонила Белла. Она хотела, чтобы я встретился с ней на ночной вечеринке, которую телезвезды устраивают сегодня в центре города. Она хотела видеть меня в дорогом костюме. Хорошей новостью было то, что она обещала прислать денег. Плохой, то, что мне нужно было набраться мужества и выйти за костюмом из дома.

Родео-драйв. Я взял такси. Я мог потратить меньше денег, но Белла прислала их очень много, было бы глупо не воспользоваться ими по полной. На всякий случай я взял полиэтиленовый пакет.

Я никогда не покупал костюм, но в журналах часто упоминали фирму «Версаче». Так что я отыскал магазин и быстро вошел внутрь. Много пустой площади, полы почти везде из мрамора, немного декоративной мебели и красивые продавщицы. Сказать по правде, у меня бы никогда не хватило духу зайти сюда. Особенно сейчас: ужасный отходняк и таблетки многократно усилили бы во мне ощущение собственной ничтожности.

Рыжеволосая девушка подобрала мне несколько комплектов одежды и проводила меня в примерочную, по размерам не уступающую моей квартире. Продавщица была одета в кожаные брюки, они плотно облегли ее половые губы. Каждый раз, смотря ей в глаза, я видел, как она пытается вести себя галантно. Она бы старалась угодить и тому, кто не выглядел так, словно съел полную тарелку собачьего дерьма. Девушка притворялась, но я ценил такое отношение. Это лучше, чем откровенное презрение.

Продавщица сказала, я могу позвать ее, если нужно, и закрыла дверь. Я в ней не нуждался и видеть не хотел. Я хотел свернуться калачиком в углу и никуда не выходить. Я сильно вспотел, каждое внешнее движение отражалось в моей голове тяжелым ударом. Я совершил ошибку, когда наклонился развязать шнурки. Мой желудок буквально взревел. Хорошо, что я захватил с собой надежный полиэтиленовый пакет и смог вовремя перехватить поток желудочной кислоты, прежде чем испачкал все окружающее. А плохо то, что рыжая вошла как раз в тот момент, когда я сунул свою рожу в пакет. Я поднял голову и уже собирался извиниться, сославшись на пищевое отравление, как вдруг почувствовал, что у меня что-то прилипло к уголку рта. Девушка отступила. Потом я увидел ее только когда оплачивал счет.

Я выбрал темный костюм под номером три с тремя пуговицами. Пиджак подходил хорошо, но брюки были чуть велики. Одна из продавщиц сказала, что поменяет их, если я подожду минут двадцать. Абсурд. Я выложил за костюм большую часть денег Беллы и вышел на улицу, где меня ждало такси.

По дороге в Беверли-Хиллз меня не отпускали рвотные спазмы. Я понял, что не справлюсь без помощи химических веществ. Я велел таксисту ехать по маленьким улочкам в обход центральной. Таксист быстро раскусил мой замысел и сначала заартачился, но я сказал ему, что он получит свою часть от сделки, и он сразу же успокоился.

В восемь-тридцать я уже стоял в центре города перед Бредбери-Билдинг. Этот район был дырой и в лучшие свои времена. Однако в послерабочее время, когда всякие бездельники шли домой, он превращался в жуткое заброшенное место, где без пистолета

лучше не появляться. Но я чувствовал себя хорошо защищенным. Организаторы вечеринки соорудили у входа навес со множеством ярких огней. Повсюду было много парней в форме. Они руководили парковкой машин и охраняли парадный вход, отгоняя всяких отбросов, что собирались на тротуаре.

Я чувствовал себя лучше, чем утром. Спазмы прекратились, боль в голове стихла до еле различимого пульса. Но я немного тормозил, находясь под воздействием Дигидрокодеина, которого наглотался утром и кокса, который занюхал, собираясь на третье свидание с Беллой. Я не знал, что здесь будет своя парковка с кучей служащих, поэтому приехал на такси, не хотел оставлять «Прелюд» на улице. Теперь мне негде было подождать, когда появится Белла с пригласительными. Я просто стоял и смотрел, на подъезжающие машины.

Черные лимузины, белые лимузины, экзотические двухдверные машины. Из них выходили люди, буквально излучавшие богатство. Стройные и гибкие женщины с жемчугом и бриллиантами на шеях. Они двигались с изысканной грацией, осознавая собственную важность. Женщин вели под руки мужчины, напоминавшие сытых после охоты хищников. Они знали, что могут позволить себе все, чего душа пожелает. Эти люди были золотой расой: одежда, сшитая на заказ, уход за телом — регулярные сеансы массажа и тренировки с личными тренерами. Они ворочали такими деньгами, что простые люди не стоили даже очков в их играх.

Раздался тихий автомобильный гудок. Я обернулся и увидел вылезающую из лимузина Беллу. Ее личный шофер держал дверь. Женщина моей мечты надела короткую темную юбку. Когда она ступила ногами на тротуар, я мельком увидел ее белые трусики и черные волосы на лобке.

— Здравствуй, Джек. Я соскучилась по тебе.

Белла поцеловала меня. Я чувствовал тепло ее груди даже сквозь пиджак.

Бредбери-билдинг было одним из самых красивых зданий в Лос-Анджелесе. Пять или шесть этажей. Его построили сто пятьдесят лет назад из бурого песчаника особого сорта, отлично подходившему стилю модерн. Внутри в центре здания был атриум, от первого этажа до крыши. Все остальное располагалось вокруг него. На каждом этаже был коридор с сотней кабинетов, в основном адвокатские и бухгалтерские конторы. Мебель из темного дерева, декоративные железные прутья, несколько старинных лифтов, напоминающих стальные клетки. Их движение можно было видеть отовсюду. Ридли Скотт снимал здесь продолжение «Бегущего по лезвию».

Этой ночью закрыли все офисы, но два коридора на первом этаже оставили открытыми. Их оформили в стиле «Алисы в стране чудес». В углы понатыкали фигуры дедушки-времени из полистирола, четырехфутовый манекен гусеницы выдыхал дым из водопроводной трубы, расположенной на вершине гриба. Повсюду стояли маленькие столики с бутылками с надписью: «Выпей меня». У стойки буфета толпился персонал в костюмах персонажей книги Льюиса Кэрролла. Мне очень понравилось, но на Беллу это не произвело никакого впечатления.

— Ты пьешь? Я нет. Если хочешь, возьми бутылку, это не расслабляющая выпивка.

Я взял пару рюмок водки у официантки в костюме толстого английского школьника и вылил их в один стакан. Мы с Беллой поднялись по лестнице на второй этаж. Там, наверху мы остались совсем одни.

— Общаться не будем?

— С этими людьми?

На первом этаже мужчины и женщины разделились на маленькие группы и болтали между собой. Они ели, пили, смеялись, в общем, весело проводили время.

– Они хорошо выглядят. Почему бы и нет?

– Разве они не похожи на свиней у корыта?

– Ты и правда считаешь их такими мерзкими?

– Ты их не знаешь. Несмотря на огромные деньги, ни у одного из них не хватит духу заглянуть внутрь себя. Они нюхают кокаин, занимаются сексом не только вдвоем, и при этом считают, что вышли за рамки морали.

Некоторое время мы молча разглядывали людей внизу. Белла спросила, не хочу ли я еще выпить. Мне пока не стоило пить. Водка буквально горела в желудке, а снова блевать мне не хотелось. Но я все равно ответил «да», ведь это было частью действия.

Мы спустились на первый этаж и пошли к бару. Я заказал колу.

– Если тебе не нравятся эти люди, зачем мы вообще пришли?

– Это для тебя. Ты знаешь, чем они занимаются? Они же всем заправляют?

– Узнал парочку актеров.

– В основном здесь собрались руководители и главные акционеры. Ты говорил, что хотел бы вести шоу на ТВ. Я подумала, что тебе будет полезно завести контакты с некоторыми из них.

– Боже, я всего лишь мечтал.

– Как ты думаешь, тяжело это? Сниматься на камеру?

Белла внимательно разглядывала все вокруг.

– Видишь ту девку? Которая в белой юбке. Они подобрали ее в магазине пироженных. А теперь она занимается тем, чем хочешь заниматься ты.

Девушка, на которую указала Белла оказалась Лорн из «Двадцати восьми кадров в секунду». Белая мини-юбка, белый топик, волосы как у панка. Она и в реальности выглядела неплохо, но все же ее фигура была не столь заметна, как на экране телевизора. Если Белла излучала агрессивную темную энергию, то Лорн напоминала типичную калифорнийскую девочку-пацанку. Как Хизер Локлир в «Династии», еще до своего провала в «Мелроуз-плейсе».

– Эй, да я постоянно смотрю ее шоу. Ты ее знаешь?

– Немного. Я вложила в канал немало денег.

Белла посмотрела на часы.

– Уже поздно. Мне кое с кем нужно поговорить.

– Еще только десять.

– Мне нужно вернуться в Малибу.

– А не в Беверли-Хиллз?

– В Беверли-Хиллз живут те, кто не может оттуда съехать или те, у кого нет желания попробовать чего получше.

Белла поманила толстого мужчину с кудрявыми седыми волосами, он стоял и разговаривал с несколькими людьми, судя по тону, это были его подчиненные. Он сразу похлопал некоторых по плечу, протиснулся сквозь толпу и подошел к нам.

– Белла, какой сюрприз.

У него был грубый голос, я решил, что он курит много сигар. Он не целовал ее по-дружески в щеку.

– Здравствуй, Говард.

– Как тебе декорации? Мы очень старались.

– Трудно представить что-нибудь менее оригинальное. Как дела у канала?

– Все лучше и лучше, детка. Число зрителей растет каждую неделю.

– Хорошо. Говард, это Джек. Он хочет вести шоу наподобие сводки новостей.

Говард пожал мне руку и посмотрел на отворот моих брюк.

– Рад знакомству, Джек. Это очень нелегкое дело. Много молодых людей хотят такую работу. Опыт есть?

– Ну, я проходил курсы теле...

– Эта девчонка ведет шоу, – резко вклинилась в разговор Белла, кивнув головой в сторону Лорн.

– Верно. «28 кадров в секунду». Большие рейтинги, многим нравится. Может продадим передачу другой компании в следующем году.

– Она привлекательная, но как ты думаешь, она и вправду достойна этого? Она...не выглядит слишком умной.

– Это телевидение, кому тут нужен ум? Она молодая, у нее клеевые сиськи, говорить умеет. Этого более чем достаточно.

– Удивительно, что она вообще приносит прибыль.

– Эй, покажи на что способен, — Говард подмигнул мне. – Я всю жизнь этим занимаюсь. Думаю, я хорошо умею подбирать людей. Великолепные, прекрасные люди, такие как ты, предоставляют деньги, и я за это очень вам благодарен. Но в работе канала непосредственно, я разбираюсь гораздо лучше. Как ты это называешь? Моя стихия.

Белла продолжила, словно не слышала всех последних слов.

– Мне кажется Говард, Лорн не помешает небольшая помощь. Например, партнер на шоу.

– Ты предлагаешь Джека?

– Подумай на досуге.

– Белла-Белла, дорогая, девчонка отлично справляется. Если что-то работает, лучше не трогать. Понимаешь, о чем я?

– Я уже сказала, что думаю, Говард. Надеюсь, ты примешь мои слова к сведению.

Белла говорила спокойно, но в ее голосе чувствовалась угроза. Я видел, как улыбка Говарда становилась все более напряженной. Я был поражен. Насколько же Белла богата, если может делать тонкие угрожающие намеки человеку, который играл не последнюю роль в руководстве канала.

– Белла твои идеи настоящие жемчужины. Дай мне время подумать, обмозгую немного. Мы это скоро обсудим, да детка? Правда скоро.

С этими словами он в спешке покинул нас и затерялся в толпе.

– Ого. Похоже ему не понравилось твое предложение. Кто это такой?

– Говард Уэлкс, руководитель канала. Мне нужно уйти. Проводишь меня до машины?

– Мы не поедem вместе?

– Извини, Джек. Не сегодня. Мой отец дома.

– Что? Он решил нанести тебе визит или еще что-то?

– Иногда он ночует дома, иногда в своей квартире в городе. Сегодня ночью он дома.

– И ты не можешь никого домой привести? Можем ко мне поехать.

– Не все так просто, Джек.

У выхода Белла достала из сумочки тонкий мобильный телефон и велела подать

лимузин. Похоже, секса этой ночью мне не видать. Наверное, разочарование у меня на лице было написано, потому как Белла поцеловала меня и сжала мою руку.

– Ты сердишься?

– Ну, я просто подумал...

Подъехал лимузин. Водитель открыл дверь и терпеливо ждал. Белла заглянула внутрь машины, затем посмотрела на меня.

– Посиди со мной несколько минут.

Мы забрались внутрь. Машина выехала на дорогу. Белла приказала шоферу проехать немного вниз по улице и припарковаться, после закрыла перегородку, отделяющую водителя от нас. Свет в салоне приобретал желтый оттенок на фоне коричневых кожаных сидений и черных окон, в которых виднелась бесконечная цепь отражений самих себя.

Белла сняла куртку и юбку. Я немного подержал в руках ее груди. Она велела мне сосать их. Белла сняла трусики и откинулась на сидении, раздался тихий скрип. Ее дырка уже блестела от выделений. Белла провела руками по внутренней стороне бедер и раздвинула в стороны половые губы.

– Смотри.

Белла начала медленно засовывать пальцы во влагалище, лениво поглаживая клитор. Моему члену стало уже до боли тесно в брюках. Я расстегнул ширинку и вытащил его. Белла двигала рукой между ног все быстрее. Вскоре она изогнулась дугой и засунула палец себе в задницу. Женщина задергалась, издавая дикие стоны. Потом ее рука легла между грудями и животиком. Белла расслабила мышцы ног, села и поцеловала меня.

– Может мне вышвырнуть тебя из машины прямо сейчас?

– Прикальываешься?

Она рассмеялась и сунула голову мне между ног. Меня охватило странное чувство. Все женщины сосут по-разному, а уж если испытываешь к ней чувства, то помнишь все: и голос, и запах волос. Ни на одной из предыдущих встреч Белла мне не сосала, но почему-то манера движения ее рта показалась мне знакомой. Это было какое-то смутное воспоминание, которое я не мог связать ни с событием, ни с местом. Я решил, что это сексуальное дежа-вю и сосредоточился на минете. Когда я кончил, Белла часть проглотила, а часть оставила стекать по моему члену. Я вытер сперму подолом рубашки.

Белла нагнулась вперед, и я смог получше разглядеть скарабея у нее на пояснице.

– Мне нравится твое тату.

– А...это...Мы ее с подружкой набили, по глупости, вдруг захотелось. Надевай штаны, мне пора.

Я остался на тротуаре. Перед тем, как уехать, Белла открыла окно и прокричала мне:

–Что ты думаешь о любви, Джек? Бывает она с первого взгляда?

Вскоре от нее осталась лишь парочка габаритных огней, они постепенно уменьшались на фоне широкой дороги. Я смотрел на них, пока серый седан не встал в тот же ряд и не перекрыл мне обзор.

Я дома. На Эммет Террейс. Поздней ночью в комнате слышалось тихое шипение с улицы, навевающее одиночество. Я крутил звездные сплетни по видеомагнитофону, но вскоре лицезреть хорошую жизнь других людей стало слишком тяжело. Я вырубил телевизор. Комнату поглотила тьма. Через минуту мои глаза привыкли к ней. Сквозь ткань занавесок в комнату проникал тусклый оранжевый свет. Он подчеркивал очертания предметов. Части мебели и стен приобрели оттенок охры. В голове клубился рой мыслей.

Как Белла делала минет...как. То, как она взяла мой член в рот, как втягивала дальше, пока он не уперся ей в глотку. Почему это мне показалось таким знакомым? Я уже почти засыпал. Ощущение того, как мой член проник в ее горло, никак не отпускало. Я пытался на нем сосредоточиться, в надежде найти хоть какое-то объяснение, но в голову заползали совсем другие образы — запертая дверь автомобиля, сверкающие огни Голливуда за окном, седые волосы водителя, и гравий, впивающийся мне в щеку... Когда появились двое бомжей, я резко проснулся. Теперь я вспомнил, откуда эти ощущения — отсос Беллы был похож на те смутные воспоминания, оставшиеся после неудачной попытки вычислить Доктора Почку.

Мягко говоря, странно. Очень странно. И еще пара интересных деталей. Татуировка, например. Конечно в тату-салонах часто используют готовые рисунки, в городе наверняка сотни людей сделали себе похожие татуировки. Но вот что странно, и моя жена, и та, с которой у меня был первый трах не за деньги, носили одну и ту же татуировку. Белла появилась в моей квартире как раз вскоре после того, как меня накачали наркотой и бросили на аллее...

Я пришел к простому выводу. Весь день был тяжелый отходняк. Поэтому наблюдения за простыми совпадениями переросли в паранойю. А раз у меня завязались отношения с женщиной, которая может сильно улучшить мою жизнь, то не стоит забивать себе голову подобной чушью.

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я представил, как Белла ласкала себя на заднем сидении лимузина. Но это лишь испортило мне настроение. Может, я и правда сглупил, надеясь, что Белла возьмет меня к себе после Бредбери-билдинг, двух сеансов секса и одного минета. А еще она немного напугала меня своим отцом.

Немного пошевелив нейронами в мозгу, я пришел к выводу: если я хочу и дальше получать деньги, не ограничившись костюмом, наши отношения следует укреплять. А значит, нужно постараться попасть в ее мир, вместо того, чтобы позволять ей на время погружаться в свой.

Я проснулся, думая о Деррил Ханне. Как она проводит свое утро. Как лежит на огромной кровати в чистой белой комнате размером с теннисный корт. На ковер падают полосы солнечного света. И за большими витражами, совсем рядом, в нескольких ярдах под синим небом и густыми облаками, бушует море. Скоро придет горничная, принесет легкий завтрак: кофе и круассаны. И запах поджаренных зерен и изысканных сладостей смешается с чистым соленым воздухом. И только это, только эти три простых запаха в сочетании с морским ветром, ласкающим кожу, напомнят тебе, что ты сам бог.

Я вылез из постели и выпил банку «Пепси». Я нашел номер Райана в карманах джинсов они лежали на куче грязной одежды на полу. Я колебался. Это было отнюдь непросто, позвонить мистеру Страху. Но я хотел встречать утро как Деррил Ханна, а это был единственный способ найти адрес Беллы.

Я договорился встретиться днем. Я не сказал, чего мне нужно. Райан был рад, наверняка решил, что я предоставлю ему информацию об убийстве Карен.

Ночь, темнота и ослепительный свет неоновых огней облегли улицу как большой сальник плод, скрывая кровь, сперму и дерьмо. Которыми были покрыты здания и тротуары. Вся масса нечистот склеивала улицу в единое целое. Днем это место напоминало открытую рану. Кучки мусора скапливались у стен словно пляжные дюны. Запах луж засохшей рвоты мешался с едким запахом мочи, ими благоухали каждый закуток и улочка. Стоило взойти солнцу и легкий налет гламура, который улица демонстрировала во время прайм-тайма,

сразу же пропал.

Днем шлюх было меньше, но полностью они с улицы не исчезали. Оставались самые отчаянные и безнадежные. Они продавали себя офисным раздолбам, которым во время обеда хотелось по-быстрому перепихнуться в кабинке, а не поесть салат в столовой фирмы. Я заказал сулваки с кофе и смотрел, на слоняющихся по улице проституток. Я искал ту, что смогла бы зацепить Райана. Простой трах здесь не подойдет. Обычных он может снять и нахаляву — блеснет ксивой и любая девка мигом раздвинет ноги, а не то придется проехать в участок и потерять ночной заработок. Нет, чтобы достать адрес Беллы у парня, который спокойно смотрел, как девушку убивают отбойным молотком, мне нужно чего по жестче.

За те месяцы, что я снимался здесь, мне удалось узнать кое-чего о нескольких девушках. Что-то из их пьяной болтовни, во время перерыва, что-то из слухов, что-то просто наблюдая за ними. Многого такая информация не дает, но спокойную ночь провести поможет.

Именно так я и узнал о Розе. Сорокалетняя брюнетка работала скорее ради удовольствия, нежели денег. Ей нравилось, когда мужики срали ей в рот. Ходили слухи, что у нее был муж и двое детей, но она днем и ночью торчала на улице, поэтому я сомневался в их правдивости.

Я нашел ее там, где она всегда зависала. Роза стояла в дверях заброшенного магазина корсетов, расположенного в двадцати ярдах от улицы. Из-за бескорыстной мотивации другие шлюхи ее сторонились. Роза носила черное латексное мини-платье, ее тело было рыхлым и немного полноватым. Я заложил костюм, за который заплатила Белла. Вместе с оставшимися деньгами я набрал триста баксов. Я понимал, большая их часть уйдет на то, чтобы снять Розу и убедить ее прокатиться до Санта-Моники, но другого пути не было. У Розы был нервный тик, когда она говорила, ее губы оттягивались назад, обнажая зубы.

– И кто этот Джон?

– Знакомый.

– Я поняла, но чем он занимается?

– Какая разница? Я плачу.

– Есть разница. Я это в любом случае сделаю, но есть различия. Например, очень важен образ жизни. Человек, который весь день сидит на заднице и ест здоровую пищу, то его говнище ничего особенного представлять из себя не будет. Я хорошо понимаю важность питания. Пончики на завтрак, буритто на ланч, жареная курица на обед, и если тебе повезет, сможешь высрать шестидюймовую какашку. И тонкую. А вот если человек ест мюсли и занимается спортом, это совсем другое дело. Они могут навалить минимум восемнадцать дюймов отборного дерьма.

– Размер имеет значение?

– Чем больше, тем тяжелее. Зато компенсируется тем, что дерьмо из нездоровой толстой кишки сильнее пахнет. Если выбирать, в девяти случаях из десяти, я выберу там, где больше. Ну может семь из десяти.

– Не волнуйся, в этом парне дерьма полно.

– Это шутка, да?

Мы поехали в Санта-Монику на «Прелюде», мотор весело урчал.

Райан припарковал свою машину перед Центром Пожилых Граждан⁴⁶ и сидел на скамейке под пальмой. В тридцати ярдах вокруг него не было ни одного бездомного. Думаю, как-то раз один из них до него докопался и сильно огреб. Я оставил Розу в машине, пошел к нему и сел рядом.

– Джеки, как я рад тебя видеть. Расскажи-ка мне про лимузин у Бредбери-Билдинг.

– Бредбери-билдинг?

– Там, откуда я наблюдал, было видно, это та же девка, что к тебе домой приходила.

Я вспомнил серый седан, который загородил собой лимузин Беллы.

– Меняю рассказ о лимузине на адрес.

– Джеки, наши отношения еще не на том уровне, где можно торговаться. Какой адрес?

– Женщина, которую я там встретил. Женщина из Бредбери-Билдинг. Она мне не заплатила.

Райан засмеялся.

– Видел. Тебя оставили на тротуаре. Что произошло? Не впечатлил?

– Адрес. Ты пробил его через ОТС, помнишь?

– О, я еще много чего пробил. Давай сначала ты расскажи.

Я не хотел ему ничего рассказывать, не было никаких гарантий что он сдержит слово.

Но Райан был в более выигрышной позиции, я ничего не мог поделаться.

– Она позвонила мне и пригласила на вечеринку.

– Похоже, девка настроена серьезно.

– Ей просто понадобился кавалер, вот и все.

– А что было пятнадцать минут на заднем сидении лимузина?

– Ты еще и время засекал?

– Представляю сколько всего она опробовала на твоём куске мяса.

– Боже...

– За ее адрес хочу знать все в деталях, как в сексе по телефону.

– Ты знаешь, что я делал, знаешь, что я с ней не поехал. Вот и все. Видишь ту, что в машине сидит? Я за нее заплатил, а она не обычная шлюха.

– Вижу. Сколько ей лет?

– Она кончает, когда ей срут в рот.

Райан вытащил из кармана таблетки от сердца.

– А ты шустрый, Джеки, но я тебя тупым никогда и не считал. И где мы этим займемся?

– Я номер снял.

– Тогда помоги мне возбудиться. Расскажи, что было на заднем сидении лимузина.

– Черт, Райан, она же все равно мне скажет где живет.

– Но тебе ведь не терпится?

– Если расскажу дашь адрес?

– Честное слово.

Я рассказал ему историю, напоминавшую дешевое порно. С деталями, что я заметил: следы дерьма, когда Белла достала палец из задницы, звук проглатывания, когда я засунул член ей в рот. Когда я закончил, Райан резко встал и пошел к своей машине.

– Идем. Не нужно ей выходить, иди за мной. Знаешь «Старвей», который на бульваре Уилшира?

– Дай мне адрес Беллы и забирай шлюху. Я дам тебе денег на номер.

– О нет, Джеки, ты тоже со мной пойдешь.

Мотель «Старвей» был дырой, расположенной у восточной границы Санта-Моники, напротив лавки, где торговали обувью. Здесь случалось даже старые «Транс Ам» и «Камаро» с десятилетним пробегом бесследно исчезали вместе с владельцами. Номер словно пережил военное вторжение — окна толком не закрываются, двери не запираются, ковер грязный, на

простынях пятна. Зато дешевый. И если другие гости не собираются тебя ограбить, то можно не волноваться, они заняты своими делами.

Рози достала из сумочки полиэтилен площадью футов восемь и постелила его посреди комнаты. Я залез на кровать и сел в углу. Меня все раздражало. Хотелось взять адрес Беллы, и уйти отсюда. Уйти туда к ней. Но я сидел здесь, я зависел от Райана. И не знал, сдержит он обещание или нет.

– Это будет наш совместный опыт, Джеки.

Райан посмотрел на Рози и покачал головой.

– Боже... до чего люди доходят?

– Ты сам дашь ей то, чего она хочет.

– Это возможность. Кто бы не воспользовался?

– Большинство.

Райан сел на край кровати и снял туфли. У него были очень маленькие ступни. Он засмеялся.

– А ты бы не дал, если бы предложили?

– Мне это не нужно.

– Может недостаточно экстремально для тебя?

– Да, точно.

Райан присел на корточки, поднял куртку, достал из нее конверт и кинул мне.

– Вот тебе еще подарочек.

Я заглянул внутрь — там было несколько глянцевых фото.

– Взгляни. Никакого подвоха.

Я бросил конверт на кровать. Райан скорчил разочарованную рожу. Рози лежала на полу, раздвинув ноги, и говорила сам с собой. Полиэтилен шуршал под ее телом. Райан подмигнул мне и направился к Рози.

– Время обеда.

Со спины Райан напоминал гигантского слизняка, ползущего к еде. У него совершенно не было талии, жир заполнял все изгибы, ягодицы Райана были настолько толстыми, что полоса между ними казалась прямой линией от ступней к копчику.

Полицейский немного постоял возле Рози, затем засунул большой палец ноги ей в пизду. Она принялась подмахивать ему. Потом Райан опустил на четвереньки и пополз выше, пока его стоявший член не оказался в ее рту. Он засадил его на всю длину. Рози какое-то время сосала, потом начала приподниматься. Она велела Райану развернуться. Даже в таком положении его ягодицы плотно прилегали друг к другу, Рози пришлось самой раздвигать их руками. Увидев анус, она застонала и прижалась к нему носом. Ее сиськи вздымались и опускались, веки дрожали, она словно ухаживала за горячо любимым человеком.

– Присядь пониже, малыш.

Согнутые ноги Рози дрожали. Райан присел возле ее, упершись руками в колени. Теперь он напоминал маленького борца сумо. Его член выглядел темным и уродливым на фоне белой кожи живота. Рози прижалась ртом к заднице Райана. Она принялась работать языком, я видел, как ее рот елозил по анусу. Действие слишком затянулось, мне нужно было переключить внимание, я вытащил из конверта фотографии и начал их перебирать.

Пять снимков двух тел, но под разными углами. Парень лежал на спине, а женщина на нем сверху, его вставший член засунули ей в пизду. Они так и застыли в объятиях друг друга.

Какая-то гостиница, дешевые снимки на стенах, повсюду куски штукатурки. Головы трупов закрыли полиэтиленовыми пакетами из магазина, их привязали к ним скотчем в районе шеи. Я даже разглядел логотип ликеро-водочной компании на мешке на голове женщины.

Дикость. Настоящие мертвецы занимаются сексом. Снимки настолько меня шокировали, что я сначала даже не смог понять, кто где, не мог разобраться в этом скоплении задниц и конечностей. Когда я смог разглядеть все внимательнее, то сильно возбудился, потому отложил их на потом.

Рози что-то бормотала Райану.

– Ты готов, малыш? Сможешь? Выжми все из своей толстой жопы. Давай, малыш, давай.

Райан напрягся, на мгновение воцарилась полная тишина. Лицо полицейского покраснело. Рози лежала неподвижно с раскрытым ртом. Райан захрипел и из его задницы полился поток жидкого дерьма. Он попадал ей в рот и заливал лицо комкующейся жижей, Рози словно облили из ведра.

Она глотала и кашляла, глотала и кашляла. Дерьмо вытекало у нее из носа, Рози изредка протирала глаза. Ее язык круговыми движениями облизывал губы, она старалась слизать как можно больше жидкой массы. Затем Рози повернула голову в сторону и ее вырвало. Но Райан еще не закончил. Он несколько раз пернул, а затем из задницы полезло говно подтвержде, оно приземлилось Рози на ухо и свисло с шеи, подобно дохлой змее. Рози схватила какашку и сунула ее себе между грудей. Райан ухмыльнулся мне. Он перевернул Рози на живот и трахнул ее в задницу. Он мог делать с ней что хотел, женщина находилась в прострации и витала в каком-то своем говнистом раю.

Райан оделся и принял душ. Я сел возле окна и открыл его. Я бுவально считал минуты минуты, сколько мне еще тут находиться. В комнате стоял ужасный запах. Рози лежала на полиэтилене, головой в луже дерьма. Она закрыла глаза и тихо сопела, как спящий ребенок.

– А ей похоже понравилось, – сказал Райан затягивая галстук. — Чертов нитроглицерин, уже пять лет из-за него понос. Думаешь, мисс Верниер тоже такое нравится?

– Кому?

– Твоей соске в лимузине.

Райан достал маленький блокнот, вырвал оттуда страницу и протянул ее мне.

– ОТС дала мне этот адрес, и лимузин поехал туда же.

– Ты ее до дома выследил?

– Мне интересно с кем ты общаешься. Одевайся хорошо, она богатенькая.

Рози осталась лежать на полу, словно выброшенная на берег рыба-фугу, мы с Райаном вышли из мотеля. Полдень миновал. Небо было чистым, с океана дул приятный ветерок. На бульваре уже скапливалось много машин.

– Хочешь кофе, Джек?

– Нет.

– Она забыла тебе заплатить да?

– Так я и сказал.

– Конечно.

– А может она мне нравится.

Райан расхохотался.

– Не заляпай спермой фотки.

Полицейский сел в свою машину и уехал.

Глава девятнадцатая

Жители Беверли-Хиллз из кожи вон лезут, чтобы подчеркнуть свое богатство. А в Малибу делают все, чтобы его спрятать. Там, наверху, среди холмов, крутятся большие деньги. Огромные участки, прекрасные виды, законное право на уединение. Шоссе в тех местах извилистые и узкие, никаких тротуаров. Только дороги, исчезающие среди цветущих растений, свидетельствуют о том, что здесь живут люди.

Дорогу к особняку, адрес которого мне дал Райан, преграждали твердая каменная стена с черными железными воротами десять футов высотой. За ними я видел секвойи, сосны, и множество других деревьев, на вид напоминавших европейские. Я припарковался возле травяного ограждения, в голове крутилось много мыслей. Как объяснить, откуда у меня ее адрес? Не мог же я сказать, что мне его дал коп. Я состряпал в голове более-менее похожую на правду историю, что знаю одного парня из ОТС. Я вышел из машины и нажал на воротах кнопку вызова. Мне никто не ответил, но наверняка здесь где-то была камера. Вскоре ворота открылись сами. Дальше я поехал по длинной аллее с высокими деревьями. Через четверть мили она сменилась открытой местностью с низкой травой, окруженной густым лесом. Я ожидал увидеть что-нибудь более официозное, проработанное и креативное, но, похоже, Белла не уделяла саду много внимания.

На вершине холма стоял дом, но не слишком большой. Старые стены, шиферная крыша, окна в грегорианском стиле. Больше похоже на Новую Англию, чем на Малибу. Я позвонил в дверной звонок, и обернулся назад, посмотреть на дорогу, по которой приехал. Отсюда сквозь ветви деревьев я видел тонкую полоску океана.

Белла сама открыла дверь, судя по всему, мое появление совсем ее не возмутило — скорее наоборот. Я уже собирался выложить ей придуманную историю, но она даже не понадобилась.

— Наверное, это был ты прошлой ночью. Водитель заметил твои фары.

Я на мгновение растерялся. Но быстро понял, что она перепутала меня с Райаном.

— Я не люблю спать в одиночестве.

Белла протянула руку и взъерошила рукой мои волосы.

— Заходи.

Интерьер дома был даже близко не похож на внешнюю готику. Вместо антиквариата и мрачности все было выдержано в светлых тонах, много свободного пространства. Наверняка пришлось полностью менять старую планировку.

Белла вела меня по лестнице, затем по коридору, мы пришли в ее покои — спальню, ванную и примерная. Там была еще одна комната, но она была закрыта. Окна спальни находились в углу здания, оттуда открывался вид на большой прямоугольный бассейн с одной стороны и лужайку с лесом на другой.

— Милый дом.

— Предпочитаю уединение. Одно из преимуществ богатой жизни, можно откупиться от других людей.

— Одно из многих преимуществ.

Белла расстегнула мне ширинку. Я возбудился от одного ее прикосновения. Мы

трахались целый час без остановки. Под конец я окончательно выдохся, а Белла вся блестела, измазавшись потом и спермой.

Пока Белла принимала душ, я бродил по ее покоям. Комнаты были оформлены в стиле минимализма — гладкие поверхности безо всяких украшений, угловатая мебель, все только самое необходимое. Гардероб занимал всю стену, я увидел ее одежду. Она развесила ее в строгом порядке, прямо как в магазине. Много женских деловых костюмов с короткими юбками, цвета в основном темные, все только с лучших ткацких фабрик всего мира. Висевшие на вешалке, они казались старомодными, но я знал, как преображало их тело Беллы. В углублении противоположной стены стоял туалетный столик, на нем не было ни косметики, ни украшений, только платиновый набор и карандаш для глаз.

Я провел рукой по ее одежде, по гладкому дереву безупречной резной работы, почти все население земли не могло даже мечтать о таком. Я вдыхал запах денег.

Закрытая дверь в спальне вела в маленькую комнату без окон. Там располагалось видеоборудование — парочка полупрофессиональных камер на штативах, стол с двумя видеомониторами, и три монитора наверху.

Я смотрел на ручки управления монтажной аппаратуры. Белла подошла сзади и коснулась моего плеча.

— Ты что-нибудь знаешь о них? Или тебе интересен только конечный продукт? Что ты видишь на экране?

Она закуталась в полотенце, в ее межключичной впадине скопилась влага.

— Мне интересна жизнь, которая кипит вокруг фильмов.

— Утром я поговорила с Уэлксом. Позвони ему, его заинтересовала идея добавить в шоу еще одного ведущего.

— Ты на него надавила.

— Я крупный акционер. У меня есть право давать советы. Тебе понравилось тусоваться среди этих свиней той ночью? Ты и правда хотел такой жизни?

— Такая жизнь гораздо лучше той, что я веду сейчас.

Белла поцеловала меня и улыбнулась, ее улыбка встревожила меня. В ней не было ни сострадания, ни жалости, ни любви... только удовлетворенность.

— Иди помойся, Джек. У нас скоро ужин. Придет один человек, думаю, тебе будет интересно с ним познакомиться.

Обеденная располагалась на первом этаже. Мы спустились по лестнице. Белла держала меня за руку. Я ожидал услышать возню поваров и служанок, но в доме царил тишина.

— Любишь сюрпризы?

— Конечно.

— Надеюсь, что да.

Белла открыла дверь, мы попали в своего рода «предобеденную» комнату. Там были диваны и барная стойка — место для коктейлей. У окна стоял мужчина, он осматривал свои владения. Мужчина стоял к нам спиной, но когда мы вошли, повернулся лицом. За эти две секунды я понял, о каком сюрпризе говорила Белла.

— Джек, позволь представить тебе моего отца, Пауэлла Верниера.

В ее голосе слышался смех, она словно упивалась остротой своей шутки. Но мне было не до смеха. Я пытался просчитать последствия того, что увидел. Передо мной стоял мужчина с седыми волосами. Он подобрал меня на улице, а потом бросил на аллее. Его появление всколыхнуло воспоминания, терзавшие меня прошлой ночью. О татуировке и минуте Беллы.

Из глупых ночных догадок они превратились в реальную логическую цепочку.

Пауэлл проигнорировал меня и обратился к Белле:

– По-твоему это разумно?

– Так или иначе, но он здесь.

– Ты его приглашала?

– Так мы войдем?

Пауэлл фыркнул и резко отвернулся от Беллы. Он прошел через раздвижные двери, что вели в обеденную. Мы с Беллой последовали за ним. На столе была хрустальная и серебряная посуда, в центре стояли Розы Прелестные. Под окнами на керамической плите разогревалась еда. Я думал, нас будут обслуживать, но Белла и Пауэлл обслуживали себя сами. Белла посмотрела мне в глаза.

– Я не хочу, чтобы в доме было много людей.

– Я ничего не сказал.

– У нас есть уборщицы и повар, и еще шофер. Но они не живут на нашей территории. И когда они здесь я запрещаю им показываться на глаза.

Какое-то время мы ели в тишине. Белла постоянно бросала на меня пристальные взгляды. Пауэлл вообще притворялся, будто меня нет. Я сидел и думал, какого хрена тут творится.

– Ничего не хочешь сказать?

Белла перестала есть и с недоверием посмотрела на меня.

– О чем

– О Пауэлле.

– Ну, я не была уверена...

– Я был частью какого-то замысла? Я. Ты вообще... думаешь об ответственности?

– Продолжать мне не стоит, не так ли?

– Извиняюсь за спрей, это необходимая мера предосторожности. Благодарность легко сменяется алчностью. И мы тебя не лечили, это противоречит этике, работать с тем, к кому не равнодушен. К тому же, ты не бездомный.

– Ты доктор.

– У Пауэлла больше опыта.

– Почему вы просто не дождались, когда я приду в себя и не отпустили домой?

– Я не была уверена, я же тебя толком не знала. Не знала, как ты отреагируешь.

Пауэлл оторвал взгляд от тарелки.

– А сейчас ты его хорошо знаешь?

Седовласый разрезал еду на маленькие кусочки, но съел лишь парочку из них. Я пристально посмотрел ему в глаза. Вдруг я понял, почему они показались мне такими бесстрастными — зрачки неестественно сузились. Седой был под кайфом. Белла его проигнорировала.

– Мы стараемся не светиться.

– А кроме как бросить меня на аллее, других вариантов не было?

– На аллее?

– Я очнулся, когда парочка бродяг пытались стянуть с меня брюки.

Пауэлл тихо хихикнул. Белла повернулась к нему.

– Я же велела быть с ним поаккуратнее.

– А ты бы как поступила?

- Ну уж точно не бросила бы его на улице.
- Где это было? — спросила она у меня.
- В Голливуде.
- В Голливуде! Господи, Пауэлл, о чем ты вообще думал?
- Я думал о нашей безопасности.
- Уверен?
- В смысле?

На лице Пауэлла появилось выражение причудливой смеси доброты и расчетливости, я почувствовал, что чего-то упустил. Белла резко сменила тему.

- Ты не веришь в нашу искренность Джек?
- Это правда бесплатное лечение?

– Конечно. Оно далеко не полное — просто обследование, немного препаратов, немного денег — но думаю, мы все же помогаем людям.

- Мне показалось, что людей вы не жалуете.

Пауэлл издал какой-то грубый лающий звук, я решил, что это смешок. Белла злобно посмотрела на него.

– Обычных людей. Те, кому мы помогаем, не играют в этом мире большой роли, он не вправе их судить.

- Как видишь, моя дочь абсолютно бескорытна.

Белла посмотрела на него с коварной улыбкой.

- Но ты и сам вкладываешь столько сил в наш проект, разве ты не бескорыстен?

- Ты знаешь, почему я это делаю.

- Знаю.

В голосе Беллы отчетливо слышалась злоба. Она замолчала и сконфуженно посмотрела на меня.

- Ты уж прости, мы много работали.

Позже. Мы лежали в постели. Белла трахалась со мной как безумная. Она впивалась ногтями в мою кожу, ее пот затекал мне в глаза. Казалось, что из нее пыталось вырваться какое-то существо, желавшее вырвать мне сердце.

После секса мы лежали в темноте, я курил и смотрел на склизкие пятна спермы на ее ногах, они блестели в свете луны.

– Почему Пауэлл вел себя как посыльный, когда подобрал меня? Он ничего не сказал о том, что он и есть врач.

- Думает, что так лучше скрываться. Мера предосторожности, чтобы никто не узнал.

- Я ему не нравлюсь.

- Он тебя ненавидит. Как и всех любовников, что у меня были.

- И много их было?

- А тебе какое дело?

- Просто прикидываю, сколько смогу протянуть.

- Столько, сколько сам захочешь.

- Это зависит от меня?

– Все зависит от тебя. Как и у всех нас. Самостоятельность — вот что делает человека человеком.

- Если у тебя достаточно денег.

- Если у тебя достаточно сил, чтобы раз и навсегда решить, чего ты хочешь, и

претворять желание в реальность.

– Звучит знакомо.

– Только слабаки позволяют топтать себя, Джек.

– Что ты имела ввиду, когда спросила меня о любви там, у Бредбери-билдинг?

– Я спросила, что ты выбираешь.

– Касаемо нас.

– Касаемо того, чего хочешь ты сам. Я могу дать тебе все, о чем ты мечтаешь. Но у меня есть стороны, которые наверняка покажутся тебе необычными.

– Какие?

– Думаю, тебе лучше все узнавать постепенно.

Белла улыбнулась и свесила ноги с кровати.

– Я хочу кое в чем признаться, Джек. Я была с тобой недостаточно честна.

– В чем?

Я даже задержал дыхание, думал, что она признается в торговле почками.

– То, как я нашла тебя после вечеринки, в агентстве «Бел эйр».

– Поговорила с тем, кто меня снял.

– Сомневаюсь, что он хотел бы оказывать тебе такую честь.

– Действительно. Но как тогда?

– Когда Пауэлл подобрал тебя, у тебя была визитка в бумажнике — эта служба эскорта.

– О.

– Ты помнишь хоть что-нибудь о той ночи?

– Между тем, как меня обрызгали и тем, как я проснулся? Нет.

– Совсем ничего?

– Ну...

– Идем со мной.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

В комнате с видеоборудованием Белла нажала на стену в определенном месте. Кусок стены ушел вглубь, за ним была полка с видеокассетами. Белла взяла одну из них, вставила в рекордер и запустила. Я увидел себя, лежащим без сознания на каталке. Обстановка напоминала клинику — зеленые стены, зеленые хирургические материалы. Мои трусы были спущены до колен, а Белла сосала мой член. Когда я кончил, сперма потекла по ее губам.

Белла выключила запись.

– Мы используем наркотики, которые не блокируют физические возможности. Это один из них.

– Я думал, это был сон.

– И тебя это беспокоит?

– А почему должно беспокоить?

– Ну, если кто-то воспользовался человеком, когда тот без сознания, это считается злоупотреблением.

– Но только слабаки позволяют другим себя топтать, верно?

Белла рассмеялась.

– Не могла не воспользоваться такой возможностью.

Она повела меня обратно в спальню, там она начала расчесывать волосы.

– Что ты делаешь?

– У меня есть важная работа.

– Какая работа? Уже почти двенадцать.

– Кое-что желательно проверить до следующего дня. Меня не будет несколько часов, не жди.

Белла быстро приняла душ и вышла.

Я конечно, не ожидал такого в первую ночь в ее доме, но она ведь не знала, что я приеду. Я лежал в темноте с зажженной сигаретой.

Белла и Пауэлл занимались лечением бездомных. И оба ничего не сказали про почки, но операции и вправду имели место быть, значит логично предположить, что они и этим тоже занимались.

Доктор, вырезающий почки, был также одним из клиентов с которым Карен проводила много времени...

Джой сказал, что его обследовала женщина, но из-за наркоза он не помнил, кто его оперировал. Пауэлл и с ним разыграл из себя посыльного. Так с кем трахалась Карен? С Пауэллом? Конечно, ни его возраст, ни жуткие манеры не остановили бы ее, если речь шла о деньгах. Но и Беллу я исключить тоже не мог — она явно не привыкла ограничивать свое секс-меню. А Карен было и вовсе наплевать, хуй или пизду обслуживать, если за них хорошо платят.

Меня зацепила татуировка. У Карен она появилась после ночевки у клиента. Белла сказала, что сделала ее с подружкой. Рисунок один и тот же. Это не могло быть простым совпадением. Никто не станет идти в тату-салон и делать с кем-то одинаковый рисунок, если не испытывает к человеку сильное влечение.

И если Белла была секс-партнером Карен, может она быть замешана в убийстве? Влюбленные часто убивают друг друга, но я не мог найти причину, по которой Белла захотела бы убить Карен. В конце концов, ее почку она уже получила. А если бы Карен вернулась и начала оспаривать законность операции, или попыталась шантажировать с целью получить еще денег, то очевидно, что такой возможности у нее просто не было. В полицию она бы не пошла, Карен не тот человек. По-прежнему оставалось море всякой хрени, в которой я еще не разобрался.

Я многого еще не знал, но были две детали, которые указывали, что убийцей мог оказаться Пауэлл. У него есть сперма, и по какой-то причине он ненавидит любовников Беллы. Так что семя, найденное в трупке Карен, может быть его, мотив тоже имеется.

Конечно, они могли участвовать и вдвоем — отец и дочь проводили операцию, и зашли слишком далеко. Но то, как они вели себя друг с другом сводило эту версию на нет. Слишком много противоборства, слишком много соперничества. Не похоже, что они часто произносили слово «сотрудничать».

Я целый час прокручивал в голове различные версии, пытаюсь разобраться, но я еще слишком много не знал, чтобы быть уверенным наверняка. В итоге меня напугала одна жуткая мысль: если Белла окажется убийцей, то все может пойти совсем по-другому, прежде чем я успею воспользоваться сотрудничеством с нею.

Глава двадцатая

Меня разбудил утренний свет. В открытые окна дул легкий ветерок, он принес собой запах океана. Белла стояла возле кровати, она уже оделась и выглядела очень бодрой. Было

не похоже, что она всю ночь работала.

– Я надеялась, что ты проснешься до того, как я уйду.

– А сейчас ты куда?

– Я владею клиником в Brentwude.

– Меня Пауэлл туда отвозил?

– Нет. Это обычная клиника.

– Ты весь день там работаешь?

– День там, день там. Помогает держаться в форме.

– Даже когда у тебя нет в этом необходимости?

– Это дает свои преимущества, – Белла хитро улыбнулась. — Ты подождешь здесь, пока я не вернусь?

– Конечно. Можно в бассейне искупаться?

– Конечно. И позвони Уэлксу.

Белла дала мне визитку.

– Когда ты лег спать?

– Поздно.

Я провалялся еще чуть более часа. Но, в конце концов, вытащил свою задницу из постели, принял душ и отправился бродить по первому этажу. Я нашел комнату с открытой балконной дверью, там стоял стол с накрытым завтраком. Каша, фрукты, выпечка и кофе, все для меня одного. Богатая обстановка вокруг меня смущала, я чувствовал себя недостойным этого, грязью, что оказалась среди князей.

Я выпил кофе, съел выпечку и выкурил парочку сигарет. Телевизора в комнате не было, я вскоре заскучал. Я открыл стеклянную дверь и вышел осмотреть окрестности. С этой стороны дома сад представлял собой пятьдесят ярдов невысокой травы, окруженной живой изгородью. Прямо перед лесом раскачивались густые заросли папоротника. Я пошел прямо сквозь них. Интересно, особняк Шварценеггера тоже представляет собой нечто подобное? Я видел фото Арнольда, сделанные Лейбовицем, там актер гарцевал на белой лошади. Я всегда представлял себе, что его вилла окружена привезенным в Америку баварским лесом.

Солнце уже высушило росу на верхушках папоротников, но низы все еще оставались в тени, поэтому мои туфли сразу же намокли. Это было немного по-детски, примерно, как бегать по осенним листьям, но кто мог меня увидеть? Я до сих пор не повстречал ни одного слуги, а Пауэлл наверняка делает себе утренний коктейль. Кроме того, мне нравился звук шелеста папоротника.

И тут моя правая нога увязла в гнилом трупe собаки.

Я вытащил ее на открытое место и стряхнул мокрую массу сгнившей плоти и костей, которая когда-то была грудной клеткой. Как-то раз, будучи еще мальчишкой, я нашел в устье реки труп утонувшего пса. Кто-то уже поработал с ним до меня, мертвой собаке воткнули в задницу деревяшку, с нее местами содрали шкуру, которая колыхалась на воде, словно тонкая обертка. Мертвый пес возбудил меня, я понимал, тот кто это сделал, тоже был на взводе. Но этот труп другое дело. Казалось, пес умер в адских мучениях. Кожа на морде у него высохла, глаза съели. Похоже, он давно уже лежал в подлеске.

Собачий труп внушал тревогу. По Лос-Анджелесу бродило немало диких собак, одна из них могла отправиться сюда в надежде найти собачий рай. Но мне казалось, что все было совсем по-другому. Пес был домашним, выбора у него не было. Кто-то вспорол ему брюхо от промежности до груди и выпустил кишки наружу.

Я отбросил останки пса ногой в кусты и обошел дом с другой стороны. На другом конце бассейна сидел Пауэлл и пялился на плывущие по небу облака, он был одет в темный старомодный костюм. Я пожелал ему доброго утра, но он не ответил, только посмотрел на меня безучастным взглядом и снова уставился на небо. Мне совершенно не хотелось заниматься с утра подобной хренью. Бассейн окружали колонны, я сел на стул, стоявший возле одной из них, обратил взор к солнцу и закрыл глаза.

Через пару минут меня накрыла тень. Конечно же, это был Пауэлл, и, судя по выражению лица, он мысленно уже пронзал меня чем-то острым.

– Идем, хочу показать тебе кое-чего.

И вот мы уже сидим в одной из комнат на первом этаже, между нами невысокий столик, а на нем фотоальбом.

Пауэлл коснулся его с таким видом, словно это сокровище, владеть которым большая честь. У старика были длинные тонкие пальцы.

– Думаешь, твои отношения с Беллой будут долгими?

– А почему нет?

– Взгляни.

Пауэлл открыл альбом и начал медленно поворачивать страницы, так, чтобы я мог их внимательно рассмотреть. На снимках была только Белла. Сначала пошли подростковые фото. Тогда она носила узкие джинсы и купальные костюмы. Это были отнюдь не фотографии дочери, снятые любящим отцом. Некоторые были совсем уж откровенными — вот половые губы, разделенные швом развилкой, вот Белла нагнулась в коротких шортах, под бикини виднелись волосы на лобке, соски, торчащие сквозь рубашку. Но Белла на снимках вела себя непринужденно, похоже камера ее совсем не смущала.

На следующих фотографиях она была уже старше на несколько лет, позировала голой — серии фото для гламурных журналов, Белла показывала тело во всей красе или изображала томную скуку.

– Я сам все это снимал. Смотри дальше.

Пауэлл положил альбом на стол и подтолкнул ее в мою сторону. Я открыл его и начал переворачивать страницы. Прямо как в порно — раздвинутые ноги, раскрытая пизда, откляченная задница, пальцы и посторонние предметы в обеих отверстиях. Начиная с двадцати лет до настоящего времени. И везде Белла откровенно выставляла тело напоказ, она контролировала все, что происходило между нею и отцом, когда рядом не было камеры.

Пауэлл забрал альбом и закрыл его.

– Фото шокировали тебя?

– Я все там уже видел.

У Пауэлла напряглась нижняя челюсть.

– Но ведь тебе наверняка показалось это странным, что я делаю такие снимки?

– Я бы не назвал это нормальным.

– Белла добровольно участвовала во всех фотосессиях, даже в самых ранних. В этом доме, дружище, нормальности не найдешь. Это отдельный мир, другая вселенная, здесь мы живем по своим правилам, а не по тем, что диктует твое правительство. Если ты думаешь, что Белла просто женщина для секса, что она будет вести себя так же, как отбросы, к которым и сам относишься, то сильно ошибаешься.

– Пытаетесь меня напугать, верно?

– Интересно, сколько продлится твоя бравада, — с этими словами Пауэлл встал. —

Поеду в город. Оставить тебе фотографии?

Я посмотрел на него, его стеклянные глаза сочились ядом. Белла была права. Пауэлл меня ненавидел.

Он ушел. Я взял визитку Говарда Уэлкса и отыскивал свой мобильник. Но тут я замялся — меня трясло от самой мысли звонить руководителю канала и просить работу. Вместо этого я набрал номер Рекса и с силой нажал на кнопку.

— Догадайся, откуда я звоню.

— Это кто?

— Джек.

— А-а.

Судя по голосу, Рекс был измотан. И еще обдолбался.

— Я в Малибу, чувак. В доме той женщины. Боже, ты бы видел, какая тут красота.

— Какая женщина?

— Та, из-за которой я все агентство чуть не разорил.

— Джек, это что, шутка такая?

— Шутка? Черт, да нет же. Реально. Что ты имеешь ввиду?

— Тебе не кажется, что в такой ситуации шутить неуместно.

— Бля, чувак это был несчастный случай. Это не твоя вина.

— Я убил его.

— Да, я знаю. Но никто не говорил, что все сложилось прекрасно. И для тебя, и для него.

— Готов поспорить, ты об этом вообще не думал.

— Во имя господи, что ты мне все пытаешься доказать? Я не собираюсь менять из-за этого случая всю свою жизнь.

— Да, но это круто изменило мою.

— Может тебе об этом с доктором поговорить? Ну сам понимаешь, совета там спросить.

— Но это не вернет того малыша, так ведь?

— И что ты собираешься делать? Я имею ввиду, тебе надо что-то уже предпринять, чувак.

— Знаешь, что я сделаю? Вмажусь еще раз, а потом поступлю так же, как ты. Буду притворяться, что ничего не случилось. Как тебе?

Он нажал отбой прежде чем я успел придумать ответ.

Другой телефонный звонок принес больше пользы.

Говард Уэлкс был на деловой встрече, но он предупредил свою секретаршу, она перенаправила мой звонок парню по имени Ларри Бернс, оказалось он непосредственный организатор съемок. Бернса не обрадовала идея освободить вакансию еще для одного ведущего, да еще и без опыта. Ему пришлось здорово попотеть, чтобы пресечь любые проблемы еще до их возникновения. Но я уже слишком долго шел к красивой жизни звезды, чтобы запороть короткий опрос по телефону. Наконец он сказал мне придти завтра на репетицию.

Я положил телефон, у меня дрожали руки. Всего два месяца назад я едва сводил концы с концами, работая в закусочной для дальнбойщиков и работяг. А теперь у меня появился шанс, о котором мечтают все жители Лос-Анджелеса — работа на телевидении. Шанс стать тем, кем остальные лишь мечтают стать.

Я понимал, что моей заслуги тут нет. Если я и попаду на ТВ, то это благодаря финансовому могуществу Беллы. Но мне-то какая разница? После того, как у меня появится

быстрая тачка и дом среди холмов, а мое лицо украсит страницы журналов, все остальное перестанет иметь значение. И все же, сама мысль о том, что мне придется зайти в студию, где много техников и фоторепортеров уже бросала меня в дрожь.

Но для чего люди придумали наркотики?

Я немного поплавал голым в бассейне, затем прислонился спиной к одной из колонн, стоя лицом к солнцу. Облако по имени Пауэлл, что паялилось на меня ранее теперь исчезло, оставив только небо, синее, как старые номера калифорнийских машин. Среди крон деревьев блестела узкая полоска океана.

Я оделся и направился к своему «Прелюду», обойдя парадный вход. Фото, которые мне дал Райан, так и остались в бардачке. Я забрал их, поднялся в комнату Беллы, сел на кровать и принялся разглядывать — влюбленные в полиэтиленовых мешках, мертвые тела, соединенные членом. Через некоторое время я пошел в ванную и подрочил над раковиной.

Остаток дня я провел у телевизора, смотрел новости и курил.

У Элизабет Тейлор, после того, как нейрохирурги удалили ей опухоль мозга, начался диабет. Леонардо ДиКаприо сфотографировали, когда он ел попкорн во время перерывов на съемке «Титаника», Николас Кейдж помог организовать сюрприз на день рождения Джону Траволте на приеме у Майкла. Позже Джон снял особняк за четыре тысячи семьсот баксов и закатил вечеринку на двадцать пять тысяч, там были Том Хенкс, Шон Пенн, Шарон Стоун, Присцилла Пресли и Дастин Хоффман.

Белла пришла в районе пяти. Мы потрахались, пообедали, а затем сели возле бассейна.

— Утром мы немного поболтали с Пауэллом, когда ты ушла.

— Наверняка беседа была познавательной.

— Он показал мне фото.

Белла вздохнула.

— Свою частную коллекцию, я так полагаю.

— Представляю.

— И что ты подумал?

— Довольно сексуально.

— Ты ведь понимаешь, зачем он тебе их показал?

— Думаю, чтобы отпугнуть меня.

— Он конченный ублюдок.

— Ты догадывалась, что я увижу их?

— Догадывалась как тебе их преподнесут.

Во время сумерек вода в бассейне выглядела особенно красиво.

— Ты шокирована?

Белла покачала головой и протянула мне руку.

— Ну же. Больше это не повторится.

После мы сидели в кожаных креслах в видео-комнате. Белла выбрала видеокассету из потайного шкафа, монитор оживился и зашипел. На экране шла последовательность небольших видеофрагментов, снимали их, судя по всемуЮ в этом доме. Белла и Пауэлл трахались в разных позах, большинство экстремальные. Никакой нежности — не изнасилование, но и не любовь — словно драка.

— Что думаешь?

— У него большой член.

— Боже, Джек, это было снято недавно. И мы до сих пор этим занимаемся. Я вчера не

работала. С ним трахалась.

– О...

– Я этим с восемнадцати занимаюсь.

– Он тебя заставил.

Улыбка Беллы заставила меня почувствовать себя наивным дитем.

– Ему не пришлось. Моя мать погибла в автокатастрофе, когда мне исполнилось пятнадцать. Пауэлл был за рулем. Как всегда — под кайфом. Он врезался в грузовик, удар пришелся как раз на то место, где сидела она. Я не могла не воспользоваться возможностью отомстить.

– Не понял.

– Я позволяла ему делать это и лишала его секса на недели, а то и на месяцы. У него крыша ехала. Я почувствовала вкус власти, и не собиралась останавливаться. Он был бессилён передо мной. Он не мог даже лишиться меня финансов, всеми деньгами владела мать, и она оставила их мне. К тому же я дрожала от удовольствия

– Тебя это заводило?

– Не так, как это воспринимаешь ты. Меня восхищало то, как далеко я могу зайти.

– А теперь как? Все еще бросает в дрожь?

– Когда кто-то в твоей власти это так затягивает.

– И это продолжается все пятнадцать лет?

– Да и будет продолжаться. Но ты прав, контроль ради контроля не имеет смысла.

– Тогда зачем все это теперь?

На записи Белла и Пауэлл продолжали трахаться, несмотря на наш разговор. Белла вырубил видеомэгнитофон, вытащила кассету и убрала ее в шкаф. После она села в кресло с задумчивым видом.

– Этот разговор состоялся раньше, чем я планировала. Пожалуйста, пообещай, что он ничего не изменит в наших отношениях.

– Ты считаешь, что это очень плохо?

– Не плохо, просто...неожиданно. Ты увидел меня с другой стороны.

– Сомневаюсь.

Белла внимательно изучала мое лицо, потом, видимо прочитав, что надо, она зататорила:

– Я открыла клинику в Брентвуде вскоре после того, как получила квалификацию. Сначала я просто старалась занять себя чем-нибудь. Но потом все изменилось. Я начала упиваться тем, что могла делать с пациентами. Если правильно подобрать человека, правильно ему солгать, они становятся готовы на все. Началось с обследования — ненужные ректальные пробы, вагинальные мазки, колоноскопия...И под конец мне этого уже не хватало, и я стала проводить небольшие хирургические процедуры — операции безо всякой необходимости. Или квалификации. Я не хирург.

– А как ты узнала, как их проводить?

– Такого уровня операции можно выполнять чисто механически. Если ты знаешь, как правильно расположить тело и все основные процедуры, труда не составит. Для меня это был словно вызов, я наслаждалась преодолением трудностей.

– И ты находила это сексуальным?

– Конечно. В сексе одно тело делает что-то с другим. Большинство людей ограничивают себя тем, что считают нормальным. Я лишь расширила свое понятие нормы,

вот и все.

– А Пауэлл был связан с клиникой?

– Нет. Наше медицинское сотрудничество началось позже, я поняла, что рискую. В клинику может придти проверка, не одна контора так другая. Это был лишь вопрос времени, прежде чем кто-то напишет жалобу. Чтобы продолжать, мне пришлось спрятаться в тени.

– А помощь бездомным? Это твой способ оторваться без последствий?

– Я оказываю и настоящие услуги.

– Но в сущности...

– Верно, в сущности это для моего личного удовольствия.

– А что входит в понятие «малые хирургические вмешательства»?

– Вазектомия, удаление родинок, аппендикса. Обычно я не захожу дальше обследования. Но, помимо всего этого, я не хотела терять контроля над Пауэллом. Мне нужна была помощь, и он мог помочь — он же хирург — и мне нужен был тот, кто станет искать для меня пациентов. Он бы никогда не стал таким заниматься.

– И ты продолжаешь заниматься с ним сексом?

– Временами. Но ничто не может длиться вечно. Думаю, ты понимаешь, о чем я, Джек?

Она сказала так, словно нисколько в этом не сомневалась.

– Я все прекрасно понимаю.

– Спасибо. Приходи ночью и посмотри, как я обращаюсь с пациентами, тебе понравится. У нас есть односторонние зеркала. Пациенты творят абсурдные вещи ради денег. Иногда мне кажется, что продажность — это сердцевина человеческой сути.

– И чья была идея записывать на видео секс с папочкой?

– Моя конечно. Но Пауэлл пробирается сюда и делает копии со всех моих записей. Всю мою коллекцию продублировал. Думаю, он считает, что так видит частичку меня.

Глава двадцать первая

Я вел «БМВ 85 °СІ». Белла сидела рядом в коротком платье из спандекса переливавшимся различными цветами. Она купила его в круглосуточном магазине на стыке бульвара Уилшира и Третьей Набережной. Платье выглядело не слишком вульгарным, но оно стоило меньше пяти сотен баксов. Белла хотела устроить групповуху, и мы искали жертву.

Было еще слишком рано, около восьми вечера, так что на улице еще не было ажиотажа. Мы припарковались и заглянули в расположенный на отшибе магазин «XXX». Внутри несколько парней внимательно разглядывали обложки видеокассет, не обращая внимания друг на друга. Белла встала рядом с одним из них — худошавым мужиком за сорок, в его глазах читалось напряжение, от него буквально пахло похотью. Белла встала перед ним и демонстративно нагнулась за видеокассетой. Мужчина заметил ее, наверное, ему показалось странным, что вообще женщина делает в таком месте. А когда она коснулась его локтя, он едва не отскочил в сторону. Но Белла улыбнулась и поговорила с ним, затем кивнула головой мне. Долго его уговаривать не пришлось.

Мы все втроем сели в такси и поехали в один из дерьмовых мотелей на этой улице. Его звали Руди, всю дорогу он жаловался, что после рождения ребенка жена уже год ему не дает. Слабый, грязный человечико, лучше бы он надевал презерватив и не размножался. Мы

сняли номер на первом этаже в самой дальней части мотеля. Я попытался прикрыть занавесками окна, но они не подходили по размерам. На заднем дворе располагалась парковка. Но всем остальным было наплевать, так что я решил закончить дело — как можно быстрее удовлетворить Беллу и вернуться в Малибу.

Мы не стали выключать свет, а сразу разделись. У Руди встал еще до того, как он стянул трусы. Он лег на кровать животом вверх, как ему и велела Белла. Его торчащий член выглядел нездоровым, его кожа была неестественно темной. Белла сказала, что ей приспичило по-малому и ушла в туалет. Но она не полностью закрыла дверь, сквозь прорезь я увидел, как она набирала в шприц какую-то жидкость из стеклянной ампулы с синей надписью. Белла спрятала шприц в полотенце, которое бросила на пол возле кровати. Она вскарабкалась на кровать и села прямо на член Руди. Я пристроился к ней сзади, и, уже приготовив смазку, вошел в нее сзади. За плечом Беллы я видел лицо Руди, на нем читалось неподдельное восхищение — наверняка он представлял себе нечто подобное, каждую ночь дроча перед зеркалом. Я чувствовал, как его член двигался вдоль стенки ее матки.

Сначала Белла добросовестно трудилась, трясла сиськами перед лицом Руди. Вдруг она легла на него, словно пыталась зарыться лицом ему в подмышку. Но я увидел, как ее рука потянулась за шприцом. Пока недоумок лежал, закрыв глаза, она воткнула иглу в вену на его шее.

Руди успел только вскрикнуть. Наркотик подействовал быстро. Его глаза закатились, лицо напряглось. Он начал неистово дергаться, именно этого Белла и добивалась. Я немного растерялся, у меня стала пропадать эрекция, я притворился, что кончил и вытащил член из ее задницы. Белла закричала и резко встала. Член Руди выскользнул из ее вагины и начал разбрызгивать сперму, мне даже не верилось, что он смог столько накончать.

Теперь тело Руди дергалось не так часто, но сами толчки стали резче. С каждым разом напряжение в его мышцах длилось дольше, а расслабление все меньше. Его тело изогнулось дугой, одна часть которой держалась на плечах, другая на пятках. Руди выглядел так, словно его убило током. Его член все еще стоял, живот и бедра были залиты спермой. Белла вытиралась полотенцем, она словно вообще не замечала ничего вокруг.

— Похоже, он уже не дышит.

Белла тихо выругалась, словно это было временное неудобство. Она надавила Руди на живот, и его тело выпрямилось. Белла наклонилась к его рту и сделала пару резких выдохов. У него в груди раздался печальный и пустой звук вдыхаемого воздуха.

— Иди сюда, ему нужен массаж сердца. Пять раз выдохни, потом я нажму. Не бойся, с ним все будет в порядке.

Я делал все, как она говорила. Казалось, мне придется целую вечность сидеть, склонившись над тело Руди. Я словно пытался наполнить воздухом трюм корабля. Вскоре мы с Беллой поменялись. Я волновался, что мужик умрет, но Белла вела себя абсолютно спокойно. Все ее движения были уверенными и профессиональными. Через минуту Руди задышал, и начал что-то бормотать себе под нос, хотя еще не пришел в сознание. Белла сразу же отвернулась от него и начала одеваться, словно Руди в комнате и не было. Я быстро оделся и через пять секунд уже стоял у двери. Белла неторопливо собиралась.

— Расслабься. Он еще пару часов в отключке проваляется. Уверена, ты гордишься собой. Ты же ему жизнь спас.

— Давай просто уйдем отсюда.

— Что-то не так?

- Это не совсем то, чего я ожидал.
- С ним все будет в порядке. Этот наркотик опасен только для тех, у кого слабое сердце.
- А у него, думаешь, не слабое?
- Он уже дышит.
- Но ты не знала об этом, когда ввела ему дозу.
- Без риска чувства не столь остры.
- Мы бы скорую вызывали?
- Я готова. Идем, поймаем такси в другом квартале.

Мы оставили Руди там, где он лежал. Его стоявший член вскоре сник. Залитый спермой, бедняга выглядел жалким. Но самое главное, он остался жив. Когда мы вышли на улицу, я подумал еще раз проверить его, но Белла уже поймала такси, а мне ее сердить не хотелось.

Когда машина тронулась в путь, я попросил высадить меня в Голливуде. Белле моя идея не понравилась, она велела таксисту остановиться. Мы вышли на тротуар немного пошептаться.

- Что такое, Джек?
- Мы чуть не прикончили этого парня.
- Но не прикончили же.
- Что значит «не прикончили же»?
- У него сил хватало, вероятность того, что мы причинили вред его здоровью, ничтожно мала.

- Мне так не показалось. Боже. Я думал его пополам разорвет.
- Так ты не поедешь ко мне?
- Мне нужно немного отдохнуть. Я хочу сказать...боже. У меня еще и репетиция на пятьдесят втором канале. А студия Бербанка ближе к моей квартире.
- Ты говорил с Уэлксом? Здорово. Надо было мне сказать.
- Я решил не торопиться, сначала посмотреть, как все пойдет.
- Давай вернемся в Малибу, можешь завтра взять лимузин.
- Лучше не надо, правда. Не этой ночью.
- Жаль, Джек. Я думала, тебе понравится.

Я уже хотел было сдать, но мне следовало думать о будущем. Еще многое предстояло пройти, нужно было вести себя жестче. Ведь именно так все решается на ТВ. К тому же чтобы пройти репетицию, я хотел достать немного таблеток, а Малибу не лучшее место для бедного парня.

- Придешь ко мне завтра? Как закончишь.
- Конечно.
- А как ты доберешься до студии? У тебя ведь нет с собой машины.
- На такси, наверное.
- Возьми мою машину. И еще вот.

Она дала мне ключи от «БМВ» и пачку стодолларовых купюр.

Мы поцеловались, Белла села в такси и уехала. Я смотрел ей вслед, думая о том, правильно ли я поступил. Пока все шло очень хорошо.

Я поймал такси, вернулся на улицу и залез в «БМВ». Я сидел за рулем, вдыхал запах кожи, чувствовал, какое потрясающее сцепление с дорогой у этой машины. Я понимал, ничто на земле не лишит меня шанса, который даровала мне Белла.

Но нить приятных событий прервал Райан, сидевший на пластиковом покрытии

кухонного стола.

Должно быть, он завалился сюда, пока я парковал машину на заднем дворе. Райан заявил, что чувствует себя прекрасно, и непрочь устроить вечеруху. Вскоре мы оба сидели, склонившись над столом и словно пылесосы втягивали в себя кокс, купленный за парочку купюр Беллы.

— Интересно, что у тебя за тачила внизу, Джеки. Хотя этой ночью вообще много интересного произошло.

— Ты знаешь, чья она.

— Я знаю, кто ею владеет, мне интересно другое, как ты ее получил?

— Мы гуляли. Я хотел вернуться сюда, а она нет. Сделали так, чтобы всем было удобно.

— А вы сблизаетесь. Хорошо провел ночку, да?

— Вполне.

— С такой бабой ночка была куда лучше, чем «вполне». Что делал?

— Так...то да се.

— Все по-старому, так?

— Да.

— А с тобой трудно бороться, парень, не так ли?

— Что ты имеешь ввиду?

— Ты не единственный, кто нашел себе новую игрушку.

Райан пошел в гостиную, там он взял сумку, которую оставил возле двери. Он достал оттуда новенькую миниатюрную видеокамеру. Ее можно было держать одной рукой.

— Как тебе? Конфисковал ее у шлюхи, она думала использовать ее для создания своей порноколлекции. Может пригодиться для того, о чем мы говорили в последний раз.

— И о чем?

— О твоей охуенной телке из Малибу. Только не говори мне, что забыл.

— Мы ни о чем таком не говорили.

— Говорили — о шантаже.

— Это ты о нем говорил, не я. Я не собираюсь в это ввязываться.

— Ну, после этой ночки выбора у тебя нет. Ты уже завяз в этом по уши, когда пошел в тот мотель.

Мне захотелось сказать что-нибудь остроумное, что-нибудь, что помогло бы разрядить обстановку, но вдруг у меня к горлу подкатила тошнота, я даже открыл рот.

— Дай-ка я тебе покажу.

Райан какое-то время возился с проводами и телевизором, потом запустил на камере мини-кассету. Сначала на экране показалось нечто размытое, похожее на краску, но затем изображение стало четким. Мы увидели оконную раму и прорезь между занавесками. Дешевый номер и трое людей на кровати. Я, Белла и Руди.

— Ебать!

— Вот именно, ебать, Джеки.

— Слушай, я не знал, что она...

— Давай посмотрим, изображение же хорошее, так ведь? Просто удивительно, на что способны эти япошки.

Райан выключил запись, когда Белла начала одеваться.

— А ебля знатная получилась. Жаль я не смог получше заснять, как твой хуй вошел в нее, но у меня не было возможности подобрать нужный угол.

– Я ничего не знал про эту инъекцию. Она сказала только, что хочет секс втроем. Боже, да я чуть не обосрался, когда увидел, что она творит. Если бы я знал...

– Попридержи коней, Джеки. Может, проблемы и обойдут тебя стороной. У тебя есть два варианта. Первый — я могу подшить это, то, как ты обошелся с алкашом и прочие твои выходки к делу об убийстве Карен. Или...

– Да о чем ты вообще? Я же ничего не делал?

– Но ты там был, и даже не попытался остановить ее.

– Но мы привели его в чувство. Если бы мы хотели убить его, разве не добились бы?

– Да, она крутая. Парень даже среагировать не успел. Она проходила курсы парамедика или что-то вроде того?

Я чуть было не сказал ему, что Белла врач, что она и не собиралась никого убивать, и что жизни того парня ничто не угрожало. Но в убийстве Карен имелся и хирургический след, поэтому я решил, это скорее прибавило бы проблем, нежели уменьшило.

– Откуда мне знать?

– Что за хрень она ему вколола? Что это было?

– Слушай, Райан, я сам ничего о ней толком не знаю. Мы просто трахаемся, ясно?

– Хорошо, ты мыслишь в верном направлении, Джеки, и тут мы подходим ко второму варианту.

Он вынул все провода из телевизора. Закончив с аппаратурой, Райан начал расхаживать по комнате. Я видел, как напряжена его челюсть под слоем жира. Райан выглядел очень нервным, казалось, вот-вот начнет махать в воздухе кулаками.

– Да, второй вариант куда лучше. Готов? Мы показываем кассету самой мисс-мать-ее Верниер. Что думаешь?

Райан остановился напротив меня, судя по выражению лица, отказа бы он не потерпел.

– Что скажешь, Джеки? Сучка отвалит кучу баксов, чтобы скрыть такое.

– У тебя есть запись, я тебе не нужен.

– Но я хочу, чтобы и ты в этом участвовал. Этим ты завоюешь мое расположение, а тебе это сейчас ой как нужно. К тому же, я дам тебе запись.

– Бля, никто не пострадал, никого не выпотрошили. Почему тебе просто не оставить все, как есть?

– Джеки, я получу свое так или иначе. Зачем оно мне надо? Мне бы не помешали деньги, но...

– Что от меня требуется?

– Расскажи ей все, только спокойно. Скажи, что видел запись и угроза действительно существует. А когда мы встретимся, то не станем ходить вокруг да около и маяться хуйней.

– Ты хочешь с ней встретиться?

– Я же не заставляю тебя вести переговоры. Давай. Это же забавно. Мы разделим деньги вдвоем. Как когда-то делили Карен.

– Мы не делили Карен.

– Мы совали хуи в одно и то же место. Я даю тебе шанс, Джеки, не упusti его. Тебе нужно всего лишь организовать встречу.

Райан зашел мне за спину и начал гладить мою шею.

– Так да или нет? Всего лишь немного денег от суки, что может себе это позволить, или вернее от кучи дерьма, что возможно виновна в гибели твоей жены.

– Я не знаю, когда увижу ее снова. Это может занять пару дней.

– Эй, по мне видно, что я расслабон поймал? Я не могу ждать пару дней.

Глава двадцать вторая

Пятьдесят второй канал занимал обширную территорию в Бербанке, официально принадлежавшую компании «Уорнер» – офисы и парочка небольших студий. Канал выпускал много низкобюджетных программ. Они были слишком необычны для тех, кому меньше двадцати пяти, но могли бы стать неплохим ингредиентом в похлебке для среднего класса, если бы только канал смог пробиться дальше закоулков мейнстрима.

Офис Ларри Бернса я нашел на втором этаже панельного дома. Здание спроектировали словно прицеп для грузовика, очень много наружных лестниц и коридоров. Вентиляционные трубы кондиционеров, проходившие под закрытыми жалюзи окнами, будто достраивали позже. Я прождал полчаса у секретарши, прежде чем улюбок соизволил выйти меня встретить.

Ларри похоже, больше всего заботился о своем члене. Его половой орган отчетливо проглядывался в левой штанине легких брюк. Отнюдь немаленький по размеру, он совсем не подходил своему хозяину. У Ларри было рыхлое грушеобразное тело, на плечах виднелась перхоть. Глава студии явно имел проблемы с угрями на носу, и загубил много капилляров, пытаясь их выдавить. Центральная часть его лица выглядела как один большой фурункул. Увидеть такого человека в Лос-Анджелесе, да и еще и в киноиндустрии даже немного разочаровало.

Ларри ничего не сказал, просто кивнул мне головой и пошел на улицу. Я последовал за ним, мы шли по узким улочкам между звуковыми студиями, по форме похожим на ангары, и помещениями с минимальным набором декораций, которые используют для съемок мыльных опер, эдакие урезанные домики без стен и крыш. Сейчас все они были пусты, кроме одного. Там в импровизированной гостиной нас поджидали трое с камерой, они стояли возле большой лужи света. Весь пол был усыпан кабелями и кусками серебристой изолянты.

Эти ребята представились как звукооператор, режиссер, и оператор. Они проигнорировали Бернса, но уделили больше внимания мне. Я должен был встать в освещенную зону за полоску изолянты и произнести речь на камеру. Под объективом находился телесуфлер, которым управлял оператор. На этой репетиции я хотел поразить их словно бомба, тогда они уж точно раскошелятся на нового сотрудника.

Режиссер посоветовал мне расслабиться и воспринимать камеру как живого собеседника. Но я все это уже изучил на курсах телеведущего. Я представил себе камеру как окно в крупнейший зрительный зал. Так можно создать ощущение, что вещаешь на большую аудиторию, а не шепчешься с кем-нибудь по секрету.

Я чувствовал себя превосходно. Знал, что могу. Знал, что должен. Когда ты экранные, важнее всего продемонстрировать уверенность в себе. И я демонстрировал ее изо всех сил. К тому же коктейль из таблеток, что я принял этим утром, заглушил нервное напряжение и придал немало сил.

Через десять секунд я понял, что телесуфлер показывал информацию из выпуска «Двадцати восьми кадров в секунду» который показывали на прошлой неделе – обсуждение

прокладок, которыми пользуются женщины-кинозвезды. Наверняка, это Бернс решил сыграть со мной злую шутку, но я помнил кое-чего из той передачи, и потому сумел сыграть аккуратнее, чем ожидалось. После они переместили камеру и велели мне выступить снова.

Бернс сидел в тени и наблюдал за мной через монитор. Когда все закончилось, он грубо велел режиссеру прислать ему видеокассету с моим выступлением и решительно вышел на улицу, всем видом показывая, что у него полно других дел помимо меня. Увидев, что я иду за ним, он медленно остановился.

– Не скажу, что я сильно разочарован. Мы все обсудим и дадим вам знать. Парковка вон там, прямо и направо.

Он не попрощался и не стал ждать моего ответа. Я дождался пока Ларри свернет за угол и направился к зданию, где располагался его офис. Я изобразил, что заблудился и целый час бродил вокруг, вдыхая свежий древесный запах новых декораций. Я впитывал в себя самую атмосферу этого места, целые поколения людей жили здесь, в безопасном, недоступном для других мире под названием Голливуд. И им никогда не хотелось покинуть его.

На одной из боковых улочек располагалась электронная витрина. На ней крутили документальный фильм: парень входил, открыв дверь, зачитывал текст ждавшему его типу, и резко замирал, уставившись куда-то вдаль. Это повторилось пол дюжины раз, даже я начал уставать, но актер меня буквально пленил. У него не помялась одежда, не испортилась прическа, он даже не вспотел. Солнце, изнурявшее всю съемочную группу, не могло причинить ему вред.

В конце каждого дубля, я вглядывался в его лицо. Я понимал, что актера там уже не было. Он уже ехал в лимузине к холмам, домой, с коксом в ноздре и вертит на хую семнадцатилетнюю телку.

И для этого ему было достаточно всего лишь открыть дверь в малоизвестном фильме. Я даже имени его не знал.

После двое охранников вывезли меня со съемочной площадки в машине для гольфа.

Следующие несколько недель я провел в Малибу. Помимо обычных удобств, там я оставался недостижим для Райана. Я понимал, он очень хотел встретиться с Беллой с целью шантажа, и чем дольше я избегал этой встречи, тем сильнее напрашивался на взбучку. Этот ублюдок был отморозеннее питбуля, но я сомневался, что он решится забраться в дом Беллы в самом начале игры.

Белла задалась целью показать мне, как хорошо иметь много денег. Время летело, я жил в чудесной стране безудержного потребления. Мы перебрали в шкафу всю одежду. Отбирали костюмы и брюки, которые идеально подходили друг другу. Тогда я увидел коллекцию одежды, что мелькала на обложках журналов: абсурдно дорогие джинсовые модели, кожа, которая на ощупь напоминала живую, туфли, рубашки, нижнее белье...

И весь этот гардероб полностью обновлялся в следующий сезон.

Белла хотела, чтобы у меня были часы, я выбрал платиновые. Она хотела, чтобы у меня появилась своя машина, мы заказали «Мустанг» последней модели – кабриолет. Не слишком практичный выбор для Лос-Анджелеса, но, когда ты богат, как она, о практичности можно особо не заботиться.

Мои дела шли в гору, я мог бы уже продать свой «Прелюд», но не продал. Купив его, Карен оставила мне частичку себя, этот символический жест многое для меня значил – «Прелюд» провел черту между окончанием одной жизни и началом другой. Вместо продажи, я отогнал его на склад, расположенный возле Калифорнийского Университета.

Утро мы с Беллой проводили в духоте, измазанные спермой, мы катались на простынях, от которых уже воняло рыбой. Белла говорила, что любит меня. Я отвечал, что тоже, думаю, она верила мне. Белла была красивой, классно трахалась, но самым главным для меня оставалось то, что она могла сильно улучшить мою жизнь. Никакой эмоциональной связи. Может, мы просто пришли из совершенно разных миров, а может, меня отталкивало ее чересчур сильное стремление выйти за грань обычной морали. Кто знает? Как вообще можно определить, почему кого-то любишь, а кого-то нет? И какая вообще разница, если у тебя получается хорошо притворяться?

Пауэлл оставался в доме почти каждую ночь. Белла говорила, что раньше он проводил большую часть времени в своей квартире в центре города. Похоже, так он пытался подчеркнуть свое присутствие в ее жизни. И это работало. Одна мысль о том, что стоит Белле вылезти из нашей постели, как он засунет ей свой увядающий стояк, приводила меня в бешенство. Она всякий раз напоминала, как мало я мог влиять на Беллу.

Я с головой погрузился в хорошую жизнь, я быстро расслабился. Покупая дорогие товары и пользуясь дорогими услугами, я почти забыл о возможной связи между убийством Карен и этой парочкой из Малибу.

Как-то раз Пауэлл привел в дом двух собак. Черных лабрадоров. Я не знал, где он их держал раньше, на прилегающей территории с ними встречаться не доводилось, но одного из них я нашел в зарослях папоротника два дня спустя. Его убили и выпотрошили, как и того пса, в чье сгнившее тело я наступил, когда впервые попал в этот дом.

Ларри Бернс позвонил Белле, когда мы с ней обедали в одном местечке на Беверли-Драйв. Со мной он говорить не стал, но Белла, услышав его, засияла от радости.

– Ты второй ведущий «28 кадров». Как тебе?

– Фантастика!

И правда, это было так. Один телефонный звонок открыл для меня дверь совсем в другой мир. Поднял меня из небытия на первую ступень лестницы, ведущей к настоящей жизни. Любой житель Лос-Анджелеса убил бы за такую возможность, а я получил ее за двадцатиминутную репетицию. Два месяца назад я был сломлен, и не имел никакого будущего. А сейчас я сижу в дорогом ресторане в костюме, который стоит больше четырех арендных плат, не говоря уже о том, что я скоро возвышусь над миром ничтожеств.

– Только, Джек, никому не говори о том, что я помогла тебе с работой, кумовство — это не хорошо.

– Конечно. А платить сколько будут?

– Вот как раз решаю вопрос с твоей зарплатой — ищу компромиссный вариант, ты ведь без опыта. Как думаешь? Десять тысяч в месяц устроит? Тебе ведь еще жить где-нибудь надо.

– Хочешь, чтобы я переехал?

– Нет, хочу, чтобы у тебя было жилье, где ты бы мог остановиться при необходимости. Работая на телевидении, ты все время на виду. А если захочешь развлечься, в Малибу этого делать не стоит. Да и Пауэлл немного успокоится, если тебя какое-то время не будет в нашем доме.

Эта беседа вылилась в покупку трехкомнатного дома с бассейном в Лорел Каньон.

Теперь меня беспокоил только Райан, он мог все испортить своим шантажом.

Снова у Беллы, в Малибу. Я ответил на звонок. Белла была в своей клинике в Brentwood, Пауэлл, слава богу, уехал к себе. Наверняка сидел и смотрел видео с инцестом, или торчал на

героине, или еще чего-нибудь. Звонок был адресован мне, не Белла с ее похотливыми любезностями, а, как ни странно, Рекс. Странность заключалась в том, что я не давал ему свой новый номер.

– Привет, чувак.

У него был протяжный и гнусавый голос. Естественно, он был под кайфом. Но на этот раз еще хуже, казалось, из него высосало всю энергию. С высоты своего теперешнего положения, я даже загрустил.

– Откуда у тебя этот номер?

– А разве ты мне его не давал? Не знаю...

Рекс был под сильным наркотиком. Каждая его фраза заканчивалась еле слышным шепотом. Мне казалось, он вот-вот уснет за трубкой.

– Судя по голосу, тебе сейчас не сладко.

– Я в порядке. Что ты имеешь ввиду?

– Ты под кайфом.

– А, да, чуть-чуть.

– Ты где сейчас?

– Дома... Ты можешь подъехать? Я для этого и звонил, подъедешь?

– А что случилось?

– Да ничего особенного. Сможешь мне денег подкинуть?

Рекс снимал захудалый домишко на одной из однополосных улочек, что просачивались в холмы Западного Голливуда. «Мустанг» к тому времени уже пригнали, так что добраться туда труда не составило. Рекс открыл не сразу, вид у него был не очень. Лицо идеально подходило голосу. Бледная кожа, расширенные зрачки, повсюду прыщи. Рекс стоял голый по пояс, на его джинсах виднелся толстый слой грязи. Я припарковал «Мустанг» прямо возле входа, Рекс некоторое время разглядывал его.

– Твой?

– Неплохо, да?

– Та женщина подарила?

– Это лучше, чем сосать хуи.

Рекс что-то проворчал себе под нос и отвернулся. Я проследовал за ним в коридор, который пока остался нетронутым, а затем в гостиную, которая превратилась в оазис для всякого хлама. На ковре лежала одежда, обгоревшие спички, и пустые банки из-под «Кока-колы». Одну из диванных подушек прожгли насквозь, ее набивка расплавилась. На стене, возле нетронутой части дивана засохли кровавые брызги. На кофейном столике располагались использованные материалы: стаканы, наполненные водой наполовину, опаленные ложки, и куски ваты. Фотографию Анселя Адамса наполовину вырвали из стены, под ней растеклась лужица рвоты. В комнате было темно и жарко, создавалось ощущение, что здесь сдохло какое-то животное.

– Ты денег принес?

– Да.

Я протянул ему пятьсот долларов.

– Без проблем, давно тебя не слышно было.

– Извини, наверное, обидно.

– Не сказал бы, что обидно. Просто удивился.

Рекс пересчитал деньги и сунул их в карман.

– Они забрали «Порше».

Где-то на лоджии скрипнула доска. Я не мог видеть того, что там происходило, раздвижные стеклянные двери были занавешены.

– Дерьмово выглядишь.

– Будешь смеяться, но чувствую я себя нормально.

– Пора уже что-то делать, чувак. Сбавляй обороты.

– Не-е. Ничего мне не надо делать. Не надо думать о том, куда я иду. Не надо думать о самосовершенствовании. Не надо париться о дождливом дне. Говорят, жизнь такая, какой ты сам ее видишь. Но если перестать смотреть, тебя в ней и не станет.

Рекс отвернулся. Он взял со стола шприц и начал набирать кровь из вены на руке, маленькие брызги попадали на стену. Мне стало грустно. Человек, который совсем недавно помогал мне подзаработать, который был мне ближе любого друга, стал совсем чужим, недостижимым... Новый Рекс совсем не походил на того, кого я знал раньше, но я понимал, что сам изменился гораздо сильнее. Я открыл для себя новый мир. Он настолько отличался от старого, что я даже не мог придумать, чем помочь Рексу, кроме денег.

– Мне нужно идти.

– Так быстро?

– Откуда у тебя мой номер, Рекс?

– Мне его дал тот, парень, он на лоджии. Сказал, что я должен позвонить.

– Что за парень?

– Он про Карен спрашивал, но он хочет видеть тебя.

Райан. Рано или поздно это все равно бы случилось. Я хотел было выйти из комнаты, но звук отодвигаемой стеклянной двери меня остановил. Между занавесками показалась голова Райана, он ухмылялся.

– Джеки, как хорошо, что ты пришел. Давай выйдем, поговорим на солнышке, старина?

Я вышел на балкон. Райан закрыл дверь за моей спиной.

– Думал услышать о тебе раньше, Джеки бой. Но лучше поздно, чем никогда. Ты должен кое-что мне рассказать, не так ли?

– Точно не помню.

– О, дорогуша. Я надеялся, что все пройдет гладко. Что она сказала по поводу нашего плана?

– Твоего плана.

– Я сегодня не мистер Добряк.

– Сейчас не время ее тормозить. Это может мне все испортить.

– Упс. А вот это неправильный ответ.

Райан нанес мне прямой удар в лицо, попал прямо в губы. Я падал на пол, все вокруг казалось частыми резкими стоп-кадрами, я думал только о том, что рассеченная губа может сильно испортить мое выступление по ТВ. Я с грохотом упал на деревянные доски балкона.

Рекс должен был слышать, но он не вышел ни проведать меня, ни помочь. Райан, понимая, что никто ему не помешает, вышиб все дерьмо из моих ребер своей изящной маленькой ножкой. Я свернулся калачиком, закрыв лицо руками, ждал, когда он перестанет. Вскоре Райан успокоился.

– Извини, Джеки, сегодня я нетерпелив.

Тяжело дыша, Райан отошел от меня, он прокашлялся, уткнувшись в платок. Я встал и заглянул за перила. Дом построили над одним из каньонов, обычно такие строения

крепилась к холму сбоку на сваях, я считал за сколько минут жирдяй долетит до дна. Там внизу лежало много листвы, свет предвечернего солнца немного смягчил ее цвета. Довольно подходящее место, чтобы избить кого-нибудь.

— Видишь, насколько это важно? Она же для тебя телка для траханья.

— Уже нечто большее.

— О, Джеки, прям дрожу от умиления.

— Если подождешь пару месяцев, я сам тебе заплачу.

— Но не так много, как она. Так мы договорились?

Я просчитал все возможные последствия — я скажу Белле, что у Райана есть запись, она начнет размышлять, как так получилось, что он оказался в нужное время в нужном месте, и догадается, что у меня есть небольшой «прицеп». Коп подбирается к ее нелегальной медицинской деятельности. Белла занервничает, и тогда прощай красивая жизнь в Малибу — машина, деньги, и, что самое страшное, возможность работать на ТВ.

Но какова альтернатива? Судя по взгляду Райана, напрашивалось нечто, угрожающее моей жизни.

Я с трудом кивнул. Моя губа уже начали разбухать.

— Вот так-то, мой мальчик. Давай немного посидим вместе с твоим другом, мне нужно расслабиться.

— Как ты на нас вышел?

— Как только ты засел у этой суки, я сразу понял, что ты спрячешься, так что я проверил телефонные звонки с твоей съемной квартиры в Голливуде. Там было всего два адреса — этот и какое-то сраное агентство в районе Уилшира. Как только я увидел Рекси, я сразу понял, что вы с ним кореша.

Рекс сидел в гостиной на уцелевшей части дивана. Он закрыл глаза, но не спал. Когда мы вошли, он с трудом их открыл и сразу же уставился на мой разбитый рот.

— Такой грохот стоял.

— Не похоже, что тебя это заинтересовало.

— Мне показалось, я уснул.

Мы сели в кресла, они были такого же фасона, что и диван. Мне хотелось поскорее сесть в машину и уехать домой, но Райан, распаленный своей последней жестокой выходкой, хотел поразвлечься.

— Как насчет того, чтобы вмазаться, старина Рекси?

— У меня нет чистых примочек.

— Фольга подойдет. Уверен, у тебя она есть. Сходи поищи.

Рекс очень медленно встал и ушел в другую часть дома.

Райан разглядывал комнату, развалившись в кресле.

— Похоже, у твоего дружка проблема с самооценкой.

Рекс вернулся со скомканным куском фольги в руках, мы с Райаном отрезали себе по куску героина. По вене гонять никто не стал, наркотик просто измельчали и медленно нагревали. Почти не вставляет, если только не пытаешься встать или что-нибудь вспомнить. По сути, дорогую наркоту расходовали впустую, но Райан похоже завязал с шприцами, а мне еще в Малибу возвращаться. Я бы вообще не волновался, если бы не болел разбитый рот, после побоев чувствовал себя немного униженным.

— Так здорово, ребята, вот, мы вместе. Может шлюшку снимем? Что думаете? Одну на троих. Одна дыра на всех.

Мы с Рексом не ответили.

– Я пробил еще кое-что про твою телку, Джеки. Странное совпадение. Ты знаешь, что она врач? У нее клиника в Brentwude.

– Конечно знаю.

– Интересно, а? Тот, кто выпотрошил Карен, хорошо шарит в медицине — и ты встречаешься с доктором. Доктором, который втыкает иглы людям в мотеле.

– Это не доказывает, что она убийца.

– Но и не доказывает, что нет. Она рассказывала тебе про своего папочку?

– Только что он тоже доктор.

– Так, да не совсем, ебаный в рот. Я еще кое-чего пробил. Он был хирургом, но его выпиздили.

– Неужели?

– Она тебе не рассказывала, да? Черт, Джеки, похоже ты для нее не так уж и много значишь.

Райан хихикнул и покачал головой.

– Похоже, давным-давно, между операциями, он захаживал в кабинет с запретными веществами. И его застукали. Больница не предъявляла уголовного обвинения, но Американская Медицинская Ассоциация лишила его лицензии, или еще чего-то, что докторишкам нужно. Работать он больше права не имеет. Чем он сейчас занимается, не знаю, но точно врачеванием.

Райан почесал яйца, затем кивнул головой Рексу.

– И давно дружите?

– Не очень.

– Ты примчался довольно быстро, стоило ему позвонить.

– И что?

– Просто думаю, насколько вы близки.

– Господи боже...

– Эй, Рекс, ты предпочитаешь мужчин или женщин?

Рекс снова клевал носом, но, услышав свое имя, встрепенулся.

– Я бисексуал.

– О-о-о, звучит многообещающе. Хочешь секси-Рекси?

– Все сделаю, если заплатишь.

– Тебе это нравится?

– Для меня это бизнес.

– Как насчет бесплатной прелюдии?

– Иди нахуй.

Райан вытащил пистолет и взмахнул им в воздухе.

– Всегда срабатывает.

Рекс вздохнул, встал с дивана и опустился на колени, уткнувшись Райану между ног. Когда он начал расстегивать полицейскому ширинку, я встал и направился к выходу.

– Сядь, Джеки. Пора бы уже запомнить, что я люблю делиться с тобой самыми лучшими моментами.

Член Райана медленно выполз из штанов, он напоминал большого белого слизняка. Рекс сосал его, пока он не затвердел. Райан наклонил голову, желая видеть все. Он начал потеть.

– Эй, Джеки, дай-ка мне таблетку. Они в кармане.

– Сам достань.

– Джеки...

В его голосе слышались угрожающие нотки. Я встал и принялся щупать его карманы, пока не нашел пузырек с таблетками. Я протянул Райану таблетку, но он не взял ее рукой.

– Делай все сам.

Его раскрытый рот и мокрый красный язык выглядели еще омерзительнее вставшего члена. Я положил таблетку ему в рот и сел обратно в кресло.

Секс под героином длится дольше, Райан не собирался ускорять процесс. Рекс сосал, пока его слюна не потекла по члену полицейского.

– Хорошо Рекси, надо поменять позу.

Они сместились в середину комнаты. Рекс разделся и встал на четвереньки. Райан пристроился сзади.

– Вау, что-то тут суховато. Джеки, подойди и плюнь ему на задницу.

– Что?

– Ты тоже есть на той записи, вместе с твоей подружкой. Так что не зли меня.

Я склонился над задницей Рекса и уже собирался сплюнуть, надеясь, что попаду в цель. Но Райану этого оказалось недостаточно.

– Нагнись ниже, ниже давай. Ты же хочешь все сделать за один раз?

Я нагнулся, почувствовал вонь из его ануса, и смачно плюнул.

– О, нет-нет-нет. Не это белое дерьмо. Нам нужно кое-что получше, правда Рекси? Давай мне зеленые сопля-слюны, прямо из недр глотки. Мне нужна большая вязкость, малыш. Давай, харкай прямо туда, ему в шоколадный глаз.

Я набрал в рот слюны и слизи и харкнул. Попал прямо в центр.

– То, что надо.

Райан размазал мой харчок головкой члена и резко вошел в анус Рекса.

Они трахались долго. Райан все время ворчал. Рекс словно впал в забытие. Я стоял и считал шприцы, как вдруг понял, что полицейский снова обращается ко мне.

– ...вот туда и сунь ему в рот.

– А?

– Давай его вдвоем. Давай. Ты в голову, я в жопу. Мы словно друг друга ебать будем.

Пистолет Райана лежал на подушке. Он протянул руку и подхватил его. Райан держал в руке пистолет, положив указательный палец на курок, и не отрывая глаз от меня.

Рексу все это было не в диковинку. Он уже миллионы хуев отсосал. Но к бизнесу это уже не имело никакого отношения. Мы знали друг друга, мы дружили. Все это действие казалось мне омерзительным, и я не хотел в нем участвовать. Но Райан уже собирался сделать мне очередное предупреждение. Так что я выругался и сунул член в рот Рекса.

Во мне уже не осталось ни протеста, ни тоски. Я был под героином, действие поглотило меня. Рекс уже настолько забылся, что даже не открыл глаз, когда мой член коснулся его губ. Он просто открыл рот и начал подмахивать головой. Райан смотрел на меня слегка улыбаясь — полицейский внимательно наблюдал за моим лицом и движением бедер. Постепенно мы выработали ритм — Райан держал его за задницу, я за плечи, мы врывались в тело Рекса. Я даже мысленно представил себе, как у него все сжимается посередине.

Вскоре все закончилось, мы вытащили свои члены из его тела. Рекс залез на диван и, как ни в чем не бывало, стал готовить себе новую дозу, словно в комнате вообще никого не было и ничего не произошло. Депрессия сделала его совершенно безучастным, покорным

любой силе, что овладеет им.

Когда мы с Райаном уходили, Рекс посмотрел на меня так, словно хотел что-то сказать. Но ему снова не хватило сил.

Выйдя на улицу, я специально шагал очень медленно, надеялся, что Райан съебется и не заметит мой «Мустанг». Но это было невозможно, учитывая, где я припарковал машину. Райан провел пальцами по блестящему рисунку.

– Небольшой подарок любимому? Знаешь, Джеки, у меня хорошее предчувствие. Если она так благодарит тебя за еблю, то сколько она выложит за нашу кассету. Больше не заставляй меня искать тебя.

Глава двадцать третья

Когда я вернулся в Малибу, Белла плавала голой. Я сел в стоявшее у бассейна кресло, и ждал, когда она заметит мою распухшую губу.

– Джек, что случилось? Тебя ограбили?

Белла вылезла из воды, ее белое тело сверкало. Она встала прямо передо мной, черные волосы прилипли к плечам, вода текла между ее грудей и по спутанным волосам лобка.

– Ты в порядке? Дай посмотрю.

Белла наклонилась ко мне, хотела провести медицинский осмотр, но я остановил ее.

– Нам нужно поговорить. Случилось нечто плохое.

Белла нахмурилась. Она подвинула ближайшее кресло и села напротив меня. Она даже не взяла полотенце.

– Есть видеозапись. Того, что мы творили с тем парнем.

– Нет никакой видеозаписи.

– Есть, и я ее видел. Ты не единственная, у кого есть камера.

Долю секунды на лице Беллы мелькнуло выражение паники, но она сразу совладала с собой, и не дала чувствам взять верх. Я видел, как эта женщина усилием воли сдерживала себя, и направляла эмоции в нужное русло.

– Расскажи.

– Там ошивался один парень. Он видел, как мы втроем зашли в номер. Решил, что мы там будем заниматься сексом. Он нашел прорезь в занавесках, и теперь хочет дорого продать эту запись.

– Кто он?

– Не знаю. Просто парень, который любит подглядывать в спальнях. Сказал, что его зовут Райан.

– Ему нужны деньги?

– Ну а что же еще?

Некоторое время Белла обдумывала возникшую проблему, затем что-то пришло ей на ум.

– Как он с тобой связался?

– Позвонил, когда ты была в Брентвуде. Хотел, чтобы я встретился с ним в мотеле. Я как раз оттуда.

– Как он узнал твой номер?

– Не знаю. Возможно, он проследил за нами и потом нашел его по адресу.

– Наш номер не числится ни в одном списке.

– Ну, тем не менее, он его получил. И у него видеозапись с нашим участием, все зафиксировано, и то, как ты ввела инъекцию тому типу.

– Он знает, что я врач?

– Он не говорил.

Белла еще немного подумала, затем отбросила назад свои мокрые длинные волосы.

– Хочу с ним встретиться.

Меня очень удивило, что она сразу же решила устроить встречу, с другой стороны, мне не пришлось ее долго уговаривать.

– Именно этого он и хочет. Собираешься ему платить?

– На данный момент — это самый легкий вариант.

– А если он снова потребует денег?

– У меня их много. И если он станет представлять не шуточную опасность, я найду другой способ.

Через два дня, я, Райан и Белла встретились в моем новом доме на Уиллоу Глен в Лорел Каньон. Я не успел обставить дом мебелью, он был пуст за исключением телевизора и видеомэгафона, что купила мне Белла.

За день до этого я поговорил с Райаном, попросил не разрушать «легенду о любопытном парне», что я рассказал Белле. Он ничего не пообещал, но, насколько я мог судить, ему бы не принесло никакой выгоды рассказывать о нашем давнем знакомстве. Возможно, он наоборот рассчитывал на то, что свой человек внутри может быть полезен для будущих дел.

Но этот коп все делал назло мне, после разговора с ним я сидел, уткнувшись в телевизор, чтобы унять свой страх.

В гостиной были белые стены и голый паркетный пол. Белла и Райан стояли рядом и смотрели видеозапись по телевизору. Я ходил по комнате, иногда выглядывая в окна, но при этом внимательно слушал все, что они говорили.

Казалось, Белла вовсе не злилась на Райана и не испытывала к нему отвращения. Похоже, наблюдать свое «двойное проникновение» со стороны настолько ей понравилось, что она вообще не обращала внимания на шантажиста. Когда представление закончилось, Белла просто застыла и принялась ласкать себя рукой под юбкой. Райан посмотрел на меня расширившимися от удивления глазами, затем обратился к ней:

– Секс — это ничего, но вот укол... Он был мертв где-то минуту?

– Не нужно запугивать. Я знаю, чем мне это грозит. Сколько ты хочешь?

– Пятьдесят тысяч.

– Приемлемо. Но сначала я хотела кое-что тебе показать.

Белла улыбнулась Райану. Она смотрела на него напряженным тяжелым взглядом, она всегда смотрела так, когда хотела трахаться. Не могу сказать, притворялась она или нет. Белла достала из сумочки видеокассету и велела Райану поставить ее. Я вообще перестал понимать, что она задумала.

На экране появилось изображение. Я узнал гостиную в доме Беллы на Малибу. Она лежала на спине, раздвинув ноги в сторону камеры, и трахала себя вибратором. Через десять секунд я понял, она изо всех сил старалась играть на камеру. Ее движения были слишком необычными для простой мастурбации. Мне стало интересно, заметил ли это Райан, но он был слишком поглощен самой сценой. Белла наклонилась к нему и что-то прошептала на

ухо, ее рука уже гладила полицейского между ног. Мистер Страх, человек, который смотрел, как девушку убивали отбойным молотком, казалось, полностью лишился воли, подчинившись ее голосу и руке.

Я слышал, как расстегнулась его ширинка, видел, как дернулась нога полицейского. Я прошел чуть дальше, чтобы видеть все. Член Райана казался толстым в руке Беллы. Она надрачивала ему, головка напрягалась, с каждым толчком кожа на ней натягивалась. Белла явно синхронизировала свои движения с ритмом мастурбации на записи. Райан бурно кончил на пол одновременно с Беллой на экране, не знаю, имитировала она оргазм или нет. Белла стряхнула капли спермы с пальцев и вытерла их салфеткой. Райан засунул член обратно в брюки.

— Это чтобы я сбросил цену?

— Вовсе нет. Просто подумала, раз сумма в пятьдесят тысяч так необходима, нам стоит перейти на более личный уровень отношений.

— Верно...

Райан говорил неуверенно, словно вообще не понял, к чему была эта сухощавость.

— И как ты хочешь это устроить?

— Джек позвонит тебе и решит все вопросы.

— Ты не получишь записи.

— Это не так уж и важно. Ты ведь сможешь дать мне негативы съемки, не так ли? Тебе пора идти. Мы с Джеком останемся здесь, должна придти мебель.

— Ты придешь с деньгами?

— Возможно.

Мы молча смотрели, как «Плимут» Райана выехал на шоссе. На полпути по склону холма, он встретился с двумя грузовиками из службы доставки — они везли мое имущество, первое приобретение в новой жизни.

На обратной дороге в Малибу мы заехали в дерьмовый район Мелроуз, там мы нашли мексиканскую забегаловку с неплохим ассортиментом и фотографиями известных закусок на стенах. Это было слишком бедное заведение для Беллы, но мне захотелось буррито, да и сама мрачная атмосфера заведения помогала мне скрыть опасения, порожденные ее делишками с Райаном.

— Что ты ему прошептала?

— Ничего особенного.

— Что именно?

— Просто рассказала, какие ощущения от вибратора.

— Можно спросить зачем?

— Затем же, зачем сказала, что хочу создать еще одну связь между нами, помимо денег. Может, все это мелочи, но если он станет серьезной проблемой, я пойду на все, чтобы остановить его.

Я пил коктейли «Маргарита» пока они не стали жечь мне желудок, так я отмечал удачно сложившиеся обстоятельства, Райан не помешал моему продвижению в высшее общество. Белла отвезла нас домой на своем «БМВ 85 °СІ».

На следующее утро мне позвонила секретарша Ларри Бернса и сказала, что я должен на обед явиться на съемочную площадку компании «Уорнер» и приступить к работе.

Глава двадцать четвертая

Гримерная располагалась в прицепе, стоявшем рядом с киносъемочным павильоном. Не слишком мягкие кресла, запрет на курение, но я все равно почувствовал себя превосходно, ведь вокруг меня бегали такие стройные девушки. Я оказался в центре внимания в городе, где умение подать себя — одно из главных качеств любого человека. Мне немного подравняли волосы над ушами, чтобы я лучше смотрелся на экране, и нанесли на лицо много разной косметики. Режиссер заглянул на пол-минуты только чтобы поздороваться. Одна из его секретарш дала мне две страницы сценария для ознакомления. Пока я читал, пришел курьер с открыткой от Говарда Уэлкса, меня приветствовали «на борту». К письму прилагалась коричневая пластмассовая трубка с десятью миллиграммами Валиума. Я не понял, был ли это намек на то, что я не смогу справиться своими силами, или мне просто подарили антидепрессант, который врачи так неохотно выписывают. В любом случае, я уже занюхал кокаин, так что добавить в кровь немного успокоительного показалось мне отнюдь не плохой идеей.

В зеркале я смотрелся очень хорошо. Они дали мне капли, очищающие глаза, и мусс, чтобы придать волосам больше объема. От толстого слоя крема и пудры моя кожа стала гладкой. Безо всякой причины, меня охватило чувство словно я снова дрожил на подаренные Райаном фото.

Уже внутри киносъемочного павильона помощник режиссера сказал, что сначала мне придется выступить в серии коротких мини-роликов. Сказал, это в качестве репетиции, пока я не привыкну к камере. Мне было наплевать. Если чего пойдет не так, Белла позвонит Уэлксу.

Любой debil бы справился. От меня требовалось только стоять на синем фоне и вовремя читать текст телесуфлера. Тот самый сценарий, что мне дали в гримерной. Я уже половину фраз успел запомнить. В студии находилось много людей, но кокаин и свет прожекторов буквально изолировали меня от них, вокруг меня словно сформировался сверкающий кокон, который защищал меня от провала. Мой первый шаг в высшее общество селебрити. Я был собран. Я был целеустремлен. Я излучал жизненную энергию с яркостью галогеновой лампы. Черт, да никто бы не отказался от попытки получить работу на телевидении.

Примерно к трем часам я сделал все, что от меня требовалось. Режиссер объявил перерыв и повел меня из студии в бар. Его звали Джеймс, сказал, что ему понравилось мое выступление. Но выпить он меня позвал наверняка для того, чтобы выяснить, насколько я разбираюсь в кино. Я не мог сказать ему, какой режиссер что снял, или какой процесс, когда запускается во время съемок. Но я уделал Джеймса по знаниям о том, кто с кем трахается, и кто сколько заплатил за дом.

Вскоре режиссер отправился обратно в студию, пришла Лорн, они собирались снять несколько коротких видеороликов. Я остался пропустить еще стаканчик «Южного». В бар вошли одна из гримерш и ее подруга. Какое-то время мы сидели и пили, а потом она отсосала мне в уборной. Не то, чтобы она мне понравилась, или мне захотелось секса, просто глупо отказываться от возможностей, что предоставляет работа на телевидении.

Снова на улице. Все закончилось. Воздух был горячим и влажным, холмы вокруг Бербанка окутал туман. Мертвые люди, похороненные на склоне холма в Голливуд-Хиллз,

напомнили мне о Карен. Теперь у меня зарплата десять тысяч в месяц и дом среди холмов. Этого бы хватило, чтобы удержать ее, ей бы не пришлось больше выходить на панель. Деньги решают все проблемы. Они могут заставить человека полюбить тебя. Удержать его рядом с тобой. С десятью «килодолларами» в месяц я мог бы подарить Карен такую жизнь, от которой она не смогла бы отказаться. Она никогда бы не ушла от меня.

Адреналин, полученный во время первых выступлений, сходил на нет. К тому же заканчивалось действие кокаина, Валиума и выпивки. Я устал, я нервничал. Мне очень хотелось, чтобы все стало проще. Чтобы у меня была Белла, которая все для меня делала, и никаких угроз вроде Райана и Пауэлла. Ни убийств, ни шантажа.

Я вернулся на парковку компании «Уорнер» и сел в свой «Мустанг». Я смотрел, как за воротами проезжали автомобили. Мне хотелось полностью порвать с прошлым и остаться в настоящем.

Белла позвонила мне на мобильный, когда я уже завел «Мустанг». Мы немного поболтали о сегодняшнем моем выступлении. Она сказала, что Пауэлл нашел донора для благотворительного лечения, и мне не нужно ехать в Малибу, она там сегодня все равно не появится. Мне было наплевать. Я слишком устал, чтобы вылезать из дома. Мне хотелось спрятаться ото всех и заснуть.

Дом на Уиллоу-Глен имел открытую планировку. Я выбрал его потому, что все комнаты хорошо проветривались и освещались. Здесь все было новое. Я оставил стены нетронутыми. Никаких картин или аксессуаров. Зато мебель и технику подбирал очень тщательно. Именно они являлись для меня настоящей декорацией.

Вечерело. Я выпил бутылку гаторейда и заснул на японском диване стоимостью в две тысячи долларов. Я проспал до одиннадцати вечера, меня разбудил телефонный звонок.

Сначала я вообще ничего не понял. Голос узнал сразу, но то, что мне позвонил этот человек, повергло меня в ступор. Пауэлл. Такой же самодовольный, как в тот раз, когда спрашивал, хочу ли я посмотреть фото Беллы. Сказал, что хочет встретиться со мной перед муниципальным центром Беверли-Хиллз через полчаса. Он повесил трубку прежде чем я успел задать вопросы.

Я принял душ, оделся, сложил крышу «Мустанга», и помчался вниз с Лорел Каньон сквозь теплую ночь. От Бульвара Закатов на Ла-Синегу, с Ла-Синегу на бульвар Санта-Моники. Свет уличных фонарей оранжевыми дисками прокатывался по гладкой поверхности капота «Мустанга», за окном ветер сдувал дым сигареты. Я ехал в центр города.

Я опоздал на десять минут. Хотел показать, что мне насрать на то, зачем он меня вытащил. Вряд ли там могло оказаться что-то хуже, чем видеозапись, где он тычет своим хуем в Беллу. Но теперь, когда Беллы не было рядом, я не мог отделаться от чувства, что могу получить информацию, касающуюся убийства Карен.

Я припарковался возле «Ягуара», Пауэлл опустил окно. Он смотрел на меня мертвыми глазами, напоминая глаза робота из фильма «Терминатор». А улыбку на лице ему словно искусственно вырезали. Пауэлл велел ехать за ним. Затем снова поднял окно.

Я следовал за его машиной сначала по равнине, затем среди холмов. Миновав Беверли-Хиллз, мы поехали вдоль Пивайн-Каньона по шоссе Сан-Исдро, и добрались до узкой дороги под названием Абрикосовая Аллея.

Официально это была частная дорога, но никаких ворот на ней не построили. Она пересекала шоссе Сан-Исдро под прямым углом и через пару сотен ярдов уходила направо. Я заметил один или два дома, но они стояли далеко от дороги, к тому же их скрывали заросли

кустарника. Пауэлл проехал мимо них к концу Абрикосовой Аллеи, там находилось большое квадратное здание, его явно построили не для красоты. Вокруг таинственного дома посадили вьющиеся растения, но даже они не могли скрасить его унылые бетонные стены цвета песка. С первого взгляда было понятно, здание работало чем-то вроде бункера. Окна были закрыты решетками, а территорию окружал высокий стальной забор.

Мы сразу заехали в гараж, рассчитанный на четыре машины. За нами опустилась автоматическая дверь, я сразу понял, этот дом не жилой. Не было хлама, которым обычно заполняют гаражи: ни инструментов, ни пляжных принадлежностей, ни коробок с мусором. Помимо моего «Мустанга» и «Ягуара» Пауэлла там стоял «БМВ» Беллы.

Вместо двери, ведущей на первый этаж, была бетонная дорожка, спускавшаяся в подвал. Пауэлл повел меня за собой и велел не шуметь. Он открыл стальную дверь. Мы попали в помещение, напоминавшее небольшую больницу. Зеленые стены, виниловые полы, ряды газогеновых ламп на потолке. Пауэлл запер дверь и приложил палец к губам, он жестом приказал мне следовать за ним по коридору. Мы прошли пару помещений с бронированными дверьми и специальными замками, похожих на комнаты для осмотра пациентов. Затем мимо нескольких распашных дверей, за ними располагалось странное помещение, что-то вроде «предоперационной». Через маленькие окошки в дверях я мельком разглядел нечто похожее на тележку с лежащим на ней телом. Мы пошли дальше по коридору, нам попалась обычная деревянная дверь, она была не заперта. Пауэлл выключил свет и открыл ее. Мы оказались в маленькой комнате, рассчитанной на двух человек. Там было окошко, как в помещении для допросов. Пауэлл прикоснулся губами к моему уху и прошептал:

– Это одностороннее зеркальное стекло. Чтоб ни звука, а то она узнает, что ты здесь. Не выходи отсюда. Я приду за тобой, когда мы закончим. Внимательно смотри на свою любимую.

Пауэлл ушел, я остался в комнате и смотрел сквозь стекло. Зажегся яркий свет, он показал мне маленькую операционную. Само помещение напоминало уменьшенную версию реанимационной – много материалов из нержавеющей стали, много оборудования с мигающими лампочками, подключенного к мониторам, тележки с зелеными клеенками, ряды многочисленных инструментов, и большой пучок ламп на подвижном механизме. Сначала в помещении никого не было, но через десять минут смежные двери отворились и вошли Пауэлл с Беллой, одетые в шапочки, халаты, и маски. Они катили на тележке тело обнаженного мужчины, он явно находился под наркозом. Мужчина лежал на боку с капельницей в руке. Между ребрами и бедром покрасили чем-то желто-коричневым.

Пауэлл сел возле головы мужчины, он надел ему на лицо кислородную маску с газом и начал поворачивать выключатели на трех цилиндрах. Белла прикрепила тело донора к паре приспособлений. В процессе работы они разговаривали, но из-за масок и толстого стекла я ничего не мог разобрать.

Белла приготовилась, она кивнула Пауэллу головой, взяла скальпель и начала делать разрез. Я не мог ничего толком разглядеть, поскольку она сидела ко мне спиной, но, похоже, она делала большой горизонтальный разрез под ребрами. Белла полностью погрузилась в процесс, она действовала быстро и экономно, отбрасывала использованные инструменты один за другим и брала новые со стоявшей рядом тележки. Я видел кровь на ее резиновых перчатках.

Аккуратность, с которой шел весь процесс, поражала, но при этом меня не отпускало

чувство, что в этой комнате проводили не только хорошие операции. То, как Белла себя вела, как прижималась бедрами к тележке, как двигались ее руки...все это выглядело слишком чувственно и явно не имело к хирургии никакого отношения.

Операция шла долго, я устал стоять на одном месте. У меня заболели ноги, мне нужно было сменить позу. Я попытался сместиться чуть в сторону и стукнулся о стекло. Белла застыла на месте и бросила на Пауэлла злобный взгляд. Но он был полностью сконцентрирован на анестезии. Через пару секунд Белла успокоилась и продолжила операцию.

Вскоре операция достигла кульминации. Белла засунула руку внутрь мужчины, сделала несколько завершающих махов скальпелем, и, отрезала какой-то мешавший ей орган. Затем она обеими руками подняла в воздух нечто длиной в пять дюймов.

Почка.

Вот так сюрприз.

С собирательной трубки, тянущейся от центра почки, свисал толстый слой желтого жира, именно этим местом почка связывалась с телом. Сам орган покрывала оболочка теперь похожая на разорванный кокон, с ее волокон капала кровь. Она была куда розовее мяса, которое можно увидеть на прилавках, наверное, потому что плоть была свежей.

Белла положила почку в пластиковый контейнер, закрыла его прозрачной крышкой, и отдала Пауэлла. Он неуверенно посмотрел на нее и что-то сказал. Белла покачала головой, повернулась к донору, и начала зашивать его внутренности. Пауэлл снова попытался заговорить с ней, но она не ответила. Немного подождав, он отнес почку в другой конец комнаты, и положил в холодильник.

Я еще немного подождал, но было уже ясно, что им остались последние штрихи. Я не видел смысла наблюдать за этим – и так провел в узкой комнате целых два часа. Когда я приоткрыл дверь, Белла уже зашивала парню живот.

Я не мог вернуться обратно в гараж. Стальная дверь изнутри тоже открывалась специальным ключом, поэтому я решил обследовать тайную лабораторию. В дальнем конце коридора был лестничный пролет, ведущий на первый этаж. За ним оказалась еще одна стальная дверь, но незапертая. Я пошел дальше и начал осматривать комнаты первого этажа. Гостиная и две спальни были обставлены неплохо: ковры, занавески, мягкие кресла – все это создавало видимость обыденности, хорошо отдохнуть здесь после проведения операции по извлечению почек. Остальные комнаты были пусты и казались совершенно необитаемыми. На кухне в шкафу стояли железные банки и упаковки, но ничего свежего. Я заперся в ванной и зажег сигарету.

Итак, теперь я знаю, что Белла сама извлекает из людей почки. И это явно не совместный проект, именно Белла руководила операциями, не Пауэлл.

Она говорила, бесплатно лечить бездомных было ее идеей. Тогда я окончательно убедился, что она замешана в торговле почками. Но я надеялся, что в темной стороне благотворительности она играла второстепенную роль – например, в качестве ассистента Пауэлла. Или даже лучше, невольная участница во власти одержимого старика. Но теперь я знал, что все было совсем не так. И это меня пугало. Я не сомневался, что смерть Карен была связана с торговлей почками, и вполне логично предположить, что тот, кто руководит операциями и есть главный виновник.

Логичная цепь размышлений, но мне не хотелось ей следовать. Пока Белла на свободе, я могу попасть на экраны телевидения.

Вместо этого я сосредоточился на мысли, зачем Пауэлл решил мне это показать. Уж точно не для того, чтобы разоблачить Беллу и ее нелегальные операции. В конце концов, он сам занимался поиском доноров и еще выполнял работу анестезиолога, поэтому виновен ничуть не меньше. Возможно, он надеялся, что, увидев все это, я отвернусь от нее. Но ведь она врач, пусть и не хирург, разве она просто не выполняла свою работу?

Теперь я думал только о том, что могло бы произойти, не появившись я здесь. Ведь после того, как я ударился о стекло, Белла знала, что за ней наблюдают. И что же она задумала?

Я вернулся в гостиную и стал ждать. На мой взгляд, не было никакого смысла скрываться от Беллы. Через полчаса они поднялись по лестнице. Похоже, Белла совсем не удивилась, увидев меня.

– Тебя привез Пауэлл?

Я не успел ничего сказать, ее отец ответил сам.

– Настало время и ему узнать.

Белла повернулась к нему.

– Как ты смеешь, принимать такие решения в одиночку?!

– А разве влюбленные не должны знать друг о друге все?

Белла усмехнулась.

– Думаешь, если он узнает, то конец нашим отношениям?

– Думаю, что он должен знать все, чтобы принять осмысленное решение.

– Ты такой предсказуемый. Это же абсурд.

– И все же. Я знаю о тебе все, ничто не заставит меня пойти против тебя, а о нем такого сказать нельзя.

– Так или не так, тебя не касается. Запомни это, или твоя постель совсем опустеет.

– Для меня дни разделяются на те, когда ты позволяешь мне быть с тобой, и те, когда нет. Без тебя мне нечего терять. Так что запомни, если моя постель опустеет, то и твой операционный стол постигнет та же участь. Или ты думаешь, что он будет копать для тебя в дерьме, также, как я?

Белла посмотрела на него так, словно не могла подобрать ответ. Потом она резко развернулась и зашагала к лестнице. Но задержалась возле двери.

– Он скоро придет в себя. Проверь обезболивающее. Пошли, Джек.

Белла исчезла в лестничном проеме. Я пошел следом, но Пауэлл схватил меня за руку и прошептал на ухо:

– То, что ты тут видел, еще ничего. Она знала, что ты здесь. Ты ребенок, который играет с очень опасной игрушкой. Будь осторожен, а то ее гнев обрушится и на тебя.

– Отвали.

Я стряхнул его руку и пошел к Белле. В гараже мы молча поцеловались. Мы не проронили ни слова, пока не приехали в Малибу и не залезли голые в бассейн. Белла проплыла несколько ярдов брассом. Небо было черным, до рассвета еще оставалось два-три часа, но в свете фонарей бассейна я отчетливо видел ее промежность. Белла перевернулась на спину, ее тело плавно скользило по водной глади, волосы на лобке показались над водой. Я подплыл к ней, она обняла меня, ее соски скользнули по моей груди.

– И что ты думаешь?

– Это незаконно.

– Не законно. Но от этого выигрывают все. Я рассказывала тебе, что бесплатно лечу бездомных, но это не вся правда. Я покупаю у них почки. Это абсолютно добровольно.

Пауэлл находит доноров на улице, и если я вижу, что они могут перенести операцию, я делаю им предложение. Это их выбор. Утрата одной почки не отразится на их качестве жизни, а тех денег, что я им даю, они никогда не видели. Большинство из них все равно не доживают до сорока, так что они не многое теряют. Ты удивишься, сколь многие из них говорят «да».

– Что ты потом делаешь с почками?

– Жду, когда в списках появится подходящий кандидат.

– Ты продаешь почки людям?

– Конечно нет. Я отдаю их различным медицинским учреждениям в качестве пожертвования, естественно анонимно.

Мой член стоял колом, Белла взяла его рукой и начала тереться о него своей пиздой. Даже под водой я чувствовал соки на ее половых губах.

– Ты не похожа на Робин гуда.

– Но смотри, что я делаю для тебя.

Белла произнесла это милым спокойным голосом, но посыл читался отчетливо: «не пизди на того, кто устроил тебя на телевидение».

Я промолчал.

Белла начала двигать рукой быстрее. Я закрыл глаза и увидел девушку с ломом в заднице, и ту парочку с мешками на головах. Я попытался представить, каково это, прижаться к этим телам, ощутить прикосновение к их застывшей плоти. И кончил. Моя сперма растекалась белыми потоками по чистой воде бассейна.

Когда я проснулся, в небе уже появилась узкая полоска рассвета. Белла спала на животе, простыня лежала на полу, тень скрывала ее анус. Где-то среди холмов раздался крик животного, отдаленно похожий на вой койота. Но это не был крик проснувшегося зверя. В нем слышалась невероятная боль.

Я вылез из постели и подошел к окну. Белла продолжала спать. В бледнеющем небе сверкали звезды. Окружавшая дом трава окрасилась в серые цвета, казалось, из всего окружающего высосали жизнь, оставив лишь некрасивую двумерную картину.

Прямо под окнами, у всех на виду, сидел голый мужчина. Он склонился над каким-то брыкающимся животным. Мужчина совал руку в живот твари, выгаскивал залитые кровью потроха, и разбрасывал их на газоне вокруг себя. Пауэлл. И пес, один из тех двоих, что недавно привезли.

Когда труп животного опустел, Пауэлл поднял его высоко над головой, дыра в брюхе собаки смотрела прямо на окна. Я понимал, темнота надежно меня скрывала, но все равно рефлекторно отскочил в сторону, чтобы Пауэлл не увидел.

Даже после того, как я забрался в постель, меня преследовал этот образ – убитая собака, обнаженное бледное тело Пауэлла, измазанное темной кровью, его дряблый болтающийся член.

Мы с Беллой завтракали возле бассейна. Воздух ласкал кожу. Я добавил к нему немного сигаретного дыма. На поверхности воды появились вьющиеся тени.

Не успели мы закончить, как из дома вышел Пауэлл, он сказал, что больше не намерен оставаться в Малибу. Судя по виду, сегодня он вмазался еще сильнее, на его лице и руках виднелись многочисленные царапины. В голосе Пауэлла слышались умоляющие нотки, он ждал какой-нибудь реакции от Беллы, но она только лениво оторвала голову от газеты. Мен вдруг осенило, ведь она в первый раз провела ночь со мной, а не ушла спать к нему.

Я стал говорить ей о том, что увидел утром, смотря в окно.

После того, как Пауэлл уехал, мы гуляли по территории, держась за руки. Я незаметно направил ее к пятну на траве под окном спальни. Лужа крови напоминала загустевшую нефть, кучки собачьих потрохов облепили мухи. Сам труп собаки исчез.

Белла обреченно вздохнула. Я ткнул носком туфли орган похожий на кишку.

– Прошлой ночью я видел, как он это делал.

– Он напуган. Боится, что ты забереешь меня у него.

– Бурная у него реакция.

– Это всего лишь собака.

– Просто думаю, на что он еще способен.

– Что ты имеешь ввиду?

– Настанет день, когда собаки ему будет недостаточно.

Белла молча смотрела на загаженную территорию.

– В этом есть что-то от животной ярости, не так ли?

Она развернулась и пошла обратно к дому. А я остался снаружи. Я бродил у кромки леса пока не нашел труп собаки. Разрез тянулся от яиц до ребер. Я внимательно осмотрел мертвое тело, но не смог определить, была ли внутри сперма.

Знакомый разрез. И выпотрошили точно также. Работа хирурга. Вот и улика, связывающая Пауэлла с убийством Карен. Но какой мотив? Если Карен с Беллой были любовницами, и Карен иногда гостила в Малибу, то Пауэлл не мог не...все же очевидно. Сексуальная ревность.

День сразу же стал ярче и радостнее. Вид выпотрошенного пса у моих ног в десять раз перевесил активность Беллы в операционной. Он окончательно отвел от нее все подозрения. Даже если она и знала об убийстве, то совершил его Пауэлл, характер нанесения ран очень похожи. К тому же в потрохах Карен была сперма.

Все это означало, что я мог и дальше тянуть из Беллы деньги и пользоваться ее влиянием, не опасаясь того, что однажды настанет день, и ее заберут у меня из-за какой-нибудь юридической неувязочки. Еще я мог избавиться от Райана, направить его по другому следу, если он перестанет шантажировать Беллу, и опять решит поиграть в «сядь-на-хвост-убийце-Джеку».

Белла сидела в гостиной в сером декоративном кресле и смотрела в окно. Она глубоко погрузилась в свои мысли. Она вздрогнула, когда я вошел.

– Пора звонить Райану. Что мне ему сказать?

– Скажи, что я встречу с ним завтра. В том же самом мотеле.

– Я завтра не смогу, у меня съемки.

– Я сама пойду.

– Ты уверена? Он довольно странный.

– Ты ведь не ревнуешь, да?

– После Пауэлла и того парня в мотеле?

– Вот и славно. Тебе нет нужды идти со мной. Я отдам ему деньги и, надеюсь, мы о нем больше не услышим.

– Это вряд ли.

– Да. Но деньги великая вещь. Если у тебя их много, ты можешь сотворить что угодно, тем или иным способом. Давай я тебе кое-что покажу.

Мы прошли в комнату с видео оборудованием, Белла включила аппаратуру и запустила

видеозапись.

– Вот некоторые мои доноры. Все, что я с ними делала, не имело смысла с точки зрения медицины. Наверняка они об этом догадывались, но сами убеждали себя в необходимости, им были нужны деньги.

Белла включила запись. На экране появился кабинет для осмотра, расположенный на Абрикосовой Аллее. Бедные люди всех сортов, мужчины и женщины. Белла в маске и халате хирурга, волосы собраны в тугой хвост. Доноры раздевались полностью. Судя по их поведению, камера была скрытой.

Вот мужчина, проходящий ректальное обследование, перчатки Беллы блестели от смазки. Вот тот же мужчина присел над тазиком, понадобился образец кала. Вот молодая женщина с отметинами на внутренней стороне бедер, ее пизду держали раскрытой два зажима из нержавеющей стали, а Белла промывала ее физиологическим раствором. Вот Белла целиком засунула ладонь в анус негра, которому едва исполнилось девятнадцать. Вот девушка, стоящая на четвереньках после того, как выпила рвотный препарат. Белла совала ей в пизду тампон на длинной стальной палочке.

– Согласись, в этом есть нечто очень эротичное. Переход на новый уровень интимности.

Я уже собирался сказать что-нибудь в знак согласия, но на записи появилась новая сцена, которая заставила меня сильно напрячься. Там на Белле уже не было ни халата, ни маски, совершенно голая, она лежала на другой женщине в позе шестьдесят девять. Они лизали друг другу, лицо партнерши скрывалось у Беллы между ног, но когда та приподнялась, чтобы засунуть язык глубже, я увидел ее лопатку. И татуировку скарабея.

– В чем дело?

– Да ничего.

– Ты ее узнал.

– Нет. Просто... все проходит немного по-другому. Она была донором?

– Да, потом стала донором.

На экране бедра Беллы напряглись, затем медленно расслабились. Вскоре она слезла с партнерши. Женщина медленно повернулась к камере, ее лицо расплылось в улыбке. Карен! Ее лицо блестело от пота и выделений пизды. Белла нажала на паузу.

– Она была моей возлюбленной.

– И что с ней случилось?

– Что ты имеешь в виду? Если ты ее знал, лучше сразу скажи.

– Я хотел спросить, только почему вы расстались.

– Так ты знал ее или нет?

Белла слишком заинтересовалась, я не мог проигнорировать это вопрос.

– Она похожа на проститутку, что работала на улице. Я, вроде, видел ее там один или два раза. А в чем дело?

– Извини. У нас были очень близкие отношения, я до сих пор скучаю по ней.

– А почему отношения прекратились?

– Не знаю. Однажды она просто исчезла. Я больше никогда ее не видела.

– И ты не пыталась ее найти?

– Она никогда ничего о себе не рассказывала. Я не знала ни ее фамилии, ни где она жила. Так что я ничего не могла поделать.

Белла перемотала запись обратно и запустила снова. Она села мне на колени и, не

отрывая глаз от экрана, сунула мой член в свою вагину. Ее тело задержалось сильнее, когда перемазанное соками лицо Карен улыбнулось в камеру. Белла кончила.

Позже я позвонил Райану. Он обрадовался мотелю «Старвей». А когда услышал, что меня на встрече не будет, то обрадовался еще больше.

Глава двадцать пятая

На следующее утро Белла уехала, сначала в банк, потом на встречу с Райаном. Пауэлл не вернулся ночью в Малибу, я решил, что он до сих пор дуется, сидя у себя в квартире.

До двенадцати я должен был появиться на съемках «Двадцати восьми кадров». За оставшееся время я успел сделать пару важных дел.

Я достал из потайного шкафа видеозапись Беллы с донорами, остановил на том моменте, где появляется Карен, и переписал весь ролик с бывшей женой на чистую кассету. На это у меня ушло двадцать минут — десять на то, чтобы разобраться, как направить сигнал от одного кассетника к другому, и еще десять на запись самой копии, потому как я не смог найти кнопку ускоренного дублирования. Остальное время я занимался ерундой: слушал шум машин, идущий с дороги, и шаги в доме.

В тайнике были и другие записи, две я уже видел — где Белла трахалась с Пауэллом, и где она сосала мой член, когда я лежал без сознания — а три еще нет. Следующие полчаса прошли беспокойно, я смотрел оставшиеся видеозаписи в ускоренном режиме. Сольное секс-шоу Беллы, еще неудачники, проходящие весьма эротичный медицинский осмотр, серия наиболее ярких секс-моментов, которые мы с Беллой записали с тех пор, как я переехал из Малибу. Больше ничего связанного с Карен я не нашел. Я перемотал все видеокассеты на начало и оставил все, как было.

Я хотел иметь свою копию видео, где Карен и Белла отлизывали друг другу, по двум причинам. Во-первых, запись доказывала, что они любили друг друга, или, по крайней мере, у них была сексуальная связь. Еще Белла случайно обронила, что Пауэлл делал копии со всех ее записей, это являлось отличным дополнением, свидетельствовавшим в пользу моей теории, что он убил Карен из ревности. Если у него была копия, он мог знать об их отношениях, а если он знал, то мог чего-нибудь и предпринять.

Другая причина — копия; это хорошая подстраховка на случай, если Белла решит, что я ей уже надоел. Если она знает об убийстве Карен, то наверняка не захочет, чтобы полицейские нашли на пороге участка видеозапись, где она голая вместе с жертвой.

Я положил кассету в бардачок «Мустанга» и поехал по шоссе Пасифик Кост. Стоял жаркий день, настроение было отличное. Впервые мне мы с Лорн будем работать вместе — вдвоем интервьюировать одну чиксу, восходящую звезду порноиндустрии. Нельзя сказать, что ее узнавали за пределами узких кругов, но она представляла немалый интерес для целевой аудитории «двадцати восьми кадров». Отличное начало для меня — Лорн рядом, всегда поддержит, объект интервью не слишком важная шишка, если я скажу что-то не так, и придется много раз переснимать. Я мысленно приказал себе не косячить. Весь последний год я видел Лорн по телевизору и думал о ней. И мне очень не хотелось, чтобы она считала меня тупицей.

Девушка называла себя Мистраль. Сомневаюсь, что она знала значение этого слова,

просто слышала где-то, и ей понравилось его звучание. Но всем было глубоко наплевать. Когда ты всего лишь дырка для траханья, твои знания никого не интересуют, особенно если ты платиновая блондинка с имплантантами.

Мистраль жила в небольшом домике, построенном на склоне холма возле пляжа. В том самом районе, где здания примыкали друг к другу так плотно, что с шоссе невозможно было разглядеть океан. Дом маленький, сада нет, казалось, и говорить не о чем, но она жила в Малибу, а это важный знак на пути к высшему обществу.

Когда я приехал, там уже стояли два фургона. В одном меня подготовили к съемкам. Затем я вошел в дом. Съёмочная бригада уже во всю готовилась к работе. Мистраль сидела в гостиной и курила длинные тонкие сигареты, болтая с Лорн и Джеймсом, режиссером, который руководил моими пробными съемками.

Мы представились. Джеймс посоветовал мне расслабиться, сказал, что будет сам руководить всем процессом. Лорн сказала, что уже видела меня где-то раньше, и протянула мне листок со списком вопросов, над каждым третьим стояла пометка «Джей».

– Это твои. Она уже знает, что мы у нее собираемся спросить...

Мистраль выпустила дым через нос и грубо вклинилась разговор:

– Да, я не стану отвечать ни на один вопрос вне этого списка. Мой агент сказал, я не обязана.

У нее был высокий скулящий голос, казалось, он пришел из какой-то клоаки восточного побережья. На экране он звучал еще пронзительнее, но это настроили специально, чтобы она не повышала голос.

Лорн шлепнула ее по коленке.

– Все пройдет так, как ты хочешь, не волнуйся, дорогая.

Лорн, как всегда, выглядела превосходно. Черные леггинсы, кроссовки «Рибок», и окрашенный вручную, жилет, обнажавший плечи и плотно облегавший буфера.

– Хотите посмотреть кое-что из моей коллекции, прежде чем мы начнем? У меня есть видеозапись.

Джеймс отошел сделать пару звонков, но нам с Лорн до съемок делать было нечего. Мистраль уже нажала кнопку на пульте.

– Вот я с Пако Ронделло. Знаешь друг, когда он входит тебе в рот, это словно кусок мяса. А видишь, как у меня здесь бедра двигаются? Я специально так делаю, это придает чувственности, понимаешь? О, а вот это, это мои самые любимые кадры, здесь все так артистично. В самом начале карьеры я никогда не соглашалась на «анальный сэндвич». Вообще, но в конце концов, в такой профессии ты расслабляешься и спрашиваешь себя, какого черта? Так что тут сразу двое, большая работа, чтобы достичь успеха, тебе следует освоить несколько специализаций. Имейте в виду, я не снимаюсь во всякой хрени, где срут и блюют. Нет уж, либо все должно быть сладеньким, либо я ухожу. Видите, я достигла многого и теперь могу сама диктовать условия. Эй, кстати, а вы придете на вечеринку Чарли Шина? В моей индустрии главное засветиться.

Лорн безучастно кивнула, похоже, эротический видеоряд нагонял на нее скуку. Она встала и резко мотнула головой в мою сторону. Мы вышли на улицу, затем спустились по выцветшим от солнца ступеням к пляжу. Солнце образовало на воде яркую линию света, уходящую за горизонт, на нее было больно смотреть. Несколько богачей плавали в море, еще несколько лежали под зонтиками. Здоровые, богатые, и довольные собой, они заслужили свой отдых.

Я подумал, каково сейчас бродягам и лузерам в Санта-Монике. Казалось, что время, когда я скатывался до их уровня, прошло давным-давно. Мне вдруг захотелось поехать вниз по дороге вдоль берега и посмотреть на них, увидеть в сравнении то, чего я достиг.

– Милое местечко.

Лорн делала упражнения на растяжку, стоя на последней ступени. Она презрительно фыркнула в ответ.

– Да ты прикалываешься. Этот конец пляжа для псевдобогатых. А ты где живешь?

– У меня дом в Уиллоу Глен.

– Среди холмов?

– На каньоне Лорел.

– С бассейном?

– А разве он не у всех?

– Тебе не показалось, что у нее пизденка расслаблена, когда снимают крупным планом.

– Э...

– Я бы на ее месте ее хотя бы для вида напрягала.

– Слышал ты работала в пирожной.

– Правда? И от кого слышал?

– Слухи ходили.

– Что ж, я о тебе ничего не слышала. Как ты на шоу попал? Не похоже, что нам еще кто-то был нужен.

– Честная упорная работа.

– И какая?

– Ну сама знаешь, то тут, то там.

– Знаешь, как я сюда попала? Заслужила. Я полгода как проклятая работала на местном радио. Люди, которые работают на телевидении, узнали, что меня вышвырнул продюсер.

– Эй, и у меня похожая история.

Лорн посмотрела на меня таким взглядом, словно не поняла, шучу я или нет. Она сделала еще пару упражнений на растяжку и села на ступеньку.

– Сколько ты жил на побережье.

– Пару лет.

– Позволь дать тебе совет, новичок. Не спрашивай людей об их прошлом. Здесь это никакого значения не имеет. Важно только то, что ты делаешь сейчас.

– Конечно. Я ничего плохого не имел в виду, когда спросил про пироженную.

– Да, понимаю.

– Думаешь, мы сработаемся?

– Не знаю. А ты как думаешь?

– Почему нет? Мы оба особо не заморачиваемся.

– Это ты так стебешься?

– Ты мною будешь руководить в процессе интервью?

– Просто жди своих вопросов и задавай их. Не думай о камере, тебя в ней не будет. Реакцию на ответы мы запишем после. Ненавижу таких безымянных пустышек, как она. Они в жизни не представят тебя никому, и не поделятся коксом. Иди-ка лучше к Джеймсу, он хотел тебя подготовить.

На балконе ребята из съемочной группы соорудили некое подобие навеса из мягкой сетки, чтобы смягчить свет палящего солнца. Диван из-за этого приобрел пятнистый

оттенков, я сидел на нем лицом к Мистраль, чувствуя себя так, словно оказался среди арабов в пустыне. Лорн сидела рядом, я чувствовал запах фирменного парфюма в ее волосах.

Все прошло хорошо. Мы с Лорн задавали вопросы. Мистраль рассказала, как тяжелое детство подтолкнуло ее к занятию порнографией, но теперь она счастлива, потому как заняла свое место в обществе. Еще рассказала о полученных деньгах и актерских амбициях. Мистраль захотела, чтобы крупным планом сняли шрамы под ее сиськами с имплантатами. И группа сняла. А почему нет? Такое только обогатит ТВ.

Я заперол несколько вопросов, пришлось переснимать. Но всем было наплевать, а уж когда ошиблась Лорн, я окончательно утвердился во мнении, что работа перед камерой требует гораздо меньше таланта, чем я думал раньше.

Когда из Мистраль выжали все, что только можно, съемочная группа принялась снимать меня и Лорн. Мы задавали вопросы и изображали реакцию на ответы. Лорн продемонстрировала лишь четыре разные эмоции. Мистраль была уже не в кадре, она стояла на другой стороне балкона. Восходящая порнозвезда подошла к нам и показала, как можно с изобразить на лице четыре разных оргазма. Потом она зашла в дом. Я слышал обрывки ее фраз, она объясняла кому-то из съемочной группы, что всегда смазывает пизду силиконовым гелем, когда не может возбудиться. Что конечно же, бывает почти всегда так как она профессионал и сексуальное возбуждение не дает ей держать с партнером необходимую для сохранения креативности дистанцию.

Съемочная группа упаковывала аппаратуру. Джеймс показал мне поднятый вверх большой палец и сел в свой «Порше». Лорн слонялась среди отъезжавших от дома машин, у нее на лице было написано «съемки окончены». Она смотрела как машины несутся по раскаленному асфальту, они словно напоминали ей, что за съемками, вечеринками, премьерами, и болтовней со звездами киноиндустрии, скрывалась серая обыденность, смысл которой она так и не смогла постичь. Лорн подошла ко мне, она хотела чем-то заполнить образовавшийся временной пробел.

– Ты придешь сегодня в «Саб»?

– Меня не приглашали.

– Если хочешь, можешь пойти со мной. Тебе стоит там побывать, можно добиться организации интервью с важными людьми.

– Хорошо.

– Я весь день свободна, можем пока где-нибудь перекусить.

– Извини. Я встречу с тобой уже там. Пока есть дела.

Похоже, мой ответ ни разочаровал, ни насторожил Лорн, она с полным безразличием отнеслась к тому, что ей нечем будет заняться до вечера. Мне не хотелось так поступать. Несмотря на небольшую напряженность, возникшую между нами там, на лестнице, в жизни Лорн привлекала меня не меньше, чем на экране телевизора. И я не хотел облажаться в самом начале. Но что я мог поделаться? Мне нужно было ехать к Рексу и спрятать запись. Я не мог оставить ее в Уиллоу Глен или там, где Белла сможет случайно на нее наткнуться. К тому же последние несколько дней меня не покидало ощущение, что я должен встретиться и поговорить с ним насчет моего последнего визита.

Мы договорились встретиться. Я завел машину и уехал. Лорн осталась там, смотрела на проезжающие мимо машины.

Я постучал в дверь, Рекс не ответил. Но оказалось, она была не заперта. Я толкнул ее, и прошел из коридора сразу в гостиную. Рекс лежал, развалившись на диване, он выглядел так,

словно не слезал с этого места со времени нашей последней встречи. В комнате стоял запах невымытого тела. На стене появились еще следы засохшей крови, да к пустым банкам из-под «Кока-колы» добавились упаковки от сливочного пуддинга. Жалюзи везде были закрыты, а раздвижные двери в другом конце комнаты так и остались занавешенными. Тусклый свет просачивался из-за занавесок, но лучше всего комнату освещал включенный телевизор.

Рекс посмотрел на меня пустым взглядом, так обычно смотрят на незнакомца, встретившегося на автобусной остановке. Он ждал, что я заговорю первым.

– Привет, дружище.

– Привет.

– У тебя тут...лучше не стало.

– Я достиг состояния покоя. Отрицательной плавучести. Я плаваю внизу под поверхностью.

– Только вот пахнет там не очень.

– Джек, это неважно. Это мой мир. Я к нему приспособился. Здесь не лучше и не хуже, чем в любом другом месте. Единственное, что можно сказать о любой сущности, это что она куда-то движется. И она движется, пока не остановится, и вот тогда, конец.

– Рекс, тебе нужно кое с кем повидаться. И перестать колотиться герычем.

– Не-е, ты не прав. Наоборот, мне его еще больше надо.

– Чувак, в зеркало посмотри. Тебе от него совсем хреново.

– О, нет, мне от него хорошо. Он полностью убивает во мне любовь.

– Любовь к чему?

– Да ко всему. Я знаю, ты многое ненавидишь. Ты ненавидишь быть бедным, ненавидишь оставаться неизвестным. Ты ненавидел Карен, да ты вообще всех, кого видел на улицах, ненавидел. А вот я таким не был. Пока не сбил того пацана. Я заживо похоронил все, и хорошее, и плохое. Я больше ничего не осуждаю, в отличии от тебя. Люди, предметы, все рядом. И если бы я хотел, то мог бы взять у них что-то хорошее. А если нет, просто пройти мимо. Но знаешь, что, чувак? Не всем это нравится. А любить мир, который не любит тебя также, как ты его, мир такой непостоянный...Это так утомляет, чувак. Едва ли тебе надолго хватит.

– Но ты же неплохо зарабатывал. На убийстве пацана тебя не поймали. Я имею ввиду, почему ты просто не думаешь о себе? Зачем заморачиваешься всякой херней? Мог бы хоть помыться для начала.

– Не будь идиотом. Пути назад нет.

– Ты злишься на меня за тот день?

– Как я уже сказал, нет ничего хуже, и ничего лучше. Но да, тогда вышло дерьмово. И где твой приятель? Жаль его нет, мы могли бы повернуть все еще раз.

– Боже, Рекс...

– Нет, чувак, я другое имел ввиду. Мне нравится, когда меня унижают еще больше, чем я сам себя. Это скрашивает унылые дни.

– Зачем ты меня тогда позвал?

– Ты злишься на меня?

– Мог бы хоть предупредить. Я сейчас в уязвимом положении.

– У него, блядь, пистолет был. Что мне было по-твоему делать? Умереть за тебя?

– Мог бы намекнуть.

В ответ на мои слова Рекс расхохотался. Сначала его смех звучал саркастически, но под

конец стал грустным. Он покачал головой. Рекс достал из кармана сверток и положил на ложку немного героина. Мы находились в одной комнате и в тоже время в миллионах миль друг от друга. В тот момент я осознал, что мне целой жизни не хватит на то, чтобы восстановить дружбу с Рексом. Для меня он пропал.

– Рекс, мне нужно, чтобы ты кое-что подержал у себя. Я не могу рисковать, Райан может нагряться ко мне в дом и найти это. Можешь сделать это для меня?

– Меня начнут преследовать.

– Хочешь денег?

– Как я тебе уже сказал, чувак, мы тут любовь больше не принимаем.

– Хорошо, я заплачу. Хочешь узнать, что это?

– Просто дай денег и оставь это у меня.

– Мне жаль, что так получилось с тем парнем. И с Райаном. Но это не моя вина, сам ведь знаешь?

– А кто сказал, что твоя?

– Ты ведешь себя так, словно винишь меня.

Рекс пожал плечами и принялся готовить дозу. Я бросил видео кассету и наличные на диван.

– Очень важно сохранить это в тайне, Рекс.

Но он был слишком занят зажигалкой и ложкой, чтобы ответить.

– Рекс?

– Я уже сказал, что присмотрю за кассетой. А теперь не мог бы ты убраться?

Я вернулся в Уиллоу Глен, Лорел Каньон. Он выглядел как дом восходящей звезды, того, кто недавно вырвался из болота мыльных опер и, наконец, получил особую роль. Место, излучающее радость, свет, и молодость.

Я принял душ, занюхал кокаин, и сел возле телевизора смотреть старую запись рекламного ролика. Там мечтательная парочка сидела в лодке на фоне маленькой пристани. Они плавно качались на волнах, создавая атмосферу покоя и счастья. Я хотел стать тем парнем с густыми черными волосами, обладать его уверенностью в завтрашнем дне, жить его безмятежной жизнью. Я хотел быть как та девушка, таким же ослепительно красивым, радостным, также искренне смеяться. Мое внимание привлекла полоска бикини у нее между ног.

Я смотрел и перематывал, перематывал и снова смотрел, и так целых полчаса. Затем я встал и принялся раскладывать возле экрана свои любимые фото, на это у меня ушло целых десять минут. Получилось интересное наложение. Мертвые тела и самая счастливая жизнь на земле. Я дрочил, повсюду разбрызгивая сперму.

Когда позвонила Белла, запись все еще проигрывалась. Я говорил с ней по телефону и смотрел, как моя сперма капала на пол. Белла сказала, что любит меня. Сказала, что сделка с Райаном прошла удачно. Сказала, что завтра он приедет в Малибу с подарком для нас обоих.

Когда я положил трубку, у меня все похолодело внутри. Подарком наверняка будет еще одна видеозапись, но уже точно не про нас, а про других людей и их темные делишки. Белла сказала, это лучшее, что могло случиться, он подарит нам то, что можно при желании инкриминировать против него. Я понимал, что Райан не настолько глуп. Он сделал это с какими-то далеко идущими опасными целями, чтобы не терять контакта с Беллой. Также я

понимал, что она начала вести свою игру вместе с ним. Этим вечером я понял, что полностью потерял контроль над своей жизнью.

Я немного погулял вокруг дома. Затем закурил, включил фонари в бассейне, и немного отошел в сторону, желая посмотреть на причудливые рисунки на поверхности воды. Пальмы в саду тихо шелестели под дуновением легкого ветерка.

Глава двадцать шестая

Туалеты в «Сабе» не подразделялись на мужские и женские. Стены в них были обшиты черным ламинатом с блестящими узорами. Мы с Лорн заняли одну из кабинок. Занюхали кокс, который я принес с собой. Я немного разбавил его нарезанными кусочками белого героина, но решил, что ей не обязательно об этом знать. Потом мы целовались, я поласкал ее пальчиком, но мы еще недостаточно разогрелись, поэтому мы пошли в бар, пить и веселиться.

Лорн знала очень многих гостей. После пол-бутылки водки с лаймом, она растворилась в толпе знаменитостей. Это было большое заведение — бары, танцполы, многочисленные рестораны на верхних этажах. Вскоре я потерял Лорн из вида.

Я стоял на месте и смотрел живое кино про высшую расу. Они сияли, в них кипела энергия, весь остальной мир перед ними отступал. Блеск в глазах, здоровые волосы, удобная одежда, которая позволяла двигаться легко и непринужденно. И разговаривали они не о погоде, или ремонте машины, а о фундаментальных вещах — шестинедельных съемках в Андах, массовой съемке с участием двух тысяч человек, и манипулирование астрономическими суммами денег. Каждую минуту, они наслаждались каждым днем своей жизни.

Здесь явно имелась своя иерархия. Когда заходил особо важный человек, все вокруг замолкали и пристально смотрели на дверь. Но даже самые низкоранговые люди, находящиеся на периферии киноиндустрии, жили гораздо лучше миллионов, копошащихся на окраинах города. Было трудно поверить, что они живут на одной планете.

«Саб» оказался даже лучше вестибюля Бредбери-Билдинг, лучше, чем съемочные площадки компании «Уорнер». Здесь люди, чьи лица украшали рекламные щиты, приходили общаться с себе подобными.

Той ночью я больше не увидел Лорн, и не пытался с кем-нибудь знакомиться. Мне хватило того, что я там присутствовал, почувствовал других людей из высшего общества. Я ушел довольно рано, боялся, что один вид успешных людей полностью раздавит меня.

Последняя рюмка возле барной стойки. Бармен на мгновение задержал свой взгляд на мне и спросил, не меня ли он видел в «Двадцати восьми кадрах». Его вопрос буквально вскружил мне голову. Меня разрывало между наркотой и алкоголем, я миновал обшитый цветным металлом вестибюль, протиснулся сквозь толпу селебрити к теплому ночному воздуху, у меня кровь кипела от осознания того, что первый шаг к желаемому успеху уже сделан.

Но следующее утро было совсем другим. Я проснулся с тяжелым похмельем и тревогой на душе. Эйфория, охватившая меня в клубе, бесследно исчезла. Теперь мои кишки стянуло в тугий узел от страха перед встречей с Райаном в Малибу.

Я с трудом вылез из постели и плюхнулся в бассейн. Я немного полежал на воде лицом вниз. Но это не принесло успокоения. Я набрал в грудь побольше воздуха и опустился на самое дно. Я лежал там словно мертвец, смотрел на мутное и далекое солнце сквозь десять футов воды. Мне хотелось остаться здесь, где мне ничто не угрожает, где нет этих гребаных жизненных проблем. Но вскоре от давления воды и нехватки воздуха меня затошнило, и я всплыл наверх.

Первый этаж дома Беллы в Малибу.

— Я знаю парня из службы безопасности, мы время от времени друг друга выручали.

Мы сидели перед экраном телевизора — я, Райан, и Белла. Шел ливень. Люди, идущие по склону холма, наверное, злились на несвоевременные дожди, но нас, сидящих в этой комнате, непогода только сблизила. Тяжелые каменные стены, мебель, мы находились под надежной защитой жилища Беллы.

Райан уже вставил кассету в магнитофон и все приготовил к просмотру. Полицейский держал в руке пульт и разговаривал с Беллой так, словно меня вообще тут не было. Ему втемяшилось в голову, что он сможет ей понравиться. Я видел, как он осматривал все ее владения — дом, бассейн, «БМВ», размер территории. Райан пожирал глазами все окружающее убранство, я видел, как внутри него распалась жажда наживы, и это меня пугало. Я решил, что позволить ему приехать в Малибу, было не самым разумным решением Беллы. Но она не знала его так, как я.

— Когда я увидел этот трюк с парнем в мотеле, я сразу понял, что вас заинтересует то, что у меня есть.

Он посмотрел прямо на меня.

— Еще раз, как тебя зовут?

— Джек.

— Точно, Джеки. Что ж, вот мы уже и познакомились поближе. Но мне чуйка подсказывает, что тебе нравится экстрим. А Красотке, я уверен, он нравится еще больше.

Райан ухмыльнулся Белле и включил запись.

— Это запись с камеры наблюдения. Девушка убирала мусор в конце рабочего дня.

На экране появились двое мужчин в лыжных масках с винтовками в руках и рюкзаками на плечах. Они выглядели напряженными, отовсюду ждали угрозы. Вокруг них стояли стеклянные шкафы. Само место походило на выставочный зал небольшого магазинчика с драгоценностями. Мы наблюдали за всем с угла на потолке, оттуда было видно, как в дальнем углу открылась дверь. Показалась нога женщины, она шла спиной вперед. Уборщица тащила за собой пылесос. Один из грабителей наполовину вышел за пределы обзора камеры и силой затащил упирающуюся мекиканку в кадр. На вид девушке было лет двадцать, ее роскошные волосы блестели даже на видеосъемке.

Они несколько раз ударили ее, а потом ткнули в лицо оружием. У девушки появилась на губах кровь, джинсы потемнели в районе промежности. Один достал широкий скотч, заклеил ей рот и завязал сзади руки, другой стянул с нее футболку и принялся мять сиськи. Несмотря на весь ужас ситуации, ее груди очень сексуально покачивались. Удовлетворив свою похоть, грабитель сильно ударил ее в голову сбоку. Ноги девушки подкосились, и она упала на пол. Теперь мексиканка просто сидела с отсутствующим взглядом, ее разум словно летал где-то далеко, отчаянно пытаюсь наладить связь с телом и восстановить его функции.

Мужчины принялись за рутинную работу. Следующие пять минут записи Райан поставил на быструю перемотку, грабители разбивали витрины и собирали драгоценности.

– Обычное грабительское дерьмо, а вот...тут самое интересное.

Фигуры на экране вернулись к прежней скорости. Они уже до отказа набили сумки, и разгромили весь выставочный зал. Повсюду валялись куски стекла и дерева. Девушка свернулась калачиком на полу, стараясь лежать тихо, чтобы о ней не вспомнили. Но ей это не удалось. Грабители уже собирались выйти за пределы кадра, но вдруг один из них что-то сказал другому. Тот посмотрел на часы, сбросил с плеч рюкзак, и они принялись раздевать несчастную. Девушка еще пыталась сопротивляться, но после нескольких ударов ногой в живот перестала. Они положили ее лицом вниз на разбитую витрину. Оба грабителя вытащили из штанов свои члены. Тот, что повыше, вошел в ее пизду сзади. Другой пристроился возле лица уборщицы и начал надрачивать свой член потирая головку о глаза девушки и скотч на рту. В свободной руке он сжимал охотничий нож.

Они двигались все быстрее. Тот, что пристроился сзади трахал ее так сильно, что витрина тряслась, а грабитель с ножом казалось, пытался вырвать член прямо из собственного тела. Через несколько секунд он кончил девушке на лицо, подтянул штаны и приставил нож к ее щеке. Грабитель посмотрел на подельника, словно ждал какого-то сигнала. Вскоре он его увидел, пристроившийся сзади резко кивнул головой и, возможно, чего-то прокричал, но я ничего не услышал, так как звука на записи не было. Парень с ножом перерезал девушке горло. Кровь хлестала из ее шеи большими волнами, на полу образовался широкий алый ручей. Мексиканка затряслась, словно ее переполняла ярость, ее соски терлись о куски стекла, что торчали из разбитой витрины. Грабитель, трахавший ее сзади, сделал еще пару жестких фрикций, и запрокинул голову. Теперь я разглядел дыру для рта в его маске. Судя по всему, отморозок был от оргазма.

После того, как они ушли, тело девушки еще дернулось один или два раза, она напоминала умирающую на берегу рыбы.

– Видел раньше подобное, Джеки?

Райан знал, что я видел. Знал, что я стоял и смотрел, как девушку разорвало напополам отбойным молотком.

– А как насчет тебя, Красотка?

– Конечно нет.

– Но тебе ведь понравилось, не так ли?

– Слишком примитивно, дистанция не та, нет чувства контроля.

– Джеки?

Я не ответил. Райан хихикнул.

Белла встала и выключила телевизор. Райан следил за ней, казалось, его глаза забирались в каждый изгиб ее тела.

– А может, для тебя это слишком, Красотка? Может, вкалывать людям инъекцию это нормально, а вот убивать их уже выход за рамки?

Белла встала перед ним, выставив вперед пизду, словно мужик, у которого поднялся член.

– Ты очень удивишься, когда узнаешь, через какие рамки я переступала.

Она задрала юбку, Райан принялся лизать. Потом Белла изобразила оргазм и велела мне трахнуть ее прямо на полу, Райан смотрел и дрожил. Я почувствовал, как его сперма брызнула мне на ягодицы.

После мы все помылись. Бела вызвала лимузин, и мы поехали обедать в вегетарианский ресторан, расположенный в Растик Каньон. Заведение открылось совсем недавно и в него

вложили немало денег. Еще не пришло время обеденного перерыва, но в ресторане сидело уже много прилизанных сотрудников компаний в строгих костюмах с большими часами на руках, они доедали свои завтраки. Эти люди все время жестикулировали во время разговоров. Мобильники звенели почти каждые тридцать секунд.

Райан смотрел на все таким же голодным взглядом, как и в доме Беллы. Меня беспокоило, что он сидит здесь, с нами и говорит с ней как с обычным человеком. Я знал, он не остановится на пятидесяти тысячах. Дорогой ресторан, дом в Малибу, секс с Беллой — его это привлекало не меньше, чем меня. Я не понимал Беллу. Она была слишком умной, чтобы не раскусить его, могла бы обвинить его в угрозах, а она делала непонятно что.

Я заказал жаренную рыбу. Самая близкая к мясу еда в этом заведении.

Мы с Райаном уединились в мужском туалете. Наши члены смотрели на стеклянные писсуары, за которыми плавали рыбки. Я и мистер Страх. Мне доставляло удовольствие то, что я был одет лучше него. Это придавало мне некую иллюзию защищенности.

Но она быстро развеялась.

— Я все ближе, Джеки.

— К чему?

— Сначала дрочка, теперь сегодня... Следующим шагом будут игры на матрасе, что думаешь?

— Не останавливайся на достигнутом.

— О, Джеки, только не говори, что ты расстроился. Я думал, тебя это завело. Наверное, если бы я убил ее и заснял на видео, тебе бы больше понравилось.

— Иди на хуй.

— Я видел, как у тебя встал, сквозь штаны было видать. Готов поспорить, окажись ты в том магазинчике, засунул бы ей в обрубок шеи.

— Ты омерзитель, Райан.

Мы перестали ссать, но не убрали члены. Райан протянул руку и схватил мой. Он сжал его, глядя мне в глаза.

— Я могу оторвать тебе его, а могу подрочить. Зависит от тебя. С твоей стороны гораздо разумнее не мешать мне. Я могу отправить тебя снова торговать задницей, если захочу.

Я вытащил член из его руки и застегнул ширинку, но Райан еще не закончил.

— Мы с тобой партнеры, не забывай. Думаешь, я останусь в стороне ни с чем, пока ты вытягиваешь из нее все, что она тебе дает? Я имею право, парень. Я всю жизнь подчищал дерьмо за другими, и нихуя не упущу такой шанс.

Райан отошел от писсуара со сжатыми кулаками, член все еще свисал с его штанов. Его дыхание было прерывистым, он сильно вспотел. Я понимал, все, что Белла дала мне, все, что сделала для меня, никогда не будет в безопасности, пока он рядом.

— Прими таблетку и спрячь свой хер.

— У меня есть на нее рычаги воздействия, Джеки, и я буду их использовать, пока не получу, что мне нужно. Ты можешь немного помочь мне в этом деле, а можешь отправиться прямиком в отстойник. Все зависит от тебя.

— Если ты думаешь, что она будет платить тебе за запись, то ты ее недооцениваешь.

— Вот видишь, наша цель крепко нас связывает, ты уже дал мне ценный совет. Это мне в тебе и нравится, Джеки — ты быстро учишься. Но ты не подумал, что запись всего лишь нога, удерживающая дверь от закрытия. Все идет гладко, если хорошо скрывать. Я собираюсь осмотреться, пока еще чего не всплывет, а что-нибудь да всплывет, можешь мне поверить.

Райан взял меня руками за плечи и встряхнул. Сначала я подумал, что он собирается поцеловать меня, но в этот момент в туалет зашел мужчина. Райан застегнул ширинку и вышел. Я немного постоял перед зеркалом, изучал изгибы своего лица и слушал звук стекающей в канализацию мочи.

Глава двадцать седьмая

Я снялся в нескольких вступительных роликах для «Двадцати восьми кадров»: зачитал текст на синем фоне. Оставшийся день я болтался перед гостиницей «Шато Мормонт», надеялся застать Джонни Деппа и Кейт Мосс. Я хотел всего лишь мельком увидеть, как они целуются, когда садятся в машину или еще чего-нибудь. Если получится, успеть задать пару вопросов о планах на свадьбу. Ничего у меня не получилось. Мне сказали, что Джонни и Кейт приедут в отель, но я проторчал там до конца дня, а они так и не появились. Они просто наврали. Мне еще предстояло сняться для следующего выпуска шоу. Джеймс решил снять меня на фоне стены, исписанной граффити — перекресток парочки улиц в Мермонте. Сказал, это привлечет много новых зрителей.

Лорн уехала за пределы города в Палм Спрингс, снималась в короткометражных роликах, где голые кинозвезды принимали грязевые ванны. Когда я услышал ее рассказ, то сразу представил, как черная грязь течет между губ ее пизденки. Чем больше времени я проводил с Лорн, тем сильнее мне хотелось ее трахнуть. Она была миловидной, снималась на телевидении. К тому же, сблизившись с ней, я смог бы выпросить еще несколько минут эфирного времени. Но она не могла полностью заменить мне Беллу. Она не обладала ни большими деньгами, ни влиянием. Лорн не могла полностью изменить мою жизнь.

Я развлекался в Малибу: плавал в бассейне, снимал порно-видео с Беллой, учился редактировать видеозаписи на специальной аппаратуре. Когда я не ходил на съемки в «Двадцати восьми кадрах», а она не работала в клинике в Brentwude, мы ходили по ресторанам и делали покупки в магазинах. Я уже почти забыл о фотографиях мертвых людей.

Я мог бы назвать это время самым счастливым. Оно могло бы стать таким. Но не стало. Райан все обосрал, все изгадил. Вовсе не деньги за Руди заставили его вернуться в наш мир. Все оказалось гораздо хуже. Даже Белла выглядела немного обеспокоенной.

Как-то раз она приехала в свою клинику, и узнала, что какой-то парень, а это мог быть только Райан, пришел ранним утром и задавал вопросы. Он таскал с собой фото блондинки, и расспрашивал, не видел ли ее кто. И еще навел справки о Белле, является ли она квалифицированным хирургом.

— Они сказали, что он из полиции. Сам так заявил. Думаешь правда?

Белла стояла у окна. Отсюда открывался вид на окрестные места. В свете заходящего солнца ее фигура превратилась в темный силуэт.

— Может немного подрабатывает на стороне? Неудивительно. Но если и так? В том, что ты знала Карен ничего так ведь нет?

— Конечно нет, но я сейчас в шатком положении. Мою работу с бездомными могут не так понять.

— С ней случилось что-то, что привлекло внимание полиции?

– Что ты имеешь ввиду?

Голос Беллы стал резким, на мгновение она прищурилась.

– Ничего особенного. Удивляюсь, как он вообще на тебя вышел.

– Не знаю. И почему он про нее спрашивает тоже не знаю. Она исчезла после операции и больше я о ней не слышала. Я ответила на твой вопрос?

– Я всего лишь спрашиваю... А как насчет еще одного нюанса? Почему он так интересуется твоей квалификацией?

Белла отошла от окна и села в кресло.

– Могу предположить, что он что-то знает о моих операциях. Вопрос в том, что за этим последует, желание еще потребовать еще денег или часть гениального расследования.

– Он себе на уме.

– Мне кажется ты не понимаешь, какой эффект на него произвела. Он хочет тебя, у него же на морде все написано. Он хочет трахать тебя и обладать твоими деньгами. С твоей стороны было безумием вовлекать сюда секс.

– Если он работает в одиночку, это лучшее, что я могла сделать.

– Господи Иисусе...

Белла резко осекла меня.

– Говоришь, он хочет присосаться ко мне. Что ж, хорошо, пусть думает, что у него все получается. Может, я и не знаю о нем всего, но имею представление о том, какой он человек. Секс со мной сделает его моим рабом. Дай мне время, и все его замыслы станут не опасны, у него не будет воли претворить их в жизнь.

Шоссе Пасифик Кост. Я гнал шестьдесят миль в час. Крыша сложена, ветер трепал мои волосы, солнечный свет рассеялся по водной глади океана тысячами сверкающих лепестков. Одежда из хорошей ткани идеально ложилась на мою фигуру и ласкала кожу. Солнце превратило стекло моих часов в сверкающий диск, казалось, они каким-то образом впитывали в себя все калифорнийские мечты и удерживали их на моем запястье. И я видел их все. Деньги в моем кошельке из телячьей кожи, деньги на кредитных картах — я буквально физически ощущал свое финансовое могущество. Я ехал на север только для того, чтобы купаться в роскоши.

Тем утром меня охватило чувство, что нужно успеть насладиться всем именно сейчас, словно это была последняя возможность, прежде чем в жизни снова начнется дерьмовая полоса. Мне хотелось полностью забыться хотя бы на несколько часов.

Моя спортивная машина мчалась по побережью океана. Для полноценного голливудского фильма мне не хватало блондинки. Я хотел, чтобы у меня на капоте появилась камера. Так я бы мог наблюдать за собой, смотреть соответствую ли я тому, чем владею в жизни. Это очень важно. Меня мало кто узнавал, мой заработок пока оставался средним, но «Двадцать восемь кадров» шли поздно ночью, их эфирное время было слишком маленьким, чтобы прославиться хотя бы на уровне «Друзей» или «Мелроуз Плейс». Так что я еще не достиг того уровня, на котором меня признали бы звездой. Рядом с Брюсом Уиллисом и Бредом Питтом я был просто никем. Даже парни вроде Джадда Нелсона находились на миллионы миль впереди меня, их жизни были уже вшиты в большой кусок ткани с названием Голливуд. Их фанаты, агенты, прислуга и продюсеры постоянно напоминали им о том, что они самые лучшие в мире.

Я хотел остановиться где-нибудь и купить небольшую видеокамеру, которую можно будет расположить на приборной доске. Но вдруг сзади ко мне прижался серый «Плимут» с

включенными фарами. У меня сразу выветрились все мысли о видеосъемке.

Бежать смысла не было, он мог настигнуть меня везде, где захотел. Я проехал еще полмили просто, чтобы его позлить, затем припарковался на обзорной площадке, построенной на выступе скалы. Пятьдесят футов над океаном. Я вышел из машины и встал возле ограды с незажженной сигаретой в зубах. Ждал, что будет дальше.

Райан начал выбираться из машины. Полицейский напоминал толстуху, прежде чем поставить ногу на тротуар, он раскачивался из стороны в сторону. Я даже не пытался вглядываться в его лицо, все равно оно не предвещало ничего хорошего.

– О, обожаю море. А ты?

Райан встал рядом со мной, навалился на ограду обеими локтями, и уставился вдаль. Его живот свисал словно мешок с песком.

– Готов поспорить, ты думал обо мне, так ведь? Готов поспорить, ты прокручивал в голове ту сцену, когда я тебе всю жопу обкончал. Честно, признаюсь. Я тогда бурно кончил.

– Да уж.

– Да ты не смущайся. Это же не идет ни в какое сравнение с тем, что тебя заводит, так ведь? Я тебе кое-что в морге оставил.

– Что ты имеешь ввиду?

– Настоящую. Холодная и лежит неподвижно.

Я ничего не ответил. Не мог подобрать слов. От одной мысли о том, чтобы сблизиться... с мертвым телом, весь мир вокруг меня перевернулся. Она вытащила меня из солнечной мечты в темное место похоти и убийств, которое я не мог постичь. Райан ухмыльнулся во все тридцать два зуба.

– Да, это меньшее, что я могу для тебя сделать, если у тебя такие дерьмовые дружки.

– Э?

– Старина Рекси.

У меня все похолодело в животе. Я закурил.

– Ты ведь понимаешь, к чему я веду Джеки-бой?

– Хочешь снова получить деньги за то представление в мотеле.

Райан фыркнул.

– Думал догадаешься. Нет, это связано не с тем нищим ублюдком. Ты ведь знаешь, наркоманам верить нельзя.

– Ладно, говори уже.

– Тебе это не нравится, так? Вот, а мне нравится. Ну хорошо, у Рекса был мой номер. Пару дней назад он им воспользовался. Он хотел мне кое-что продать, и когда я это увидел, то был рад купить. Думаю, ты хорошо знаешь, о чем я.

Я не ответил.

– Нет? Видеозапись, на ней две подружки ублажают друг друга. Всего десять минут, но как возбуждает. Не пытайся придуриваться, Рекс рассказал мне, откуда ее достал. Ты знаешь, что это означает, не так ли?

– Что они знали друг друга, вот и все. Карен была шлюхой, Белла любит секс. Их встреча была вполне возможной.

– Но мы с тобой знаем, что все не так просто. Видеозапись доказывает сексуальную связь между жертвой убийства и женщиной, чей образ жизни, мягко говоря, подозрителен. И ты явно не хотел, чтобы я узнал об этой связи. Почему, Джеки?

– То, что Белла с ней трахалась, не означает, что она ее убила.

– Разрез сделан с хирургической точностью, вскрытие провели профессионально, а теперь еще сексуальная связь. И для меня это неслабо. И ты — еще одно связующее звено между ними. Знаешь, Джеки, тебе следовало бы помогать мне. Совсем не трудно, сделать тебя и эту суку-докторшу соучастниками. Может поэтому ты не хотел, чтобы я узнал о записи.

– Первый раз я встретил Беллу на вечеринке в Бел Эйр, меня туда один пидор взял. И это было через два месяца после убийства Карен. А причина, по которой я не хотел тебе этого сообщать, потому что подумал, что ты начнешь нести пургу вроде той, что рассказал мне сейчас.

– Говоришь, она этого не делала?

– Конечно нет. Она любила Карен.

Райан оценивающе посмотрел на меня.

– Я знаю об операциях.

– Операциях?

– Не прикидывайся дурачком, я не хочу выходить из себя в такой чудесный день. Когда я увидел запись, то решил более тщательно проверить все твои действия после смерти Карен. Помнишь бар на улице Пико? Оформленный в египетском стиле? После которого ты решил, что это забавно, оторваться от меня и попытаться скрыться. Я вернулся в бар и поговорил с парнем по имени Джой. Ты ведь думал, что знаешь Лос-Анджелес.

Райан рассмеялся и покачал головой.

– И от этого Джоя мы узнаем, что он продал одну из своих почек в тайной клинике. Жаль, конечно, но доктор нервничал, скрывался за маской и халатом, судя по всему, много знал. Но у нас есть пара зацепок: Джой уверен, что это была женщина. Как тебе такая зацепка? Прямо как Белла. И еще ее халат был свободным, и в нем оказалась маленькая прорезь, через нее Джой разглядел татуировку, что-то черное.

– Херня. Ты все выдумываешь.

– И с чего ты взял, Джеки?

– Он ничего не знал про татуировку.

– Если он тебе не сказал, не значит, что он не знал. Тебе следует научиться быть более настойчивым, парень. Я понимаю, что разочарую тебя, но думаешь, я не заметил кое-что у Беллы на спине, когда ты ее трахал в тот день? Что это было?

– Подловил.

– Ты говоришь, что трахался с ней все это время, и ничего там не увидел? Я ведь выясню рано или поздно. И тогда тебе будет хуже.

– Хорошо, у нее там татуировка, и что?

– Я не успел толком разглядеть, опиши подробнее.

– Не знаю, жук или что-то вроде того.

– Египетский жук, так ведь? Такой же, как у Карен?

Райан расхохотался, судя по низкому утробному хихиканью, он был очень доволен собой. Через некоторое время он успокоился.

– Хорошо Джеки... Вот как я это вижу. Готов? Отлично. Ты говорил, что сначала Карен отсутствовала пару недель, достаточно для проведения операции на почку. Потом она открыла для себя способ зарабатывать больше денег, чем на панели — черт, да она тебе тачку купила. Еще эта сцена с Беллой на записи и все сложилось в единую картину. Белла доктор, она трахалась с Карен. Карен захотела еще бабла. А Белла знала способ... Ну как, у меня

получается?

– Ты гребанный псих.

– Надейся, что это не так. Единственное, что свидетельствует о том, что ты не замешан, так это рассказ Джоя. Он сказал, ты его допросил. Видишь ли, эти твои вопросы о почках свидетельствуют о том, что ты искал убийцу. И готов ли ты теперь поговорить начистоту?

– Хорошо, хорошо... Карен продала почку, это правда. Когда она вернулась ко мне, ей уже сделали операцию — именно поэтому мы поссорились, тогда я ее видел в последний раз. И Белла проводила операцию, но она не убивала ее.

– Уже лучше.

– Это не значит, что она убила ее, Райан.

– Но возможно к этому пришло. Карен занималась сексом с Беллой, Белла при деньгах, возможно, после вашей ссоры ее аппетиты росли. Черт, когда речь шла о деньгах, она последний стыд теряла. Может, она получила за почку меньше, чем могла бы. А у Беллы на сей счет имелось другое мнение.

– Белла пытается помогать людям. Сама платит за почки и жертвует их в больницы в качестве благотворительности. Она похожа на того, кто способен убить?

– Чем бы она ни занималась, это не помощь людям. Я пробил по ней информацию, Джеки. Она не хирург. Хорошо, она доктор, но у нее столько же права проводить такие операции, как у тебя или меня. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Что она умная?

– Она гребаная психопатка. Ей нравится резать людей. И я легко могу представить, что как-то раз она зашла чуть дальше обычного.

– Этого не может быть. Она не проводит операции сама, ей помогает отец, а он хирург.

– Был хирургом. Это ничего не значит. Операцию провели до смерти Карен, ты сам сказал.

– А что насчет спермы? Белле было бы довольно трудно ее достать.

– Сперма может ничего и не значить. Кто-нибудь мог накончать в труп, после того, как его выбросили. Да миллионы объяснений можно придумать. Это не выводит ее из-под подозрения.

– Но может указывать на то, что замешан кто-то другой.

– Готов поспорить, у тебя есть предположение.

– Ее отец.

– Не нравится мне такое предположение.

– Что значит «не нравится»? Он наркоман.

– Уже пятьдесят лет как нельзя повесить убийство на того, кто любит расслабиться чем-то посильнее алкоголя. Не пытайся все упростить, Джеки.

– Он уже давно занимается с Беллой сексом. Я тебе говорю, он запросто мог убить Карен из ревности. Он потрошит собак, когда злится. Я сам видел, как он это делает, причем в той же манере, в какой выпотрошили Карен.

– У меня есть только то, что Белла делает нелегальные операции — об этом, кстати, я узнал от тебя, так как Джой не видел, кто его оперировал. У меня есть информация о схожих татуировках, у меня есть запись, где они доставляют друг другу девичьи радости. И, конечно, извини, Джеки, но у тебя имеется то, что мы зовем личной заинтересованностью.

– Но если он ее сообщник в продаже почек, то он запросто мог это сделать.

– Не он остановил сердце парню в мотеле.

Райан оттолкнулся локтями от ограды и пошел к своей машине.

– Пойдем, у меня для тебя подарок. Когда я встретил тебя, все в моей жизни стало налаживаться. Должен же я хоть как-то выразить свою благодарность.

Я не пошел за ним сразу. Я смотрел на то, как чайки кружат над океаном и думал о Лорн. Все, чего я хотел, так это оказаться с ней на большой кровати, в комнате наполненной солнечным светом, когда весь остальной мир остался снаружи и слышен только ласковый шепот прикосновения нашей кожи. Эти мысли помогли мне заглушить мерзости, что нашептывал мне Райан.

– Поверь, Джеки, ты не захочешь это пропустить.

Но я понимал, что не могу ему отказать.

Солнце, вода, голубое небо, все превратилось в пыль, мы ехали в Санта-Монику. Я следовал за «Плимутом» Райана на юг по шоссе Пасифик Кост и молил бога о том, чтобы этот ублюдок врезался в грузовик.

Улица Евклида. Воспоминания о Карен, лежавшей в металлическом коробе. Казалось, это было давным-давно, слишком событий произошло с тех пор.

Когда мы приехали, солнце еще только поднималось, понурые пальмы отбрасывали длинные диагональные тени на дорожном асфальте. Мы вошли также, как и в прошлый раз, через боковой пандус. Фронт-офис был заперт. Райан вел себя так, словно играл в Санта-Клауса.

Хранилище трупов, совсем не изменилось — тот же свет флуоресцентных ламп, те же шипящие трубы системы охлаждения, тот же бормочущий телевизор в комнате сотрудников. Время было не властно над этим местом, здесь никогда не менялись температура, воздух всегда оставался прохладным, сколько бы дней не минуло там, снаружи.

Райан свистнул, к нам встречу, еле волоча ноги, вышел японец. Он обрадовался, увидев Райана.

– Приготовил ее? Мой друг уже в предвкушении.

– Конечно. Она уже готова, там в укромном месте. И-ей двадцать пять, очень милая. Сиськи большие, но вот на пизде волос многовато. Я бы ее сначала побрил, но вы, западные парни, наверное, по-другому к этому относитесь. Окочение прошло. Миленький и чистый ротик, можете поцеловать, если хотите.

Райан протянул ему большую пачку денег, японец в ответ дал ему ключ и ушел посмотреть телевизор, на ходу разворачивая шоколадный батончик.

– Уходим, Джеки, тут скоро движуха начнется. Скоро час пик, все повалят сюда.

Он вывел меня из хранилища трупов, мы проследовали в другую часть здания. Там находилась квадратная бетонная конструкция, судя по всему, ее пристроили к основному блоку гораздо позже.

– В старину здесь отдельно хранили тела черных. Боже благослови, либеральные времена, да?

Райан открыл ключом стальную дверь, она уже проржавела по углам. Райан толкнул ее и вошел внутрь. Окна в помещении отсутствовали, но свет горел. Здесь не было флуоресцентных ламп, с потолка на пыльных шнурах свисали экономные лампочки, их охровый свет заливал центр комнаты. В одной из стен виднелись двери морозильных камер, такие же, как и в главном помещении, только здесь их было значительно меньше. На остальных стенах из-под облупившейся зеленой краски проглядывала белая штукатурка. В

одном из углов лежала кучка мусора — старые железные банки, кусок брезента, несколько частей какого-то механизма, похожего на деталь холодильника. Похоже, здесь сотрудники морга складывали всякое барахло, которое им было лень выкинуть. Но сегодня это помещение используют совсем для другой цели. Райан запер дверь.

На каталке лежало нечто тяжелое и неподвижное, накрытое белой простыней.

— Она вся твоя, Джеки. Что скажешь?

Эффектно, словно иллюзионист на сцене, Райан сорвал простыню. Большие сиськи, много волос на пизде. Бесспорно, она осталась красивой даже после смерти. Если считать Карен и девушку, убитую отбойным молотком, это был уже третий труп, увиденный мной живую. То ли из-за сходства с фотографиями, которые мне давал Райан, то ли из-за того, что уже доводилось видеть мертвых, я отреагировал совсем не так, как в сотне фильмов. Нисколько не тошнило. Меня охватило такое же чувство, как Райана, когда он гладил пизденку Карен — мне захотелось коснуться этой девушки, узнать, каково ее тело на ощупь, провести рукой по ее бедрам и животику. Я знал, ее кожа гораздо более гладкая, чем у всех женщин, с которыми мне доводилось быть. Мой член уже стоял как каменный.

— Взгляни на эту бородку, давай посмотрим, что там в середине.

Райан раздвинул ноги женщины. Одна из них свесилась с каталки, и на несколько секунд застыла в воздухе, напоминая резиновый полукруг. Ее бедра дернулись.

— Вау, смотри сюда. Она хочет, Джеки. Сучка мертвая, но все еще хочет трахаться.

Среди густых черных волос я разглядел кусочек плоти в форме слезы, на фоне кожи его цвет напоминал кусок говядины. Мне стало интересно, мокрая ли она внутри. От влагалища пахло, но совсем не рыбой. Скорее дешевым мылом.

Райан раскрыл пизду большими пальцами рук, на вид она была сухой. Я плюнул на средний палец и засунул его прямо туда. Палец вошел довольно туго, но куда больше меня поразило, насколько она оказалась холодная и искусственная на ощупь. Словно кукла, которая никогда не была живой. Внутри влагалища виднелись рубцы.

— Я купил ее специально для тебя, Джеки.

— Ты решил, что я стану ее трахать?

— Именно этого ты и хочешь. Могу сам ее трахнуть после того, как ты ей дырку растянешь.

Я вытащил палец из дыры мертвой девушки. Прежде чем я успел его вытереть, Райан схватил меня за руку и ткнул им в нос.

— Чувствуешь, чем пахнет? Знаешь, что это? Это запах того, что внутри тебя, парень. Все что ты хотел бы сделать, но не делаешь. Не потому, что считаешь это чем-то плохим и злым, а потому что боишься, что тебя поймают.

— Ты понятия не имеешь, что у меня внутри.

— О, вот тут ты ошибаешься. Я много лет наблюдаю за людьми. Я видел, чего они хотят, ты тут от других ничем не отличаешься. Все одинаковые, только кто-то больше боится попасться, кто-то меньше. Я знаю, что ты этого хочешь, так что перестань трусить. У тебя штаны вот-вот порвутся.

Райан был прав. Я хотел трахнуть мертвую женщину. Я хотел залезть на это тело, и неистово трахать ее, заполнить спермой ее мертвую дырень. И я начал. Здесь меня ничто не сдерживало. Возможно, Райан специально подстроил все это, чтобы добыть новый материал для компромата, возможно кто-то уже ждал за дверью, чтобы в удобный момент высадить ее и застукать меня на месте преступления — но мне было наплевать. Тусклый свет ламп еще

больше распалил мое желание, я хотел реализовать все увиденное на тех фото.

Я подошел к ее голове и заглянул в лицо — белое, как и все остальное. Ее брови и ресницы сильно выделялись на фоне тела, их словно нарисовали. Глаза девушки были закрыты, а рот немного приоткрыт, я даже разглядел блеск ее зубов. Я поцеловал ее. Ее губы стукнулись в мои, они не раскрылись. Они застыли на месте, как я ни пытался их раздвинуть. Я просунул язык ей в рот, постарался нащупать ее язык, но он слишком глубоко провалился в горло. Я не смог его достать. Зубы мертвой девушки были твердыми и острыми, словно куски камня или обломки костей. Я ударился своими зубами о ее. Голова девушки казалась твердой, словно ее сделали из цемента.

Я убрал голову от ее лица и принялся мять груди. Они вяло переваливались в моих руках, словно мешки с холодным мясом. Меня посетила странная мысль — я мог сжать с какой угодно силой, и никто не станет возражать. Она не закричит, и Райан не попытается меня остановить. Но я не стал этого делать, не хотелось терять время. Мне еще надо было ей засадить.

Каталка оказалась слишком высокой и узкой, чтобы на ней трахаться, поэтому мы с Райаном спустили девушку вниз. Но сначала я достал брезент из кучи мусора и расстелил на полу, чтобы куски гравия не впивались ей в спину. Закончив приготовления, я разделся — мне хотелось полного контакта. Райан провел рукой по моей заднице, затем сел на каталку и выпил таблетку нитроглицерина.

Я лег на нее. На ощупь девушка казалась плотной и округлой, предметом, с которого можно упасть по неаккуратности. Я навалился всем весом на ее грудь, из легких трупа вышел воздух, он вонял, как мусорная куча. Когда мы опустили девушку вниз, ее половые губы снова сомкнулись, мне пришлось хорошенько смочить член слюной, прежде чем он смог войти хотя бы на пару дюймов. Все оказалось не так уж и трудно, только ее таз находился не под тем углом, пришлось просунуть руки ей под колени и прижать ноги к грудям.

От моих фрикций голова девушки моталась, вправо-влево. Из-за открытого рта создавалось впечатление, что она тащится от секса, но единственный звук, который она издавала это бульканье, словно что-то застряло у нее глубоко в глотке. Ее мертвая пизда никак не реагировала, она не раскрывалась, но и не сжималась от моих толчков. Она оставалась неподвижной, как нечто забытое и давно отработанное. Ощущения были такие, словно суешь в трубчатый хрящ.

Я держал ее крепко, как только мог, пытался сосредоточиться на ощущениях: почувствовать холод ее бедер своей грудной клеткой, почувствовать ее животик и груди, застоявшийся запах лака для волос, вкус ее шеи, в районе плеч напоминавший вкус мыла. Мой член тонул в мертвой плоти. Мне хотелось войти в нее целиком, чтобы никогда не забывать этих ощущений.

Через некоторое время Райан слез с каталки и принялся драть над ее лицом. Он кончил довольно быстро. Я внимательно смотрел, как густая сперма стекла ей в горло. Когда, в свою очередь, кончил я, по ее щеке потекла шипящая белая жидкость. Сначала я подумал, что трахал ее слишком энергично и что-то повредил внутри. Мне показалось, что мертвая девушка вот-вот начнет кашлять, как спасенная утопавшая, но это просто вышли газы, спровоцированные моими толчками. Вскоре девушка снова лежала неподвижно, как и положено мертвецу.

Я оделся и встал возле нее, думая, что же делать теперь.

– Ей понравилось, Джеки. Гляди, она улыбается. Сука ебаная. Бери ноги.

Мы положили тело обратно на каталку, Райан подкатил ее к белой раковине, расположенной в дальнем углу комнаты. К крану с холодной водой был подсоединен шланг. Райан размотал его и протянул мне. Я понятия не имел, чего он задумал, но мне уже было наплевать. После секса с трупом я находился в состоянии близком к трансу.

– Мне хватило, Райан.

– Сначала нужно ее подмыть. Втыкай шланг ей в пизду.

Райан включил кран, обошел каталку и забрал у меня шланг. Он накачивал труп водой, пока она бурными потоками не потекла с каталки на пол. Это напомнило мне вечеринку с Рексом, там, в домике среди холмов. Я вспомнил женщину в маске, привязанную ремнями, и то, как вода вытекала из ее задницы.

Райан вытащил из пизды шланг и закрыл кран.

– Отлично. Вставай на каталку и подними сучку.

– Э?

– Подними ее, чтобы труп принял стоячее положение. Нужно, чтобы из нее вся вода вытекла.

– Да ну ее нахуй. Давай просто уйдем.

– Это часть сделки.

– Боже...

Я понимал, чем быстрее сделаю, что он хочет, тем быстрее отсюда выберусь. Я залез на каталку и подхватил труп за подмышки. Я поднял девушку, а Райан сбросил ее ноги с каталки. Я чуть не уронил девушку, но Райан вовремя подскочил и схватил ее за талию. Ее ноги подкосились на мокром полу, но мы держали ее в вертикальном положении, из ее щели текла вода. Райан растянул ее пальцами, чтобы быстрее вытекло.

– Смотри, Джеки, она делает пись-пись.

Когда пизда мертвой опустела, Райан снова включил кран и полил ее лицо. Вода попадала ей в глотку с таким звуком, словно девушка полоскала рот. Мы перевернули ее и положили обратно на каталку, чтобы высохла. Что-то мешало воде выйти из ее рта, Райан сел на труп, и вся жидкость вытекла. Вместе с ней вылезли сгнившие остатки еды.

Глава двадцать восьмая

Выйдя из морга, мы с Райаном сразу разошлись. Секс с мертвой девушкой оставил после себя чувство легкости и расслабленности, мне не хотелось сразу возвращаться в Малибу. Сначала я подумал заглянуть к Рексу, посмотреть ему в лицо и круто поговорить насчет видеозаписи, но это уже не имело никакого смысла. Разборка с ним не сотрет память Райану. Поэтому я направился к океану и припарковался на Оушн-Авеню, неподалеку от того места, где нашли Карен.

Солнце уже коснулось краешком горизонта, оно заливало океан своим оранжевым светом и превращало пальмы в черые силуэты, такая картина идеально бы смотрелась на туристических фотографиях. Оушн-Авеню нисколько не изменилась. Бомжи, шатаясь, как пьяные, бродили повсюду и занимались всякой ерундой. В кустах, где люди почти не ходят, валялись их картонные коробки.

Я позвонил Белле, сказал ей, что еду обратно, нахожу придумав глупое оправдание, где

так долго пропадаю. Она приехала домой из клиники в Brentwood, но уже скоро собиралась уезжать — Пауэлл нашел нового донора. У нее не было времени на долгие разговоры, она сказала, что увидимся завтра. Мы «чмокнули» друг друга по телефону и одновременно нажали «отбой».

Я сел в «Мустанг», чтобы спокойно все обдумать. Я надеялся, что после того, как Пауэлл привел меня в их тайную лабораторию и показал операцию на почки, Белла временно прекратила с ним контакты, но все оказалось иначе. Очевидно, соблазн воспользоваться еще одним донором оказался так силен, что она смогла его простить, хотя бы на время. Но почему? Желание подарить почку еще одному несчастному из Лос-Анджелеса никак не могло заглушить ту злобу, которую Белла продемонстрировала тогда на Абрикосовой Аллее. Я что-то упустил. А тут еще и Райан пытается связать Беллу с убийством Карен, все складывалось совсем не хорошо. Я решил, что если выясню заранее то, чего не знает Райан, то у меня будет шанс защитить Беллу.

После секса с мертвой девушкой я почувствовал сильную усталость. Мне хотелось поехать домой в Уиллоу Глен и лечь спать. Вместо этого я повел «Мустанг» вверх по шоссе, к Бульвару Уилшира, купил полграмма кокса в Западном Л.А., и остановился в «Тако Белл», желая убить время да пополнить «Кока-Колой» уровень сахара в крови. Я предположил, что Белла пробудет на Абрикосовой Аллее еще очень долго, поэтому решил направиться туда сам. По дороге я включил радио, там шла передача, посвященная знаменитым парам Лос-Анджелеса.

Кейт Мосс и Джонни Деппа видели на Голливудском Бульваре, они выглядели счастливыми и умиротворенными. Лиза Ринна все ждала, когда ее нареченный наконец сделает предложение или уйдет восвояси. Бред Питт и Гвинет Пэлтроу были красивой светловолосой парочкой и уже вот-вот собирались пожениться. Синди Кроуфорд и ее бойфренд-бармен совсем недавно купили дом. Сильвестр Сталлоне и Дженнифер Флавин, Арнольд и Мария... все больше прекрасных людей дарили друг другу прекрасное. Мне стало грустно от того, что я не один из них. Да, я появлялся на экране в «Двадцати восьми кадрах», но мне предстоял еще долгий путь, прежде чем меня начнут узнавать.

Я припарковался на Сан-Исдро, чтобы Белла с Пауэллом не услышали урчание мотора. Я поднял раскладную крышу, и занюхал немного кокса. Я достал из багажника монтировку, затем осторожно пошел по Абрикосовой Аллее. Здесь, на высотах Каньона уличные фонари не попадались, но темнота была мне только на руку. Дойдя до конца, я перелез через забор. Затем я приподнял дверь гаража и перекатом пролез под нею. Внутри стояли «Ягуар» Пауэлла и «БМВ» Беллы.

Стальная дверь, ведущая в подвал, оказалось очень тяжело открыть, особенно сейчас, когда я старался не шуметь. Но, в конце концов, я справился с ней, и пошел по коридору. Было не трудно запомнить, где находится смотровая комната — единственная дверь без замка. Я включил свет и тихо юркнул в нее.

Тот же яркий свет, идущий от одностороннего стекла. На операционном столе лежало тело: худощавый белый мужчина. С одной стороны, за его головой сидел Пауэлл, готовил анестезию. А в середине трудилась Белла.

На этот раз все проходило по-другому. Сначала Белла двигалась быстро и осторожно, как и ранее, но по мере продвижения операции, стала больше демонстрировать своего рода чувственность. Я заметил это и в прошлый раз, но теперь Белла абсолютно не сдерживала себя. Она терлась бедрами о край медицинского стола. Когда она резала тело, ее пизда

плотно прижималась к нержавеющей стали. И, хотя это было трудно разглядеть из-за халата, я был уверен, что она почти все время сильно сжимала бедра. Пару раз Белла запрокидывала голову, и я буквально нутром слышал ее стон.

Пауэлл словно присел подрочить. Я толком не мог разглядеть, угол стола закрывал весь обзор, но когда он не возился с газовыми баллонами, его рука гуляла вверх-вниз между ног. Но в отличие от Беллы, его возбуждало не вскрытое брюхо донора, а сам экстаз дочери.

Через час Белла вытащила на свет почку. Она положила ее на грудь мужчины, а сама продолжила копаться у него внутри. После Белла срезала с почки оставшиеся лоскуты мембраны. Я ждал, когда она положит почку в контейнер и уберет в холодильник, как она делала в прошлый раз. Но все пошло по-другому.

Белла отошла от стола, сняла маску и начала пристально осматривать вырезанный орган. Судя по всему, она не искала что-то конкретное, просто старалась как можно пристальнее изучить почку. Поверхность органа блестела в свете ламп, я видел изысканный узор из вен пронизывающий бледные ткани. В руке Беллы почка казалась маленьким гибким мешочком, который может легко выскользнуть из руки, стоит его сильно сжать.

Белла задрала халат и повернулась задницей к операционному столу. Она была совершенно голой. Волосы на ее пизде чернели углем на фоне галогенового света, отражаемого бледной кожей. Около минуты она играла с почкой: терла ею живот, внутреннюю сторону бедер, оставляя на теле кровавые мазки. Но потом дело приняло серьезный оборот, Белла раздвинула свои половые губы и принялась тереть почкой обнажившуюся плоть. Колени женщины дрожали, я услышал утробный стон из самых глубин ее глотки.

Пауэлл подкатился к ней на стуле с другого конца стола, отсюда он видел все. Старик яростно надрачивал свой бледный длинный член. Но все происходящее в операционной не было совместным действием. Белла занималась только собой, она наслаждалась и зрелищем, и ощущением, как розовый человеческий орган скользил между ее половых губ и по клитору. Она прижимала почку все плотнее, кровь текла между ее пальцев и капала с запястья на пол.

Вскоре Белла задрожала так сильно, что уже не могла стоять. Она легла на пол и плотно прижала колени к груди. Я смотрел ей прямо в пизду. От почки стали отделяться ткани, потекла кровь, орган напоминал раскрывшуюся рану. Стоны Беллы стали все продолжительнее, ее рука двигалась так быстро, что размывалась.

В конце Белла пронзительно закричала и размаху засунула почку во влагалище. Пауэлл встал, дернулся, и его сперма полилась на пол. Кончив, он рухнул обратно на стул. Старик сидел и смотрел на Беллу таким взглядом, словно хотел подойти и помочь ей встать, но понимал, что она ему этого не позволит. Белла лежала на том же месте, она шумно дышала с закрытыми глазами. Ее рука гладила внешнюю часть влагалища, и короткий изгиб почки, что торчал оттуда. Где-то полминуты ничего не происходило, затем Пауэлл проверил парочку измерительных приборов и что-то сказал. Белла вздрогнула и осмотрелась вокруг, словно не понимала, где находится. Затем медленно встала на ноги. Какое-то время Белла стояла, склонив голову над вскрытым животом донора, опираясь на край стола. Почка выпала из ее пизды и шлепнулась на пол. Белла уставилась на нее и смотрела до тех пор, пока Пауэлл снова ей что-то не сказал. Белла встряхнула плечами, надела чистую пару перчаток и начала зашивать донора.

Я вышел из комнаты наблюдения. Потом из клиники. И вернулся к «Мустангу». Я даже не заметил, что наступила ночь, все мои мысли были заняты недавним зрелищем.

История, которую Белла наплела мне, про лечение бездомных и малоимущих людей, ждущих доноров была отнюдь неплоха. Хотя операции и проводились нелегально. Особенно учитывая подозрения в убийстве. Но теперь все стало ясно, меня водили за нос. Разрезанный «донор» и засунутая в пизду почка не оставили от филантропической версии камня на камне — никто не станет использовать органы после того, как они в ее пизде побывали. А если учесть нелегальность операций и выходки Пауэлла с собаками, то подозрение усиливалось многократно. Неудивительно, что мистер Страх делает все возможное, чтобы разнюхать как можно больше о том, что творится в Малибу.

Мне совершенно не хотелось ехать ни в Уиллоу Глен, ни в Малибу, поэтому я решил навестить Рекса, как и планировал. Злость на то, что он продал Райану запись, уже сошла на нет, но мне все равно хотелось встретиться с ним лицом к лицу. Я повернул ключ зажигания, вскоре мимо моих окон пролетал весь Лос-Анджелес. Свет города отражался от пышных деревьев, казалось, даже молекулы воздуха пропитались ненасытными желаниями Лос-Анджелеса, и теперь сами несли их свет.

Рекс открыл дверь, он был явно не в себе. Увидев его стеклянные глаза и поникшее лицо, я понял, что мне нечего здесь делать. Мои слова не смогут ни вернуть его дружбу, ни заставить его перестать принимать наркотики. Он не мог остановиться на пути полного саморазрушения, который выбрал сам.

Я хотел пристыдить его, заставить понять, какую боль он причинил мне, продав Райану видеозапись. Но никакие нотации и обвинения не смогут пробиться сквозь пелену дурмана и отвращения, что окутали его разум. Но я все равно стоял здесь, ведь если я даже не попытаюсь, поездка пройдет впустую.

Пару секунд Рекс смотрел на меня пустым взглядом, затем ушел в гостиную и растянулся там на том, что осталось от дивана.

— Так и думал, что ты через какое-то время приедешь. Оставь свое нытье при себе и убирайся.

— А ты не подумал, что я имею на это право?

— Тебе следовало заплатить мне больше.

— Ты отдал Райану запись, это могло испортить мне всю жизнь.

— Не отдал, а продал.

— Да знаю, но почему?

— Нужны были деньги.

— Ты ее сначала сам посмотрел?

— Нет.

— Почему мне не позвонил? Я бы дал тебе денег. Боже, мы же дружили.

— Не выношу, как ты на меня смотришь. Думаешь, я простой уебок, но это не так. То, как я живу единственный адекватный ответ жизни в этом городе. Ты слишком зациклился на своей телехерне, чтобы увидеть это.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Но я понимал, Рекс меня толком не видел.

— Вышибить бы из тебя все дерьмо.

— Я даже не почувствую. Но если так хочешь ощутить себя важной птицей, подкинь немного денег. То, что на них можно купить, я почувствую.

Некоторое время я стоял и думал, как поступить. В конце концов, я сдался, с него нечего было взять. В такой ситуации, ни слова, ни насилие не принесли бы никакого

эффекта.

Перед уходом я бросил ему на колени пачку банкнот. Сам не знаю почему. Может, просто потому, что мог. А может, надеялся пристыдить его таким образом. Я не знаю.

Глава двадцать девятая

Малибу. Я не спал. Комната с двустворчатыми окнами пропахла сигаретным дымом и остывшим крепким кофе. Небо было ярко синее — первый прохладный день на склонах холмов, стоявших над океаном — все вокруг выглядит таким свежим. Сегодня меня звали на съемки, но я соврал, что приболел. Лорн вполне могла справиться одна, хотя и снижало мою полезность для работы канала. Что ж, неплохая цена за неотложный разговор с Беллой о сексе с почками и последним открытием Райана.

Белла приехала в полдень. Я сидел среди сигаретного пепла и смотрел телевизор, который притащил откуда-то из другой части дома. Если ее это и удивило, то она не подала виду. Похоже, Белла вполне ожидала увидеть меня здесь. Она села рядом со мной на диван, мы сидели, соприкасаясь бедрами, ее великолепные белые ноги из-под черной юбки.

— Ты был там прошлой ночью. Видел, что я делала.

— Извини за дверь.

— Почему не подождал меня? Наверняка у тебя были вопросы.

— Я не хотел задавать их при Пауэлле. Где он?

— Ищет пополнение. Простой ночью при помощи донора он пытался восстановить наши отношения. Не волнуйся, у него ничего не получилось.

— Твоя история о пожертвовании почек больницам была ложью.

— Ты удивился?

— Я думаю, о каких своих поступках ты еще не рассказывала.

— Что ты имеешь в виду?

Белла выглядела шокированной.

— Я не монстр и не серийный убийца. Ты все сам видел прошлой ночью.

— Ты сказала, что не имеешь квалификации хирурга. Еще одна ложь, считая почки.

— Пауэлл может быть хорошим учителем, если его хорошенько заставить. Их жизни ничто не угрожало. Но наверняка ты хочешь знать почему.

— Было бы здорово.

— Мне нравится это. Нравится. Когда я извлекаю чью-нибудь почку, я меняю людей безвозвратно. Психологически это гораздо глубже, чем простое изнасилование. Это настоящее проявление воли — идти против закона, против всего, чему нас учили, и при этом не причинять вреда другим людям. Это проверка. Проверка навыков. Проверка мужества. Я словно беру в руки факел и свечу им в самые темные уголки души. У всех есть потаенные мысли: пытки, убийства. Но большинство подавляет их. Или считает временным помутнением рассудка. Люди отделяют такие мысли от своей личности. Но мы это и есть наши мысли, Джек, принимаем мы их или нет, и самые сильные из них мы стараемся прятать. Я нашла безопасный способ их реализации, только и всего.

— Звучит разумно.

— Но не убедительно?

– То, что я увидел, было слишком примитивно для таких описаний.

– Хорошо. Я сказала правду, но если хочешь услышать тоже самое, но по-другому: я делаю это потому, что, блядь, не могу без этого. Кто-то предпочитает золотой дождь, порку, связывание или животных. А я люблю вырезать почки и трахать себя ими. Меня это заводит. Вот что главное. Я понятно объяснила?

– Райан знает об операциях.

Произнося свои тирады, Белла говорила все быстрее, но эта новость заставила ее сбавить обороты. Теперь она ей словно стала плохо. Она заговорила гораздо тише.

– Не то, что ты делаешь с почками, но о донорах. Вчера он остановил меня на дороге и все рассказал.

Теперь голос Беллы звучал еле слышно.

– Как он вообще мог о них узнать?

– Нашел парня, которого ты оперировала. Владельца бара, вроде. Возможно, он тебя и опознал. Райан без труда сможет достать твое фото.

– Я не открываю лица перед донорами.

– Ты открывала лицо той девке, Карен. Если она живет где-то поблизости, он сможет выбить информацию из нее. Она знает тебя в лицо, знает, где ты живешь. Думаешь, она не заговорит?

Произносил свою речь, я пристально следил за Беллой. Но она отреагировала так, словно считала, будто Карен жива.

– Нет. Если она и потратила все свои деньги, то может попытаться добыть еще, продавая информацию. Только она продаст ее мне, она знает, что я дам ей все, чего она только пожелает.

Белла закрыла лицо руками и какое-то время сидела молча. Потом она подняла голову и пристально посмотрела на меня. Ее глаза блестели, она сильно волновалась, но старалась этого не показывать.

– Почему он сказал именно тебе? Про операции. Почему раскрыл перед тобой свой замысел? Должно быть, он знал, что ты мне расскажешь.

– Конечно.

– Он хочет снова шантажировать меня. Вот и все. Слава богу...

– Ты этому рада?

– Если альтернативой является тюрьма, то да.

– На этот раз он потребует больше пятидесяти тысяч.

– Чем больше он требует, тем больше топит себя. Но я все же не понимаю, как он узнал про операции.

Белла легла на подушку и уставилась в потолок. Я закурил, в голове крутилась лишь одна мысль, как скоро эта женщина меня раскусит.

На следующий день мы с Лорн закончили работу над съемками дорогой клиники, где делали имплантанты для членов, и, конечно, ее самых знаменитых клиентах. В перерывах между съемками я постоянно со всеми ругался, и вообще чувствовал себя не лучшим образом. Мне нужно было сходить в бар и хорошенько выпить, пока я не найду чего-нибудь более эффективного. Лорн велела мне забыть об этом, сказала, что у нее дома есть Либриум — в квартире на Мэлроуз.

В конце дня убивали время водкой и таблетками. Потом первый раз потрахались в ванной, я сам вошел туда, пока Лорн ссала. А после продолжили в ее постели. Стены

квартиры были увешаны вырезками и коллажами из журналов, их приклеили очень близко друг другу, не оставив ни одного свободного места — и все посвящены звездам Голливуда возрастом до тридцати пяти лет. Я словно заглянул внутрь своей головы.

Соглашусь, несмотря на покровительство Беллы, шпилить ведущую телепрограммы, в которой я сам работаю, было неосторожно, даже глупо. Но что я могу сказать? День выдался жаркий. Я вымотался, к тому же я хотел трахнуть ее с тех самых пор, как встретил.

Мы все больше сближались с Лорн, в конце концов, у нас было много общего. Нам обоим повезло работать на телевидении, и мы оба считали это единственным миром, где стоит жить. Тот секс получился во многом благодаря скуке и обилию веществ в крови, но в то же время какие-то части наших личностей нашли друг друга.

Глава тридцатая

Мы с Беллой спустились вниз. Еда, приготовленная невидимыми руками, уже ожидала нас. Ей подали рыбу в соусе с зеленью и недоваренными овощами, а мне стейк и бутылку вина. Сумерки затянулись, горели свечи. Стол стоял на плитке между домом и бассейном. Хорошо освещенные белые колонны и вода навевали мысли о сериале с Джеки Коллинсом, посвященным Европе. Может Рим или Монте-Карло. Мы сидели и радостно мурлыкали с своим.

Пока из-за угла не появился шатающийся Райан. Он подтащил стул и налил себе выпивку.

— Не пытайся изображать удивление. Красотка. Ты же знала, что я еще к тебе приду. Есть чего другое? Не люблю вино.

— Тебе бы завязать с выпивкой.

— Очень мило, что ты обо мне заботишься, но побереги свои докторские штучки для неудачников, которые даже не знают, что лишаются почек.

— Джек сказал мне, что у тебя крайне интересное обо мне мнение.

— Никакого мнения. Ты проводишь нелегальные операции. И из сложившейся ситуации есть два выхода.

— У тебя есть видеозапись?

— У меня есть свидетель.

Белла рассмеялась.

— Может, он не видел твоего лица, но это не значит, что он не подметил другие важные детали. По крайней мере для меня. Как насчет египетского жучка? Который на твоей красивой спинке в районе талии?

— Насчет татуировки — ее мог сделать любой, кто мог себе это позволить.

— Не хочу тебе льстить, но мало у кого такое тело. Уверен, свидетель без труда тебя опознает, если тебя перед ним раздеть. Судя по его словам, выглядела ты превосходно. А ведь еще есть парень, который его подобрал. У него специфические седые волосы, определить труда не составит. Я проверил старые газетенки, там была статья про твоих родителей, они в автокатастрофу попали. Твой папаша уже тогда был седым. К тому же, на нем не было маски, когда он уговаривал моего друга продать почку. У тебя есть черный «Ягуар», зарегистрированный на твое имя?

— Нет.

– А как насчет твоего папочки?

– Нет.

– Вот именно. Я уже проверил. Но, готов поспорить, отыскать машину труда не составит. Может она сейчас здесь, в твоём гараже.

– Иди посмотри.

– У меня нет в этом необходимости, не так ли? Вы уже в курсе, как много я знаю. Значит, план следующий...

Такого мы не ожидали. Ему были нужны не только деньги, все оказалось гораздо хуже. Помимо миллиона баксов, он хотел жить здесь, в Малибу. С нами.

– Не навсегда, конечно. Так, пару месяцев. Черт, да ведь это место вообще огромное, мы будем жить каждый в своём уголке. Разве не здорово? Разойдемся все по своим местам. Что скажете?

– Зачем тебе это? – спросила Белла холодным голосом.

– Ну смотри, когда ты дашь мне миллион, я же не могу пойти и потратить его просто так? Только не пятидесятилетний коп. Люди ведь начнут шептаться. Но вместе с тобой я могу пойти в любое место, и все решат, что мне просто повезло с членом.

– Тебе не нужно для этого тут жить.

– Но это же будет так мило. Видишь ли, я хочу того же, чего и старина Джеки — жить красивой жизнью богатых и знаменитых. Понимаешь? Рестораны, премьеры, благотворительные вечеринки, на которые Стивен Спилберг ходит. Для всего этого нужны связи. И я знаю, что у тебя они есть, Красотка.

У Беллы не оставалось выбора, она понимала, ублюдок знает достаточно, чтобы испортить ей жизнь. Поэтому она ответила «да», и миллиону, и проживанию Райана в Малибу. Она не сказала «нет» даже когда он положил руку ей между ног и принялся гладить ляжку.

Позже Райан сказал, что поедет домой, так как ему надо забрать кое-какие вещи, а заселится завтра. Я проводил его до ворот. Похоже, толстожопому пришлось перелезть через забор, раз мы не узнали о его приближении. Машину он оставил прямо на дороге.

– Что ты делаешь, Райан?

– Хе-хе, Джеки, я же тебе уже объяснил. Похоже, Красотка все поняла.

– Ты знаешь, что я имею ввиду.

– Ты мог догадаться насчет денег, но не насчет переезда.

– Если это не только для того, чтобы выбесить меня.

– Знаешь, что такое скрытый агент? Их приставляют к каждому политику. Вот такого я и получил.

– И в чем смысл?

– Смысл в том, что я не забыл о Карен. Эта сучка Белла что-то скрывает, и чем ближе я к ней, тем легче будет узнать, что именно.

– А разве это не все равно, что стрелять себе в ногу? Смотри, что она для тебя сделала.

– Мне нравилась Карен.

– Я ведь могу рассказать ей, зачем ты здесь.

– И про себя тоже. Готов поспорить, она не знает, что вы были женаты. Уверен, ты даже не сказал ей, что вы были знакомы.

– Конечно нет.

– Вот, и если об этом расскажу я, ее отношение к тебе сильно поменяется. Не будь

глупцом, Джеки. Нам не стоит собачиться, этому нет причин. Тебе от нее чего-то надо? Не вижу проблемы. Только не становись у меня на пути.

Райан подмигнул и сел в машину. Но прежде чем тронуться, он вдруг опустил окно, словно что-то вспомнил.

— Я пробил то, что ты рассказывал о почках. Что она жертвует их в больницы. Не жертвует. Таких больниц в Лос-Анджелесе немного, и никто из них не получал органы от анонимных доброжелателей. Надеюсь, ты играешь со мной по-честному, Джеки-бой.

Глава тридцать первая

Настало довольно странное время. Белла поселила Райана в другой части дома, дала ему чемодан полный денег и связку ключей. Днем все шло по-прежнему — два раза в неделю Белла работала в клинике, а мы с Лорн выступали в «Двадцати восьми кадрах». Я еще снялся в нескольких сольных видеороликах. Райан в это время занимался своими полицейскими делишками. Но сложившаяся ситуация раскрывалась во всей своей красе во время отдыха.

Белла предпочитала проводить ночи дома, но Райану очень хотелось выйти в свет. Поэтому каждый вечер мы втроем обедали в дорогущих ресторанах и зажигали на дорогущих вечеринках в разных местах от пляжей Малибу до Голливудских холмов. Я ничего не имел против общения с людьми, это я как раз считал настоящим калифорнийским образом жизни, но меня раздражало, что Райан вклинился между мной и Беллой.

Я проводил мало времени в Уиллоу Глен. Сама мысль о том, что Райан с Беллой остаются наедине внушала мне немалое беспокойство, приходилось терпеть нападки старого полицейского. Самым безумным было время после вечеринок — я, Райан и Белла сплетались в единый узел, неистово рыча друг на друга. Мы трахались где хотели: на полу, на кровати, возле бассейна. Белла позволила Райану трахать себя, как только он переехал, и он не думал останавливаться. Он потел, глотал таблетки, катался с нами по полу — полицейский пребывал в экстазе, сбылись все его мечты. Старый полицейский не замечал, что лежавшая под ним Белла оставалась полностью собранной, его проникновения не оказывали на нее никакого воздействия, она словно вообще не замечала его присутствия в доме.

Иногда я оставлял их одних, готовил кокс в микроволновке и курил его в саду. Но чаще всего сидел и смотрел, как их тела переплетались между собой. Райан получал от этого секса все — красивую женщину с большими деньгами. Для него она стала таким же пропуском в красивую жизнь, как и для меня.

— Ну разве мы не везунчики?

Мы с Райаном пили кофе возле бассейна. Белла уехала, а Пауэлл не показывался в Малибу после той операции на почку. Райан в белом халате сидел рядом со мной. Черные волосы на его икрах сильно выделялись на фоне мертвенно-бледной кожи.

— Что скажешь Джеки, хорошо сидим?

— Белла не глупа, она поймет, зачем ты здесь.

— Если она виновна, то уже знает. Но что она сделает? Вызовет полицию? Заберет деньги? Не волнуйся, Джеки. Если она запаникует, нам это только на руку.

— Тебе на руку. Мне это ничего хорошего не принесет.

Наверное, регулярный секс смягчил Райана. Он улыбнулся так, словно хотел меня

немного приободрить.

– Слушай, я люблю Красотку. Я не собираюсь делать ничего лишнего.

– Любишь? Да ты, блядь, ее шантажируешь.

– Не суди по началу о конце. Думаю, и она меня любит.

– О боже...

– Эй, да ты понятия не имеешь, как она себя ведет, когда не испытывает никаких чувств.

– Я так понимаю, ты ее преследуешь уже не из-за Карен.

– Я сказал, что не сделаю ничего лишнего, но если она виновна, то виновна. Но я поразмыслил о том, что ты рассказал про ее отца. Это было бы слишком удобное решение — Белла ускользает от наказания, ты счастлив, я счастлив, справедливость восторжествовала, и деньги капают...

– Иди за мной.

Мы пошли к приграничной территории. Райан, прямо так, в халате, нехотя плелся за мной сквозь заросли кустов. Мы нашли останки погибшего пса. Однако к тому времени они уже превратились в обглоданные кости, завернутые в кожу.

– Когда я пришел сюда в первый раз, то нашел точно такого же.

Райан присел на корточки и ткнул труп подобранной палкой.

– Извини, Джеки, мне это почти ни о чем не говорит. Слишком давно лежит. Невозможно даже определить характер нанесенных ран. Говоришь, они были похожи на те, что у Карен, но тебе хочется так думать.

– А разве это не говорит кое-что о нем? Белла сказала, что он всегда так делает, когда ревнует...

– Значит мы его здорово разозлили.

– Ты вообще меня слушаешь? Парень, который делает такое, что его дочь с кем-то трахается, уже имеет большие проблемы с психикой. Ты не думаешь, что это может быть связано с убийством Карен?

– Это просто собака, Джеки, не человек. И мы не можем точно сказать, знал ли он чего-нибудь о Карен вообще. Я не говорю, что он не мог знать, но у нас нет доказательств.

– Бля! Да они вместе делают операции, все он про нее знал.

– Как про человека, который продает почку. И Джой живое доказательство того, что донор не обязательно умирает. Кроме твоих слов, у нас нет никаких доказательств, что он знал об их любовной связи. Так что никакой мотив ревности у нас тоже не доказан.

– А видео Беллы? Ты же видел запись, где она была с Карен.

– И что?

– А то, что она рассказала мне, Пауэлл делал копии всех ее видеозаписей. Если у него была копия той записи, что есть и у тебя, он мог знать об их любовно связи.

– Это по-прежнему не доказывает, что он ее убил.

– Но указывает в том направлении.

– Возможно.

Комната Пауэлла была обшита деревом. Оливкового цвета ковры, латунные осветительные приборы, прямо клуб джентльменов. Райан проследовал в комнату даже не пытаясь скрыть свои следы. Мы быстро нашли что хотели. Встроенный в стену стеллаж с видеокассетами Беллы был виден как на ладони. Райан начал просмотр. Он увидел, как Белла отсасывала мне, когда я находился без сознания. На последней записи я уже играл активную роль. Райан внимательно просмотрел все кассеты с донорами, полицейский

тщательно всматривался в лица, искал тех, чьи убийства остались нераскрытыми.

– Могу сказать, Джеки, Белле это не поможет. Она дико тащится от процесса. К тому же почки вообще куда-то исчезали, а это тоже не внушает уверенности.

Я забрал у него пульт и поставил на быструю перемотку сцену с Карен.

– Вот. Теперь ты не можешь сказать, что он не знал об их любви.

– Зависит от того, сделал он эту копию до или после убийства. Если после, то это ничего не значит.

– Твою мать, поверить не могу.

– Эй, Джеки. Я стараюсь, но я должен все рассмотреть с разных сторон, особенно когда на кону свобода человека.

Я дал Райану последнюю запись со стеллажа. Я знал, что там может быть, и не знал, как расценит это Райан, в пользу или против Беллы. Но, в любом случае, я не мог спрятать кассету от его глаз.

Белла и Пауэлл трахались на экране телевизора, их личные съемки.

– О, Джеки, что у нас тут?

– Любимые времена папочки.

– Смотри, как старый ублюдок изгаляется.

– Он одержим ею.

– Эй, таким тельцем, как у Красотки, кто не стал бы одержимым? Если ты хотел этим меня шокировать, то я удивлен. Тебе следовало изучить меня получше. Неужели ты думал, что маленький инцест повергнет меня в шок и настроит против него?

– Ты, блядь, издеваешься надо мной? Ты не хочешь, чтобы это оказался Пауэлл. Потому как если это не он, остается только Белла. А если это Белла ты можешь ее посадить, и я потеряю все. Но что тебе это даст? Ты хочешь уничтожить меня? Зачем? Ты ведь уже знаешь, что я не имею отношения к смерти Карен.

Райан выключил видеомэгнитофон и повернулся ко мне. Впервые, с тех пор, как я его знал, он смотрел искренне. Даже больше, он словно колебался.

– Джеки, это не имеет к тебе никакого отношения. Я честен с тобой. Думаешь, я хочу, чтобы это оказалась Белла? Черт, нет. Мне нравится жить здесь, трахать ее, сам понимаешь. К тому же она настоящая золотая шахта, которую я только на поверхности поскреб, с моей стороны было бы безумием уничтожить ее безо всякой причины. Но я хочу найти убийцу Карен, и должен быть точно уверен, что это именно он. Согласен, вокруг Пауэлла творится много странного и весьма подозрительного, но у нас нет ничего, что связывало бы его с Карен, кроме мертвых собак и фотографий с обнаженкой. А с Беллой у нас прямая связь, и много странностей, которые нельзя не принимать во внимание. Я еще не разобрался, что за история с почками, но эти обследования были для нее чем-то вроде секс-мероприятий. И если она творит такое, когда только обследует, то что, блядь, творится, когда она их режет? Ты говорил, Пауэлл тоже в этом замешан, но не он совал пальцы во все дыры людей на записи. И не он был там, в мотеле. Черт, там произошло практически убийство.

– Она не убивала Карен.

– Надеюсь, что ты прав. Правда надеюсь. Но пока ты не нашел ничего лучше собачьих трупов, попробуй найти еще источник сведений. Ведь тот, что ты нашел, может оказаться не единственным.

Позже я вернулся в Уиллоу Глен. Я сидел один, разглядывал фотографии, и вспоминал мертвую женщину из морга. Я пожалел, что не сфотографировал ее. Даже лучше, я бы снял

видео, как мы с ней занимались сексом, записал бы его сразу после рекламы «Кельвин Кляйна». Мертвая и живой — это так трудно представить без фото или видео. Я кончил, выпил таблетки, и уснул, думая о Лорн. Мы с ней оба были одержимы красивой жизнью. В городе Лос-Анджелес, прекрасном, как сама любовь.

Глава тридцать вторая

Жизнь всегда идет своим чередом. И остановить ее можно разве что самоубийством.

Я понимал, Райан выжидал момент, считал минуты, когда сможет вывести Беллу из игры, и это меня пугало. Но другие дела шли не так уж плохо.

В «Двадцати восьми кадрах» мне немного увеличили эфирное время, судя по собранной экономистами информации, мое лицо и актерская игра понравились целевой аудитории. Сынок одного магната, владельца сети закусочных, как-то посмотрел мои выступления, и предложил мою кандидатуру своему папаше. В результате я заработал десять тысяч долларов за парочку коротких, пятидесятисекундных рекламных роликов. Их крутили на более дешевых каналах. Первые деньги, заработанные мною в киноиндустрии без посторонней помощи. На рекламе можно было неплохо поднять, но мне не хотелось скатываться в банальщину.

Тем временем Райан и Белла играли в свои интимные игры. Полицейский хотел отомстить за Карен и наслаждаться жизнью, какой прежде никогда не жил, а какие цели преследовала Белла, одному богу было известно. Они болтали и трахались. Хотя Райан и задался целью погубить ее, я видел, как в нем росла безудержная страсть. Но когда Белла проводила время с ним, то замыкалась где-то глубоко в себе, просчитывая какие-то варианты, которых я не знал.

Я всюду таскал с собой фотографии. Мастурбация помогала на время заглушить страх. Я боялся потерять деньги и работу на телевидении из-за гнусных интриг Райана против Беллы. Но фотографии приносили лишь временное успокоение. Вскоре страх полностью овладел мною. Я понял, настал момент истины, действуй или умри.

Я составил план: я признаюсь Белле и принесу в жертву другого человека. Ни в том, ни в другом мне участвовать не хотелось, но выбора не оставалось. Я вкусил красивой жизни, и не собирался отдавать свой шанс без боя.

На работе Райан закрывал дела, готовился к выходу на пенсию. Иногда он работал допоздна. Одной такой ночью я и решил воспользоваться.

Предвечернее время, небольшой элитный ресторанчик на берегу моря, столик возле окна, и мы с Беллой одни.

Все это имело свои причины. Манеры Беллы могли шокировать публику. Недавно мы с Лорн интервьюировали Лору Лейтон, она рассказывала про свою молодость, когда работала официанткой. Я рассчитывал на то, что управляющий узнает меня и будет особенно обходителен. Если всему суждено вылететь в трубу, то я хотел запомнить Калифорнию именно такой — дорогое заведение, красивые люди, не слишком яркий свет, милая музыка, трое музыкантов в углу, за окном океан, и свое богато одетое отражение в стакане.

Я пошел на встречу с ясной головой. Ни таблеток, ни порошка, только Уоллбенгер: водка, апельсиновый сок, Гальяно. Почему-то его вкус напоминал мне летние ночи. Я поднес стакан к губам, рукав моей рубашки переливался различными цветами, сразу

бросались в глаза ухоженные ногти. Белла выглядела блестяще. На нее оборачивались мужчины с других столиков. Она улыбалась мне.

– Все так мило, дорогой. Но у меня смутные предчувствия.

– Я выгляжу слишком нервным?

– Ты ведь не предложение мне собираешься делать, так?

Белла рассмеялась, мне показалось, что я мог бы продолжить дискуссию в этом ключе, если бы захотел. Но светская беседа могла только все испортить, так что я взял быка за рога.

– Ты в опасности. Райан считает, что ты кое-кого убила. Он собирается упечь тебя за решетку.

Пару секунд она смотрела на меня пустым взглядом, затем ее лицо растянулось в улыбке, словно я пошутил.

– Не уверена, что правильно тебя расслышала.

– Карен. Девушка на твоём видео. Ее убили около четырех месяцев назад. Тело нашли в парке Санта-Моники, и Райан думает, что убийца ты.

Теперь Белла знала, что я говорю серьезно. У нее сжались губы. Она не зарыдала, но у нее побледнело лицо.

– Этого не может быть. Откуда такая уверенность, что это именно та девушка? Не понимаю.

– Мне очень трудно тебе это говорить...

Я сделал глоток, больше он не напоминал мне лето. Уоллбенгер вообще потерял вкус.

– То, как ее убили, указывает на тебя, так считает Райан.

– Я спросила, откуда ты знаешь, что это та самая девушка.

Голос Беллы был холоден, глаза полыхали гневом. Я понял, съехать с темы точно не получится.

– Господи, Белла, мне так жаль... я был с ней.

Белла застыла.

– Хочешь сказать, у тебя с ней был роман? Вы были любовниками?

– Недолго. Прошло несколько месяцев, прежде чем ее нашли. Но как-то раз Карен схватили копы, и у нее оказался мой адрес, так копы меня выследили. Некоторое время они меня подозревали.

– Они — это Райан, я так полагаю. Он правда коп?

– Да.

– Почему ты не сказал мне, когда увидел запись?

– Подумал, что ты решишь, что это слишком большое совпадение. Понимаешь, сначала мы с ней были любовниками, потом она становится твоей любовницей и умирает...и тут появляюсь я. Я подумал, ты решишь, что все было спланировано, а я не хотел терять тебя. Когда я узнал, что ты считаешь ее живой, то решил, что лучше просто все забыть и промолчать. Пока не появился Райан.

– Мне показалось, эпизод в мотеле слишком своевременным.

– Да, Райан следил за мной со времени убийства. Я знаю, мне следовало сказать тебе, когда он принялся за шантаж, но я не думал, что все пойдет так далеко. Я не ожидал, что он свяжет тебя с убийством.

– Значит, ты мне лгал.

– Я не мог рассказать тебе о Райане, не упомянув о Карен. Господи, Белла, я не хотел, чтобы все так получилось, это росло вокруг меня как снежный ком, и становится хуже и

хуже. Я ничего не могу с этим поделать. Если бы я только мог все исправить, но я не могу.

Белла пристально смотрела на меня. Должно быть, я говорил убедительно, вскоре она взяла меня за руку.

– Но почему он решил, что я причастна к убийству? Только потому, что мы вместе?

– Не только. Он знает, что ты вырезала ей почку, вы обе были связаны с незаконными делишками. К тому же, тело Карен вскрыли и выпотрошили. Профессионально, как будто это сделал хирург. Райан решил, что она пришла к тебе и продала почку. А потом ты убила ее.

– Да он чокнутый. Я удалила Карен почку, но она была полностью здорова. Больше я ее не видела. Ты точно мне все рассказал?

– Что ты имеешь ввиду?

– Он знает про операции, знает, что у тебя были отношения с Карен, но откуда он узнал, что она была моим донором?

– После ее смерти, он все проверил. Он узнал, что она повсюду сорила деньгами от продажи почки. Он стал копать дальше и нашел «свидетеля», который указал на твою татуировку. И, к сожалению, Райан сам был клиентом Карен, поэтому узнал жука-скарабея. Вот и решил, что между вы связаны.

Белла выглядела очень взволнованной. Она принялась водить руками по краю стола, разглаживая скатерть снова и снова. Затем, словно истратив всю энергию, она положила их на колени.

– И что же мне теперь делать? Я ее не убивала, но мне не выкрутиться, если начнется расследование. Одни операции меня в суде похоронят. Он возьмет еще денег?

– Возьмет, но они ничего не исправят. Почему-то он воспринимает смерть Карен как личное дело, и не позволит спустить все на тормозах. Но если ты послушаешь меня, и не станешь злиться, то, думаю, мы найдем выход.

– Найдем, как доказать ему, что это не я?

– Не совсем так. Господи, я не знаю, что ты скажешь...клянусь, я бы не предлагал такого, если бы мог найти другой вариант.

– Продолжай.

Я глубоко вздохнул.

– Я много думал и наблюдал, и, мне кажется, все же есть связь между операциями на почки и убийством Карен. Но ведет она не к тебе, как думает Райан, а к Пауэллу.

– Думаешь, Пауэлл убил ее?

– Если у тебя был с ней роман, то он об этом знал, так ведь?

– Конечно.

– Вот. И еще я по своему опыту знаю, как он ненавидит, когда ты проводишь время с кем-нибудь другим. Возможно ли, что этот твой роман довел его до точки? Что он помешался, и все его мысли были лишь о том, как убить Карен?

Белла сидела прямо, ее глаза сузились. Я счел это хорошим знаком.

– Он одержим тобой. И более того, он был хирургом, именно он мог выпотрошить Карен. Я думаю, что он убил ее из ревности, а потом удалил все внутренности, чтобы скрыть, что она продала почку. За милую душу, он же регулярно потрошит собак именно таким способом.

Я замолчал, и сделал небольшой глоток. На этот раз вкус был лучше.

Белла говорила, растягивая слова.

– Возможно...этот ублюдок...Все это время я думала, что она меня бросила.

Белла на время погрузилась в свои мысли. Официант принес мне другой напиток и забрал нашу нетронутую еду. Затем Белла встрепенулась.

– Итак, ты решил сдать Пауэлла Райану.

– Если он убил ее, то должен заплатить за это. К тому же, ты охотно пойдешь на это.

– Ты говорил об этом с Райаном?

– Я рассказал ему о собаках и ревности. Он знает все, связанное с Пауэллом — наркотики, медицинскую практику.

– Он принял твои слова к сведению?

– Он решил, что этого недостаточно.

– Тогда вряд ли это можно считать решением проблемы.

– Может, если мы найдем какое-нибудь доказательство. Черт, ты же видишь, как Райан смотрит на тебя. Уболтай его. Он говорил, что хочет уничтожить тебя, но в глубине души ему хочется этого избежать. Расскажи ему про Карен, кем она была, что для тебя значила. Добавь еще рассказ о ревности Пауэлла. От тебя ведь совсем немного требуется. А я, тем временем, попытаюсь найти связь между ним и Карен. Должно быть что-то. Нам обоим нужно лишь небольшое доказательство.

– Надеюсь, ты прав, Джек. Если нет, мы оба можем потерять все.

Глава тридцать третья

В последние месяцы благодаря выступлениям по телевизору, у меня появился агент. Их офисы располагались на верхних этажах Сенчери-Сити, уютное, яркое и весьма обнадеживающее место — оттуда открывался вид на студии компании «Фокс». Я не рассказывал Белле о своих успехах. В Малибу все стало крайне нестабильным, и я полагал, будет неплохо заложить фундамент на будущее. К тому же мое эфирное время в «Двадцати восьми кадрах» достигло своего потолка. Канал многое позволял Белле из-за ее денег, но согласно расписанию на стене, больше мне уже не полагалось. На улице меня несколько раз узнавали, но не думаю, что эти люди захотели бы оказаться на моем месте. Я еще недостаточно часто появлялся на экране телевизоров, чтобы стать частью их желаний.

Поэтому, я решил сниматься на обложках журналов — рекламировать что-нибудь модное и дорогое. Работы гораздо меньше, чем на съемках фильма, и требования к популярности значительно ниже, чем на телешоу. Нужно только, чтобы подборщику актеров понравились твое лицо и манера держаться на сцене. Отличный способ быстро засветиться без тяжелых обязательств, как в кино или на шоу. А поскольку Белла ходила по острию ножа, то мне следовало поторопиться.

Но в то время агентство еще ничего для меня не нашло, поэтому пришлось довольствоваться видеороликами, на съемки которых меня швырял «Двадцать восемь кадров», да случайными фотосессиями для журналов светских сплетен. Иногда у них не хватало материала для недельных выпусков, и они писали о людях низшей лиги ТВ-индустрии. И даже тогда я пользовался протекцией Лорн, все время сопровождал ее, во всем помогал, всегда находился рядом, даже когда выключался свет.

На протяжении последних рабочих недель мы трахались несколько раз. Мы занимались сексом там, где могли остаться наедине, не вызывая подозрений: в нашем трейлере, пока все

остальные отдыхали снаружи, на заднем сидении заказного лимузина, когда мы сорили деньгами желая подчеркнуть, что наша карьера не стоит на месте. Мне хотелось встречаться с Лорн чаще, но меня сдерживал страх, что об этом узнает Белла. К тому же, возможностей становилось все меньше, после каждой съемки я мчался в Малибу словно репортер на место катастрофы для срочного выпуска новостей. И даже когда мы занимались сексом, я не получал того, что называют эмоциональным удовлетворением. Полагаю, секс с Лорн был для меня чем-то вроде слива нечистот. От страха перед тем, что происходило в Малибу, у меня внутри словно копился гной, и единственный способ избавиться от него, это кончить им в Лорн.

Я не знаю, замечала ли она мои странности, может просто считала их особыми сексуальными манерами. Когда мы заканчивали трахаться, Лорн сидела и молча смотрела в окно с таким выражением лица, словно то, что она там видела, наскучило ей не меньше, чем то, чем мы только что занимались. В такие моменты нетрудно было догадаться, что скучала большая часть ее сущности.

Но как-то раз, во время съемок фрагмента выпуска, посвященного парням из Голливуда с красивыми волосами, когда мы ждали интервью с Уиллемом Дефо, Лорн спросила, можно ли будет провести ночь у меня. После разговора на лестнице возле дома порнозвезды, мы больше не затрагивали личные темы. Лорн ничего не знала ни о Белле, ни о том, какую роль она сыграла в моем появлении в «Двадцати восьми кадрах». Рассказ о том, почему опасно пускать ее домой, отнял бы слишком много сил. Поэтому я отказался, состряпав глупую легенду, что я очень замкнутый человек. Даже прогноз погоды Лорн вела с более заинтересованным лицом.

В бассейне в Малибу с одного конца была встроена джакузи. Белла, Райан, и я сидели в бурлящей воде голые с солнечными очками на глазах. Мы с Райаном наливали себе рюмки из бутылок «Южного». Я попытался закурить, но сигарета быстро становилась мокрой от всплесков воды.

Белла сидела напротив Райана, раздвинув ноги. У него уже начинал вставать.

— Джек сказал, ты подозреваешь меня в убийстве.

Райан несколько не удивился. Мы не говорили с ним об этом, но он наверняка догадывался, что я ей расскажу. Жир его брюха колыхался вместе с клокающей водой. Я хотел оставить беседу Белле, но сначала следовало прикрыть свою задницу. Я обманул ее, и не мог позволить старому копу уличить меня во лжи. Поэтому я сходу выпалил:

— Она не делала этого. Я рассказал ей о небольшом романе с той девушкой. Я рассказал ей, что ты подозревал меня.

— Ах да, твой короткий роман...

Райан спрятал глумливую ухмылку за стаканом. Я откинулся назад, положив голову на плитку. Синее небо, изредка попадались облака, высоко над побережьем кружил ястреб. Я закрыл глаза, мне хотелось оказаться где-нибудь в другом месте за тысячу миль отсюда. Беседу продолжила Белла.

— Я не имею отношения к ее смерти, Райан. На самом деле, я даже не знала об этом, пока Джек не рассказал.

— Сегодня хороший день. Отличная вода, милая компания, превосходная выпивка — если ты хочешь мне что-то рассказать, сейчас самое подходящее время.

— Что ты хочешь знать?

— Как вы познакомились?

– Необычно. Я имею ввиду, она не предлагала мне свою почку, она ничего об этом не знала. Карен была проституткой. Я подобрала ее ночью на Бульваре Санта-Моника. У нас был секс. Она мне понравилась, и я договорилась с ней о новой встрече. Позже у нас завязались отношения. Мы влюбились друг в друга.

– У вас, наверное, было много жарких ночей.

Я услышал раздраженный вздох Беллы и открыл глаза. Она чуть приподнялась, ее груди показались над поверхностью воды.

– Карен регулярно приходила ко мне, иногда оставалась на несколько дней. Она говорила, что живет с каким-то ужасным человеком в Венеции, но я так и не узнала, где именно. Она ничего о себе не рассказывала. Думаю, она скрывалась от него здесь.

– Она говорила, что он ужасный, да?

Я отвернулся от Райана.

– У меня сложилось такое впечатление.

– Продолжай.

– Она была не из дорогих шлюх. Работала на улице, у нее были проблемы с наркотиками. Но думаю, ты все это и так знаешь.

– Я могу слушать тебя целую вечность.

– Ей все время нужны были деньги. Я давала ей их, но при каждой встрече она просила все больше. Однажды она заявила мне, что ей нужно купить машину. Я предложила ей продать почку.

– А почему ты ей просто их не дала? У тебя их много.

– Боялась, что она умрет от передоза или ее убьют из-за денег. Я подумала, если она пройдет через операцию и продаст почку, то научится ценить деньги и станет осторожнее.

– Хе-е, как мило вы богатые заботитесь о нас бедных.

– Я заботилась о ней. Я не хотела, чтобы она погубила себя.

– Я тронут. Расскажи-ка подробнее про почки.

– Она охотно воспользовалась этой возможностью. Я щедро заплатила ей. Тридцать тысяч долларов.

– И?

– И ничего. После операции Карен провела здесь две недели, потом сказала, что ей надо заехать домой. Я не хотела ее отпускать, но она обещала вернуться. Я не могла удерживать ее силой. Больше я ее не видела.

– У нее были швы или что-то вроде этого? Разве их не надо было убрать.

– Они рассосались бы сами собой. Конечно, за ней хорошо ухаживали, но...

– И больше ты ее не видела? Ни разу?

– Нет. Я помню тот день, когда Карен ушла. Ранее она заложила все свои драгоценности. За наркотики, я так полагаю. Я подарила ей антикварный золотой браслет. Он ей очень нравился. Не помнишь, был он на ней, когда ее нашли?

– Я помню только дыру в том месте, где должны были быть ее кишки.

– Я забрала только почку.

– Тогда кто забрал остальное?

– Мой отец.

– Вот так сюрприз. Джеки мне тоже самое впарить пытался. Где вообще этот Пауэлл? У него тут есть комната, но его самого нигде нет.

– Он неодобряет моих отношений с Джеком. У него своя квартира в центре города.

– Хочешь сказать, что он приходит к тебе потрахаться, когда меня нет рядом?

Белла резко посмотрела на меня, но Райан все прояснил, прежде чем я успел сказать хоть слово.

– Джеки показывал мне твою видеотеку. Не злись на него, он хотел помочь тебе.

– Значит, ты понимаешь, почему Пауэлл приходит в ярость, когда я завожу любовника. Ты знаешь, как он убивал собак, знаешь, что он был хирургом. Неужели ты не видишь связи? У меня были серьезные отношения с Карен. Разве тебе не кажется правдоподобным, что человек, помешавшийся на мне, мог дойти до ручки и убить того, кого считал соперником?

– Да, но точно также могла возникнуть любовная ссора и у вас с Карен, после которой ты ее выпотрошила. Я не утверждаю, так это или нет, но если ты хочешь, чтобы я поверил, что это твой отец, тебе следует показать мне нечто большее, чем свою дырку в джакузи. Кстати, есть еще видео, где вы трахаетесь с Карен?

– Ты уже все посмотрел в моем шкафу с видеокассетами?

– И в том маленьком скрытом шкафчике.

– Это все, что у меня есть. Карен не любила сниматься на камеру. А единственную сцену, что я сняла, ты уже видел.

Все ненадолго замолчали, только клокотала вода. Мы с Райаном налили еще выпивки. Белла вновь заговорила:

– У меня есть к тебе вопрос, Райан.

– Только спроси.

– Почему ты не сказал, что знаешь Джека?

Этот вопрос мог означать только одно, Белла не была полностью уверена, что я сказал правду о том, как на меня вышел Райан. А может, она сомневалась и в моей легенде о связи с Карен. И раз вопрос прозвучал в моем присутствии, Белла явно хотела, чтобы я об этом знал. Райан на мгновение замолчал, словно обдумывая ответ, он специально выдерживал паузу, чтобы я вспотел от страха.

– Нас объединило это убийство. Мы оба расспрашивали всех, кто что-либо знал. Джеки плюс я равно Карен. С моей стороны было бы глупо раскрывать карты в самом начале игры.

Белла смотрела на него с подозрением. Но в сложившейся ситуации ни на что большее надеяться я не мог.

Она поцеловала меня в щеку, вылезла из джакузи, и голая зашла в дом.

– Я спас твою задницу, Джеки-бой.

Мы лежали в воде, вечерело. Делать больше было нечего, так что я просто пил «Южный комфорт», пока не опьянел.

Той ночью Райан впервые спал с Беллой. Не просто трахался, он остался в ее постели на все восемь часов, от заката до рассвета, прямо как любовник. Я к ним заглянул, но видеть, как это толстое животное подобно огромному младенцу сопит ей в подмышку, было слишком мерзким для меня. Я выпил таблетки и уснул в другой комнате.

Райан проспал все утро, поэтому мы с Беллой завтракали одни. Она выглядела раздраженной и обеспокоенной.

– Похоже, версия с Пауэллом его не заинтересовала.

– И поэтому ты с ним спала?

– Это намеренно.

– Правда?

– Я не хочу отправиться в тюрьму. А ты не хочешь потерять свое эфирное время. Нам

следует разобраться со всем этим, Джек. Ты видишь всю картину целиком.

– Ладно-ладно.

– Хорошо. Ему нужно что-то более убедительное, разговоры не работают.

– Что именно? В комнате Пауэлла мы уже были.

– Вот.

Белла протянула мне брелок. На нем болтались три ключа.

– Подъезд, лифт, дверь в квартиру. Пауэлл звонил — он нашел еще одного донора. Этим вечером мы его прооперируем, в его квартире, которая в центре города, никого не будет. Возьми с собой Райана, порыскайте там.

Ближе к полудню Райан проснулся в отличном расположении духа, он едва не прыгал от радости. Похоже, старый коп уже забыл, что такое любовь, если даже на притворство Беллы купился. Райан решил пройтись по магазинам, он хотел, чтобы я составил ему компанию.

Только это оказалась не прогулка по универсамам. Мы долго ездили по автосалонам, и под конец Райан стал обладателем «Бентли Турбо Купе». Я не видел, сколько он заплатил, но на такую машину наверняка ушла львиная доля его миллиона. Я прикинул, как скоро он потребует очередной взнос.

Мы кружили по городу, вслед нашей машине оборачивались люди. Мне нравилось, что окружающие считают меня важной персоной.

Вскоре после этого мы припарковались неподалеку от средней школы на Фэрфакс Авеню. Весь тротуар заполнили идущие домой школьники. У Райана проснулся инстинкт охотника.

– Всегда хотел это сделать, а ты? Уверен, что да. А кто бы не хотел? Нужно найти парочку девок, так они будут чувствовать себя в безопасности. Ну такие, блядовитые, знаешь ведь? В каждом классе есть такие давалки. Но чтобы не больше пятнадцати.

Школьники заметили нашу машину. Молодые парни присвистывали, те, что постарше пытались лажать ее. Мимо нас прошли две девушки, одетые в футболки и лайкровые шорты. Они выглядели так, словно вышли из тренажерного зала. Обилие косметики на лице и сигареты в зубах. Наверняка лучшие подружки, такие девки постоянно ищут приключений, и они уж точно не девственницы.

Увидев машину, часы на наших руках, они сразу же стали вести себя по-другому, их походка стала развязнее, сквозь футболки проглядывались торчащие сиськи. Райан аккуратно выехал на дорогу и медленно двинулся вслед за ними.

– Девчонки, вас подвезти?

Они хихикнули и продолжили идти дальше.

– Не, давайте, я серьезно. Гляньте на тачку. Думаете, мы маньяки или что-то вроде того?

Говоря с ними, Райан навис надо мной, я никогда не слышал, чтобы он говорил таким милым дружелюбным голосом. Девушки немного пошептались на ходу и остановились. Райан толкнул меня локтем в бок.

– Мы прямо из города. У нас полно денег. И мы не прочь немного потратиться на пару девчонок, особенно таких красивых как вы. Вы ведь умеете отрываться?

– И сколько у вас денег?

– Сколько хотите.

Они еще немного пошептались. Сесть в машину к двум мужикам для них проблемой не было, главное не продешевить.

– Пятсот, – сказала одна из них, с таким видом, словно запросила слишком много.

– Каждой? Идет. Но что мы за это получим?

– Что захотите, но нам нужно быть дома к шести часам.

Мы остановились в мотеле на окраине Голливуда, где всем насрать на разницу в возрасте и все прочее. Кокс, выпивка — девки разогрелись и разделись. Их тела были гладкими и скользкими, волосы на лобках шелковые. Райан оказался прав, любой хотел бы испытать такое.

Я трахал одну, Райан другую. У моей были длинные белые волосы и несколько черных точек на щеке. Но все равно она выглядела хорошо. Наверное, проводила много времени на пляже. Я поверить не мог, что у нее такое крепкое тело.

После Райану захотелось поразвлечься. Девчонки отнекивались, но старый коп увеличивал их вознаграждение, пока они не согласились испражниться на пол в ванной. Девчонки напрягались, а мы драчили на них. На этот раз моя сперма была особенно густой, она прилипла к спине одной из них, чуть выше задницы.

– Боже, давно я не чувствовал такой свободы.

Вскоре девчонки уже сидели в такси и считали деньги, а мы с Райаном мчались в центр города в квартиру Пауэлла.

– И тебя не напрягает? Я хочу сказать они же совсем молодые.

– Черт, Джеки, тебе надо больше бывать в реальном мире. Еще один-два дня рождения, и они будут продаваться на улице на каждом углу. Бляди неблагодарные.

– Что?

– Забудь.

Я посмотрел на Райана. У него был жесткий взгляд, который означал только одно, его не смущало то, что мы вытворяли в мотеле. Некоторое время он молчал, сосредоточившись на дороге. Налево на Фэрфакс, потом до конца Бульвара Уилшира. Где-то в районе Парка Ле-Фейетт Райан принял таблетку от сердца и снова заговорил:

– Дети думают, что все знают. Они считают, что все должно пройти именно так, как они думают, и не простят тебе, если не сделаешь именно так. Рассказывать про жизнь не так просто, как показывать по телевизору, подростки не станут слушать. Эти две суки сейчас, наверное, счастливы, как никогда раньше — две тысячи на двоих, да еще можно поржать, как жалкий старикан пялился на то, как они срали. Но пройдет несколько лет, и они станут жаловаться работнику из социальной службы, будут ныть, что стали шлюхами по вине папочки, и если бы он их любил, то работали бы нянечками или еще кем-то.

– И когда выходит твоя диссертация по детской психологии?

– У меня был ребенок.

– Врешь.

Райан смотрел на поток машин через ветровое стекло, но мыслями был где-то далеко.

– Как скажешь, Джеки.

Только такой отморозок как Райан повел бы автомобиль с откидным верхом в центр города с наступлением темноты. Но припарковаться он все же решил в подвале, а не на улице. Я протянул Райану ключи, которые мне дала Белла. Одним из них он открыл лифт. Мы стояли в центре кабины и смотрели, как на табло менялись цифры.

– Красотка прямо хочет, чтобы ее отец оказался убийцей.

– Ну а чего ты ожидал, что она будет рада все потерять?

– Только если не она убийца. Обычно между членами семьи ненависть не настолько

сильна.

— Если они любят друг друга. А Белла с Пауэллом нет. Ему нужна только ее дырка, а она его вообще не выносит. Это отнюдь не похоже на счастливую семейку. К тому же она винит его в смерти матери.

— Здесь должно быть нечто большее, чем просто желание отомстить за склеившую ласты мамашу.

В квартире было пусто и тихо. Пауэлл обставил ее так же, как и свою комнату в Малибу. Я не отходил от Райана, он метался по квартире в поисках чего-нибудь интересного.

В кабинете Пауэлла в шкафу мы нашли фотографию, сделанную на «Полароид» — выпотрошенная собака, в развороченное брюхо вставлен член, с его головки стекало семя. Собаку держала рука пожилого человека, как раз возраста Пауэлла.

— Видишь? Тоже самое случилось и с Карен. И выпотрошили, и кто-то...

— Не нужно мне ничего объяснять, Джеки.

Райан посмотрел на фотографию, затем отдал ее мне.

— Тебе же нравится такое. Не хочешь? Нет?

Он ухмыльнулся и положил ее в карман.

Нам удалось найти зацепку в комнате с большим телевизором — видеотека, копии которой мы уже крутили в комнатах Беллы и Пауэлла в Малибу. Но там оказалась еще одна видеокассета, ее мы еще не видели. Голую Карен снимали со спины, она лежала на боку и долбила сама себя пластиковым дилдо, задрав одну ногу вверх. Перед ней стояло зеркало, в нем иногда мелькали черты ее тела. Камеру закрепили на одном месте, но на заднем фоне виднелись деревянные панели и оливковый ковер. Снимали несомненно в той самой квартире, где мы сейчас находились. Пластмассовый член скользил легко, Карен быстро орудовала рукой. Иногда ее ягодицы раздвигались, и нашему взору открывался ее анус. Девушка была полностью поглощена процессом. Она явно старалась кого-то возбудить. Вид дрожащей бывшей жены вообще не возбудил. Для меня Карен из живого человека превратилась в обезличенную фишку в игре, в кусочек пазла, от решения которого зависело мое будущее. Ее образ на экране вызывал у меня не больше эмоций, чем документальный фильм о животных в Африке. Но вдруг ее рука попала на свет, и что-то сверкнуло. Я чуть не закричал.

— У нее браслет.

— И что?

— Именно тот, что был на ней, когда я ее видел в последний раз. Наверное, тот самый, о котором говорила Белла.

— Прощальный подарок.

— Белла сказала, что подарила его Карен, когда та на время уехала из Малибу. И вот она носит его на видео, которое сняли в этой квартире. Так что снимали ее после операции.

— Может она хотела подарить Красотке что-нибудь на память.

— Но вот доказательство! У Беллы не было копии этой видеокассеты. Если бы была, мы бы нашли ее там.

— Кто сказал?

— Ты видел все, что у нее есть — где я ее трахаю, Пауэлл, даже эти гребаные доноры. Если бы она хотела скрыть, то скрыла бы все. Она любила Карен. Бля, это могло бы стать ее любимой записью.

— Так что, после того, как Красотка вырезала ей почку, Карен захотела зажечь со

стариком?

– Ему достаточно было распахнуть бумажник, чтобы она раздвинула ноги. Сам знаешь, раздвинула бы. Возможно, это было не в первый раз. Возможно, там была какая-то история. Не суть важно. Важно то, что эта видеозапись указывает на связь между Карен и Пауэллом, после операции.

– Не убедительно.

– Посмотри, как она мастурбирует. Она уже достаточно восстановилась после операции, и прошло совсем немного времени между этой съемкой и ее убийством. Я думаю так: сначала ей сделали операцию, Карен поправилась, уехала из Малибу повидать меня, мы поссорились, она убежала и связалась с Пауэллом, независимо от того, была у них связь или нет. А потом все могло пойти по двум сценариям. В первом случае они поругались, потому как она стала требовать денег, и Пауэлл решил убить ее. Или, к чему я больше склоняюсь, Белла начала удаляться от Пауэлла, Карен могла забрать у него дочь. Вот он ее и убил.

– Если это снимал Пауэлл, почему здесь нигде нет камеры.

– Ебанный Иисус, Райан, камера может лежать у него в машине, где-нибудь в Малибу, да он вообще мог ее выкинуть. Какая разница? Ты же сам говорил, если есть какая-то связь между Пауэллом и Карен, то возможно он ее и убил? Бля, вот же она связь.

– Расслабься, Джеки.

Райан перемотал запись и запустил снова. Он молча смотрел на экран. Я сидел, затаив дыхание.

– Что-то мне тут не нравится.

– Что именно?

– Я не знаю, но что-то здесь не так.

Райан посмотрел запись еще два раза, выискивая на экране нечто важное.

– Только представь, как Белла наградит тебя, если ты распутаеть это убийство?

– Ты ведь хочешь, чтобы это был он, не так ли?

– А ты нет?

Райан еще некоторое время смотрел запись, но затем выключил телевизор.

– Хорошо, посмотрим, что старый уебок сам расскажет.

– То есть ты согласен, что это может быть он?

– Единственная возможность выяснить это, сравнить его ДНК с ДНК спермы, что был в теле Карен.

Когда мы вернулись в Малибу, я оставил Райана там. Он ждал возвращения Беллы словно нетерпеливый школьник. Я знал, что после операции она вернется очень нескоро, поэтому оставил его заниматься своими делами. Я завел «Мустанг» и поехал к Лорн.

Я ехал по шоссе в отличном расположении духа. Эта запись — самое лучшее, на что я мог надеяться. Она могла решить все мои проблемы. Райан найдет убийцу, перестанет обвинять меня и Беллу. А если Пауэлл выйдет из игры, то я смогу завладеть всем имуществом его дочери. То, что Райан остался в Малибу, конечно, напрягало. Но я полагал, если образец ДНК Пауэлла совпадет со спермой, что нашли в теле Карен, то и эта проблема вскоре решится.

Когда я приехал, Лорн сидела в гостиной и смотрела видеозаписи своих передач. Сначала она не подпускала меня близко к себе, все еще злилась за то, что мы тогда не провели ночь у меня в Уиллоу Глен. Но вскоре мне удалось загладить свою вину, и вечер удался. Мы говорили о работе, о кинозвездах. А потом начали трахаться прямо на полу.

После секса мы сели смотреть «Качай железо», но вскоре нас охватило жгучее чувство зависти к славе Шварценеггера.

Глава тридцать четвертая

Это было мерзкое зрелище. Малибу, в комнате с большим количеством книг и кожаной мебели сидели четверо — я, Райан, Белла, и Пауэлл. Трое против одного. Раньше я вообще не заходил в эту комнату, никакого телевизора и ни одной книги не на тему Голливуда, но сейчас она казалась самым подходящим местом. Тихая и закрытая, здесь хорошо готовиться к худшему. Ночь, дождь за окном. Единственным источником света был камин. Тени кружили по комнате, словно ястребы в поисках добычи.

Белла вернулась до рассвета, похоже, ее донор перенес операцию без осложнений. Папочка приехал по ее звонку после полудня. Весь остаток дня они спорили в ее комнате. Пауэлл мерзким голосом умолял дочь вернуть ему утраченный физический комфорт. Старик плюхнулся в большое кресло и злобно смотрел на пламя. Пауэлл не был здесь уже слишком долго, он отовсюду ждал подвоха, этому индивидуалисту не хотелось никого видеть. Он понимал, грядет что-то плохое. Ему рассказали, кто такой Райан и как недавно ему удалось увеличить свою полицейскую зарплату, только полный тормоз не догадался бы, что все мы собрались здесь отюдь не случайно.

Мы с Райаном пили. Я слушал треск огня в камине и шум дождя за окном, ждал, начала конца Пауэлла. Долгое время полицейский молча смотрел на седовласого, но старый наркоша был уже под кайфом и не пытался изворачиваться, как это делал бы трезвый человек на его месте. Вскоре у моего любимого полицейского закончилось терпение, он ткнул Пауэлла носком туфли. Тот медленно повернул голову.

— Не люблю, когда меня пинают.

— Предпочитаешь по-другому?

— Ты мне угрожаешь?

— Конечно. И у меня это хорошо получается. Можешь, вот, Джеки спросить.

— Ты отморозок.

— Расскажи-ка мне про Карен.

Пауэлл вел себя неуверенно, он резко перевел взгляд на Беллу, но не увидел в ее глазах поддержки.

— Она была донором.

— И?

— И любовницей моей дочери какое-то время.

— И что произошло, когда это время закончилось?

— Все пошло своим путем. Я вас уверяю, они просто наскучили друг другу. К чему вы ведете?

— Я веду к тому, что ее убили после того, как она продала тебе почку, старый уебок.

Райан говорил все громче. Сидя в кресле, он наклонился вперед, словно еле сдерживался, чтобы не наброситься на Пауэлла. Я подумал, что это особая техника допроса, иначе такое поведение было неуместным.

— Она была здорова, операция прошла отлично. Это не могло привести к ее смерти.

– Я знаю, что удаление почки не убило ее, пидор. Я спрашиваю о том, что произошло после, на следующей операции, когда ты вытащил все ее органы и выбросил труп в парке.

Пауэлл попытался встать с кресла, но Райан силой заставил его сесть.

– О-о, папочке уже пора идти...

– Белла...

Ее голос буквально разъедал воздух вокруг нее.

– Он знает, что ты сделал. Я знаю, что ты сделал. Ты же не мог вынести, когда я проводила время с кем-нибудь другим, кроме тебя, вот и убил ее.

– Белла, дорогая, что ты такое говоришь? Ты же знаешь, что я никого не убивал.

– Карен и мою мать. Ты убил их обоих, больной ублюдок. Теперь расскажи ему все, что он хочет знать.

– Я ревновал к девчонке, признаю, но я не убивал ее. А твоя мать... разве ты меня не простила?

– Нет. И никогда не прощу тебя за Карен. Ты выпотрошил ее как одну из своих собак и выбросил, словно мусор.

– Белла, нет! – Пауэлл уже терял самообладание. – Ты знаешь про собак, они ничего не значат. Скажи ему. Они ничего не значат.

Белла заговорила снова, ее лицо словно отлили из стали, она бросала Пауэллу вызов.

– Если это не ты, то кто?

Пауэлл попытался что-то сказать, но закрыл рот и замолчал. Райан снова взял бразды правления в свои руки.

– У меня есть доказательство.

– Это невозможно.

Райан резко вскочил с кресла, он возвышался над Пауэллом и тяжело дышал, сжав кулаки.

– Почему? Потому что ты отлично справился? Думаешь, если выпотрошил ее, то никто не догадается, что ее раньше оперировали? И что никто на тебя не выйдет? Ты это мне хочешь сказать, мать твою? Это хочешь сказать?

Пауэлл подавил свой страх. Теперь он говорил спокойно и вкрадчиво, старик попытался воззвать к рациональной стороне Райана. К сожалению, никто не сказал ему, что у полицейского ее не было.

– Я хочу сказать, что это невозможно, потому что я этого не делал.

– Неужели. Давай-ка поговорим насчет домашнего кино. Особенно про одну видеокассету, там Карен сама себя заводит при помощи дилдо. Ее задница снята под хорошим углом. И вот совпадение, записано оно в твоей квартире.

– Я знаю эту видеозапись.

– Должен знать. Ты же ее и сделал.

– Я скопировал ее из коллекции Беллы. Она должна была сказать.

– Белла сказала, что у нее такой записи не было.

Пауэлл посмотрел на Беллу из-за спины Райана.

– Белла, пожалуйста... этот человек меня убить готов. Скажи ему, что это была твоя запись.

– Она не моя.

– О боже, я вижу, что происходит. Пожалуйста, он не сможет доказать нашу причастность. Это блеф. Не говори ничего. Обещаю, с нами все будет в порядке.

Белла встала и вышла из комнаты. Пауэлл снова позвал ее, его голос дрогнул, но она не остановилась и даже не обернулась. Когда за ней закрылась дверь, мне стало страшно. Похоже, сегодня произойдет нечто необратимое, события развивались со скоростью локомотива, несущегося в неизвестность. И запустил их я.

Райан хихикнул.

– Похоже, дела твои плохи, папаша. Но у тебя есть последний шанс. Закатай рукав. У тебя есть здоровые вены?

– Что ты собираешься делать?

Райан достал из кармана куртки шприц, и снял колпачок.

– Мне понадобится немного твоей крови, чтобы сравнить твои ДНК с теми, что нашли в теле.

– Вы что-то нашли в ее теле?

– Так будешь сотрудничать или нет?

– Конечно, буду. Тест докажет мою невиновность.

– Да-да.

Райан набрал в шприц крови из правой руки Пауэлла, затем закрыл иглу колпачком, и убрал обратно в карман. Старик раскатал рукав обратно, и попытался встать, но до того, как он успел полностью выпрямиться, Райан достал наручники и заковал руки старика у него за спиной.

– Пока я не получу твой анализ крови, Пап-почка, я хочу, чтобы ты находился там, где я смогу тебя найти.

Мы с Райаном потащили Пауэлла в подсобку, расположенную в подвале. Дверь оказалась не слишком крепкой на вид, поэтому Райан открыл один из наручников, протянул его за трубой и застегнул снова. Пауэлл, казалось, смирился. Когда мы уходили, он даже не поднял голову, просто сидел возле трубы. Молча.

Первый этаж. Мы с Райаном шли к парадному входу.

– Довольно жестоко.

– Оно того стоит...

– Ты заковал его в наручники и запер, когда ты приведешь его в участок, он будет выглядеть не лучшим образом.

– Предоставь мне самому позаботиться об этом.

– Мы просто оставим его там?

– А что ты собирался сделать, отсосать ему?

– Он наркот.

– Несколько дней назад схватить его казалось целью всей твоей жизни, так не бзди, когда переходишь к активным действиям. Если так беспокоишься, дай ему рюмку.

Райан уехал проводить анализ в одной из полицейских лабораторий, где у него были связи. Я пошел наверх трахать Беллу, мы ни словом не обмолвились о ее отце. Когда она уснула, я включил телевизор и смотрел шоу про полицию, пока не заснул сам.

Около трех часов ночи я проснулся и пошел проведать Пауэлла. Рвотой в подсобке не пахло, наверное, он еще не дошел до такого состояния, но пахло потом, похоже, скоро уже начнутся судороги в мышцах ног. Пауэлл сказал мне, где у него тайник с наркотиком, я сходил туда и приготовил ему дозу. Вмазавшись, он попытался заговорить со мной, но я не хотел его слушать. Я не хотел больше ничего знать, и так много натворил.

Я поднялся по лестнице и снова заглянул к Белле, но Райан уже вернулся и зарылся

лицом у нее между ног, довольно хрюкая. Я нашел кровать в другой комнате. Я лежал и думал, чем бы таким догнаться. Но завтра у меня были съемки, проспать нельзя.

Глава тридцать пятая

У Лорн был приятель с Гавайев, иногда он присылал ей метамфетамин. Очень вовремя, ночью я спал хуево, поэтому утро встретил отнюдь не в радостном расположении духа. Мы курили его через стеклянную трубку, напоминавшую составную часть какого-то химического прибора. Действует как амфетамин, только гораздо дольше. Мозги начинают работать быстрее, физически чувствуешь себя хорошо, повышается концентрация. Отличный наркотик, но не особо распространенный, слишком дешевый для дилеров, с крэка они получают гораздо больше. Говорят, если выкурить его слишком много, то начнешь слышать голоса, и они расскажут тебе все, что угодно. Когда мы уже стояли перед камерой, Джеймс ворчал, что мы слишком торопимся. Пришлось принять пару таблеток, чтобы уравновесить неуемную активность. В обед мы изображали из себя нормальных людей — катались на автобусе, возившем туристов по всяким заезженным местам Голливуда. Мы задавали водителю вопросы, и валяли дурака, вели себя, как на шоу.

Под конец дня Лорн пригласила меня сходить с ней в корейскую баню, которую она недавно нашла. Я сразу представил, как лежу голый, отключившись ото всего, вокруг нет ничего, кроме ее обнаженного тела и жаркого пара, поднимающегося из воды. Звучало заманчиво, но я не мог себе этого позволить. Дела в Малибу приближались к своему кульминационному моменту, и нельзя было пускать их на самотек. К тому же, я чувствовал ответственность за Пауэлла, если я не дам ему дозу, то кто.

По дороге домой я подумал о Рексе. Накачанный героином, он круглыми сутками сидел перед телевизором, олицетворяя самим собой ответ девяностым. В те времена все активно сравнивали свой образ жизни с другими. Конечно, следует лучше выбирать телепрограммы. Документалистика, передачи про природу, шоу, посвященные малоимущим — это ничего, их образ жизни мало чем отличается от твоего. Но лучше перестать думать о том, какими великими жизнями живут продюсеры, режиссеры, операторы, телеведущие... И уж точно не следует даже случайно попадать на каналы вроде «Спеллинг» или «Старр».

Я позвонил Рексу на мобильный, но, судя по звуку, телефон был отключен. Ничего удивительного.

Вернувшись в Малибу, я достал все оставшиеся у Пауэлла наркотики и пошел напрямиком в подвал. Ему только заклеили рот изолянтной, но в остальном оставили все, как было. Пиджак Седовласого местами потемнел от пота, на стене виднелись следы мочи, ближайшее место до которого могла достать струя. Я подумал дать ему воды, но мне не хотелось снимать изолянту. Поэтому я просто вколол ему героин и пошел наверх.

Райан и Белла уже ждали меня, сидя за круглым столом из орехового дерева. За окном в сумерках виднелись очертания леса. Судя по всему, мои друзья сидели здесь уже давно.

— Джеки, а мы как раз говорили о тебе. Ты был прав с самого начала. ДНК совпало. Пауэлл тот, кто нам нужен.

— Ты получил результаты?

— Полчасаназад, образец спермы совпадает. Мы с Красоткой думаем, что лучше всего

предпринять.

- Арестовать его, конечно.
- Не лучший вариант.
- О чем ты говоришь? Ты должен его арестовать.

Тут вмешалась Белла.

– Джек, все гораздо сложнее. Для всех нас. Признаю, сама думала отдать его под суд, но мы не можем. Он слишком тесно связан со мной.

– Но ты же не имеешь отношения к убийству.

– Конечно не имею. Но полиции отнюдь не понравятся мои увлечения. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

– Она хочет сказать, Джеки, что в этом случае и ее прихватят. Смерть Карен тесно связана с операциями на почки, полиция без труда распутает это дело, они же не слепые. К тому же, никогда нельзя предугадать, как пойдет расследование. Даже если начнут с того, что Пауэлл убийца, все может в одночасье обернуться против нас. Может какого-нибудь копа взбесит, что Красотка богатая, и он интерпретирует улики совсем не так, как их вижу я. Кто знает? С уверенностью можно сказать только то, что если мы станем действовать в соответствии с законом, то все огребем по полной, так или иначе. Красотка получит срок за одни операции, достаточно одной улики – а там и до доказательства твоего соучастия недалеко. Не говоря уже о том, что без поддержки Беллы ты вряд ли сможешь жить прежней жизнью.

– И не говоря уже о том, что расследования вскроет и твой шантаж, – сказал я.

– Верно, Джеки, ты быстро все схватываешь — мы в одной лодке.

Белла взяла меня за руку и тихо сказала:

– Звучит ужасно, но единственное, что мы можем сделать...

Она замолчала, затем откинула назад волосы, словно собирала в кулак всю свою волю.

– Мы должны убить его.

– Да, верно.

– Я серьезно. Другого пути нет.

– Ты правда хочешь убить его?

– Ты видел, что он делает с собаками. Если так хочешь, Райан расскажет, что он сделал с Карен. Он неуравновешенный. На что он пойдет, если мы не покончим с ним раз и навсегда? У него не останется выбора, кроме как убить всех нас.

– Думаю, в тюрьму тебе неохота.

– Уверена, у Райана есть опыт в таких делах, и мы сможем избежать этого.

– Он собирается этим заняться?

Райан положил локти на стол и наклонился ко мне.

– Да, Джеки, а за миллион баксов кто бы не согласился? Кроме того, у меня к нему свои счета.

– Белла даст тебе еще миллион долларов?

– Красотка обещала мне его за быструю и качественную услугу. У меня нет повода ей не верить. Но вот что нам нужно обсудить, Джеки-бой, так это твое участие. Видишь ли, мне понадобится помощь.

– Ни хрена.

Райан изобразил на лице искреннее удивление.

– Почему, Джеки? Не будь таким неблагодарным.

– Я не нужен тебе. Ты сам лучше справишься.

– А вот здесь ты ошибаешься. Ты мне нужен. Видишь ли, я не хочу, чтобы ты остался в стороне и думал, что все прошло мимо тебя. А то вдруг через несколько лет у тебя развяжется язык. Нет, мне гораздо спокойнее, если ты будешь паинькой и плотно связан со мной. И, кроме того. Ты везде снимаешь пенку — дом здесь, машина там, собственное шоу. Бля, я и тут за тебя лямку тянуть должен. Пора уже дать кое-чего взамен, сынок.

– Нет.

– Тебе не придется самому спускать курок, просто помоги, если он начнет брыкаться, вот и все. Ничего сложного.

– Тед, оставь на время нас одних.

Услышав, что она использовала его по имени, я понял, что по уши в дерьме. Райан вышел, а Белла села ближе ко мне.

– Подумай, Джек. Мы теперь не можем отпустить Пауэлла, мы зашли слишком далеко. Рано или поздно он уничтожит меня. Неужели тебя это не беспокоит?

– Конечно беспокоит.

– И согласишься, он должен понести наказание за то, что сделал с Карен?

– Ну, да, но убивать... Слушай, ты вырезаешь почки и суешь их себе в пизду, а Райан считает, что его работа дает ему возможность убивать других. Но я простой парень. Я никогда ничего такого не делал. Ты не можешь просить меня убить человека, господи боже.

– Но я прошу, Джек. Как сказал Райан, ты должен дать что-то взамен. Он хочет, чтобы ты просто смотрел.

– Но смотреть для меня не менее ужасно, чем попасться.

– Джек, я хочу быть уверена в твоей любви, докажи ее. Я многое дала тебе, но любовь взаимное чувство, а не игра в одни ворота.

– А что насчет Райана? После этого он точно не отвяжется.

– Он уйдет, и все станет гораздо лучше, чем раньше.

– Не думаю. Полагаю, он останется тут навсегда, будет тянуть из тебя деньги и трахать.

– Он уйдет.

Когда Белла сказала это во второй раз, я ей поверил. Я услышал в ее голосе нечто очень злое, я бы испугался, скажи она так про меня.

Итак... посыл был прост: отказаться смотреть как убивают человека и попроситься со своим райским уголком, или с мужеством выдержать это зрелище и получить еще больше. Выбирать не приходилось. Я ответил «да». Полагаю, после смерти Карен я неумолимо двигался в эту сторону — начиная от торговли задницей и дрочением на фотографии с мертвецами, заканчивая сексом с мертвой чиксой в морге. Прокатиться с Райаном совсем не трудно. Особенно когда знаешь, что на кону.

Райан вернулся. Весь оставшийся вечер прошел как в ускоренной перемотке. Я чувствовал себя плохо и неуютно.

Около одиннадцати часов я и Райан отправились в путь на «Ягуаре». Мы надели непромокаемые костюмы и комбинезоны, полицейский купил их в магазине спортивной одежды в торговом центре. Головы скрыли под капюшонами. Пауэлл сидел на пассажирском сидении, руки скованы за спиной, рот снова заклеили изолянтной лентой. Райан вел машину, я сидел сзади. Тонированное стекло защищало нас от сотен глаз этого мира. Ведь двое парней, одетых безоблачной калифорнийской ночью, как в сезон дождей, да еще с человеком с заклеенным ртом, привлекли бы много внимания.

Райан хотел, чтобы все выглядело как неудавшийся гей-съем, ему было нужно место, где вероятность наткнуться на представителей закона минимальна. Поэтому мы поехали на улицу с проститутками. Я видел голову Пауэлла сбоку, старик выглядел измотанным и опустошенным. Он провел сутки прикованным к трубе, да еще получая меньше героина, чем обычно. Но это было еще не самым страшным. Пауэлл знал, что его ждет, и понимал, что ничего не может с этим поделать. Я уставился в окно и принялся считать пальмы.

Мы ездили кругами. Сначала к шлюхам, потом к пидорам. Мы сделали два круга, если кто запомнит машину, то решит, что водитель кружил в поисках живого товара. Я понимал, каждый виток дороги приближал нас к кульминационному моменту, я почувствовал неконтролируемое желание помочиться. Я сжал ноги и обхватил руками колени. Мои руки вспотели под резиновыми перчатками, которые мы с Райаном выбрали в качестве аксессуара к нашим непромокаемым костюмам. Я думал, мы станем использовать хирургический латекс, но он слишком легко рвался. Наверное. Знания Райана пугали, но в тоже время его опытность придавала мне уверенности. Я решил, что если кто и может убить безнаказанно, то только он.

Мы свернули с улицы на пол пути, там, где стояли парни, и поехали в сторону ночлежек для бродяг и складов, из которых состояло все южное крыло этого района. Большинство уличных фонарей не работали, никого поблизости не было. Райан свернул с дороги на погрузочную площадку какой-то заброшенной мексиканской компании. Стоял кромешный мрак, и из окон домов ничего невозможно было разглядеть.

Мотор выключен, стояночный тормоз включен. Настало время. Время приступить к делу и молиться, что я, блядь, смогу потом с этим жить.

Райан повернулся в кресле, словно собирался побеседовать с Пауэллом, но его лицо выражало совсем другое. Фактически оно представляло собой белый круг цвета шпатлевки, наполовину скрытый капюшоном.

– Думаю, ты догадываешься, каков был результат теста твоей крови.

Пауэлл пронзительно загундел носом.

– Что сказал, папаша? Ты этого не делал? Это не ты распотрошил мою девочку и накончал в образовавшуюся дырень? Ничего себе, может я ошибся?

Райан задрал подбородок кверху, словно задумался, но затем покачал головой.

– Нет. Никакой ошибки нет, ты уебок. Ты вытащил ее потроха, тебя это возбудило. Теперь моя очередь отрываться.

Райан вытащил нож из дверного кармана машины, судя по виду, он предназначался для свежевания животных: короткое широкое лезвие, заточенное с обеих сторон. Пауэлл затряс головой в разные стороны и загундел еще громче, в машине его вопли просто оглушали. Наши с ним страхи слились в единое напряжение, у меня встал член. Я даже немного удивился, но списал это на стресс.

Райан распахнул пиджак Пауэлла, расстегнул пуговицы на рубашке и ширинку на брюках, обнажив старика от горла до лобковых волос. У Пауэлла оказалась такая же бледная кожа, как и у Беллы, только менее гладкая.

– Тот, кто продал мне нож, говорил, что он настолько острый, что им можно делать операции. Проверим, правду ли он сказал.

Пауэлл начал метаться из стороны в сторону. Он был слаб и истощен, но его дерганье сильно затруднило задачу Райана. Тогда я и вмешался. Я обхватил руками верхнюю часть груди Пауэлла, и зафиксировал старика на месте.

Когда нож коснулся его грудины, я услышал, как Пауэлл обосрался, не только поток воздуха, но еще и хлюпающий прерывистый звук, словно он решил полностью освободить свою толстую кишку. В машине стояла отвратительная вонь, но мы все равно не открывали окна.

— О, дорогуша. Что-то не то съел? Может, я смогу это найти.

Райан сделал прямой разрез сверху вниз — неглубокий, четверть дюйма. Пупок Пауэлла находился между двух жировых складок, полицейский направил нож в обратную сторону прямо через них. Пару секунд рана напоминала причудливый шрам с белыми краями и красным центром, она больше походила на трещину, чем на разрез. Из нее потекла кровь. Вот тогда Пауэлл задергался по-настоящему, мне пришлось буквально повиснуть на нем. Я наклонился вперед и прижался грудью к пассажирскому сидению, так было удобнее. Моя голова оказалась рядом с головой Пауэлла, моя щека прижалась к его плечу. От крика старого хирурга у меня заболело ухо. Я видел, как между его ног потекла кровь. Мне стало дурно, хотелось, чтобы все поскорее закончилось. И мой член продолжал стоять.

Райан сделал еще один разрез, ровно по той же линии, на этот раз глубже, рассекая жир и кожу. Показались брюшные мышцы. Пауэлл изогнулся дугой над сидением, Райан криком велел мне держать его крепче. Я делал все, что мог, но удержать старика было трудно, кровь хлестала повсюду, она попадала мне в глаза, периодически приходилось протирать их одной рукой. Райан дождался, пока Пауэлл упадет обратно на сидение, затем продолжил резать. Он внимательно продумывал каждое действие.

Когда живот был полностью вскрыт, произошел какой-то внутренний взрыв. Края разреза растянулись в стороны, словно внутри разогнулись пружины, и наружу повалились дерьмо и кишки. Пауэлл кричал и дергался в моих объятиях, у меня в штанах словно кто-то включил шланг. Будь у меня время на размышление, я бы, наверное, смутился, но Райан продолжал вытаскивать из Пауэлла органы, а мне нужно было держать старика в вертикальном положении.

— Мерзкий старый уебок.

Райан сбросил комок потрохов с перчатки и сел на сидение, тяжело дыша. Он выглядел очень уставшим.

— Может стоило растянуть? Что думаешь? Я поторопился? Черт, если бы только Карен могла это видеть.

Теперь Пауэлл стал слишком тяжел, я отпустил его. Голова мертвеца опустилась вниз, но сам он остался неподвижен.

— Знаешь, Джеки, ты же видел копов по телеку, как они сопли распускают, когда кого-нибудь пристрелят — это шоу, херня это все. Я после такого всегда чувствовал себя превосходно. Особенно сейчас. А ты как? Хорошо себя чувствуешь? Готов поспорить, ты не сможешь забыть такое.

Я окинул взглядом салон машины. Кровь была повсюду. Она текла по окнам и приборной доске, милостивый английский коврик буквально купался в ней. Нет, такое я, похоже, не скоро забуду.

— А ты побледнел, Джеки.

— И чувствую себя также.

— Просто напоминай себе, что ублюдок убил твою жену, и придешь в норму. Сними с него скотч и убываем отсюда.

Райан вылез из машины и начал стягивать с себя непромокаемые шмотки. Я приподнял

голову Пауэлла и вытащил изо рта кляп. Он сделал хриплый вдох, словно был чем-то сильно опечален, и открыл глаза. Я аж подпрыгнул и чуть не позвал Райана, но старый хирург что-то прошептал. Его голос, казалось, звучал из водостока.

– В морозильной камере...

Пауэлл проблевался кровью на собственные кишки и окончательно умер.

Я вышел из машины и встал между ее блестящим черным багажником и грязной бетонной площадкой, предназначенной для разгрузки фур. Я снял дождевик и принялся вытирать лицо бумажными салфетками. Райан собрал все испачканные кровью вещи в чемодан, он сказал, что выбросит его в другом месте, подальше отсюда.

Мы вышли обратно на улицу, потом вверх к Голливудскому Бульвару, а там взяли разные такси и встретились на перекрестке Пасифик Кост и Бульвара Закатов, где Райан припарковал свой «Плимут».

На шоссе, ведущем в Малибу, машин почти не было. Я уставился на среднюю полосу дороги и думал о Карен, которая начала все это, а теперь не может уже ни на что повлиять. Шок от убийства очистил мои мысли, теперь я понимал, месть за ее смерть никогда не являлась для меня чем-то важным. Карен превратилась в еще одно имя в большой игре. Какое-то время я размышлял о том, как так получилось, что человек, с которым я прожил два года, стал мне настолько безразличен. Затем я вспомнил кое-что услышанное на заднем сидении «Ягуара».

– Как ты мило сказал «моей маленькой девочке»?

– А?

– До того, как ты начал резать Пауэлла, ты назвал Карен, своей девочкой.

– Так я сказал или эдак. Какая нахуй разница?

– Ты никогда ее так не называл.

– Как я уже сказал, какая нахуй разница?

– Кое-что не складывается.

– А что вообще складывается в этой жизни?

– Я не могу себе представить, что ты так рисковал, пошел на убийство, просто ради какой-то шлюхи, которую едва знал. Не похоже это на тебя. И то, как ты поступил... Пауэлл мог бы отстегнуть тебе немало баксов, но ты его грохнул, как только получил доказательство. Такое ощущение, что ты вообще не думал о деньгах. А ведь такой как ты скорее стал бы тянуть с него деньги.

– Может я думал о Белле, а может я более человечный, чем ты думаешь.

– Господи, так я тебе и поверил. Ты ее трахаешь, но ты бы не стал убивать только из желания ей помочь.

– А как насчет миллиона баксов?

– Ты бы легко получил его, продолжая шантажировать Беллу, угрожая обнародовать ее операции. Черт, да Пауэлл сам бы тебе это предложил, только бы избежать смерти.

Райан ничего не ответил. Он просто смотрел сквозь ветровое стекло, делая вид, что сосредоточен на дороге.

– И ты, по сути, замучил его до смерти. Почему бы просто не выстрелить ему в голову? Это было бы гораздо безопаснее, чем сидеть там столько. Ты слишком много времени уделял всему этому, устроил настоящую казнь. Все это значило для тебя гораздо больше.

– Хорошо, Джек! Хватит.

– Я помог тебе это сделать. Я имею право знать.

Райан злобно посмотрел на меня, затем вздохнул уже с более спокойным лицом.

– Ни у кого нет прав, Джеки. Только не тогда, когда права реализуются. Еда, жилье, любовь, жизнь... у тебя нет права ни на что. Все, что ты можешь, это брать как можно больше, в надежде урвать кусок, прежде чем сдохнешь. Но, думаю, теперь все кончилось, и нас с тобой кое-что связывает. Поэтому я тебе расскажу. Только Красотка ничего не должна об этом узнать. Никогда.

– Конечно.

Райан сместил вес всего тела на одну ягодицу и вытащил бумажник. Он раскрыл его, затем большим пальцем вытащил старую потрепанную фотографию — совсем юная девочка-подросток, игривая и миловидная, светлые волосы коротко пострижены, одетая в шорты и безрукавку. Она стояла, прислонившись к забору старого дома, такие обычно строили в самых дерьмовых районах долины. Ошибиться было невозможно — Карен.

– Не понимаю.

– Она была моей дочерью.

Голос Райана звучал тихо, словно он боялся, что эмоции возьмут над ним верх.

– Я зачал ее со шлюхой, с которой трахался, когда только устроился в полицию. Мы разошлись, но я не терял связи. С Карен, а не со шлюхой. У меня в жизни было не так много занятий, я решил, лучше не терять дочь. Какое-то время все шло неплохо, мы хорошо проводили время, но когда у Карен начали расти сиськи, она стала совершенно неуправляемой, велела мне вообще не появляться. Я пытался помочь ей деньгами, но, похоже, ей хотелось, чтобы я вообще исчез. В пятнадцать она убежала из дому. Я не видел ее пять лет с тех пор. Как-то раз ночью, я работал в Санта-Монике и встретил Карен, она торговала своей задницей. Я не стал ей докучать, все, чего я хотел, это немного общения — то чувство, когда у тебя есть ребенок, никогда тебя не покидает. Но у нее ко мне никаких чувств не было. Карен сказала, что если я хочу проводить с ней время, то должен покупать ее. Она сказала это только чтобы тянуть с меня деньги, меня это сильно разозлило — платить за то, чтобы трахать собственную дочь. Сначала меня это коробило, но Карен превосходно трахалась. И что мне оставалось делать? Когда тебе пятьдесят и семьи нет, мир становится неуютным местом. Мы регулярно занимались сексом, но за четыре месяца до убийства ее начало это раздражать, и она велела мне валить нахер. В следующий раз я увидел ее уже в морге.

Райан убрал фото и прочистил горло.

– Поэтому я убил Пауэлла. И именно таким способом. После результата анализа ДНК ждать смысла не было. Крутанул Красотку на миллион долларов, да? Я бы это бесплатно сделал.

– Ты бы не стал никого арестовывать, так? Ни меня, ни Беллу, ни кого-либо другого.

– Карен заслуживала чего-то большего, нежели системного расследования. Кому она там нахуй нужна? Черт, появляется дело мертвой шлюхи, да полицейским пришлось бы жребий тянуть, кому оно достанется. Никто бы брать не захотел. Все заняты делами, которые сулят перспективы. И если даже какой-нибудь коп доведет дело до суда, убица получит лет десять, или того меньше. Если это окажется бродяга или наркот, они начнут просить смягчить наказание. Если кто-то богатенький, станут тянуть деньги. Я не мог все так оставить. Я хотел убедиться, что преступника постигло наказание.

Я ничего не мог сказать. Мне вдруг захотелось смеяться над вновь открывшимся нелепым обстоятельством — Карен дочь Райана. Но не стал, в тоже время все это было

очень грустным.

Райан принял таблетку от сердца и зажег сигарету. Фары машины рассекали ночной мрак. Слева от нас вздыбился океан, он напоминал громадного зверя, выжидающего момент, чтобы наброситься. Я предложил выкинуть туда чемодан. Но Райан сказал, что мне не стоит беспокоиться, он сам разберется с ним.

Остаток ночи мы провели в Малибу, закатали большую групповуху — думаю, Белла решила, что мы заслужили вознаграждение. Мне хотелось проглотить чего-нибудь и заснуть надолго. Но после убийства я чувствовал себя беспокойно, у меня началась паранойя, я боялся оставить их одних, вдруг они начнут чего замышлять против меня. Когда траханье, наконец, закончилось, я лег, свернувшись калачиком. Я задумался о словах Пауэлла, которые он прошептал в залитой кровью машине. *В морозильной камере.* Что бы это значило? Возможно, он уже просто обезумел от боли и страха, и его слова не значили ничего. С другой стороны, если говорит умирающий, его словам трудно не поверить, они кажутся важными.

Райан съехал на следующий день, забрал наличку и «Бентли», он взял с собой меня, я ехал за ним на «Плимуте» к бунгалу, которое он снял в Уэствуде. Милый дом в милом райончике, не слишком яркий, но вполне подходит среднему классу — одно из тех мест, где никто не станет задаваться вопросом, откуда у тебя деньги, если ты хорошо выглядишь. Я взял такси и вернулся в Малибу. Там я собрал вещи и уехал на «Мустанге». Райан велел мне исчезнуть до того, как копы позвонят Белле о том, что нашли ее отца — шныряющий неподалеку любовник вызовет слишком много подозрений, сказал он.

Когда я уезжал, Белла стояла, положив руку на дверь машины.

— Ты был очень храбрым, Джек.

— О да.

— Ты представить не можешь, как я рада освободиться от него.

— Райан никуда не делся. Он наверняка вернется, когда у него закончатся баксы.

— В нашем будущем его нет.

— Надеюсь.

Мы поцеловались, я завел машину. До того, как я тронулся в путь, Белла погладила мое лицо.

— Так жаль с тобой разлучаться. Я буду думать о тебе каждую минуту.

— И я тоже.

Глава тридцать шестая

Райан решил затихариться на восемь недель. На то, чтобы установить, что Пауэлла убили неизвестные, и закрыть дело с миллионом неразгаданных загадок, у полиции ушло четыре. Предположили, что на него напали, когда он пытался снять шляху. Но Райан не хотел рисковать.

Время тянулось невыносимо медленно, финал всей истории мог оказаться трагичным. Сначала я боялся ареста, потом долгой разлуки с Беллой, ведь это могло положить конец нашим отношениям, и всем моим последним успехам. На работе я чувствовал себя неплохо, но свободное время стало просто невыносимым. Пытаясь хоть как-то подавить чувство

страха, я стал приглашать Лорн к себе в Уиллоу Глен. По крайней мере, теперь это было не так глупо, я полагал, что Белла не нагрянет ко мне на время «безопасного периода».

Лорн оставалась у меня четыре ночи в неделю. Похоже, ей нравилось то, как мы проводили время. Думаю, она хотела усилить то чувство, что возникло между нами, хотела оказаться в таком месте, где мы сможем полностью открыться друг другу. Конечно, я не горел желанием играть в эту игру. Но иногда, обнимая ее перед сном, я поймал себя на мысли, что хотел бы *от нее* получать жилье, машины, и эфирное время. Тогда бы у меня было все.

Одинокими днями и ночами, в свободное от работы время, я бесцельно катался по Лос-Анджелесу. Думал, это поможет мне побороть свои страхи. Но не помогало. Как-то раз я почувствовал себя так мерзко, что остановился возле телефонной будки и позвонил Белле. Она сказала, что любит меня, и в красках описала, как хорошо нам будет вместе, когда все наладится, мне стало немного легче. Белла даже начала смотреть «двадцать восемь кадров», так сильно по мне скучала. Я тоже его смотрел, и шоу вгоняло меня в депрессию. Я посчитал, сколько времени мое лицо появлялось на экране во время получасовой телепередачи. Обычно не более четырех минут.

Один раз мы с Лорн выбрались потусить в клуб Дэна Эйкройда. Там я попросил ее сделать несколько фото на «Полароид»: я возле бара среди звезд киноиндустрии.

Той ночью я заперся в туалете и разглядывал фотографии. Искал ответ на вопрос, чем же «элитная порода» лучше меня. Но я не смог разгадать эту тайну. Поэтому перемешал новые фотографии с теми, что дал Райан, и принялся быстро перебирать их: вот я в нескольких футах от Вуди Харрелсона, вот мертвая девушка с ломом в заднице, вот мое лицо выглядывает из-за спины Оливера Стоуна, беседующего с каким-то режиссером из Новой Зеландии, а вот трахающиеся трупы с мешками на головах. В ярких фотографиях скрывалось нечто мне очень близкое. Но что именно? Возможно, я уже это смутно понимал, но никак не мог полностью осознать.

Когда «безопасный срок» уже близился к завершению, и предстояло воссоединение с Беллой, я перестал звать к себе Лорн. К сожалению, ее визиты не прекратились. Теперь она могла нагрянуть без приглашения, а отправить ей по факсу отказ означало указать, что наши отношения идут совсем не так, как мы планировали. Я не хотел полностью порвать с Лорн, но и подвергать себя опасности тоже, что если они столкнутся с Беллой. Это была очень тонкая грань, думаю, я не слишком хорошо на ней держался. В последний раз Лорн уехала до рассвета. Ни слез, ни истерик, но по выражению ее лица я понял, что наш роман не оправдал ее надежд. После, я некоторое время ходил осунувшимся, но что делать? Если бы я ее любил, все было бы по-другому.

Глава тридцать седьмая

Возвращение в Малибу. Снова оказавшись рядом с Беллой и ее деньгами, я почувствовал себя гораздо легче. Мы всеми способами отмечали наше воссоединение, много трахались. Райан больше не жил с нами, но пару раз в неделю врывается в нашу жизнь, подобно жирному призраку. Потрахаться и побывать в местах скопления богатых людей — дополнительная плата за расправу над Пауэллом, о которой я не знал. Райан ушел из

полицейских, и ему в голову пришла дебильная идея, что если он заведет знакомство с нужными людьми, то сможет пробиться на должность технического консультанта в шоу о полицейских.

Он подкинул мне еще фотографий; сказал, что это последние — не работая в полиции достать их не так просто. Фотографии из папки с уликами с последнего задержания — двое парамедиков решили подзаработать баксов, удовлетворяя запросы самых безбашенных людей. Погрузив труп в «скорую» они достали фотоаппарат и занавесили тело, так что было невозможно определить, где все происходит. Я насчитал три глянцевых фотографии: блондинка за двадцать с раздвинутыми ногами, кабель, на котором она повесилась, глубоко въелся в ее шею; та же девушка, развернутая на сто восемьдесят градусов, а парамедик засунул кулак ей в пизду; фотография бюста темноволосой женщины, никаких отметин на теле, но она определенно была мертвой, глаза распахнуты, губы слегка приоткрыты.

Работа с Лорн в «Двадцати восьми кадрах» шла своим чередом. Иногда она бывала слишком холодна, но мы не скатились на простые деловые отношения. Мы продолжали уединяться и трахаться. Единственное, меня не устраивал остановившийся рост эфирного времени. Я подумал, что лучше попросить о помощи Беллу, пока наше воссоединение находится на пике страстей. Поэтому одной ночью, вернувшись в Малибу, я намеренно вел себя раздраженно, чтобы она заметила.

— Разве ты не счастлив, Джек?

— О, конечно...

— Но?

— Райан никуда не делся, он пугает меня.

— Это не навсегда.

— Звучит довольно уверенно.

— А ты чего от меня ожидал? Но мы уже говорили о нем, что случилось-то?

— Досадная помеха на нашем празднике.

— Ты больше не рад?

— Конечно я рад. Моя мечта сбылась. Но я не двигаюсь дальше. Мое эфирное время почти не увеличилось.

Белла ненадолго замолчала, словно оказывала мне великую честь.

— Наверное, я попрошу Говарда поговорить с Бернсом. Это будет немного нечестно, они заберут время у девчонки, а ведь она стояла у истоков этого шоу. Но думаю, из-за нескольких минут проблем не возникнет. Но я попрошу тебя кое о чем взамен.

— О, все, что угодно.

— Конечно, очень хорошо, что Пауэлл исчез, но есть и определенные трудности.

— Я думал, с полицией все улажено.

— Я об операциях.

— Ты собираешься продолжать?

— Конечно.

— Это не опасно? Они ведь только-только закончили расследование.

— Не более опасно, чем раньше. Но точка невозврата уже пройдена, я не собираюсь завязывать.

— Только не говори, что хочешь, чтобы я подыскивал тебе доноров.

— Именно.

— Господи, я помог тебе убить отца. Я думал, всему этому пришел конец. Попроси

Райана.

– Не глупи. Все, что тебе нужно, это кататься по городу, находить подходящих людей, и предлагать им деньги. Они сразу ухватятся за малейший шанс, поверь мне.

– Пока я не подберу не того, и меня не схватят. Может, просто продолжишь работу терапевта?

– Риск сведен к минимуму. И я думаю, это не самая большая просьба для любимого человека.

– Я люблю тебя.

– Хорошо. Мне нужен новый донор и как можно быстрее. Уже два месяца прошло.

На следующий день, когда я закончил работу в студии, Бернс вызвал меня в технологический отдел и сказал, что они увеличат долю моего участия в шоу. Теперь меня назначили ведущим обзоров новых серий, важный сегмент, который раньше вела только Лорн. То, с каким смирением в голосе он отдал мне ведение новостей, не омрачило восторга, который я почувствовал в надежде на дальнейший рост моих публичных выступлений. Когда я шел на парковку мимо звукозаписывающих студий, я посмеивался над самим собой, говоря, что я больше не жульничаю в этом мире гениальных кинозвезд. Но телефонный звонок не заставил себя ждать. Когда я свернул с Голливудского Шоссе в Хайленд, последствия моего карьерного роста уже стучались в дверь моего дома. Лорн сильно разозлилась, что у нее украли эфирное время, наш затухающий роман только усилил ее обиду. И, что хуже всего, теперь я был в еще большем долгу перед Беллой и никак не мог отказать ей в поиске новых людей, готовых продать почку.

Глава тридцать восьмая

Ночь. Белла в подвале своей клиники на Абрикосовой Аллее. Она ждала. Я согласился найти жертву, но решил начать с более безопасного варианта, чем прочесывать улицы.

Откинув крышу «Мустанга», я ехал к Каньону Бенедикта. Стараясь не думать о том, что делаю, я включил радио на полную громкость. Некоторое время это помогало, но когда я припарковался возле дома Рекса, то уже не мог отогнать мысли о том, в какого мерзавца превратился. А может я всегда таким был. Но, черт возьми, если бы забраться наверх было легко, тут бы мог оказаться любой.

С моего последнего визита прошло много времени, это место выглядело заброшенным. Между домом и тротуаром выросли небольшие пучки травы, которую никто не стриг, все вокруг было завалено газетами и пустыми железными банками. С входной двери свисали усики джакаранды. Я позвонил Рексу заранее, но его телефон был по-прежнему отключен. Я даже не знал, жил ли он еще здесь.

Оказалось — жил. И с моего последнего визита все стало еще хуже. Из освещения остался один телевизор, ковер под ногами был покрыт чем-то липким, местами виднелись свернувшиеся кольцом наполовину оторванные обои, кучки дерьма в углу, запах рвоты и фекалий. И посреди всего, прислонившись спиной к тому, что осталось от дивана, растянулся на полу Рекс. Он напоминал заключенного Берген-Бельзена. Рекс сильно исхудал, одну-две недели назад он налысо побрил голову. Кожа головы под небольшим «ежином» была серого цвета, она плотно прилегала к черепу. В изгибе каждого локтя Рекса

виднелись следы уколов, небольшие ранки сочились гноем.

– Пришел меня спасать?

Спросил он гнусавым голосом. Рекс ухмыльнулся, его зубы выглядели совсем нездорово.

– Можно и так сказать. Хочешь подзаработать денег?

– Сколько?

– Тридцать тысяч.

На этот раз он не пытался зубоскалить. С нашей последней встречи, Рекс уже понял, что я не стану приходить ради пустых разговоров. Я смотрел, как он мысленно переводил эту сумму в дозы героина. До конца жизни хватит. Судя по его виду, еще и останется.

– Обслуживать твоего дружка-копа я пока не в форме. Давай что-нибудь другое только, говори.

Я выложил ему информацию о продаже почки, Рексу идея понравилась. Я позвонил Белле, и мы сели в машину.

По дороге на Абрикосовую Аллею Рекс пялился в окно так, словно впервые видел Лос-Анжелес, некоторые крупные районы он уже не узнавал. Я поехал вверх по Шоссе Каньона Бенедикта к Малхолланду, чтобы Рекс мог насладиться видом. «Возможно, это напомнит ему о нашей дружбе», – сказал я самому себе. Мы ехали тем же маршрутом, как в ту ночь, когда Рекс впервые взял меня на платное секс-мероприятие. Но, скорее всего, я делал это всего лишь потому, что сам хотел вернуться в то время, когда я не был способен на убийство, не возбуждался, глядя на фотографии с мертвецами, и не вез бывшего друга на съедение безумной миллионерше, чтобы остаться на экране телевизора.

По дороге Рекс почти не разговаривал. Лишь один раз он повернулся ко мне и посмотрел так просительно, что я решил, будто он сейчас расплатится.

– Мне так жаль.

Но когда я улыбнулся его словам и уже хотел было сказать, что все в порядке, Рекс резко отвернулся к окну и безучастно уставился на огни города.

Белла встретила нас в конце лестницы, ведущей из гаража, она уже надела зеленый халат хирурга. Ее темные глаза блестели. Она даже не пыталась заговорить с Рексом или успокоить его. Он пришел за деньгами, а она забрать его почку.

Белла велела Рексу раздеться и принять душ. Он прошел в ванную, что располагалась возле предоперационной. Белла нахмурилась, глядя на его тощую задницу.

– Он тебе близкий друг?

– А что?

– Будешь скучать по нему?

– Ты же у него просто почку заберешь.

– Он в плохом состоянии. Без Пауэлла мне придется использовать внутривенную анестезию. Я постараюсь максимально сократить время пребывания под наркозом, но есть риск дыхательной недостаточности, этот наркоз может навредить. И даже если он перенесет операцию, то одна его почка может не справиться.

– Он может умереть?

– Возможно, несколько дней он будет страдать от почечной недостаточности. Смешение героина и анестезии в его организме довольно опасно.

– Но он может поправиться?

– Не могу обещать.

– Господи, что ты хочешь, чтобы я сделал.

– Мне плевать, что ты будешь делать, пока у меня есть донор. Если хочешь, можешь поехать и привезти кого-нибудь еще, было бы здорово. Если хочешь, можешь предупредить его об опасных последствиях его выбора, как пожелаешь...

Она оставила последнюю фразу незаконченной, очевидно для того, чтобы подчеркнуть, что откладывание ночных дел отнюдь не принесет мне дополнительных очков. Я мог бы поехать и найти кого-нибудь, на Улице Шлюх не будет отбоя от разного человеческого мусора, который только и ждет халявных тридцати тысяч долларов. Но это было рискованно и напряжно, а Рекс и вовсе вышел бы из себя, если бы я лишил его шанса заработать денег. Но мне было наплевать, как пройдет операция. Рекс все равно собирался вскоре умереть, так пусть его смерть хоть кому-нибудь пользу принесет.

Я помог Белле подготовить Рекса — выбрил волосы на его левом боку и покрасил это место липким коричневым антисептиком. Наши глаза встретились, когда Белла вонзила иглу ему в тыльную сторону ладони и подключила к анестезии. В его взгляде я ничего особенного не увидел, покорность обстоятельствам, небольшой проблеск нерешительности, даже немного сожаления. Я мог бы сказать ему что-то обнадеживающее, но это не имеет смысла, когда тот, кого ты хочешь подбодрить, сам ищет смерти. Так что я держал рот на замке и смотрел, как он медленно терял сознание.

Белла хотела, чтобы я надел халат и находился рядом с ней во время операции. Но одно дело втянуть Рекса в ситуацию, где он может лишиться органа, совсем другое наблюдать, как это будет происходить. Поэтому, я помог Белле отвезти его на каталке в сверкающую зеленую операционную и положить под пучок лампочек, а сам поднялся по лестнице смотреть телевизор. Я заснул под звуки документальной передачи о китах, и спал, пока меня не разбудила Белла. Она устало улыбнулась, ее взгляд смягчился, любимая напоминала насытившегося вампира.

– Как там Рекс?

– В порядке. Состояние стабильно, но я не знаю, как долго оно продержится.

– Я хочу его видеть.

Выглядел Рекс неважно, его кожа посерела, под ней совсем не чувствовалось жизни. Он еще полностью не отошел от наркоза, но уже спрашивал, где его деньги. Рекс хотел сразу идти домой, но Белла запретила. Мы оставили его с капельницей в руке и медицинским аппаратом, который пичкал его морфием каждые пять минут, стоило ему нажать на кнопку. Белла заперла дверь.

Той ночью мы спали в одной из спален на верхних этажах подземной клиники. Впервые Белла не пыталась меня соблазнить, и меня это устроило. В тот момент я не чувствовал с ней никакой близости.

Глава тридцать девятая

Вечернее солнце, пальмы на фоне неба, все тот же приятный ветерок с пляжным песком. Лос-Анджелес. В этом городе можно жить по-разному. Черные убивают друг друга в Уоттсе, а кинозвезды трахаются друг с другом в Беверли-Хиллз. И где окажешься ты, зависит только от удачи. Но уж если тебе здесь повезет, то по-крупному — пляжный бомжара может стать киногероем, хуесоска супермоделью, торговец крэком рэп-звездой... из одной крайности в другую. И где-то среди всего этого болтался я, скользил по волнам Лос-

Анджелеса, играя совсем небольшую роль в том, чем славилось это место — возможностью вырваться из серой массы.

Последние несколько дней Белла вела себя странно. Когда я пытался с ней заговорить, она отвечала с плохоскрываемой злобой. Она не разрешала мне спать в ее комнате, мы перестали трахаться. Такая резкая перемена в отношениях пугала меня. Мне на ум пришла только одна мысль: Белла пожалела о том, что позволила мне увидеть, как она впустую расходует человеческие почки. Возможно, ее злило, что она дала слабинку.

Но, несмотря на новые неприятности, я чувствовал себя хорошо. Сегодня я весь день провел со своим агентом из Сенчери-Сити, меня привели в порядок, поработали над моим стилем, потом фотографировали и снимали на видео, намечалась рекламная кампания, посвященная мужским гигиеническим средствам, меня снимали на продажу. Если все получится, это будет невероятный успех — меня покажут на общегосударственном телевидении, разместят на рекламных щитах, обложках газет, журналов, и календарях на следующий год. Я стану лицом глянцевого журналов, мужской эквивалент Изабеллы Росселини или Элизабет Херли.

Я не стал смывать грим. Остановившись на светофоре, я эффектно окинул взглядом все окружавшие меня машины, смотрел, не пялится ли кто на меня. Я увидел несколько обращенных ко мне лиц, должно быть они мысленно вспоминали имена известных людей, думали, на кого из них я похож.

Бульвар Санта-Моники, прямо сквозь Беверли-Хиллз, Доухени, вверх по Бульвару Закатов, потом слева от меня появилось шоссе Лорел Каньон. Я позвонил Белле по мобильному, но не сказал ей, чем занимался сегодня. Решил, что разумнее будет не афишировать свой возможный успех, которого добивался без ее участия. Поэтому только расспросил ее о Рексе. Новости были не слишком обнадеживающие. Спустя полторы недели, он полностью прошел курс реабилитации, и ему велели идти домой. Белла, избавившись от необходимости следить за ним, уже вернулась в Малибу. Только что приехал Райан, и Белла хотела, чтобы я разделил с ней всю тяжесть встречи со старым копом. Я не хотел слишком быстро портить себе настроение. Я согласился приехать, но сказал, что сначала мне придется заглянуть в Уиллоу Глен и переодеться. Разумеется, у меня хватало одежды в Малибу, но мой агент распечатал мне несколько фотографий, я хотел изучить их дома.

Дома на автоответчике было несколько сообщений от Лорн. Из-за разных расписаний мы никак не могли встретиться. Она уже услышала об увеличении моего эфирного времени, и я могу точно сказать, что ее это отнюдь не обрадовало. Я не винил Лорн, потеря эфирного времени, это потеря собственной значимости. Я понимал, что мне следовало ей позвонить, но не позвонил. Будь у меня немного кокса, я бы нашел силы. Но я решил не слишком увлекаться наркотиками, мне нужна была здоровая кожа.

Вместо этого я начал разглядывать фотографии. Я положил их рядом со снимками различных мужчин кинозвезд, хотел проверить, как я смотрюсь на их фоне. И увиденное меня отнюдь не разочаровало. Я достал свою коллекцию, сексуальных мертвых тел и разложил фотографии на гладком деревянном полу. Я поставил видеокассету с убитой в ювелирном магазине женщиной. Я попытался осмыслить все сразу — лица звезд Голливуда, трахающихся мертвецов, дорогой дом, в котором жил... Я кончил, сперма брызнула на экран телевизора. Потом я принял душ. Когда я вышел из ванны, фотографии на полу стали казаться мне чем-то опасным — улики, способные меня разоблачить. Оставайся я никем, все могло выйти очень плохо, а уж если у тебя есть контракт на рекламную кампанию, то и до

катастрофы недалеко. Гораздо разумнее было бы сжечь их, но я не мог заставить себя сделать это. Я убрал фотографии в шкаф до лучших времен.

Райан кончил два раза, один раз Белле на лицо и сиськи, другой между ее раздвинутых ягодиц. Думаю, он специально копил сперму, Белла была вся мокрая. Белая жидкость хлестала из Райана фонтаном. Я наблюдал за всем сидя в кресле в углу комнаты, и дивился, как его сердце выдерживает такое.

После мы втроем пообедали в Монике и отправились на «послепремьерную» вечеринку в Голливудские холмы. Все это время Белла меня игнорировала. Мы стояли в углу комнаты, похожей на древний храм, Райан, как всегда, вел свои похабные разговорчики. Наконец, Белла выпила уже достаточно и ушла поссать.

– Как кошмарики, Джеки?

– Какие кошмарики?

– Разве, ты не видишь старого ублюдка, брыкающегося на пассажирском сидении, когда закрываешь глаза?

– Я не вижу снов.

Райан проворчал что-то себе под нос, затем окинул взглядом комнату. Он развернул меня, теперь наши спины смотрели в направлении ушедшей Беллы.

– У меня есть кое-что, отчего ты вообще дрыхнуть перестанешь, уж поверь. Знаешь, ты ведь наверняка в детстве решал задачки вроде «что не так с картинкой»?

– К чему ты клонишь?

– Сука лжет.

Райан резко достал из кармана куртки видеокассету и протянул ее мне, мы словно стали персонажами какого-то шпионского фильма. Кассета была маленькая, как раз для камеры.

– Копия той записи, что мы нашли у Пауэлла. Я понял, что мне в ней не понравилось. Возьми домой, может тоже поймешь.

– Не играй со мной в свои игры, Райан, просто скажи, в чем дело.

– Но, так же не интересно? Даю ее тебе до завтра. Приезжай ко мне, поболтаем немного.

Я убрал кассету в карман и обернулся через плечо, посмотреть, куда ушла Белла. Она стояла в шести футах от нас. Белла пыталась выглядеть так, словно недавно пришла из туалета, но меня не покидало чувство, что она стояла там, гораздо дольше и подслушивала разговор.

Мы еще какое-то время потусили, Райан сказал, что хочет взять нас в секс-клуб, который он знал еще во времена службы в полиции. Я вовсе не хотел туда ехать, но меня покорило, когда Белла сказала, что пойдет туда только с ним. Я попытался было возразить, но это не обсуждалось.

Они уехали, а я отправился в Уиллоу Глен. Там я нашел Лорн, она припарковала машину возле моего дома и ждала меня в ней. Войдя внутрь, она какое-то время пыталась успокоиться. Но все же Лорн была слишком зла, чтобы долго сохранять самоконтроль. Поэтому она сразу перешла на повышенные тона.

– Зачем ты так поступил, Джек?

– А чего ты ожидала, что я откажусь от такого предложения?

– Тебе не могли это просто так предложить, это самая важная часть шоу. Ты наверняка кого-нибудь знаешь.

– Никого я не знаю.

– Врешь.

– Тебе же достанется все остальное. Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь?

Я старался говорить так, словно взывал к логике, выстраивал цепочку так, чтобы выставить Лорн неправой, но получалось не очень. Мы оба знали, насколько эти минуты важны.

– Ты прекрасно знаешь, как трактуется такое в телеиндустрии. Это значит, меня вычеркнули.

– Чушь. Никто ничего даже не заметит.

– Думаешь, я совсем тупая? Ты совсем ебанулся, если думаешь, что я все так оставлю. Знаешь, ты ведь не единственный, у кого есть связи на канале.

Лорн вышла навстречу темной ночи, громко хлопнув за собой дверь. Я остался один, думая, какого хрена тут творится. Белла себя и потрогать не дает, так теперь и Лорн туда же. Я не мог избавиться от чувства того, что меня выбросили.

Чтобы отвлечься, я начал смотреть запись, которую мне дал Райан. Все осталось прежнему — Карен лежала на спине перед зеркалом и совала себе в пизду дилдо. Что же здесь не так? Я просматривал ее снова и снова, мне она ни о чем не говорила. На запястье Карен сверкал браслет, но мы с Райаном его видели и раньше. Что же тут еще может быть?

Небо начало светлеть. Мои глаза устали, и я, наконец, сдался. Пусть Райан объяснит мне при встрече.

Сука лжет...

Глава сороковая

Дом Рекса. Телефон у него не работал, позвонить узнать, как проходит его восстановление я не мог, поэтому решил заскочить к нему сам. На мой стук в дверь никто не ответил. Она была незаперта, даже толком не закрыта. Я вошел и увидел Рекса. Он свернулся калачиком на полу в гостиной. Голый и мертвый. В отличие от трупов на тех фоторафиях, я знал Рекса лично. Я помнил, как он ходил и дышал, слышал, как он говорил, сидел с ним в машине, пил пиво. Такой тихий, без той внутренней искры, что собственно и делала его Рексом. Это не укладывалось у меня в голове. Он изменился до неузнаваемости, но его тело было его телом, а лицо его лицом.

Я окинул взглядом комнату, в поисках того, что же привело к смерти моего друга. Одежда, в которой он был на Абрикосовой Аллее, валялась кучкой на пружинах дивана. Работал телевизор, его экран оставлял пятна света на полу и стенах. На нем стояла чистая пластмассовая коробка, в ней лежало около четверти килограмма коричневого героина. Рядом с ней лежал бумажный пакет с банками из-под пепси и упаковками с шоколадным пудингом.

Передоз или его оставшаяся почка не справилась? Хотя какая разница? В любом случае, он получил что хотел. Но пережить это оказалось не так просто. Когда я предложил ему подзаработать, думал, все будет проще. Оказалось, что нет.

Я понимал, если бы я не предложил его Белле, возможно, он был бы жив. И осознание того, что я частично виновен в смерти Рекса отнюдь не доставляло мне удовольствие. Мне следовало предупредить его об опасностях. Да лучше было вообще его в это не втягивать. Черт, с одной стороны, ближе друга у меня не было — он показал мне, как выйти за пределы

обычной жизни, он научил меня зарабатывать деньги членом. Именно Рекс наставил меня на путь, который и привел меня к Белле.

Я долго всматривался в его лицо, пытался найти хоть какую-нибудь связь с тем золотым парнем, которым он был при жизни. Мне даже стало интересно, заплачу я или нет. Не смог, не заплакал. На его лице я видел только забитые поры и щетину, что росла во все стороны. Я стоял посреди комнаты и думал, что же мне делать теперь. Ничего в голову не приходило. Героина мне не хотелось, слишком его много, чтобы везти с собой. Я направился к двери. Я собирался уйти, уже уходил, прочь из этой вонючей полуразрушенной комнаты навстречу прекрасному миру. Но все пошло не так. Я прошел уже половину коридора, как вдруг осознал, что другого шанса у меня не будет.

Я вернулся в гостиную и поставил труп Рекса в позу. Окочение могло бы стать проблемой, но он свернулся очень подходящим образом. Когда я поставил Рекса на локти и колени, его задница оказалась как раз под нужным мне углом. Я прислонил его к подставке с телевизором, труп стоял устойчиво. Я пошел на кухню и отыскал там бутылку подсолнечного масла.

В Малибу к нам на ужин пришел гость.

Приехав от Рекса, я зашел в гостиную и увидел их за столом, уставленным рыбой и салатом, они мило прижимались друг к другу. Белла и Лорн. Лорн и ее новая лучшая подруга с телепрограммы. Некоторое время я просто стоял, как вкопанный, мысли путались в голове. Затем все резко сложилось в единую картину, я понял, что меня просто наебали. Сложив воедино их сегодняшнюю встречу и холодность, с которой Белла ко мне в последнее время относилась, я понял, она знала о моем романе с Лорн. Я мог только догадываться, к каким последствиям это приведет.

Белла не потрудилась объяснить мое появление, она жестом велела мне сесть на стул и продолжила беседовать с новой подругой. Лорн, увидев меня, сначала удивилась. Но совсем ненадолго. Умом она не блистала, но хорошо видела теневые отношения в шоу-бизнесе. Я видел, как ее взгляд стал напряженнее, она быстро поняла, что у меня есть связи — а все сказанное мною прошлой ночью, о том, что я пролез в телеобозрение лишь благодаря удаче, просто вранье.

Я взял почти не тронутую бутылку вина и встал между ними, затем сел. Белла бросала на свою новую подругу смазливый лесбийский взгляд. Лорн старательно ей подыгрывала, на кону были большие деньги, несомненно, эта сексуальная связь трансформируется в баксы и возвращение эфирного времени на пятьдесят втором канале. В любой другой раз, не будь такого высокомерия с ее стороны, я бы подумал, что Белла организовала эту встречу скорее, чтобы заполучить меня, нежели соблазнить Лорн. На первый взгляд, ее мотивы не вызвали сомнений — наказать меня за измену. Но такой жест мог содержать в себе нечто более опасное. Если она подслушала, о чем мы с Райаном говорили на вечеринке, это могло быть предупреждением — мол, нечего вынюхивать. В любом случае, посыл читался ясно — здесь незаменимых нет.

После ужина они отправились в комнату Беллы. Меня не позвали. Так что я сел в машину и уехал в Уиллоу Глен. Это показалось мне наиболее разумным шагом на тот момент.

Глава сорок первая

Следующим утром я встал рано, мне предстояла встреча с Райаном. Я не понимал, что вообще происходило между мной и Беллой. Интрижка с Лорн могла пройти, а могла нет. Но если Райан раскопал нечто, способное навредить моей женщине, а именно на это он и намекал, то мне следовало разобраться как можно быстрее.

Обласканный утренним солнцем, Вествуд мирно спал. Деревья, стоявшие вдоль улицы, где жил Райан, отбрасывали на дороге забвные тени. Дети, собаки, кто-то подстригал газон — хорошее место для нормальных людей. Странно, что такой, как Райан решил здесь поселиться.

Звонок издал глухой звук где-то в глубинах бунгало. Мне показалось, что все комнаты в доме были совершенно пустыми, но я продолжал звонить. Никто не ответил. Я зашел с другой стороны: милый сад, бугенвиллеи, джакаранды, шинусы, овальный бассейн. Наверное, это Райана и зацепило — счастливая семейная обстановка для человека, который так и не получил ее, прожив большую часть жизни в городской клоаке.

Я заглядывал в окна, но никакого движения там не заметил. Мебель была дорогая, но безвкусная. На стенах висели профессиональные фотографии — голые чиксы с большими сиськами.

Войти мне не удалось, задняя дверь была заперта, а на окнах стояли предохранительные решетки. Отдельно от дома стоял безоконный гараж, покрытый белой штукатуркой. Подъемные ворота были закрыты, но боковая дверь нет, я дернул ее, и она открылась. Я закрыл дверь за собой и подождал, пока глаза привыкнут к темноте.

Пахло высохшим цементом, бензином, и машинным маслом. В темноте виднелись два автомобиля — серый «Плимут» и широкий серебристый «Бентли» с откинутой крышей. Той ночью, когда Райан выложил мне свои догадки о видеозаписи, он уехал именно на «Бентли».

Я нашел выключатели, флуорисцентные лампы замигали и включились. Я нашел Райана. Водительское сидение «Бентли» было откинута, но я разглядел голову полицейского через ветровое стекло. Я открыл дверь автомобиля и посмотрел внутрь. Мертв. Рубашка расстегнута, штаны спущены до колен, на лобковых волосах и коже засохла сперма. Под его яйцами я разглядел жидкое дерьмо, им провоняла вся машина. Все сидение и бок задницы старого копа были перемазаны говном, Райан словно барахтался в нем. Его лицо распухло и посинело, глаза выпучились. Все казалось мне нереальным. Два трупа за последние сутки было для меня слишком.

Жир на животе Райана теперь казался твердым, словно застыл на морозе. Черные волосы полицейского спутались, сквозь них проглядывалась лысина, обычно ее скрывала прическа. Он больше не был похож на обезумевшего Белу Лугоши, в нем не осталось ничего страшного, ничего способного являться в кошмарах и угрожать. Просто гора мяса, с головой ужасного цвета.

Сначала я почувствовал облегчение. Что тут сказать? Этот человек пугал меня до усрачки последние полгода. Даже после того, как Пауэлл заплатил за убийство Карен, Райан не прекращал связь с Беллой и оставался угрозой для моего будущего. Но теперь все закончилось, больше не придется участвовать в шантаже и делить с ним пизду Беллы. Смерть Райана многое упростила.

Но потом я увидел на приборной доске флакон.

Прозрачное стекло с синей этикеткой. В него сверху втыкают иглу шприца. Именно

такой Белла опробовала на Руди в мотеле.

Я сложил все в единую картину. После вечеринки Белла предложила поехать к нему домой, а не в секс-клуб, Райан наверняка был только рад. Они припарковались в гараже, ворота закрылись, кто-то из них решил, что будет здорово трахнуться в новой машине Райана. Белла оседлала его член, обхватила Райана руками и ногами, зажав между собой и рулем. В таком положении ей не составило труда воткнуть ему иглу в шею. Она повисла на Райане, пока он дергался как отбойный молоток, и висела, пока у него не взорвалось сердце, а из задницы не захлестало дерьмо. Как она и рассчитывала.

Я забрался на пассажирское сидение и обшарил карманы Райана, надеялся найти хоть что-нибудь указывающее на то, что ему удалось выяснить. Не повезло: только мелочь, бумажник, клочки бумаги, его таблетки от сердца, немного кокаина, но ничего полезного. Я немного посидел, вдыхал мерзкий запах, не отрывая глаз от флакона на приборной доске. Надеялся, что его мертвое тело сможет возбудить меня. Не возбудило. Чувства, которые вызывал Райан, соответствовали его виду — он был омерзителен. И ничего не пришло в голову. Ни тайного послания, ни озарения, просто мертвый жирдяй в собственном дерьме.

Но я не зря там посидел. Мне не понравился флакон на приборной доске. Я долго не мог понять, чем именно, но потом понял. Он стоял на виду, слишком близко к краю. Он не мог стоять там, когда умирал Райан, полицейский дергался в агонии и наверняка столкнул бы его. К тому же, Белле нужно было наполнить шприц заранее — наполнять его на глазах полицейского, вызывало бы много вопросов. Зачем она вообще оставила здесь флакон? Белла не могла быть настолько глупой, чтобы оставлять улики, она ведь хотела обставить все как сердечный приступ. Оставался только один вариант — она знала, что я приду сюда и хотела, чтобы я нашел этот флакон. Так она хотела показать мне, кто убил Райана, и предупредить, чтобы я не вздумал копать дальше. Возможно, Белла даже хотела, чтобы я забрал флакон, как доказательство моего соучастия, привязать меня к себе еще крепче.

Труп Райана не вызывал у меня никакого сексуального влечения, поэтому я не стал ни трогать его член, ни пихать в него свой. Я вытер свои отпечатки пальцев, убрал ампулу в карман, и закрыл дверь. Я выключил свет в гараже. Снаружи было тихое светлое утро, я подумал, что где-то в другой части света оно уже осеннее. Солнце слепило меня, я крепко зажмурил глаза и пошел к «Мустангу». Именно так я закрывал их и на тот факт, что Белла была убийцей.

Глава сорок вторая

Из Вествуда я направился напрямиком в кинотеатр артхаус, что рядом с университетом, там шел предварительный просмотр нового модного фильма. Мне впервые дали задание написать кинокритику, мы собирались придти сюда под ручку с Лорн. Но ее на условленном месте не оказалось, и меня это нисколько не удивило. Я был рад остаться в одиночестве. Разбираться с ее интрижками мне сейчас совершенно не хотелось.

Когда фильм закончился, я пошел в кафе и попытался сделать небольшие заметки, но я ничего не запомнил. Совершенно не мог сосредоточиться, и ничего не написал.

Вместо этого я уставился в окно и выкурил много сигарет. Там, по ту сторону стекла гуляла молодежь, одетые как битники,⁴⁷ с бородками и обилием пирсинга на лице. Мне

всегда было очень интересно, какого это, пойти в колледж, получить хорошую работу и жену, вращаться среди профессионалов. Все, что мне удалось представить, это чистоту. Тогда бы не пришлось трахать мужиков в машине или блевать на богатенькую тетку средних лет. Не пришлось бы никого убивать только потому, что это выгоднее, чем обратиться в полицию. Я вспоминал все свои поступки. Я видел стоявшего раком Рекса, член Райана в его заднице. Я видел себя, трахающего его в рот. Я видел Рекса мертвым, таким, каким я нашел его днем раньше, эти швы на его животе.

Вот оно. Мой мозг сразу же выстроил логическую цепочку. Я бросил деньги на стол и помчался на «Мустанге» в Уиллоу Глен сквозь поток машин.

Я у телевизора, в руках пульт, запускаю видеозапись. Я был уверен, что обнаружил нечто важное. И правда.

Я смотрел кадр за кадром, как Карен совала в себя дилдо, пока не увидел ту часть записи, где ее живот был хорошо виден в зеркале. Я поставил на паузу. На ней был браслет, Белла говорила, что подарила ей его, когда Карен уехала из Малибу, восстановившись после операции. Но на записи живот Карен был гладким, никаких швов. Ее еще не прооперировали.

Для посторонних эта сцена ничего не значила, но не для меня. Все окружающее казалось вот-вот рухнет: земля под ногами, стены моего дома, сама моя жизнь в этом городе. Мои способности мыслить, рассуждать, отслеживать события и действия, выстраивать их в логические цепочки, теперь казалось, покоились на ложных постулатах, таких подлых, как теневые потоки Лос-Анджелеса.

Мы с Райаном решили, что браслет доказывал то, что запись была сделана после операции. А поскольку Белла сказала, что никогда больше не видела Карен после того, как подарила его ей, мы сами убедили себя, что видеозапись с дилдо сделал Пауэлл. Это привело к проверке ДНК и его смерти.

Но теперь я понял, что обнаружил Райан, Белла лгала. Отсутствие швов означало только то, что она подарила Карен браслет до операции. А запись могла быть сделана в любое время.

Теперь я был почти уверен, что Белла сама это сняла — как Пауэлл и говорил во время допроса, что учинил ему Райан. Для нее не составило труда привести Карен к старику в квартиру, и, пока его не было, заснять все на видео. А потом подождать пока он, как и всегда, сделает копию. После нужна была лишь одна улика, указывающая на то, что старик контактировал с Карен после операции, достаточно было стереть оригинал.

И она стала бы так действовать в одном случае, если сама была замешана в убийстве и решила отвести подозрения, когда запахло жареным. Она могла сама убить Карен, или вдвоем с папочкой. Это уже не имело значение. Главное, она манипулировала мной и Райаном, чтобы избавиться от старика, которого ненавидела. И в тоже время отвести от себя угрозу, что породило убийство Карен.

То, что ранее казалось незначительным, теперь обрело смысл — Белла посоветовала нам с Райаном обыскать квартиру Пауэлла, там было много видеоборудования. Пауэлл шестидесятилетний наркот, помешанный на сексе с дочерью, да у него не хватило бы сил угрожать Карен. Мы должны были сами догадаться.

Самое главное, ни я, ни Райан не хотели верить, что Белла причастна к убийству. На Пауэлла у нас почти ничего не было, только выпотрошенные собаки и образец ДНК, деньги и пизда Беллы с лихвой перевесили. Мы не стали копать дальше, потому что не хотели.

Глава сорок третья

Я проснулся с чувством обреченности, вскоре должно было произойти что-то плохое. Все началось после девяти. Ни свет, ни заря на моем пороге появились два курьера-мотоциклиста. Идя по коридору, я слышал, как они прикалываются между собой. Я открыл дверь, они глумливо махнули руками в знак приветствия и дали мне бумаги на подпись. Одеты они были в кожаные костюмы и иностранные шлемы, увешанные эмблемами разных фирм. Один протянул мне конверт, а другой небольшой сверток. Они сказали друг другу «чувак», затем вскочили на мотоциклы и помчались вниз по каньону, совершенно не зная, какую серьезную хрень они доставили.

Я сел на крыльцо и открыл полученные подарки. Сначала сверток. От Беллы. Видеокассета, чистая, в еще не открытой целлофановой упаковке, и небольшой сверток бумаги с белыми лобковыми волосами. Этот тонкий намек значил одно — Я ВСЕ ЗНАЮ. Волосы принадлежали Лорн, а видеокассета намекала на открытие Райана. И что же могло последовать за такими знаками? Письмо от Бернса, где сообщалось, что я уволен.

Я перестал слышать пение птиц, перестал видеть домики, напоминавшие белые отверстия в зеленых холмах. Я сидел и молча размышлял. Старался смириться с тем фактом, что мое пребывание в стране грез закончилось, конец моему неслыханному восхождению. Больше никакого эфирного времени, никаких вечеринок и премьер, никакой возможности стать достойным человеком. Я сам все испортил.

Долгое время я не мог даже пошевелиться. Но потом встал и зашел в дом, чтобы позвонить Белле. Гудки шли долго, но мне никто не ответил.

Я лег в постель и принялся грубо драть член, глядя на фотографии. Пытался заглушить страх. Страх перестать быть личностью. Но выпускание спермы не помогло. Я не мог выдавить обжигающе-холодный ужас, терзавший мои внутренности. Я в отчаянии схватился за последнюю соломинку, позвонил агенту из Сенчери Сити. Если произойдет чудо, и меня выберут в качестве лица рекламной кампании посвященной мужским средствам гигиены, я стану независим от Беллы, пусть убывает. Ответ агента обнадежил. Мои пробные съемки попали к организаторам. Они им понравились. Я попал на вершину списка претендентов. Но прежде чем принимать решение, они тщательно все проанализируют. На мои мольбы был дан простой совет запастись терпением. Не слишком подходящий для дня, когда я чувствовал себя тонущим в дерьме.

Я выкурил сигарету и выпил бутылку «Колы». Я задумался о последних словах Пауэлла. *В морозильной камере...* Наверняка, если где и была морозильная камера с интересным содержимым, так только на Абрикосовой Аллее. Я мог поехать туда и поискать. Но не стал. Я подумал, что все это может оказаться проверкой. Вдруг Белла решила удостовериться, можно ли мне доверять. Возможно, если я буду сидеть тише воды ниже травы, то все еще выправится. Молчание и бездействие убедят Беллу, что ей нечего бояться.

Я начал смотреть журналы — Брук Шелдс устроила девичник в Нью-Йорке. Дрю Кэри получила гонорар в четыре миллиона долларов за книгу о жизни. Гэри Олдмен получил львиную долю девятидесяти миллионов бюджета за роль Доктора Смита в «Затерянных в космосе». А Брэд Питт теперь владел пятью домами в одном квартале.

Но эти послания с небес не могли убить терзавший меня страх. Мне нужно было нечто такое, что помогло бы полностью забыться.

Поэтому до наступления темноты я отправился на улицу шлюх и принялся напрямую расспрашивать всех, где показывают снафф-фильмы. Но после недолгих поисков я нашел только торговца видеокассетами, что продавал их в переулке прямо из багажника машины. Я посмотрел кассету на Вочмане,⁴⁸ подключенном к видеомангнитофону. Но я был разочарован. На видео оказался грубый монтаж из автокатастрофы и хардкор порно. Я оставил свою затею и пошел проверить остаток в банкомате. Ежемесячный автоплатеж от Беллы на счет поступил. Это дало мне надежду, что все еще не так плохо. Но я не мог быть полностью уверен. Возможно, Белла просто еще не успела его заблокировать.

Вечером я сидел в кафе на улице Мелроуз. Пил кофе и читал газету. Пару дней назад в Вествуде нашли мертвого мужчину, его опознали как бывшего полицейского. Он умер от сердечного приступа, возможно во время секса. Полиция хотела бы допросить женщину, с которой он, предположительно, проводил время.

Всего несколько строчек на пятой странице. Для такого монстра как Райан совсем немного. А завтра будет еще меньше, сведения о нем окажутся на дне мусорного ведра или под подошвой чьего-нибудь ботинка. Смерть. Я словно всегда это знал. Уходишь на тот свет, и все о тебе забывают. Если только ты до этого не мелькал на экране телевизора.

А вот при виде страницы светских сплетен у меня сжались зубы — мило болтавшие Белла и Лорн на ночной вечеринке, посвященной открытию нового бутика. Белоснежные улыбки, миловидные платья с открытыми плечами. Фото с их именами НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ.

Я ел нечто отдаленно похожее на салат и давился. Но я твердо решил, что если хочу подписать контракт с производителями мужских гигиенических средств, то будет разумно следить за состоянием здоровья. После я полчаса курил и предавался размышлениям. Но ничего путного мне на ум не пришло, так что я выпил три бокала «Южного» и ПОТАЩИЛ СВОЮ ЗАДНИЦУ из кафе в «Мустанг».

Я катался по Лос-Анджелесу. Движение на улицах было спокойным. Неоновые огни окрашивали небо под цвет лимона, время от времени они мигали, мешая сосредоточиться, только распалляли мой страх. Я поехал вниз по бульвару Санта-Моники к морю. И здесь я не нашел ответов — океан поглощал побережье подобно гигантскому масляному пятну. Бомжи выглядели хуже, чем когда-либо.

Я поехал по шоссе Пасифик-Кост. На дорогу к Санта-Барбаре у меня ушла половина ночи. Я не опускал крышу кабриолета, мое тело онемело от холода. Мне понравилось это ощущение. Приехав в Санта-Барбару, я пошел напрямиком на пирс, бывший частью местного пляжа, я обернулся и посмотрел на горы, подножия далеких холмов покрывала россыпь огней маленьких домиков. Вокруг меня колыхались лодки.

Глава сорок четвертая

В Уиллоу Глен делать было нечего, только бродить по комнатам, осматривая свои владения: мебель, технику, одежду. Это оказалось совсем не таким приятным занятием, как я в начале думал. Казалось, что на самом доме и всем его содержимом стояло клеймо Беллы.

Пальмы возле бассейна терлись друг об друга листьями, словно им не терпелось увидеть, что со мной будет дальше. Я смотрел, как они колышутся на полуденном ветре, поднимавшемся вверх по каньону. Я задумался, а ведь таким, как они живется отнюдь неплохо — расти себе в земле и никаких разочарований, что неизбежно приносят с собой мобильность и свобода воли.

Синее небо и солнечный свет. Я сидел посреди лужайки, заткнув уши туалетной бумагой, и смотрел в небо, пока перед глазами не заплясали яркие разноцветные точки. Я понимал, что это бесполезно. Притворяясь, что ничего вокруг не существует, не смоешь с себя клейма безвестного неудачника. Но без этих мгновений полного безмыслия, суровая реальность просто раздавила бы меня.

Время тянулось медленно. Я старался подбодрить себя простой мыслью, что каждая минута приближает меня к тому моменту, когда Белла простит меня и вернет в прекрасный мир счастья. Но очень трудно верить в то, что ничем не подкреплено.

Я перестал выходить из дома. На улице кто-нибудь мог меня узнать и попытаться завязать разговор, а попытка соврать, что я все еще телеведущий причинила бы мне много боли. Курьер привозил еду, а журналы новости из жизни известных людей. У меня сохранились пригласительные на вечеринки и кинопремьеры, но я не стал ими пользоваться. Они предназначались другому человеку.

Я не строил планов на будущее, не думал о прошлом. Даже когда позвонил мой агент из Сенчери Сити и сообщил, что из кандидатов остались только я и еще один парень, мне не принесло это никакой радости. В свете последних событий, я решил, что тешить себя надеждой попасть на какое-нибудь значимое место пустая трата времени. Я погрузился в новости телеиндустрии, заживо похоронил себя под огромным слоем сплетен, надеялся, что это поможет мне забыть, кем я был, и кем в итоге стал.

Однажды я целый час крутил рекламную заставку компании «Тристар», где конь летит навстречу зрителю сквозь облака. Я хотел быть там, в облаках полных золотого света — квинтэссенции самой Калифорнийской кино мечты. Наверняка где-то там парили Джонни Депп и Кейт Мосс, а вокруг них и все остальные, окруженные любовью и популярностью. В одной из статей писали, что Джонни Депп купил дом, где раньше жил Бела Лугоши. Я бы с удовольствием установил там камеры, мне хотелось увидеть, чем они занимаются, пока их не снимают и не фотографируют. Я не особо горел желанием смотреть, как они трахаются, хотя было бы забавно. Куда больше меня интересовало, что происходит у них за завтраком или в просто в обычное время, время, которое большинство пытается заполнить бесполезными действиями. Мысль о том, что даже знаменитые люди с большими деньгами тоже иногда занимаются банальщиной. Но я был уверен, что это не так. Я полагал, что вся их жизнь особая, они все делают необычно: даже готовят тосты, нарезают хлеб и выбрасывают мусор не так, как все.

Иногда меня посещала мысль, может мне стоит вообще прекратить все эти размышления о Голливуде. Может мне стоит просто жить размеренной жизнью, например, жарить бургеры, и не желать чего-то большего. Мелко, зато счастливо. Ну или не счастливо, но и не мучаясь каждую минуту каждого дня, мечтая стать тем, кем не являюсь. Но когда совсем нет мечты...

Так промчались три недели, никаких новостей от Беллы. Я надеялся, что она позвонит гораздо раньше. Лорн тоже молчала. Я постоянно звонил ей домой, но никто не отвечал. Я знал, просто знал, что Лорн развлекается с Беллой в Малибу.

Однажды ночью они вдвоем появились на экране телевизора. Я засек их где-то в стороне, на съемках какого-то любительского шоу, там показывали выходящих в свет кинозвезд. Белла и Лорн держались за руки, мать их. Похоже сначала оператор заинтересовался ведущей «Двадцати восьми кадров», но потом показался некто более известный и угол съемки поменялся. Я смотрел шоу по телевизору, потому не мог отмотать его назад, но мне хватило и нескольких секунд, чтобы увидеть насколько Белла была увлечена своей партнершей.

Мне это не понравилось. Совсем не понравилось. На следующий вечер, распаленный образом Беллы и Лорн, мило прижавшихся друг к другу, и измученный долгим одиночеством, я сел в «Мустанг» и поехал вниз по шоссе Санта-Моника.

Мне повезло. В морге никого не было, только японец дежурил. Он с опаской посмотрел на меня, словно решил, что я стану приходить слишком часто и его застукают. Но у меня было много денег, его лицо сразу смягчилось, когда я показал ему пачку банкнот. В уголке рта у него засохли остатки пищи, образовав небольшую корку. Она упала, как только японец заговорил.

– Сейчас не стоит их вытаскивать. Сделай все прямо тут. Я запру дверь, только не долго, ладно? Какую хочешь, волосатую, как в тот раз? У меня выбор большой.

Он запер дверь и выдвинул контейнеры. Я указал на трех молодых женщин. Японец отнюдь не обрадовался тому, что я хотел их всех, но я кидал ему деньги, пока он не согласился.

На полу. Три обнаженных тела лежали в ряд. Я разделся и залез на ту, что в середине и вошел в нее. Она оказалась гораздо холоднее мертвого тела, которое трахали мы с Райаном, ведь ее достали прямо из холоильника. Но это не помеха. Все они были одинаковыми, постель из серого холодного мяса. Толстяк хотел уйти и вернуться к своей работе, но сначала ему пришлось отработать денежки. Я велел ему подтащить два других тела и положить мне на спину. Я почувствовал жесткие лобковые волосы промеж ягодиц, а сиськи и ребра легли мне на плечи. Японец отошел к двери, я тихо лежал, чувствуя на себе вес трупов.

У той, в которую я вошел, были хуевые зубы, у нее ужасно воняло изо рта. Я повернул голову мертвой девушки вбок и прижался лицом к основанию ее шеи. Я просунул руки ей подмышки и обхватил плечи. Я чувствовал защищенность и умиротворение, но в таком положении было тяжело двигаться, мне пришлось скорее тереться, чем долбить ее, чтобы другое тело с меня не скатилось. Но под конец я все же задергался и труп, лежавший на моей заднице, соскользнул на мои подколенные сгибы. Голова мертвой ударилась об пол с гулким звуком, он казался таким пустым, таким... мертвым, осознание того, что я делал, нахлынуло с новой силой, и я бурно кончил в холодные потроха.

Мне хотелось остаться здесь, чувствовать, как мой член ходит внутри мертвого мяса, вдыхать запах тел — влажный словно застоявшаяся вода в размороженном холодильнике. Если бы кто-нибудь в тот момент спросил меня, как я себя чувствую, я бы ответил «очень хорошо». Когда-то эти женщины были людьми. Они жили, обладали возможностями. Но теперь они ничего не могли делать.

Не опасные.

Безобидная оболочка человека.

Но когда японец увидел, что я перестал ее долбить, то начал оттаскивать трупы и складывать их обратно.

Глава сорок пятая

Лорн села за столом в кафе «Олимпик». Я следовал за ней от Бербанка сквозь вечерние пробки. После устроенных ранее гонок на шоссе и выкуренной марихуаной, я чувствовал себя полностью разбитым. Эта незапланированная встреча не сулила мне ничего хорошего. Совсем. Я понимал это, но ничего не мог с собой поделать. Мне нужно было выяснить, что вообще происходит. Выяснить, остались ли у меня шансы.

Я вошел в это блестящее вычурное заведение и остановился в дверях. Лорн подняла голову, на ее лице читалась обеспокоенность. Не слишком воодушевляюще, от самого лучшего варианта, о котором я мечтал прошлой ночью, было далеко. Но мое желание во всем разобраться, было сильнее страха перед таким холодным приветствием. Я прошел мимо рядов литой пластмассы и сел напротив Лорн. Она уже сделала заказ, пока я садился, быстро подошла официантка и положила на стол превосходную еду из хорошо сбалансированных протеинов и углеводов. Лорн подождала пока она уйдет.

– Чего тебе надо?

– Ты не отвечала на мои звонки.

– А чего ты...ожидал?

– Ну не можешь же ты и теперь злиться из-за места обозревателя.

– Ты ничего мне не рассказывал про Беллу. Мы спали в одной постели, а ты нихрена не сказал.

– Она не велела.

– М-м-м, какой послушный мальчик.

– Дай мне шанс, я из-за тебя потерял все.

– Из-за меня...Ты все потерял из-за того, что не способен держать член в штанах при виде известной персоны. Неважно кто это, главное, чтобы он стал для тебя доступен. Ты думал, она не узнает? Да ей, блядь, пол студии принадлежит.

– Не знаю, тогда я не придавал этому значения.

– Даже не думай применять ко мне свои жалкие манипуляции. Чего ты хочешь? Она взбесится, если узнает, что я вообще с тобой говорила.

– Она велела тебе не разговаривать со мной?

– Не надо быть Эйнштейном, чтобы догадаться.

– Звучит знакомо.

– Она собирается протолкнуть меня в ведущие коммерческих программ через них.

Услышав такое, я понял, что бесполезно спрашивать Лорн о том, сколько она еще собирается встречаться с Беллой, и уж тем более бесполезно убеждать ее порвать с нею. Я уже не смогу вернуться в Малибу. Вещать сразу на несколько программ — это золотой приз, который жаждет получить любой телеведущий. И Лорн будет там зажигать до самого судного дня.

Она немного поела. Когда Лорн снова заговорила, ее голос звучал мягче.

– Я знаю, то, что с тобой произошло, ужасно, но это только между тобой и Беллой. Я ничего не могу поделать. И уж совсем неприлично просить меня.

– Я и не просил.

– Но ведь именно поэтому ты здесь.

– Я думаю...Послушай, Лорн, будь осторожнее с Беллой. Я знаю гораздо лучше тебя, она совсем не такая, какой кажется на первый взгляд. Ты думаешь, что используешь ее, но все совсем не так.

Лорн положила вилку, ее лицо посуровело.

– Ты думаешь, я совсем тупая?

– Поверь, она попросит у тебя гораздо больше, чем ты сможешь дать. Она опасна.

– Господи, ну должен же у тебя остаться хоть грамм достоинства.

– Я просто предупреждаю. У нее полно темных делишек. Ты можешь пострадать, и вовсе не душевно. Поверь мне.

Лорн недоверчиво посмотрела на меня, затем встала и ловко выскользнула из-за стола.

– Это так жалко звучит. Держись от меня подальше, Джек.

Лорн вышла из ресторана, ни разу не оглянувшись. После я долго сидел и корил себя за оплошность, я боялся даже подумать, что произойдет, если она расскажет об этом разговоре Белле.

Наконец, ко мне подошла официантка и спросила, чего я хотел бы попробовать. У меня не осталось сил даже на ответ.

Глава сорок шестая

На следующий день случилось то, что должно было случиться. Вот она верность Лорн. Адвокат и парочка громил нагрянули ко мне в Уиллоу Глен как раз в тот момент, когда по телевизору шли «Спасатели Малибу», а я отчаянно пытался представить, каково это быть популярным, как Памела Андерсон. Адвокат показал мне подпись Беллы на каких-то бумажках и сообщил, что у меня есть полчаса, чтобы покинуть помещение. Я попытался для виду возразить, но это ни к чему не привело. Белла владела всем, и мои права здесь равнялись нулю.

Я принялся собирать вещи, троица ходила за мной повсюду, следила за тем, чтобы я не взял чего-нибудь, что можно классифицировать как личный подарок. К такому типу относились: кое-что из одежды, фотографии, видеокассета от Райана, мои часы и бумажник. Из карт они разрешили мне оставить только банкоматную — дающую доступ только к моему счету, но не предоставляющую возможности кредита.

Я находился в ступоре. Я чувствовал себя пленником, идущим к расстрельной яме на кадрах нацистской кинохроники. Но даже в таком разьебаном состоянии, когда мороз бежал по кишкам, я не ожидал удара, который они приберегли напоследок.

На улице перед домом. Я уже собирался закинуть вещи в багажник «Мустанга», но адвокат покачал головой и вытянул вперед руку, требуя ключи. До боли обидно. Но разве могло быть по-другому? Они позволили мне вызвать такси, а потом забрали мобильник.

Мне было очень неудобно ждать такси у них на глазах. Адвокат достал еще одну кипу бумаг, и листал ее, явно думая, чтобы еще изъять. Громилы молча смотрели на меня. Когда подъехало такси, один из них открыл дверь, а другой аккуратным движением затолкал меня внутрь.

Дорога от Лорел Каньон до Голливуда была достаточно долгой, у меня, наконец,

заработала голова. Вот только легче от этого не стало. Рекс мертв, Лорн отлизывает пизду у Беллы, из успокоительных средств в Лос-Анджелесе для меня оставались мотели да шлюхи. Мне нужна была нора, куда бы я мог заползти и тщательно обдумать, как мне выбраться из этого дерьма.

Я велел таксисту ехать по бульвару Закатов, осматривал мотели. Несколько кварталов двух-трехэтажных отелей, все покрытые светящимися неоновыми рубцами, создавалось ощущение, что находишься в Вегасе. Невозможно было отличить один мотель от другого, так что я поехал в Палм Гроув. На стене кроме светящейся вывески в виде оазиса не было ничего — ни окон, ни балконов, сплошная бетонная плита.

Номер оказался неплох. Две кровати, телевизор, большое зеркало на стене. Ванна растянулась на весь номер, в нее вела одна дверь, возле которой было окно с занавеской, так что проходящие мимо люди не видели, что происходило внутри. Двумя этажами ниже, в центре мотеля располагался бассейн, он выглядел старым и заброшенным. Я был уверен, что если останусь здесь надолго, увижу, как под водой начнет скапливаться мусор.

За вычетом того, что я отложил на еду и последний платеж от Беллы, у меня оставалось около десяти тысяч. Какое-то время я смогу оставаться на плаву, но это не сможет продолжаться вечно.

Я включил телевизор. Потом сходил пописать и распаковал вещи. Я принялся ходить туда-сюда, стараясь собраться с мыслями. С той ночи, когда я пришел в Малибу и увидел Беллу и Лорн, ужинавших вместе, я лелеял надежду, что все само-собой исправится, что наши отношения с Беллой восстановятся. Теперь стало ясно, этого не будет уже никогда. Увольнение из шоу еще можно было повернуть вспять, но изгнание из дома и конфискация машины даже без телефонного звонка, говорили о том, что все кончено.

Я думал о том положении, в каком оказался. Перспектива навлечь на себя гнев Беллы не на шутку пугала, но что мне было терять? Она уже все забрала. Деньги и популярность — это наркотики, которые никогда уже не вывести из своего тела. И я не собирался лишаться их, если есть возможность снова присосаться к источнику дохода. Настало время попробовать переломить ситуацию. Настало время выяснить, что же хотел сообщить Пауэлл перед смертью.

Но когда я окончательно утвердился в своем решении, было уже поздно идти за «Прелюдом» — утро вечера мудреннее. Вместо этого я долго бродил по улице, купил немного таблеток и жареной курицы. А потом все дела отошли на второй план.

Глава сорок седьмая

Даже после четырех месяцев на складе «Прелюд» ехал ровно. Он не ревел, как «Мустанг», никто не оборачивался, но главное, машина была на ходу. Кувалда, которую я купил прошлым вечером в магазине бытовой техники Санта-Моники, теперь гулко стучала в багажнике на поворотах.

Я ехал мимо домиков Беверли Хиллз, на улицах было тихо, а в Каньон Пивайн еще тише.

Абрикосовая Авеню была, как всегда, пустынной, ни людей, снующих по тротуару, ни машин на дороге. Я тихо скатился до конца улицы и припарковал машину. Огни в доме не

горели, но это не значило ровным счетом ничего. Окон в подвале не было, если кто-то приехал, то они наверняка там.

Я принялся за автоматическую дверь, я аккуратно, дюйм за дюймом, поднимал ее рукояткой кувалды, пока не образовался достаточный зазор. Машин внутри не оказалось. Может Белла там, проверяет инструменты или даже оперирует нового донора. Однако сейчас ее возможности в поиске жертв были серьезно ограничены, рядом нет ни меня, ни Пауэлла, а Лорн представить в такой роли я вообще не мог. «85 °C» отсутствовал, а значит, я мог делать здесь что захочу. Меня переполняло злорадство, я поднимал дверь пока защитный механизм не сломался. Дальше ворота тихо и ровно поднялись сами. Основную дверь со времени последней встречи заменили. Теперь там стоял стальной лист немалой толщины и пара замков. Но мы с кувалдочкой ждали чего-то подобного, мы были уверены, что придется пролить немного пота. И действительно пришлось, у меня даже немного закружилась голова.

Пауэлл сказал «морозильная камера», так что я знал, что искать — ну или примерно знал. Одна стояла в операционной, я ее видел раньше, хорошее место для начала поисков. Я собирался устроить быстрый, профессиональный обыск. Но как только я распахнул двери-близнецы предоперационной, мне пришлось немного уделить время самому себе. Все эти острые углы и блестящая сталь возбудили меня. Совсем не потому, что я помнил, чем занималась здесь Белла. Все дело было в холодной отчужденности этого места, простым людишкам здесь неуютно. Я включил пучок ламп, с наклоненным вниз рычагом он напоминал голову пытливого исследователя. От их света ничего не могло спрятаться. Под сияющими лампами стол цвета ртути казался почти серебряным.

Морозильная камера стояла у стены. Она напоминала небольшой шкафчик, какой можно найти на маленькой кухне. Его содержимое мне ни о чем не говорило — флаконы с лекарствами, уже готовые к тому, чтобы набрать их в шприцы, но я ничего о них не знал. Если Пауэлл говорил про эту камеру, его последние слова пропали даром. Однако старый наркоша всегда смотрел на меня столь снисходительно, будто в рейтинге наличия мозгов я находился в самом низу таблицы, поэтому я решил, что нужно искать что-то хотя бы наполовину понятное простым людям. Я продолжил поиски. Я проверил каждую комнату в подвале, даже те, в которых уж точно не могло быть морозильных камер. Спустя некоторое время я нашел кладовую: полки с одноразовыми перчатками, халатами, скальпелями, перевязочными материалами, и многообразием оборудованием из пластмассы кремового цвета и хромированной стали. И, в одном углу, урчал холодильник. Только он не был похож на обычный охлаждающий прибор. Холодильник имел круглую форму и оранжевый цвет, он напоминал уменьшенное оборудование для исследования океанского дна. По бокам у него тянулись трубки, и предупреждающие наклейки, а вместо двери какой-то цилиндр около фута шириной, что вставлялся в верхушку.

На стене возле него висела пара плотных, хорошо защищенных перчаток и щипцы. Очевидно, этим нужно было воспользоваться, что я и сделал.

Когда рассеялось облако пара, я разглядел внутри стек с замороженной кровью, кучка плоских полиэтиленовых пластин. Я вытащил их щипцами одну за другой. Они казались настолько твердыми, что могли разбиться. Даже если это была кровь Карен, это ничего не значило. Я не видел, чтобы ублюдки Пауэлл и Белла вытягивали из кого-то кровь. Скорее всего, эти пластины предназначались для переливания во время операций на почки. Но в холодильнике нашлась еще пара-тройка странных предметов. На самом дне, за последней

пластиной, я нашел небольшие пластиковые пакеты с замороженной белой жидкостью. И еще кое-что тонкое и плоское, покрытое липкой лентой. Я убрал пластины с кровью обратно и закрыл морозильную камеру. Остальное я забрал с собой в гостиную. Сев за стол, я стал ждать, когда оно растает.

Это не заняло много времени, в конце концов, я не курицу размораживал. Я немного встряхнул бледную жидкость. Она казалась маслянистой на ощупь под полиэтиленом. Догадаться было не трудно — сперма. И на установление того, чья она тоже много времени не понадобилось. Белла решила спрятать немного кончи после траханья с Пауэллом. Я весь дрожал от восторга. Эта находка полностью разрушала алиби Беллы — она не могла закончить в потроха Карен, но все, что ей было нужно, это вылить содержимое одного из пакетов в тело после убийства.

Конечно, можно найти и другое объяснение. Пауэлл сам хранил свою сперму в морозильной камере, или это семя одного из ее доноров. Но чутье подсказывало мне, что это не так. Пауэлл не был похож на того, кто хотел бы сохранить свои гены на благо человечества, да и какой резон Белле хранить семя одного из лузеров, что они подцепили на улице.

Я представил себе, как разозлится Белла, когда я расскажу ей о видео и о том, как сперма оказалась в теле Карен. И когда я развернул плоский предмет, покрытый пленкой, то уже убедился в этом окончательно — квадратный кусок кожи с черной татуировкой в виде египетского скарабея. Когда в парке нашли тело Карен, у нее отсутствовал кусок кожи. Это Пауэлл точно не захотел бы хранить, зачем ему часть тела ненавидимого человека. А вот Белла куском кожи Карен наверняка дорожила.

Я выложил мешки со спермой и кусок кожи на стол, и закурил. Я думал о Пауэлле. Это его последние слова помогли мне найти улики. Он знал, где они хранятся, знал об убийстве в деталях. И зная обо всем этом, он не мог не понимать, что Белла собирается его подставить. Но старый мудака и не скрывал, как сильно тащился от своей дочери, даже не попытался спасти себя, держался до конца, пока его кишки не вывалились ему между колен. И, оглядываясь назад, я вспоминал, каким голосом он сказал последние слова. Меня осенило, Пауэлл не пытался разоблачить свою дочь, но он хотел лишиться меня уверенности в собственной правоте, уверенности в том, что он виновен. Пауэлл знал, как я хотел, чтобы убийцей оказался он, знал, что я закрою глаза на все, способное уличить Беллу. И он не хотел позволить мне пребывать в блаженной иллюзии.

Если бы убийцами были и Белла, и Пауэлл, то все отлично. Старик заслужил смерть, а я могу шантажировать Беллу. С другой стороны, если Белла убила сама — а я, положив руку на сердце, уже в это поверил — то сперма по-прежнему хорошая улика, но Пауэлл погиб незаслуженно. Я помог убить невиновного, или, вернее, невиновного в убийстве Карен.

Я заставил себя вспомнить ту ночь, снова увидеть залитый кровью салон, взорвавшийся живот Пауэлла, почувствовать запах его внутренностей. Я постарался вызвать у себя чувство отвращения. Попытался разозлиться на себя за свой поступок, на Беллу, за то, что манипулировала мной. Но мои попытки взывать к эмоциям не увенчались успехом. Я был слишком занят сбором информации, что лежала передо мной на кофейном столике. Я думал лишь о том, как вернуть себе прежнюю жизнь.

Глава сорок восьмая

Я связался с Беллой через ее автоответчик. Она не отвечала на мои сообщения с тех пор, как меня уволили из «Двадцати восьми кадров», но я записал на него несколько дорожек, где сообщил, что хочу поговорить о том, что мне хотел сообщить Райан, когда я в последний раз видел его живым. Белла ответила еще до полудня.

Мы сидели в хорошо знакомом месте, комнате с видеооборудованием. Белла завязала волосы в хвост, на ней был только халат. Она сменила позу, шелк отошел в сторону, открыв ее пизду. Белла не считала нужным закрываться, я почувствовал в воздухе запах рыбы.

Я запустил видеокассету, и после просмотра объяснил, что у Карен должны были быть швы на животе. Белла больше смотрела на меня, чем на экран. От одного вида ее довольного лица мне стало не по себе, мне показалось, что с этого момента все пойдет совсем не так, как я рассчитывал. На мгновение в мою голову пришла абсурдная мысль, что я пришел на встречу не обвинить Беллу в убийстве, а признать собственную вину, что интриговал против нее. Я изо всех сил старался подавить это чувство, но при этом осознавал, как слабо звучал мой голос.

– Райан все понял той ночью, когда ты убила его, у меня на это ушло больше времени. Ты думала, мы это не заметим?

– О, в том, что заметите, я не сомневалась. Но куда больше я была уверена, что вы не захотите этого замечать.

– Из-за твоих денег?

– Вы с Райаном очень похожи. Для тебя деньги высшая ценность. Это делает тебя предсказуемым.

– Пауэлл не убивал Карен.

– Не убивал.

– Ты сама сделала эту запись. Ты знала, он снимет копию, и рано или поздно мы ее найдем. И ты знала, как мы это истолкуем.

– Я знала, как вы захотите это истолковать.

– И долго ты все это планировала?

– Убивать Карен? Я вообще этого не планировала.

– Но запись была сделана до того, как ты забрала ее почку.

– Запись была единственной, сначала она не была частью какого-то плана. Я сделала ее в квартире отца, посыпать ему соль на рану, так сказать. Вот и все. Потом я поняла, как ее можно использовать. Стереть свою копию, сочинить историю про браслет... Совсем не трудно.

– Зачем ты ее убила?

– А тебе какое дело?

Я не ответил. Белла пожала плечами, перемотала кассету и запустила снова в замедленном режиме. Теперь она говорила, не отрывая глаз от экрана.

– Карен вернулась раньше, чем я ожидала. После ее восстановления мы решили не встречаться пару недель, но у нее начались проблемы дома. Человек, с которым она жила, выгнал ее, а пойти ей было некуда. Конечно же, я разрешила ей остаться. Но я прекрасно знала, что Карен была женщиной без тормозов, готовая в любой момент продать свое тело, даже частями, меня все время терзало искушение. Дверь была открыта, и я не хотела отступить. Через неделю я предложила ей продать аппендикс, и Карен согласилась.

– Только ты не ограничилась аппендиксом.

– Нет. Это была совсем простая операция, я провела ее без Пауэлла. Я планировала сделать лишь то, за что заплатила. Но когда мы остались наедине, Карен лежала на столе такая...доступная. Я бесстрашно приступила к операции, не ограничивая себя ни в чем. Я забрала почти все, что у нее было.

– Но зачем?

– Я тебе уже говорила. Операции — это испытание, даже когда делаешь их аутсайдерам, это требует силы воли. Когда я забрала почку Карен, я перешла на новый уровень. Она не была мне чужой. Она была моей возлюбленной, я к ней привязалась. И ранить ее, даже хирургически, далось мне во много раз тяжелее. Следующее испытание было еще труднее.

– Но ты прошла его честью.

– Мы можем достичь самоконтроля только преодолевая себя, Джек. Это единственный способ стать чем-то большим, чем ты есть сейчас. Но я и не надеялась, что ты поймешь.

– А как насчет Пауэлла, он понимал?

Белла рассмеялась.

– Едва ли. Он вообще хотел уехать из страны. Он был так напуган, что замаскировал ее шрам на почке, боялся, что нас смогут выследить. Мне это казалось смешным, но, похоже, Райан доказал, что здесь я ошибалась. Я бы вообще не привлекала к этому Пауэлла, но мне нужна была его помощь, чтобы избавиться от трупа.

– И вот благодарность, ты его подставила. Убила.

– Я не могла позволить ему жить, обладая способной разоблачить меня информацией.

– Он бы никому не сказал.

– Может и нет. Но смерть Карен изменила наши отношения. Он почувствовал, что вправе чего-то требовать от меня. А я такого не допускаю. Кроме того, было бы глупо не предпринять все необходимое, чтобы избежать полицейского расследования.

– Но он был невиновен. Он ничего не делал.

– А ты хоть представляешь, каково это, вытирать отцовскую сперму у себя между ног?

Белла остановила запись и повернулась ко мне.

– Если Пауэлл так много для тебя значил, то подумай вот о чем — он погиб только потому, что в Малибу появился Райан. А Райан появился в Малибу только потому, что ты привел его сюда. Не будь тебя, Джек, Пауэлл был бы жив.

– Я на такое не куплюсь. Я хочу вернуть свою жизнь.

– Твоя жизнь по-прежнему с тобой.

– Дом, машина, шоу, все. Я хочу вернуть все.

– Но ведь ты сказал Лорн, что я опасна. Это было...неосмотрительно.

– Или все встанет на свои места, или эта запись идет в полицию.

– О, Джек, я искренне надеялась, что ты не станешь так поступать. Это было так мило, когда ты притворялся, что любишь меня.

– Я серьезно.

– И что эта кассета показывает? Девушка мастурбирует. Я полагаю, видеозапись может показать, что у меня была с ней связь. Но Карен была проституткой, никаких доказательств, что я вообще встречалась с ней позже. Для обвинения в убийстве этого явно недостаточно. Я могла найти эту кассету на улице.

– Другая запись, та, где ты с донорами. Она тоже там.

– Уже стерта. И ты забыл про сперму в ее теле. Очень трудно будет связать это со мной,

как думаешь?

Я достал из кармана куртки пакеты с семенем и кусок кожи с татуировкой, я бросил улики на пульт управления возле Беллы. Она даже не дернулась, даже не попыталась к ним прикоснуться.

– Последняя шутка Пауэлла, я так полагаю.

– В конце твоя красота перестала его очаровывать. Полагаю, только смерть смогла сломать его.

– В которой ты сыграл немалую роль.

– А зачем татуировка? Карен была настолько неважной, что боялась, что забудешь ее, если не сохранишь кусок ее плоти?

– Я не собираюсь забывать ее, Джек. Мы сделали их вместе, в одном и том же заведении, в один день. Это не обычный рисунок, это была тонкая связь между нами. Ее необходимо было удалить. Возможно, мне не стоило хранить ее, но у меня есть и сентиментальная сторона.

Я фыркнул и показал на пакет с семенем.

– Милая идея.

– Главное, эффективная.

– Ты, наверное, от радости прыгала, когда узнала, что Райан был способен не только на шантаж. Он хорошо подготовился. Ты избавилась от Пауэлла, и никакой суеты, никакого расследования.

– И я еще кое-что получила. То, что связывает тебя с убийством Пауэлла. Забавно, как одно тянет за собой другое.

– Это Райан втянул меня в это, не ты.

– А как ты думаешь, кто подсказал ему сделать именно так?

– Чушь.

– Я не собираюсь с тобой спорить. Факт есть факт, даже если ты сможешь объяснить, откуда сперма, ты не пойдешь в полицию. Ты сам замешан в этом. А поскольку Райана больше нет, то ты один за все в ответе.

– Нет никаких доказательств, что я замешан.

– Вообще-то есть.

Белла извлекла кассету с Карен, взяла из шкафа другую и запустила ее. На экране появилась пара резиновых перчаток, измазанных кровью, они лежали на газете.

– От Райана. Я уверена, в них есть твои отпечатки.

– Не могу поверить! Ты меня подставила!

Белла извлекла кассету и убрала ее.

– Нужно было подстраховаться. Я надеялась, что мне не придется воспользоваться этим.

Все менялось отнюдь не в лучшую сторону, теперь оставалось только включить заднюю, чтобы исправить ситуацию. Я предпринял отчаянную попытку.

– Слушай, я не собирался показывать запись полиции. Я просто пытался вернуть мою жизнь. Я хочу сказать, я не могу по-другому, Белла. Разве ты не понимаешь?

– Тебе не следовало говорить это Лорн.

– Знаю, господи, что я теперь могу сделать?

Я взял кассету с Карен, положил в магнитофон и стер.

– Вот, я просто нес ахинею. Я бы ни за что не пошел в полицию. Ты же знаешь, я бы никогда так не поступил. Неужели ты больше ничего не чувствуешь ко мне?

– Дело не в чувствах, а в безопасности.

– Но ты в безопасности. Спрячь татуировку и сперму. Без них я не смогу тебя разоблачить.

– Там был еще один мешок.

– Конечно, вот он.

Я достал еще один пакет со спермой и протянул его Белле.

– Теперь у тебя есть все. Пожалуйста, Белла, умоляю. Ты вернешь мне хотя бы работу на шоу?

Белла взвесила мешок в руке, затем выключила питание видеооборудования.

– Оставь мне свой номер. Я подумаю.

– Отлично!

Я дал ей одну из визиток «Палм Гроув», меня не покидала надежда, что Белла улыбнется, и скажет, что у нас снова все хорошо. Но она не улыбнулась. Белла холодно посмотрела на меня и одернула халат.

– Я не обещаю, что позвоню. Джек.

Обратная дорога в мотель была мерзкой. Океан под полукруглой луной казался холодным и враждебным, я не мог перестать думать о том, каким жалким дерьмом оказался. Мой план заставить Беллу дать мне то, что я хочу, не дал ничего, обратился в пыль под настиком ее воли. Я приехал к ней с доказательствами, которые могли ее уничтожить, а уехал ни с чем.

Глава сорок девятая

Телевизор, телевизор, телевизор. Я стал одержим, буквально обезумел. Я смотрел его не переставая. Прошло много дней, а Белла так и не позвонила, и убеждать себя в том, что рано или поздно она выйдет на связь, становилось все труднее. Казалось, я навсегда застрял в этом кошмарном мире дешевых мотелей, где все время чувствуешь себя ничтожеством.

Иногда я выходил на улицу, чаще всего, полюбоваться вечерним небом. Я бродил вверх и вниз по улице перед мотелем, пытался снова почувствовать связь с городом. Но теперь все казалось мне незнакомым, я словно потерялся в каком-то азиатском городе, где я не знаю даже языка и вообще не представляю, как правильно себя вести.

Я велел персоналу отеля подключить видеомэгнитофон. Теперь я мог смотреть, как грабители в ювелирном магазине до смерти затрахивают уборщицу. Стараясь побороть страх, я часами просматривал видеозапись Райана и непереставая дрочил. Я купил еще один телевизор, теперь я мог смотреть Мэлроуз, Бэйвоч, и 90210 одновременно. Но ничего не помогало, каждый раз, когда моя сперма капала на ковер, меня охватывала злоба, граничащая с яростью.

Брэд Питт и Гвинет Пэлтроу, Джонни Депп и Кейт Мосс, Мэттью Мак-Конахи, Крик О'Донелл, Леонардо ДиКаприо, Дрю Бэрримор, Линда Гамильтон, Вайнона, Сигурни, Вуди Памела...боже, они стали невыносимы. СМИ Америки бомбардировали меня своими кинозвездами. Я закрывал глаза, затыкал уши, но было уже слишком поздно. Они уже застряли у меня в голове, и не было никакой возможности выгнать их оттуда.

Я глотал таблетки — Рофинол, Валиум, Лоразепам, все, что могло защитить меня,

оградить от образов успешных людей, которые казались по сравнению со мной великанами. Но химии было недостаточно. Таблетки только продляли агонию, но не избавляли от паники, я словно прекратил свое существование. И, поскольку Белла и не думала звонить, я был вынужден выйти на улицу шлюх, поискать то, что могло бы помочь мне забыться.

Вечер выдался туманный, небо выглядело так, словно вот-вот пойдет дождь, грязные черные тучи с источающими влагу брюхами. Теплый ветер с гор принес запах жасмина и эвкалипта. Я открыл в машине все окна, в салоне бушевал ветер. Его рев на какое-то время заглушил крики в моей голове. На светофоре я включил кондиционер, его шум мог хотя бы ненадолго отключиться от мучительных мыслей.

Улица шлюх не изменилась за время моего отсутствия. Она по-прежнему пахла фаст-фудом и немойтой пиздой, неоновые огни волнами обрушивались на обнаженные бедра и плечи уставших шлюх, что расхаживали с важным видом. Я приехал задолго до начала «часа пик», но, тем не менее, люди ходили по улице очень быстро. Возможно, из-за напряжения в воздухе, они стремились быстрее закончить все свои дела до того, как начнется дождь. Я припарковал машину и отправился па поиски Розы, шлюхи, которой срал в рот Райан.

Ее не оказалось в дверях заброшенного магазина. Я проверил еще несколько прилегающих улиц, но безуспешно. Я сдался и пошел искать замену среди других шлюх. Как и всегда, на улице было много женщин, но я не мог просто взять кого попало. Пару раз я находил почти подходящую кандидатуру, но все время подмечал что-то отталкивающее. Может они выглядели слишком умными, а может слишком сильными.

Я уже сказал себе, что пора сесть в машину, поехать в мотель, принять таблеток и подрочить. Но мною овладел телесный голод, который нельзя было утолить так просто, эта страсть шла не из головы, она сформировалась на клеточном уровне, необъяснимая и непреодолимая.

Я ходил кругами по всему району. Уже стемнело, пошел дождь. Я бродил до тех пор, пока не заболели ноги, пока па меня не начали подозрительно смотреть крепкие мужчины, охранявшие заведения с секс-шоу. Страшные шлюхи, искавшие клиентов, звали меня всякий раз, стоило пройти мимо. Ночь медленно превращалась во вращающийся поток мутных красок из света и воды. Около двух ночи я прошел мимо двери Розы, на этот раз она была там.

Она надела обтягивающее розовое платье, которое не слишком хорошо смотрелось на ее рыхлом теле. Но ведь сиськи и пизда были на месте, к тому же я хорошо знал, эта отвязная сучка готова на все.

Пока мы ехали на такси в Лексингтон в одну загнивающую дыру с почасовой оплатой, Розы спросила меня про питание и объем стула. Она даже не запомнила меня с той встречи.

Мотель состоял из главного корпуса и нескольких бунгалов на заднем дворе. Парочку развалюх с наклейками на номерах, вещавших что-то про стволы, припарковали не на улице, а на площадке, заросшей сорняками и заваленной пустыми банками. Это место выглядело так, словно его построили специально для беглецов.

На ресепшене я представился другим именем, и оплатил номер наличными, избегая смотреть людям в глаза. Администратор смотрел на Розы и облизывал губы. От него пахло Бурбоном. Мы сняли бунгало. Не слишком уединенно, но хотя бы отдельное помещение.

Внутри Розы постелила полиэтилен, разделась, и легла на спину. Ее тело было бледным. Я видел изгиб половых губ, что проглядывались среди волос у нее между ног. Розы открывала рот так широко, насколько это было возможно, затем снова закрывала.

Я раздевался медленно, в последний раз тщательно обмозговывал задуманное этой ночью. Осознание того, что на следующий день раскаиваться будет бесполезно, пугало меня. Это будет не воспоминание о трупе, который тогда предоставил Райан, и совсем не то, что с Рексом, они были уже мертвы. А сейчас я собирался убить шлюху, как тогда Пауэлла.

Рози начала ворчать, торопить меня, поэтому я присел над ее лицом, и дал ей вылизать мне задницу, пока собирался с мыслями. Когда мой анус стал чистым, я сказал Рози, что меня заводит, когда женщина связана. Она не стала возражать. Я разорвал одеяло и связал им руки у нее за спиной. Я бы и ноги ей связал, но ничего подходящего поблизости не оказалось.

Я все делал словно на автомате. Мое сознание целиком было занято женщиной на полу — ее тело светилось флуоресцентным светом так ярко, что образ Рози даже отображался на сетчатке моего глаза. Она стала невероятно реальной. Я не мог больше ждать, мне хотелось сунуть в нее член и, наконец, почувствовать какого это, когда под тобой кто-то умирает.

Я залез на Рози и вошел в нее. Она начала жаловаться, ведь мы договаривались, что сначала она съест мое говно, и трахаться с завязанными руками ей неудобно. Я слушал каждое ее слово, смотрел на нее не отрываясь. Я пытался впитать в себя каждую деталь этого действия — выражение ее лица, каждое движение ее тела подо мной, ее тепло. Ее жизнь.

Я сказал ей, что сначала трахну, а потом дам отведать дерьма. Наконец, Рози заткнулась. Когда она притихла, я какое-то время вдыхал запах ее волос, кожи, пизды. Я обхватил ее шею руками.

Сначала Рози не поняла, что происходит, ведь я никогда такого раньше не делал, не знал, как сильно нужно давить. Самое абсурдное заключалось в том, что я не хотел мучить ее, хотел все сделать, максимально безболезненно. Но, конечно же, так не получилось, я изо всех сил сжал большими пальцами нижнюю часть ее глотки. Наверное, лучше было ухватиться посередине, но я нащупал в том месте хрящ, и не мог заставить себя отпустить его.

Вскоре Рози поняла, что к чему, она принялась кататься сбоку на бок, пытаясь сбросить меня. Закричать шлюха не могла, я сжимал ее горло слишком сильно, но она смогла издать несколько панических хрипов. Они звучали столь ужасно, что я едва не остановился. Но бедра Рози, бившиеся о мое тело, и теплая жидкость, что потекла из ее расслабившегося мочевого пузыря, так подняли мне настроение, что я продолжил.

Кто-то стал настойчиво стучать в дверь.

Я замер, но стук продолжался, стучавший начал кричать.

— Эй, дружище, открой! Я тебя спросить хочу кое-что!

Администратор. Я отпустил глотку Рози. Она потеряла сознание, но я, на всякий случай, затолкал ей в рот кусок простыни. Я встал с нее, и спросил администратора, чего ему надо.

— Впусти меня. Я не могу кричать через дверь, люди спят.

Я взглянул на лежавшую на полу Рози. Выглядела она не лучшим образом, но, по крайней мере, жива. Я видел, как с каждым вздохом поднимались и опускались ее сиськи. Но двигались только они, шлюха находилась в полной отключке. Администратор снова принялся стучать. Проваливать он не собирался. У него был пьяный голос.

Я открыл дверь на пару дюймов и осмотрелся. Под таким углом, он бы не смог увидеть Рози.

– Чего тебе?

У него была жирная кожа, администратор не брился уже дня три. Волосы тоже были засаленные, они слиплись в какое-то подобие площадки на его голове, напоминая устаревшую прическу. Он ухмылялся сквозь приоткрытую дверь.

– Ну же, дружище, ты знаешь, чего мне надо. Я видел, какой лакомый кусочек ты сюда привез, у меня глаза-то на месте. За это тебя можно выпшвырнуть. И еще задержать, использование помещения с аморальными целями.

– Отвали.

– Он же шлюха, я ведь прав?

Администратор хихикнул и на время вышел из моего поля зрения. Вскоре, пошатываясь он вернулся с пустой на четверть бутылкой «Джек Дэниэлс», он помахал ею у меня перед лицом.

– Я тут подумал, может ты, я, и она вместе выпьем.

– А я так не думаю.

– Эй, не будь ты таким. Ты знаешь, как сильно припекает, когда ночи напролет жопу просиживаешь? Пустим ее по кругу, тебе то что? Бабки у меня есть.

– Отвали.

Я попытался закрыть дверь, но администратор успел просунуть ногу.

– Не стоит упираться, когда тебе выпивку предлагают. Ты закроешь дверь, а я просто достану универсальный ключ и открою.

Я обернулся через плечо на Розу. Она по-прежнему находилась в отключке, и похоже будет еще некоторое время.

– Хорошо, можешь ей кинуть палку, но она сейчас не в том состоянии. Наглotalась дерьма и таблеток.

– Дружище, мне плевать, пусть хоть в коме лежит.

– Дай сначала трусы надену.

Администратор убрал ногу и закрыл дверь. Я подошел к Розе и встряхнул ее. Она не отозвалась, но ее дыхание было спокойным и ровным. Я вытащил кляп изо рта, развязал руки, спрятал разорванную простыню под кровать, и оделся. Я подумал, если позволю этому мудаку трахнуть ее, то смогу исчезнуть, прежде чем он что-то заподозрит. Я впустил настырного парня, его лицо сияло от радости.

– О что тут у нас. Откуда столько воды? Ты ее разбудить пытался?

– Это моча. Она всегда обоссывается, когда в отключке.

– Вау, мне стоило подойти пораньше. Хорошо, что ты полиэтилен постелил, а то ковер к ебням испортили бы. Кто первый?

– Я ее уже трахал.

– Тогда мне повезло.

Администратор раздвинул ноги Розы и воткнул два пальца ей в пизду.

– Эй, ну вообще здорово. Я тут весь мочой перемажусь.

– Тебе не обязательно ее трахать.

– Шутишь?

Администратор достал из штанов член и несколько раз вздрочнул. Я попятился к двери.

– Слушай, парень, я сгоняю пока за сигаретами. И вернусь. Если проснется, не слушай ничего насчет денег, я ей уже заплатил.

– Конечно, дружище!

Но он уже пытался закинуть ее ноги себе на плечи, и не обращал на меня никакого внимания.

Я быстро пошел вниз по улице, пока не поймал такси. Через пять минут я вышел на середине улицы шлюх и отправился туда, где оставил «Прелюд». Через некоторое время, я вернулся в «Палм Гроув», выпил таблетки, и проверил, заперта ли дверь.

Глава пятидесятая

В полдень меня разбудил телефон. Звонила Белла, она предложила мне вернуться.

– Ты можешь для меня кое-что сделать.

– Все, что угодно.

– Хочу, чтобы ты помог мне с Лорн.

– Что ты имеешь ввиду?

– У меня давно не было донора. Я хочу ее почку.

– И как она к этому относится?

– Я ее не спрашивала. Я знаю, что она ответит.

– Предложи ей больше эфирного времени, она сделает все, что захочешь.

– Я уже использовала это, чтобы затащить ее в постель. И деньги не сработают, она не настолько отчаявшаяся.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Напряги воображение.

– Хочешь заставить ее силой?

– «Силой» звучит слишком пафосно.

– Но мы ведь об этом говорим, так?

– Не будет никакого принуждения. Я использую наркотик. Мне нужно, чтобы ты помог мне ее отнести.

– И что она скажет, когда очнется?

– А что она сможет сказать? Будет уже поздно.

– Она ведь разозлится, ты об этом подумала?

– Я об этом позабочусь.

– Как ты собираешься об этом позаботиться? Сомневаюсь, что она не заметит шрам.

– Говорю же, я позабочусь об этом. Она не узнает о твоём участии, если все дело в этом.

Я сделаю так, что она вырубится прежде чем увидит тебя.

– Но Лорн же посторонний человек. Она не связана ни с Райаном, ни с Карен. Почему бы тебе не использовать кого-нибудь с улицы?

– Я хочу ее.

– Господи, почка есть почка. Какая разница у кого забирать?

– Лорн тебе никого не напоминает?

– А кого?

– Карен. Она похожа на Карен, Джек. Такое же тело, такие же волосы, только не такая отвязная. Не верю, что ты не заметил.

– Нет, не замечал. И мне не нравится, что ты вспомнила Карен, и то, что сделала с ней.

– Джек, я хочу только ее почку. Я не собираюсь убивать Лорн. За эту помощь я щедро вознагражу тебя.

– И как же?

– Дом, машина, и, я уверена, смогу уговорить Говарда найти тебе работенку на одном из шоу.

– А если этого недостаточно?

– Я даю тебе шанс вернуть все, что ты потерял. Это гораздо больше, чем ты заслуживаешь. Конечно, если ты вздумаешь заартачиться, я могу поработать с тобой по-другому, так как тебе совсем не понравится.

– Перчатки.

– Если вынудишь. Просто поработай на меня вечером. Это не такая уж большая жертва по сравнению с обвинением в убийстве.

Она на время замолчала. Я слушал тихое шипение помех на телефонной линии. Затем снова раздался голос Беллы, уверенный и томный: – Ты ведь не станешь артачиться, не так ли, Джек?

После того, как Белла повесила трубку, я сидел на краю кровати и думал о Лорн. Она не была любовью всей моей жизни, но свыкнуться с мыслью, что мне придется помочь изувечить ее, оказалось трудно. В какой-то момент я не сдержался и позвонил на студию, велел соединить меня с Лорн. Но когда она подошла к телефону, я ничего не сказал. Просто сидел и слушал, как она несколько раз сказала: «Слушаю» и спросила кто звонит. Я хотел предупредить ее, хотел рассказать, что задумала Белла, но не смог. Я не мог просто так выбросить свой обратный билет в красивую жизнь. К счастью, совесть не долго меня мучила.

Глава пятьдесят первая

Белла собиралась заманить незащищенную рыбку в свои сети уже завтра. Она хотела, чтобы я встретил ее на Абрикосовой Аллее ранним вечером. Скорее всего, она собиралась сама привезти Лорн.

Я принял душ, переделся, и сел, уставившись в окно на противоположную сторону бассейна, мое внимание сосредоточилось на квадратном куске стены и двери, точной копии той, что вела в мой номер. Я не собирался ничем заниматься прежде чем ехать к далеким холмам. За весь день я ничего не съел, кроме пары пончиков, поэтому чувствовал себя пустым и истощенным. Но я полагал, именно таким и нужно себя ощущать, учитывая то, в чем придется участвовать.

У меня осталось всего две сигареты в пачке, когда позвонил мой агент из Сенчери-Сити и велел мне немедленно явиться в его офис. Больше он ничего не сказал, поэтому всю дорогу я не знал, что и подумать.

Когда я вышел из лифта, весь персонал уже выстроился в ряд и поздравлял меня. Агент сам открыл шампанское перед моим лицом и обнял рукой за плечи. Все вокруг аплодировали. Я стал лицом рекламной кампании мужских гигиенических средств. Окончательно и бесповоротно. Я буду мелькать на экране телевизора, на рекламных счетах, на обложках журналов по всей стране. Много-много общественного внимания. Выставки по всей Америке, минимум три миллиона посетителей. Пока мое имя еще неизвестно, но скоро даже прогулка по улице станет для меня настоящим событием.

Рекламная компания смоеет всю грязь, оставленную прежней жизнью. Она затмит даже мою работу в «Двадцати восьми кадрах в секунду». Теперь у меня двухгодичный контракт, я лицо мужских гигиенических средств.

Я немного потусил в Сенчери-Сити, подписывал бумаги, прошел сквозь бесконечную серию фото и видеосъемок. Я буквально впитывал в себя взгляды этих людей, которые вдруг полюбили меня. Потом я сел в машину и поехал к холмам.

Мне больше была не нужна Белла, я сам стал богатым и знаменитым. Рекламная кампания мужских гигиенических средств поместит мое лицо в один ряд со многими телезвездами, а деньги, которые я за нее получу, помогут мне восстановить былую красивую жизнь. В один момент Белла стала отработанным материалом.

Но все это отнюдь не означало, что я мог избежать вечерних игр на Абрикосовой Аллее. Рано или поздно, Белла пронюхает о моем головокружительном успехе, и, если я расторгну нашу договоренность о почке, наверняка нанесет ответный удар.

Она может использовать деньги в качестве рычага, чтобы надавить на рекламную кампанию, а то и вовсе взять меня за горло и отправить перчатки с кровью Пауэлла в полицию. В любом случае, результат будет плачевным — я потеряю все.

Бульвар Санта-Моники, Шоссе Беверли, шоссе Сан-Исидро — наконец-то я стал частью города и легендарных улиц. Дома и машины, попадавшиеся мне по пути, уже давно доступны людям лучше меня, но и я, несомненно, буду обладать ими. Я приглядывался к ценам, планировал покупки. Впервые я подходил к делу реалистически: сравнивал местоположение, район, внешний облик, удобства между квартирой и своим уединенным жилищем, как у всех важных людей. Я размышлял, стоит ли снова купить «Мустанг», может лучше «Корветт» или тачку из Европы. Трудный выбор.

Когда я проехал открытые ворота гаража клиники, небо уже темнело по краям, «БМВ» Беллы уже стоял на месте. Она вылезла из машины с таким недовольным видом, словно я заставил ее долго ждать. Белла открыла пассажирскую дверь. Лорн лежала без сознания на кожаном сидении. Только ремень удерживал ее от падения на пол. Она выглядела такой бледной, такой незащитной, на секунду я даже задумался, неужели мое истинное «я» участвует в этом «висцеральном» изнасиловании, или мной овладела какая-то отчаянная, одержимая славой душа. Я взял Лорн подмышки и потащил ее вниз по лестнице. Это заняло больше времени, чем я ожидал, ее ноги волочились по земле.

Яркий свет, острые инструменты на подносе. Голая, ничем не прикрытая Лорн лежала на столе, в изгибе ее локтя игла капельницы с анестезией. Лицо Лорн было таким бледным, не сразу поймешь, откуда растут ее крашенные волосы.

У Беллы под халатом тоже ничего не было. Прорезь на спине лишь слегка, через нее я видел ягодицы Беллы, и изредка ее пизду, когда она склонялась над телом Лорн, делая последние приготовления. Еще она надела шапочку и резиновые перчатки, но никакой маски.

- Этой ночью многое изменится, Джек.
- Вряд ли она будет тебя любить после такого.
- Я и не рассчитывала на долгие отношения.
- То есть ты была с ней просто, чтобы наказать меня.
- Чтобы установить между нами границы дозволенного.

– И что теперь, когда я их вижу? Хочешь меня вернуть?

– А разве ты сам этого не хочешь?

Я ненадолго задумался, решил не отвечать.

– Хочешь, чтобы я перевернул ее набок?

– Нет, я все сделаю через брюшную полость.

– Зачем?

– Дай скальпель.

Белла полностью погрузилась в процесс. Она вообще на меня не смотрела. Все ее внимание было сосредоточено только на белом животике. Она провела пальцами по грудям Лорн, потом по внешней стороне ее бедер, словно прикосновение к телу пробуждало какие-то воспоминания. Я дал ей самый острый на вид инструмент с подноса, затем встал позади Беллы и немного сбоку.

В скальпеле отражался свет пучка ламп. Я чувствовал, как замедляется мое дыхание. Белла наклонилась к Лорн и подарила ей долгий поцелуй. Она гладила рукой ее щеку и, похоже, что-то нашептывала. Потом Белла выпрямилась и замерла, казалось, вместе с ней застыло все окружающее. Даже воздух словно остановился.

Но дальше все пошло совсем по-другому. Белла потянулась к Лорн со скальпелем в руке. Сначала она водила им по воздуху, но я сразу заметил неладное. Белла наметила разрез, начинающийся под грудиной Лорн, слишком высоко для почек. Я сделал шаг вперед и замер. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, это просто техника, которую применяют хорошие хирурги, я ведь не врач. Но потом Белла сделала надрез. Держа скальпель словно карандаш, она грубо провела прямую линию от грудины до волос на лобке — разрез очень похожий на тот, что был на теле Карен в парке.

Я резко оттащил ее и развернул лицом к себе.

– Какого хрена ты делаешь?

Белла резко вырвалась, скальпель рассек воздух прямо у меня перед лицом.

– Отойди. Ты с ней уже порезвился, теперь моя очередь.

– Ты сказала, что заберешь почку.

– Я передумала. Жди наверху, если не хочешь смотреть.

Белла с отвращением посмотрела на меня и повернулась к столу. Из пореза текла кровь, она струилась по обе стороны живота Лорн на ярко красные простыни. Волосы на лобке пропитались ею, тонкие ручейки уже текли по столу и падали на пол разбрызгиваясь в разные стороны. Порез был глубокий, но живот Лорн не раскрылся. Белла решила пойти до конца. Она собиралась углубить рану. Я схватил ее за руку, но Белла оказалась проворнее и успела полоснуть скальпелем по тыльной стороне моей ладони, прежде, чем я успел крепко ухватиться. Больно, что пиздец. Я отпрыгнул, ожидая, что Белла попытается еще раз меня порезать. Но она не бросилась на меня. Белла стояла напряженная, словно животное, защищающее тушу добычи, ее лицо перекосилось, стало мерзким.

– Не глупи, Джек. Ты можешь многое потерять.

Некоторое время Белла внимательно наблюдала за мной. Потом, наверное, решив, что пореза с меня хватит, и вмешиваться я не посмею, вернулась к работе. Но я все понял: она вскрыет живот Лорн и выпотрошит ее. Ничто не заставит Беллу отступить.

И что же мне, просто уйти и позволить ей убить девушку? Или сделать хоть что-то? Выбор был не из легких. Моя любовь к Белле сдохла в ту ночь, когда мы с Райаном убили Пауэлла. А теперь, когда у меня контракт с рекламной компанией, в этой женщине и вовсе

отпала необходимость. С другой стороны, Лорн мне все еще нравилась.

Также имелись еще две причины, по которым убрать Беллу было крайне желательно. Во-первых, я избавлюсь от угрозы в лице перчаток, единственной улики, связывающей меня с убийством Пауэлла. А во-вторых, я ведь могу и трахнуть ее в процессе.

Последняя мысль стала решающей. Прежде чем Белла успела сделать еще один порез, я подошел и со всей силы ударил ее в голову сбоку. Она потеряла сознание и, споткнувшись о ножку операционного стола, повалилась на пол. Я быстро собрал все необходимое и разделся. Я сорвал с Беллы халат и связал ей руки спереди перевязочным материалом. Потом перевернул ее на живот и немного подождал, пока она придет в себя. На это ушло не больше минуты. И хорошо. Я не хотел надолго оставлять Лорн, нужно было следить за ней.

Прежде чем открыть глаза, Белла заскулила, но потом ее скулеж перешел в рычание, и я решил, пора начинать. Она все еще находилась в состоянии грогги, поэтому мне не составило труда приподнять ее задницу, протолкнуть вперед колени, и засунуть член сзади. Пока Белла полностью не пришла в себя, я обмотал ее шею желто-коричневым резиновым шлангом, и оставил все в таком положении. Мой член стал твердым, как стальная труба. Шланг стягивал ее шею, но не слишком туго. Белла начала сопротивляться и попыталась заговорить. И тут я начал действовать.

Я натянул шланг словно поводья и перекрыл ей воздух. Я не ожидал, что резина сожмет ее шею столь сильно, прямо как в каком-то мультике. Белла попыталась ползти вперед, начала трясти головой. Все ее движения стали резкими. Я натянул жгут еще сильнее и принялся долбить ее членом. Сначала Белла замолкла, но затем послышались удушливые хрипы. Я решил это что-то вроде дыхательного рефлекса. Ее пизденка тоже слегка размякла, такого я не ожидал. Белла подняла руки вверх, отчаянно желая вцепиться в шею. Я ослабил хватку, и ее голова перевесила. Белла упала лицом прямо на пол. Я снова потянул шланг на себя, на плитке остались следы крови.

Я чувствовал, как напряглось все ее тело, мышцы сжались, кости проступали даже там, где раньше кожа была гладкой. Белла все время пыталась засунуть пальцы под шланг, хотела оторвать его от шеи, но ей мешал собственный вес. Она несколько раз повторяла этот нелепый цикл: тянулась руками вверх, затем резко опускала их, сила гравитации тянула ее вниз и била лицом об пол.

Мне стоило больших усилий держать глаза открытыми. Я хотел закрыть их, хотел вдыхать всю гамму чувств, что давала мне Белла — ее напряженная спина, вкус пота между ее лопаток, запах ее газов, Белла несколько раз пернула, пытаясь освободиться. Ее пизденка вибрировала, мой член свободно болтался в ней, словно нечто, державшее ее дырку в тонусе, куда-то исчезло, оставив болтающийся широкий проход до самого кишечника. Я чувствовал, как жизнь покидает Беллу, некий инстинкт выживания, казалось, пытался спастись, пытался спрятаться в центре ее тела, подальше от периферии.

Белла обоссалась. Горячая плотная струя, у меня аж голова закружилась, я осознал, что действительно это делаю — сую член в тело, которое вот-вот умрет.

Иногда Белла оборачивалась, и я видел ее лицо. У него был совсем нездоровый цвет. Язык так распух, что напоминал торчащий изо рта носок туфли.

Белла дергалась все отчаяннее, пыталась вытянуть ноги и встать. После одной особо сильной попытки, она опустилась вниз и обоссалась. Дерьмо хлынуло из ее задницы коричневым фонтаном, казалось, ему не будет конца. Мне пришлось вынуть член, теперь я просто наблюдал. Ее фекалии стекали с моего живота, вокруг наших с Беллой колен

образовалась лужа.

И, поскольку я уже не наваливался на нее всем весом, она рванулась вправо и попыталась встать на ноги. Я этого не ожидал и упустил шланг. На секунду я подумал, что у меня начались проблемы, но тут Белла поскользнулась в луже дерьма и упала прямо на свой локоть. Что-то хрустнуло, но она не закричала. Белла пыталась плотнеть хоть немного воздуха через распухший язык.

Я прыгнул на нее. Мы катались по полу до тех пор, пока я не обхватил ее руками, повалив на спину. Было очень неудобно пихать в нее член в таком положении, ведь теперь мне пришлось душить Беллу руками, так плотно прижавшись к ее телу, чтобы она не могла пустить в ход свои руки. Но, поскольку одна ее рука сломалась в локте, а состояние было и вовсе хуевым, она не могла толком сопротивляться.

В положении лицом к лицу все прошло гораздо быстрее. Я хотел, чтобы наши рты сомкнулись, хотел втянуть в себя последние вздохи Беллы, почувствовать вкус ее слюны, не упустить ни секунды ее предсмертной агонии. Но мне сильно помешал распухший язык, к тому же Белла все время мотала головой. Поэтому я прижался своим лбом к ее и попытался вдохнуть хоть немного ее запаха сквозь вонь дерьма.

Белла слабо дергала бедрами, пыталась меня сбросить, но силы уже покинули ее. Я трахал ее жестко, как только мог, тело женщины все больше размякало по мере того, как его подикадала жизнь. Однако сама смерть наступила быстро, словно кто-то опустил выключатель, ощущения были восхитительные. Я почувствовал это членом, животом, и руками, как резко воцарилась полная тишина, она обволакивала меня, обещая вечный покой.

Я отпустил шею Беллы и пристально посмотрел в ее выпученные глаза. Груды женщины дрожали с каждым моим толчком. И когда из ее легких со звуком сдувшейся резиновой игрушки вышел последний воздух, я начал кончать. Оргазм длился целую вечность, я излил в Беллу все, что мог. Никогда больше я не смогу кончить так. Я лег на нее. Я слушал, как стучит мое сердце и молчит ее.

Через некоторое время я проверил Лорн. Ее дыхание было слабым, судя по громадной луже вокруг стола, она потеряла много крови. Я подумал, может, стоит вытащить иглу с анестезией, но придти в себя с такой раной без обезболивающего, гораздо опаснее, нежели ее организм останется подключенным к системе подачи успокоительного. Так что я оставил все как было, здесь я не мог ничего поделать. И Беллу я тоже оставил как было.

По дороге в «Палм Гроув» я вызвал парамедиков с таксофона.

Эпилог

И кто сказал, что в жизни нельзя иметь все? Рекламная кампания прошла строго по плану. По всей Америке запустили крупный рекламный проект мужских гелей для бритья, шампуней, дезодорантов, мыла, и везде на первом плане мое лицо. Проект принес мне кучу денег. Я стал селебрити. Пока не кинозвездой, нет, но мне уже начали поступать предложения.

Я купил дом больше, чем в Уиллоу Глен, а вместо «Мустанга» более спортивную машину. По вечерам я ходил в кинотеатры, где в титрах между фильмами мелькали названия престижных заведений, а по выходным ходил в эти заведения обедать. Если я хотел куда-то

поехать, то вызывал лимузин, а если выезжал за пределы города, то останавливался в пятизвездочных отелях. Я мог поехать в любой штат, меня везде узнавали, интервьюировали и предоставляли жилье. Мой агент сказал, что через пару лет я стану новым Бредом Питом.

Парамедики, приехавшие к Лорн, действовали недостаточно оперативно. Она умерла до того, как они погрузили ее в машину скорой помощи — большая потеря крови и дыхательная недостаточность из-за неправильно подобранной анестезии. Если бы она выжила, я бы, наверное, попытался восстановить отношения. Сказать по правде, меня долго терзало чувство вины за случившееся.

Но, в конце концов, все получилось просто отлично. На вечеринке в Марина-дел-Рэй я познакомился с Гавайской Тропиканкой, сейчас мы живем вместе. Она идеальный партнер для меня — калифорнийская блондинка с красивыми сиськами, выступает на телевидении и фотографируется для журналов. У нас совпадают цели и интересы, и если это даже и не любовь, кому какое дело? Мы выше всего этого.

Полиция так и не смогла точно установить, что произошло с Беллой. Они не смогли разобраться, кто вспорол живот звезде «Двадцати восьми кадров»: тот, кто убил Беллу, или она сделала это сама, прежде чем Лорн умерла. Даже предназначение клиники на Абрикосовой Аллее и ее владельца не смогли точно идентифицировать, цепь документов оборвалась на сахарной компании из Маврикия, которая уже шесть лет как не работала.

Думаю, я, в некотором роде, отомстил за Карен. Но даже тогда, когда я только узнал о ее смерти, она уже не имела для меня большого значения. Сказать по правде, сейчас меня вообще мало беспокоит все, что происходило до того, как Белла ушла в мир иной. Еще был Рекс, чьей смерти я косвенно поспособствовал. И Пауэлл, практически ни в чем невиноватый старик, которого я помог убить. Но Рекс умер бы в любом случае, а Пауэлл не тот человек, по кому бы я стал горевать.

Единственный, по кому я все же немного скучаю, это Райан. Не то, чтобы я хотел его оживить, но он остался в моей памяти значимой фигурой. Он собирался обвинить меня в смерти Карен, избил меня, пытался встать между мной и Беллой, но он также силой пробудил во мне то, чего я сам о себе не знал. Многие наверняка бы сказали, что лучше такого и не пробуждать. Не знаю, может им не стоит. Но я считаю, если у тебя внутри дремлют такие склонности, ты все равно себя не изменишь, даже если станешь намеренно прятать эту сторону своей натуры. И, черт возьми, я вполне нормальный парень, почти не отличаюсь от остальных людей. Может всего несколько человек на земле трахали мертвое тело, но, готов поспорить, многие об этом задумывались.

А Белла? Я уже почти забываю ее. Полагаю, она многое для меня сделала, прежде чем стала представлять угрозу. Я считаю, что не стоит забывать хорошее. Но не могу. Я хорошо запомнил только как у нее из задницы лилось дерьмо, и как застыло ее тело с моим членом внутри.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

перевод: Виталий Кравцов

Заметки

[

←1

]

Оушн-авеню (англ. Ocean Avenue) — проспект в городе Санта-Моника, штат Калифорния, США. Оушн-авеню берет свое начало от улицы Аделейд-Драйв в северной части Санта-Моники, и идет вдоль побережья до Бульвара Пико.

[

←2

]

Линкольн — один из самых старых микрорайонов Лос-Анджелеса, расположенный неподалеку от деловой части города.

[

←3

]

Третья набережная — большой торгово-развлекательный комплекс в деловой части Санта-Моники со множеством ресторанов, закусочных и магазинов.

[

←4

]

Сенчери-сити — микрорайон на западе Лос-Анджелеса. Основан в 1963 году, вырос из площадки для съемок компании «Двадцатый век Фокс».

[

←5

]

Бербанк (англ. Burbank) — город в округе Лос-Анджелес, известен индустрией развлечений. Там находятся штаб-квартиры таких компаний как «Уолт Дисней компани», «Уорнер Брос», «Картун нетворк» и многих других.

[

←6

]

Амблин Энтертейнмент — американская компания, занимающаяся производством кино- и телепродукции; основана Стивеном Спилбергом совместно с продюсерами Кэтлин Кеннеди и Фрэнком Маршаллом в 1981 году. Компания занимается исключительно продюсированием, и никогда не выпускала собственных фильмов.

[

←7

]

Фэрфакс — микрорайон Лос-Анджелеса площадью 1,23 квадратных мили. Раньше был территорией еврейской общины, сейчас площадка для съемок студии Си-Би-Эс.

[

←8

]

Бульвар Закатов — улица в городе Лос-Анджелес, протяжённостью около 36 километров, является одной из главных улиц Лос-Анджелеса. Он начинается от Фигероу-стрит в центре Лос-Анджелеса, и идет через Голливуд, Западный Голливуд, Беверли-Хиллз, Холмби-Хиллз, Бел-Эир, Брентвуд до пересечения с Тихоокеанским шоссе.

[
←9

]

Вайпер Рум – ночной клуб в Сансет Стрип. Был открыт в 1993 году и до 2004 года частью заведения владел актер Джонни Депп. Клуб известен трагической смертью Ривера Феникса, актер умер возле входа клуба от передозировки наркотиков 31 октября 1993 года.

[
←10

]

Китайский театр TCL (англ. TCL Chinese Theatre; до 2013 — Китайский театр Граумана) — кинотеатр на 1162 места, расположенный на бульваре Голливуд в Лос-Анджелесе. Здание построено в 1927 году импресарио Сидом Грауманом, и до начала января 2013 года кинотеатр назывался «Китайский театр Граумана» (англ. Grauman's (Mann's) Chinese Theatre). В кинотеатре традиционно проходят премьеры многих голливудских фильмов.

[
←11

]

Венеция — жилой, коммерческий и развлекательный микрорайон Лос-Анджелеса, расположенный на побережье, он входит в район Вестсайд.

[
←12

]

Франклин авеню — улица в Лос-Анджелесе, самая северная в Голливуде.

[
←13

]

В Санта-Монике есть достопримечательность, расположенная у побережья — называется камера-обскура, там выставлены старые камеры-обскуры.

[
←14

]

Голди Джинн Хоун (англ. Goldie Jeanne Hawn; род. 21 ноября 1945) — американская актриса, продюсер, режиссёр. Лауреат премии «Оскар» за роль в фильме «Цветок кактуса» в 1969 году.

[
←15

]

«Клуб первых жён» (англ. The First Wives Club) — комедия Хью Уилсона по одноимённому роману Оливии Голдсмит о трёх женщинах, задумавших отомстить бросившим их представителям сильного пола, о испытанной мести и о новой любви. Остроумная, но поднимающая вполне серьёзные темы...

[
←16

]

Анна Николь Смит (англ. Anna Nicole Smith), настоящее имя Вики Линн Хоган (англ. Vickie Lynn Hogan; 28 ноября 1967 года, Хьюстон, Техас, США — 8 февраля 2007 года, Холливуд, Флорида, США) — американская супермодель, актриса, телеведущая, продюсер, режиссёр и сценарист. Девушка журнала «Playboy» 1993 года и секс-символ 1990-х годов.

[

←17

]

В Америке есть традиция — врачи высылают поздравительные открытки больным, в которой выражается пожелание скорейшего выздоровления.

[

←18

]

Товарный знак мужского одеколona и другой парфюмерии фирмы "Кэлвин Клайн", которая контролируется компанией "Юнилевер" г. Нью-Йорк.

[

←19

]

Дэрил Кристин Ханна — американская актриса.

[

←20

]

Жаргонное название кокаина.

[

←21

]

Отраженное освещение — освещение при котором поток света направляется на поверхности стен и потолка, от которых он отражается. В результате создается равномерное освещение во всем помещении. Подобный сценарий позволяют организовать небольшие поточные светильники, расположенные по всему периметру помещения.

[

←22

]

Джон Джозеф Патрик Райан — американский актёр, более известный под сценическим псевдонимом Джек Лорд.

[

←23

]

"Клинекс", бумажный носовой платок (по названию фирмы-производителя)

[

←24

]

Джо — обобщенный образ, олицетворяющий среднестатистического американского гражданина.

[

←25

]

Дигидрокодеин — полусинтетический опиоидный анальгетик, изобретённый в Германии в 1908 году и выпущенный на рынок в 1911 году. Прописывался при послеоперационных болях, сильной одышке и в качестве противокашлевого средства. Тартрат дигидрокодеина входил в состав некоторых комбинированных препаратов. В некоторых странах используется, как альтернативный метадону препарат для лечения опиоидной зависимости.

[

←26

]

тетрагидроканнабиол (психоактивное вещество, содержащееся в марихуане)

[

←27

]

Каньон Лорел — название района и непосредственно каньон, расположенный в Голливудских Холмах.

[

←28

]

Голливуд-боул (англ. Hollywood Bowl) — концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в районе Голливуд в Лос-Анджелесе в штате Калифорния в США. Используется в основном для музыкальных выступлений.

[

←29

]

Секонал — один из самых популярных барбитуратов на черном рынке. Он известен под названиями "Красный дьявол", "Красные птички", "Румяна" из-за цвета капсул. Он продается в красных капсулах по 32 мг, смертельная доза около 150 мг. Классификация: Успокоительное средство.

[

←30

]

Southern Comfort (в переводе с англ. — «Южный комфорт») — ликёр, созданный в Новом Орлеане Мартином Вилкисом Хероном (Martin Wilkes Heron) в 1874-м году и запатентованный в 1898-м.

[

←31

]

Центральная Америка (исп. América Central, англ. Central America) — регион, расположенный между Северной и Южной Америками, относящийся геологически и географически к североамериканскому континенту. Господствующий язык в Центральной Америке — испанский, единственным исключением является англоязычный Белиз. Население Центральной Америки происходит от коренных жителей — индейцев, а также от европейцев и привезённых ими африканских рабов.

[

←32

]

Внутренняя налоговая служба (в США)

[

←33

]

Стиль архитектуры и прикладного искусства 1920-30-х годов.

[

←34

]

Протиаден и Золофт — антидепрессанты.

[

←35

]

Декстроамфетамин — рекреационный наркотик, при продолжительном употреблении может вызвать психическую зависимость.

[

←36

]

Чейвез Рейвин — район в Лос-Анджелесе, где располагается Доджер-стэдиум бейсбольный стадион в Лос-Анджелесе.

[

←37

]

Силверлейк — микрорайон в северо-восточной части Лос-Анджелеса, построенный рядом с водохранилищем.

[

←38

]

Ответвление кул-джаза времен 50-ых годов, много работали в студиях звукозаписи Лос-Анджелеса

[

←39

]

«Грязная дюжина» — американский художественный фильм режиссёра Роберта Олдрича о Второй Мировой войне, вышедший на экраны в 1967 году. Экранизация романа Е. М. Натансона.

[

←40

]

Разновидность дешевого вина

[

←41

]

Чикано — американец мексиканского происхождения.

[
←42

] Возлюбленный — песня Джимми Дэвиса и Роджера Рамиреза, популярная в 40-ых годах.

[
←43

] Темный парфюм — парфюм с характерным маскулинным запахом, ароматы земли, леса, глубоких вод.

[
←44

] Отдел в администрации штата, занимается регистрацией транспортных средств, выдачей водительских удостоверений и номерных знаков и т. п.

[
←45

] АБС — антиблокировочная тормозная система

[
←46

] Центр Пожилых Граждан — благотворительная организация, предоставляющая различные услуги пожилым гражданам США: медицинское облуживание, образование для иммигрантов и т. д.

[
←47

] Битник — представитель так называемого "разбитого поколения" 1950-х — начала 1960-х гг.; слово придумано писателем Джеком Керуаком.

[
←48

] Сони Вочман модель портативного японского телевизора.